ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Р. ГАМЗАТОВА»

На правах рукописи

ОМАРОВА Зайнаб Салмановна

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ РАСУЛА ГАМЗАТОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант -
доктор филологических наук,
профессор **Дибиров И.А.**

Махачкала – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..……...…5

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ…….……17

1.1. Лингвоперсонология в системе антропоцентрической лингвистики……17

1.2. Языковая личность как многоуровневая система: структура и особенности реконструкции в художественном тексте ……...…..…27

1.3. Научные подходы к исследованию языка писателя в дагестановедении и кавказоведении……..37

1.4. Языковая личность Р. Гамзатова в аварской лингвокультуре: ключевые подходы к исследованию……...…55

ВЫВОДЫ……..……..……..61

ГЛАВА 2. СИСТЕМА ОБРАЗНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РАСУЛА ГАМЗАТОВА……..……...…65

2.1. Эпитеты-прилагательные как базовый элемент образной системы поэтического дискурса Р. Гамзатова ……...…...65

2.2. Гипербола в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова: семантика, функции и лингвокультурная специфика……...78

2.3. Субстантивная метафора в текстах сонетов и элегий Р. Гамзатова: структурные модели, эмотивно-оценочные функции и символический потенциал……...……86

2.4. Особенности персонификации объектов неживого мира и отвлеченных понятий как отражение авторских образных ассоциаций…….....94

2.5. Специфика изобразительно-выразительных средств в текстах эпиграмм Р. Гамзатова……..104

2.6. Система компаративных конструкций в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова……..113

2.6.1. Структурно-семантические особенности приглагольных сравнений…….....113

2.6.2. Структурно-семантические особенности присубстантивных сравнений…….122

2.6.3. Бессоюзные сравнения ……..…….129

2.6.4. Сравнительные конструкции с уподобительным аффиксом -*лъун*……....142

2.6.5. Устойчивые компаративные структуры как элементы идиостиля……..…...146

2.7. Структура, экспрессивно-оценочный потенциал и дискурсивные функции надписей в дискурсе Р. Гамзатова……..……...…….…...152

2.8. Повторы как образно-усилительные средства в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова……..161

2.8.1. Субстантивные повторы……..…...161

2.8.2. Глагольные повторы……..……..…169

2.9. Языковая личность Р. Гамзатова в символической проекции…….....185

ВЫВОДЫ ……...202

ГЛАВА 3. МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕКОНСТРУКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ …….205

3.1. Функциональные особенности утверждения и отрицания в текстах эпиграмм Р. Гамзатова…….……...……205

3.2. Индикативные формы глаголов в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова…….....219

3.3. Императивные формы глаголов в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова……..229

3.4. Синтаксические особенности в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова…….236

3.5. Синтаксические средства выражения иронии и юмора в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова ……....…...260

ВЫВОДЫ ……...…….273

ГЛАВА 4. КОНЦЕПТОСФЕРА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ……..…….....…. 276

4.1. Концепт «Ват1ан» (Родина)……....276

4.2. Концепт «Гъансито» (родной очаг)……...…….290

4.3. Концепты «Г1умру», «Хвел» (жизнь, смерть)…….…..295

4.4. Концепт «Бихьинчи» (мужчина)…….311

4.5. Концепт «Рокьи» (любовь)……..……....328

4.6. Концепт «Ч1ужуг1адан» (женщина) 347

4.7. Концепт «Гьари» (просьба-мольба)……...…….357

4.8. Концепт «Рагъ» (война)……...…...364

ВЫВОДЫ …….……..376

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….381

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ…….389

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ……..…….441

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено комплексному исследованию языковой личности аварского поэта Р. Гамзатова как многоуровневой системы, эксплицируемой в его поэтическом дискурсе в рамках лингвокогнитивного, лингвокультурного и лингвопрагматического подходов.

Антропоцентрическая направленность современных исследований по лингвистике позволила сконцентрировать внимание на языковой личности, репрезентирующей весь потенциал единиц национального языка. Данный подход анализа особенно важен при изучении элитарных языковых личностей писателей, поэтов, которые служат образцом, эталоном трансляции языка, которые способны многопланово реализовывать его потенциал и служить стилеобразующим автором не только своей эпохи, но и задавать определенные тенденции в развитии языкового вкуса последующих поколений. Именно таким автором является известный поэт Р. Гамзатов, который писал на аварском языке.

Степень научной разработанности проблемы. Феномен языковой личности исследуется в рамках активно разрабатываемого направления лингвистической науки – лингвоперсонологии. Языковая личность, центральная категория антропоориентированной лингвистики, исследуется в рамках различных подходов – лингвокультурологии, когнитивной лингвистки, психолингвистики, дискурсологии (см. работы: Баишева, 2007; Богин, 1984; Карасик, 2004, 2014; Кочеткова, 1999, 1999; Нерознак, 1996; Ружицкий, 2015; Седых, 2005; Сиротинина, 1997; Тхорик, 2000; Шестак, 2003 и др.). Такой интерес обусловлен известным постулатом Ю.Н. Караулова, что за «каждым текстом стоит языковая личность» [Караулов, 2010: 19].

Как показывает анализ научных исследований последних десятилетий, внимание лингвистов привлекает изучение языковой личности писателя как творца литературно-художественного текста. Например, А.П. Седых в аспекте изучения этнокультурных особенностей языковой личности в

когнитивно-коммуникативном аспекте проанализировал лексико-семантические и логико-синтаксические особенности французского узуса в контексте выявления когнитивно-коммуникативных признаков национальной языковой личности; установил, что языковая личность представляет собой точку пересечения этнокультурных кодов; определил методологический статус языковой личности писателя и роль художественного дискурса в формировании филологической культуры этноса [Седых, 2005]. В рамках исследования языковой личности Ф.М. Достоевского как символа русской национальной культуры И.В. Ружицкий предложил научную концепцию многопараметрового лексикографического представления языка писателя, реконструкции языковой личности Ф.М. Достоевского, отражающейся в авторском идиоглоссарии, тезаурусе и эйдосе [Ружицкий, 2015]. В диссертационном исследовании О.А. Головачевой представлены результаты исследования языковой личности Н.С. Лескова в публицистическом дискурсе в рамках анализа прагматико-стилистического потенциала слова в разных жанрах [Головачева, 2016]. Таким образом, современные исследования в области лингвоперсонологии имеют многовекторную направленность, нацелены на расширение персоналий, которые являются объектом научных работ, в том числе и в области художественного дискурса.

В дагестановедении, как и в кавказоведении в целом, проблематика языковой личности писателя/поэта в литературно-художественном дискурсе до настоящего времени не получила должного освещения. Имеется ряд диссертационных исследований, в которых на материале поэтических текстов Р. Гамзатова проанализированы лексико-семантические и лингвокультурологические особенности сравнений как средств создания женского образа [Магомедова, 2016]; изучены жанровые особенности прозы Р. Гамзатова [Магомедова, 2010]. В статьях Ч.С. Юсуповой поднимаются проблемы, связанные с местом поэм в творчестве Р. Гамзатова 60-70 годов [Юсупова, 1986] и с парадигмой комического в поэзии Р. Гамзатова конца XX века [Юсупова, 2008].

Необходимо отметить, что литературные тексты Р. Гамзатова при всей их филологической и философской значимости и масштабности в лингвистическом аспекте изучены недостаточно, а языковая личность Р. Гамзатова еще не была объектом специального лингвистического изучения.

В настоящее время назрела острая необходимость исследования языковой личности Р. Гамзатова в плане изучения особенностей формирования как идивидуально-авторской, так и национальной (аварской) языковой картин мира, анализа языковых средств актуализации этноментального и индивидуально-авторского пространства его поэтического дискурса, а также определение специфики национально-культурной и авторской языковой образности.

Актуальность исследования языковой личности Р. Гамзатова в его поэтическом дискурсе определяется, во-первых, значимостью личности поэта Р. Гамзатова как для аварской и дагестанской национальной лингвокультуры, так и для общероссийской; во-вторых, важностью изучения языка поэта с позиций осмысления механизмов его взаимодействия с системой общенационального языка, позволяющим раскрыть соотношение индивидуально-авторской и коллективно-национальной языковой картин мира, т.к. «языковая личность писателя-творца существует не в вакууме, а в рамках национальной картины мира и может реализовать индивидуальные черты только на общем концептуальном фоне» [Катермина, 2016: 209]. Актуальным представляется анализ концептуальных доминант языковой картины мира поэтического дискурса Р. Гамзатова, которые являются ключевыми для формирования его индивидуально-авторской картины мира и проецируются через этнонациональное мировидение и индивидуально-образное мышление поэта.

В данный момент также есть потребность в создании словаря языка Р. Гамзатова. В связи с этим результаты нашего исследования представляют интерес и в этом плане, так как при решении ряда поставленных нами задач в

научный оборот вводится значительный по объему лексический материал, который может служить базой для создания «Словаря языка Р. Гамзатова».

Исследуемый в диссертации материал имеет значение для углубления теоретического осмысления взаимосвязи языка, культуры, познания и творческой индивидуальности, для интерпретации многокомпонентной проблемы «язык – культура – этнос – языковая символика – менталитет народа – ментальность автора». Все это свидетельствует об актуальности поднимаемых в диссертации проблем реконструкции языковой личности Р. Гамзатова в его поэтическом дискурсе и лингвистическом осмыслении фактического материала.

Объектом исследования диссертации является языковая личность Расула Гамзатова, реконструированная в его поэтическом дискурсе на аварском языке.

Предметом исследования являются лингвокогнитивные, лингвокультурные и лингвопрагматические параметры реализации языковой личности Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе.

Материал для исследования был извлечен из сборников поэтических произведений Р. Гамзатова «Последняя цена. Поэмы и стихи» (1975), «Избранное: в 2 томах» (1983), «Четки лет. Лирика» (1986), «О бурных днях Кавказа» (1989); из собраний сочинений Р. Гамзатова Т. 1-8 (1987), Т. 1-10 (1991-2005), а также из «Словаря устойчивых словосочетаний языка поэзии Расула Гамзатова» [Магомедханов, 2013] и книги «Неизвестный Р. Гамзатов» [сост. Дибиров, 2009].

Гипотеза исследования. Языковая личность Р. Гамзатова актуализируется в поэтическом дискурсе как многоуровневая система на лингвокогнитивном, лингвокультурном и линговпрагматическом уровнях, взаимовлияние которых детерминирует уникальность его поэтического идиостиля. Реконструкция языковой личности Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе выявляет лингвистические механизмы аккумуляции и трансляции общенациональной аварской и индивидуально-авторской картин мира.

Цель диссертации заключается в комплексном исследовании и реконструкции языковой личности Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе.

Задачи диссертации определяются поставленной целью и сводятся к следующим действиям:

1) разработать теоретико-методологическую базу исследования на основе теории языковой личности, лингвокультурологии, теории концептов, лингвопоэтики и стилистики;

2) построить целостную модель языковой личности Р. Гамзатова, отражающую системную взаимосвязь языковых средств, когнитивных структур, прагматических установок, культурных символов в его поэтическом дискурсе;

3) систематизировать лексико-грамматические, фразеологические и образно-выразительные средства в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова, формирующие идиостиль поэта;

4) выявить характерные для языковой личности Р. Гамзатова образно-выразительные средства, определить их функции в проекции авторского мировосприятия и мировидения в его поэтическом дискурсе;

5) проанализировать морфолого-синтаксические особенности поэтического дискурса Р. Гамзатова и определить их роль в формировании индивидуально-авторского стиля поэта;

6) охарактеризовать средства актуализации денотативного значения единиц языка и механизмы расширения их коннотативного содержания в поэтических текстах как лингвопрагматический аспект реализации языковой личности Р. Гамзатова;

7) установить возможные интерференции фольклорного и художественного текста, влияние устного народного творчества, его лексико-грамматических ресурсов на идиостиль Р. Гамзатова;

8) выделить концептуальные доминанты языковой картины мира поэтического дискурса Р. Гамзатова, определить их структуру, ценностные составляющие и лингвокультурную специфику языковой репрезентации;

9) определить семантические поля ключевых концептов в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова таких, как «Ват1ан» (Родина), «Гъансито» (родной очаг), «Г1умру» (жизнь), «Хвел» (смерть), «Бихьинчи» (мужчина), «Рокьи» (любовь), «Ч1ужуг1адан» (женщина), «Гъари» (просьба-мольба), «Рагъ» (война) как маркеров авторского мировидения;

10) выявить системообразующие закономерности взаимодействием лингвокогнитивного, лингвокультурного и прагматического аспектов формирования поэтического дискурса Р. Гамзатова;

11) описать индивидуально-авторскую картину мира Р. Гамзатова, соотнести ее с языковой и концептуальной картинами мира аварцев, выявляя универсальные и индивидуальные особенности вербализации.

Методы исследования определяются разноаспектным анализом поэтических текстов. При реализации поставленных задач использованы следующие методы: а) **описательный** для описания различных лексических, морфологических, синтаксических средств, используемых в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова; б) **сопоставительный** для соотносительной характеристики языковых средств, используемых в разных жанрах поэтических текстов; в) **метод компонентного и контекстуального анализа** единиц языка при определении значения ключевых для авторского стиля слов и сочетаний, а также дескрипции ценностных доминант языковой личности Р. Гамзатова; г) **методы и приемы лингвокультурологии** для анализа поэтических текстов, выявления и описания концептуально значимой языковой символики и национально-культурных компонентов языковых поэтических средств, обоснования внутренних образов разноуровневых средств, соотносительных с различными кодами культуры; д) **методы концептуального анализа** для описания смысловых миров ядерных концептов.

Теоретико-методологической основой исследования послужили концепции и научные положения, изложенные в трудах *по теории языковой личности* (Г.И. Богин, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Н.Д. Голев, В.Е.

Гольдин, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Т.В. Кочеткова, В. П. Нерознак, С.В. Оленев, И.В. Ружицкий, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина, Т.А. Трипольская и др.*); по исследованию языковой картины мира, лингвокультурологии* (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, З.Х. Бижева, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, В.В. Виноградов, С.Г. Воркачев, В.Г. Гак, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, Е.В. Падучева, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Л.О. Чернейко и др.); *по исследованию художественного и поэтического текста* (Н.Д. Арутюнова, С.Х. Анчек М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Т.А. Дьякова, Л.В. Карасёв, В.В. Катермина, А.Ф. Лосев, Л.О. Чернейко, Л.Н. Чурилина и др.); *по исследованию языка северокавказских писателей* (Х.М. Алиевой, Б.Ч. Бижоева, И.А. Дибиров, А.З. Кадымова, З.С. Карамурзовой, М.М. Картоевой, С.М. Магомедовой, Х.И. Магомедовой, Ф.И. Отаровой, Дж.Х. Шугушевой, Ч.С. Юсуповой и др.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Реконструкция языковой личности Р. Гамзатова, осуществляемая через анализ лингвокогнитивных, лингвокультурных и лингвопрагматических проявлений в его поэтическом дискурсе, позволяет построить целостную модель языковой личности автора. Данная модель репрезентирует динамическую систему взаимодействия индивидуально-авторской и этнонациональной (аварской) языковых картин мира.

2. Ментальная индивидуальность языковой личности Р. Гамзатова проявляется в системном отборе и креативном использовании языковых ресурсов аварского языка всех уровней, отражающих индивидуально-авторскую языковую картину мира в поэтическом дискурсе.

3. Для языковой личности Р. Гамзатова характерно когнитивное осваивание и расширение аварской национально-культурной языковой картины мира, что реализуется системой авторской языковой образности в поэтическом дискурсе.

4. Авторская система образно-выразительных средств Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе формирует его идиостиль, детерминируя

уникальность языковой личности, которая характеризуется взаимовлиянием аварского национального культурного кода и языкового сознания автора.

5. Морфолого-синтаксические особенности поэтического дискурса Р. Гамзатова, представленные специфическими глагольными формами, синтаксическими повторами, инверсиями, сравнительными конструкциями, являются конститутивными элементами процессов реализации авторской интенции и формирования дискурсивных особенностей поэтического текста.

6. Поэтический дискурс Р. Гамзатова характеризуется использованием особых эксплицитных и имплицитных синтаксических приемов создания юмора и иронии. Авторские ресурсы отличаются как набором лексических единиц, так и их валентностью, комбинаторность которых на основе языковой игры контекстно моделируется в сарказм.

7. Лингвопрагматический аспект реализации языковой личности Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе проявляется в системном использовании механизмов актуализации денотативного значения языковых единиц и расширении их коннотативного содержания, направленных на выражение авторских оценок, эмоций, ценностных установок и достижение коммуникативного воздействия.

8. Языковая личность Р. Гамзатова характеризуется продуктивной интерференцией фольклорного и художественного дискурсов, проявляющейся в активной ассимиляции и трансформации лексико-грамматических ресурсов аварского устного народного творчества, их адаптации к задачам индивидуально-авторского выражения и обогащении литературного аварского языка.

9. Концептуальными доминантами языковой картины мира поэтического дискурса Р. Гамзатова выступают универсальные экзистенциальные, социокультурные и духовно-нравственные категории, ценностные составляющие которых обладают выраженной лингвокультурной спецификой и репрезентируются через уникальные средства аварского языка.

10. Семантические поля ключевых концептов «Ват1ан» (Родина), «Гъансито» (родной очаг), «Г1умру» (жизнь), «Хвел» (смерть), «Бихьинчи» (мужчина), «Рокьи» (любовь), «Ч1ужуг1адан» (женщина), «Гъари» (просьба-мольба), «Рагъ» (война) структурированы вокруг ядерных значений, отражающих этнокультурные архетипы аварской лингвокультуры и специфику этнического самосознания аварского этноса, а периферийные ассоциативно-образные слои данных концептов отражают языковые особенности образно-поэтического мышления Р. Гамзатова и его уникальный идиостиль.

11. Языковая личность Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе представляет собой сложную, многоуровневую структуру, образованную индивидуальной языковой компетенцией, мастерским владением литературным аварским языком, влиянием фольклорного дискурса, уникальным опытом трансформации и интерференции устойчивых сочетаний, которыми богата устная речь, а также языковой креативностью автора.

Новизна диссертационного исследования заключается в следующем: 1) впервые представлено комплексное исследование языковой личности Р. Гамзатова через системный анализ лингвокогнитивных, лингвокультурных и лингвопрагматических параметров реализации в его поэтическом дискурсе; 2) построена целостная модель языковой личности Р. Гамзатова, отражающая динамическую систему взаимодействия индивидуально-авторской и этнонациональной (аварской) языковых картин мира в его поэтическом дискурсе; 3) впервые систематизирован корпус лексико-грамматических, фразеологических и образно-выразительных средств, репрезентирующих вербально-семантический уровень языковой личности Р. Гамзатова и установлена их роль в формировании уникального идиостиля автора; 4) дано системное описание лексических единиц аварского языка с точки зрения проекции денотативного, сигнификативного значения, определены элементы лексикона автора, которые имеют тенденцию к приобретению

коннотативного смысла. Данный материал может быть использован для составления Словаря языка Р. Гамзатова; 5) установлен характер и глубина фольклорной интерференции на лексико-грамматическом и концептуально-образном уровнях в авторском поэтическом дискурсе; 6) выявлены и описаны концептуальные доминанты языковой картины мира поэтического дискурса Р. Гамзатова, определены ценностные составляющие и специфика языковой репрезентации ключевых концептов; 7) доказана системность взаимодействия всех уровней реализации языковой личности Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе, которая проявляется во взаимосвязи языковых средств, когнитивных структур, прагматических установок и культурных символов.

Теоретическая значимость. Разработана комплексная теоретико-методологическая модель исследования поэтической языковой личности, синтезирующая базовые принципы лингвоперсонологии, когнитивной лингвистики, лингвопоэтики, стилистики художественной речи, что обеспечило системность и многоаспектность анализа языковой личности Р. Гамзатова. Разработан интегративный подход к описанию модели языковой личности Р. Гамзатова на основе анализа системообразующих закономерностей взаимодействия лексико-грамматических, образно-выразительных средств, этнокультурных кодов и когнитивных доминант в его поэтическом дискурсе.

Положения диссертационной работы имеют теоретическое значение для дальнейшего развития аварского языкознания, а именно при изучении особенностей формирования национальной аварской и индивидуально-авторской языковых картин мира, проблем взаимосвязи и взаимодействия художественного, в частности поэтического, дискурса и фольклора.

Практическая ценность работы заключается в возможности применения результатов исследования в разработке вузовских спецкурсов по теории языковой личности, лингвопоэтике, в преподавании теории и практики аварского языка, стилистики аварского языка, лексикологии

аварского языка, спецсеминаров по лингвистическому анализу художественных или поэтических текстов как на аварском, так и на других национальных языках. Результаты исследования и интерпретация переводов поэтических текстов Р. Гамзатова на русский язык могут быть использованы в практике перевода поэтических произведений Р. Гамзатова не только на русский язык, но и на другие языки с учетом языковой символики и авторских художественных приемов. Кроме того, результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, найдут применение при составлении учебников и учебных пособий по аварскому языку для вузов и общеобразовательных школ.

Апробация работы. Результаты проведенного исследования докладывались на следующих международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях: Всероссийская научная конференция «Проблема жанра в филологии Дагестана» (Махачкала, 2016 г., 2017 г., 2019 г.), Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы изучения кавказских языков» (Махачкала, 2017 г.), Четвертые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Р.М. Магомедова (Махачкала, 2017 г.), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Родные языки: проблемы и перспективы развития» (Махачкала, 2017 г., 2022 г.), Всероссийская научная конференция «Гамзатовские чтения – 2018» (Махачкала, 4- 5 сентября 2018 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Русско-кавказские литературно-языковые взаимосвязи в контексте современной культуры», посвященная 150-летию со дня рождения С. Стальского (Махачкала, 21 мая 2019 г.), Международная научная конференция «Языки и культуры народов России и Мира» (Махачкала, 19-21 сентября 2019 г.), Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Языки коренных народов Кавказа – важный фактор устойчивого развития, построения мира и примирения» (Кизляр,

2019г.), Региональная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы изучения родных языков и литератур» (Махачкала, 2019 г.), Всероссийская конференция «Актуальные проблемы филологии народов РФ», посвященная 90-летию со дня рождения Ахмедхана Абу-Бакара (Махачкала, 14 октября 2021г.), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 100-летию Расула Гамзатова (Махачкала, 2023 г.), Дешериевские чтения – международная научная конференция (Грозный, 2024 г.), а также на итоговых научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава Дагестанского государственного педагогического университета (2016 – 2025 гг.).

Основное содержание работы отражено в 40 публикациях, в том числе в 18 публикациях в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, в котором приводятся квалификационные характеристики работы, четырех глав, заключения, списков использованной литературы и условных сокращений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Лингвоперсонология в системе антропоцентрической лингвистики

Лингвистика XX века системно и последовательно вела исследования в том направлении, чтобы сделать человека говорящего (homo loquens) центром научного анализа. Многие авторы отмечали уникальность каждого носителя языка, его неповторимость, невозможность разделения всех составных частей сущности личности для логического его анализа. «И все же она может и должна быть предметом научного и философского изучения: изучаться при этом могут либо общие законы существования личности и отношения личности к миру и к другим личностям, либо формы эмпирического проявления как личности вообще, так и какой-нибудь конкретной данной личности» [Трубецкой, 1995: 105]. Н.С. Трубецкой отмечал, что это должна быть комплексная научная область по многогранному изучению личности, которую он именовал персонологией.

«Создание научной персонологии является неотложной очередной задачей в этом направлении. … Путь к созданию научной персонологии состоит в том, чтобы каждая из тех наук, которые впоследствии должны быть координированы при помощи персонологии, уже сейчас, во-первых, старались согласоваться друг с другом, равняться друг по другу, во-вторых, в своих построениях исходили из понятия личности (частночеловеческой и многочеловеческой) и оперировали с этим понятием» [Там же: 107]. Принимая во внимание тот факт, что языковая личность, безусловно, обладает когнитивными способностями, коммуникативными потребностями, социально и культурно сформированной речевой деятельностью, она представляет сложное, многогранное явление, требующее такого глубокого

анализа и всестороннего наблюдения, что необходимы глубокие междисциплинарные изыскания в этом направлении.

Опираясь на идеи Н.С. Трубецкого, В.П. Нерознак впервые в языковедческом аспекте употребляет термин «лингвистическая персонология», смысл которого определил, как «область лингвистики, предметом изучения которой является личность в общении» [Нерознак, 1996: 112]. При этом автор не обращается к изучению конкретной языковой личности, а пытается подвергнуть классификации типы личности, выделив два основных типа: «стандартная языковая личность, отражающая усредненную литературно обработанную норму» и «нестандартная языковая личность, которая отклоняется от установленных языковых образцов», причем это отклонение может быть связано с принадлежностью к «верхам» или «низам» [Там же: 116].

Лингвистическая персонология, или лингвоперсонология, подвергает тщательному анализу языковую личность как носителя языковой способности, обладающего социо- и психолингвистическими параметрами, характеризующегося особенностями коммуникативного поведения. Сам термин «языковая личность» впервые вводится в оборот немецким ученым Й.Л. Вайсгербером в книге «Родной язык и формирование духа» (1927 г.). Согласно его концепции, «никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу» [Вайсгербер 2004: 81]. Тем самым актуализируется социальная природа языковой личности.

В рамках русской лингвистики термин «языковая личность» впервые используется В.В. Виноградовым в ходе его исследований языка художественного текста. В его концеции это «личность, выраженная в языке и через язык, которую можно воссоздать на основе используемых ею языковых средств» [Виноградов, 1961: 24]. Помимо термина «языковая личность» В.В. Виноградов использовал в своих исследованиях и другие

терминологические единицы: «литературная личность», «поэтическая личность», которые близки нам в данном исследовании. В структуру языковой личности писателя В.В. Виноградов включает следующие параметры:

1) структуру естественного языка («внешние грамматические формы языка»);

2) языковую коллективную практику («формы коллективных субъектов»);

3) индивидуальную картину мира («особенности словесного мышления») [Виноградов, 1971].

Одним из основоположников теории языковой личности считается Г.И. Богин, предложивший модель языковой личности, опираясь на лингводидактику. По его мнению, понятие «языковая личность» носит междисциплинарный характер, т.к. в данном термине содержатся «как философские, так и социологические и психологические взгляды на социальную важность совокупности физических и духовных свойств человека, которые образуют его качественную определенность» [Богин, 1986: 3]. Под языковой личностью рассматривается «носитель языка, взятый со стороны его способностей к речевой деятельности, то есть комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения – по существу личность речевая» [Богин, 1984: 31]. По мнению ученого, языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки. Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь, языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин, 1980: 3].

Вместе с тем научное обоснование данного термина и широкое введение понятия в научный лингвистический оборот принадлежит Ю.Н. Караулову, после которого данный термин был подхвачен языковедами. В

понимании автора «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов, 2010: 3]. Впоследствии им расширяется представление о языковой личности, под которой понимается «…любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [Русский язык…, 1997: 671]. В рамках концепции языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, его мировоззрением. Поэтому структуру языковой личности автор делит на три взаимосвязанных уровня:

1) нулевой, или вербально-семантический (лексико-грамматический);
2) первый, или лингвокогнитивный;
3) второй, или мотивационный [Караулов, 2010: 37].

Первый уровень связан с производством речи, вербализацией мысли в речевых актах, второй уровень включает концепты, связанные с индивидуальной картиной мира, третий - характеризует мотивы и цели текстопорождения, определяющие иерархию смыслов в языковой модели мира личности [Зубова, 1989]. По Ю.Н. Караулову, между нулевым и первым уровнями имеются условные связи экстралингвистического характера. В дальнейших своих наблюдениях ученый уделяет большое внимание анализу словаря языковой личности, который определяет особенности самих личностей.

Исследовательский диапазон изучения языковой личности, по Ю. Н. Караулову, включает психолингвистические его черты, а также философско-мировоззренческие, этнолингвистические, лингвокультурологические и социальные особенности.

Признанию научного статуса понятия «языковая личность» в российской лингвистике, введенного В.В. Виноградовым и Ю.Н.

Карауловым, способствовала солидная научно-методологическая база, накопленная в отечественной науке по изучению языковой личности. Как утверждает Л.М. Салимова, за небольшой период времени отечественная лингвистика пополнилась интереснейшими научными идеями, представленными в диссертационных исследованиях и отдельных статьях в различных журналах и сборниках отечесвтвенными учеными (Ю.Н. Карауловым, К.Ф. Седовым, Т.В. Кочетковой, О.Б. Сиротининой, В.В. Воробьевым, С.Г. Воркачевым, В.И. Карасиком, Л.П. Крысиным, В.П. Нерознаком и др.) [Салимова, 2012].

В современных исследованиях разрабатываются различные вопросы лингвоперсонологии, среди которых следует отметить многовекторное изучение самого понятия «языковая личность», его определение, а также разработка разных трактовок термина. Важной частью для исследования служит понимание языковой личности как конкретного носителя языка, способного понимать, воспроизводить и создавать тексты, это личность, охарактеризованная на основе анализа произведенных ею текстов с точки зрения использования в них системных средств языка для отражения видения ею окружающей действительности (Ю.Н. Караулов, В.В. Воробьев) [Склярова, 2021].

Т.Г. Винокур определяет языковую личность как средоточие когнитивно-коммуникативных потенций, материализующихся на широком фоне социально окрашенной действительности, которая дает место проявлению психологических свойств и устремлений человека. К ним можно отности необходимость получения и отправления информации, желание быть услышанным и понятым, разделить неравнодушие к предмету речи со своим партнером по коммуникации [Винокур, 1993].

В исследованиях В.И. Карасика предлагается другой термин – «дискурсивная персонология», позволяющий ему разграничить «одномерный и многомерный, сценарный и несценарный, игровой и серьезный, этикетный и агональный, артистический и неартистический, аргументативный и

неаргументативный типы дискурсивных субъектов» [Карасик, 2007]. Вполне очевидно, что такой подход обусловлен дискурсивным анализом, который является ключевым в данном случае.

В характеристике языковой личности В.И. Карасик считает также нужным определить его речевой паспорт и языковой идиостиль. Под речевым паспортом понимается «совокупность тех коммуникативных особенностей личности, которые и делают эту личность уникальной (или, по меньшей мере, узнаваемой)» [Карасик, 2004: 10]. Идиостиль человека (если терминологически противопоставить его речевому паспорту) можно было бы трактовать как выбор говорящим тех или иных средств общения, поскольку стиль предполагает выбор [Кремшокалова, 2015]. Речевой портрет – это аспект коммуникативного поведения, а идиостиль – аспект коммуникативной компетенции [Карасик, 2004: 10]. Языковая личность в условиях общения, по мнению В.И. Карасика, может рассматриваться как коммуникативная личность [Там же: 22].

Этот же термин как более широкий по отношению к характеристике языковой личности предлагает использовать и М.С. Саломатина. По мнению автора, предлагаемое понятие включает в себя следующие параметры: коммуникативные стратегии и тактики, правила и приемы речевого воздействия, тематика общения и другие, чисто коммуникативные (а не чисто языковые), параметры [Саломатина, 2003: 104].

Как сложную иерархическую структуру представляет языковую личность в своих исследованиях В.В. Красных. С точки зрения ее подхода, «человек говорящий» является трехкомпонентной структурой, состоящей из языковой личности, речевой личности и коммуникативной личности. «При этом первый и второй типы личности находятся в парадигмальных отношениях, в которых языковая личность есть парадигма, речевая – ее компонент, а коммуникативная личность является результатом функционирования этой парадигмы» [Красных, 2003: 50]. Таким образом, в концепции В.В. Красных представлена триада:

1) языковая личность – это личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений;
2) речевая личность – это личность, реализующая себя в коммуникации, выбираюшая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, использующая тот или иной репертуар средств;
3) коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации [Красных, 2003: 51].

Иной взгляд на трактовку коммуникативного и языкового поведения можно отметить в работе Ю.Е. Прохорова и И.А Стернина «Русские: коммуникативное поведение» [Прохоров, Стернин, 2011]. По мнению авторов, языковое поведение – это часть коммуникативного поведения, т.е они не только взаимосвязаны, но и тождественны друг другу. «Речевое поведение выступает как синоним термина коммуникативное поведение, они описывают одно и то же – общение народа, группы людей или личности как некоторую упорядоченную систему правил, но при этом термин речевое общение акцентирует речевую сторону, речевой аспект общения, а термин коммуникативное поведение – коммуникативный, то есть связанный с более широким набором факторов, в том числе нормами и правилами общения. Коммуникативное поведение предпочтительнее как термин, поскольку коммуникативный аспект общения шире речевого, он поглощает речевой, включает речевой аспект общения как свою составную часть, но далеко не исчерпывается им» [Там же: 23].

В последние годы в лингвистических исследованиях наряду с термином «коммуникативная личность» вводится (вслед за В.И. Карасиком) понятие «дискурсивная личность». По утверждению С.Н. Плотниковой, «дискурсивная личность представляет собой языковую личность, порождающую определенный дискурс в виде непрерывно возобновляемого

или законченного, фрагментарного или цельного, устного или письменного сообщения. Эта личность действует в сфере производства сообщений и несет ответственность за их содержание» [Плотникова, 2008: 131]. Автор также утверждает, что уже в процессе порождения сообщения дискурсивная личность, как правило, понимает, для какого конкретного и социального адресата оно предназначено, т.е. становится коммуникативной личностью или готовится стать ею в будущем. При характеристике дискурсивной личности учитывается фактор принятия ее другими людьми и востребованность создаваемого ею дискурса - только в этом случае она допускается в пределы соответствующего коммуникативного пространства и становится коммуникативной личностью.

Немаловажным аспектом изучения представляется взгляд на дискурсивную личность как субъект социальной интеракции, являющийся носителем реального жизненного и языкового опыта. «Процесс становления дискурсивной личности – это процесс формирования идентичностей, возникающих в изменяющихся условиях жизни… Дискурсивная личность – многопараметральный феномен, это гибкий конструкт, постоянно трансформируемый в ходе социального взаимодействия» [Синельникова, 2011:44]. Предлагается также рассматривать дискурсивную личность как концепт, который может описываться через средства репрезентации языкового сознания в языковом поведении. «Для изучения дискурсивных личностей необходим большой корпус текстов – как письменных, так и устных, в том числе представленных в новых коммуникационных средах и жанрах» [Там же: 43].

В диссертационной работе М.Ч. Кремшокаловой вводится понятие «жанровая личность» для наиболее полного осмысления личности коммуникатора (реализатора или транслятора жанра), а также для характеристики когнитивно-дискурсивных особенностей речевого поведения [Кремшокалова, 2015: 116]. Важным моментом дифференциации жанровой личности, по мнению автора, может служить его соответствие культурному

идеалу, возможность/способность оценивать его через проекцию ценностных представлений. Существенным фактором портретирования жанровой личности служит «уровень «погружения» данной языковой личности в концептосферу родного языка как «текучую, открытую и непрерывную» систему концептов и языковых единиц, их реализующих» [Алефиренко, 2007: 148].

Важнейшим вопросом современной лингвоперсонологии можно вычленить выбор подхода к изучению языковой личности. Анализ научной литературы по теории языковой личности позволяет выделить из многообразия подходов к ее рассмотрению, имеющих в основе общие принципы, несколько наиболее часто применяемых – лингвокогнитивный, лингвокультурологический, лингводидактический. Представленные в современной лингвистике подходы и типы языковых личностей могут быть дополнены анализом «человека в языке с позиции того или иного дискурса, в котором человек участвует. Такой подход по сути своей является прагмалингвистическим…» – считает В.И. Карасик [Карасик, 2007: 79]. Теория лингвоперсонологии, разрабатываемая современными учеными, вызывает научный интерес выбором разнообразных объектов исследования в качестве языковой личности.

Сконцентрирование внимания лингвистов на модели автора как носителе и выразителе определенного знания больше всего связано с когнитивной лингвистикой, которая рассматривает автора как сложный конструкт с множественной моделью в качестве определяющего признака. Автор речевого общения является достаточно сложной когнитивной структурой не только в связи с тем, что «она содержит гораздо большее число концептуальных составляющих, но тем, что здесь можно выделить несколько слабо связанных между собой концептуальных блоков» [Беляевская, 2010: 26]. Е.Г. Беляевская обращает внимание на такие концептуальные составляющие, как индивидуальность/множественность авторства и открытость/скрытость авторства. Если конкретный автор не

указан, адресат имеет дело с текстом, сформированным в результате коллективного творчества, на основании чего многие фольклорные тексты выступают именно в таком концептуальном формате.

Автор речи, как отмечает К.А. Долинин, рассматривается как носитель социального, полового, возрастного и т.п. статуса, исполнитель некоторой конвенциональной роли, субъект некоторого действия, преследующего определенную цель, обладатель определенной картины мира, носитель личностных свойств и субъект сиюминутного психического состояния [Долинин, 1999: 7].

Исследователями отмечается широкий диапазон вариативности языковых личностей. «В вертикальном (иерархическом) измерении этот диапазон простирается, начиная от языковой личности вообще и далее – к национальной языковой личности и ее вариантам (лингвоперсонемам) и завершается вариативностью конкретной языковой личности (так сказать, ее аллоперсонами). Между этими полюсами находится значительное число промежуточных образований, которые представляют следующую цепочку: «национальный речевой портрет – коллективный речевой портрет – тип речевого портрета – речевой портрет личности», где особый интерес вызывает оппозиция второго и третьего членов» [Лингвоперсонология…, 2009: 18].

Выстраивая возможность полного описания языковой личности в целях ее анализа или синтеза, Ю. Н. Караулов предлагает следующий ряд действий: а) характеристика семантико-строевого уровня ее организации (т.е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя); б) реконструкция языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования); в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих отражение в

процессах порождения текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов [Караулов, 2010: 43].

Вместе с тем мы можем резюмировать, что многие проблемы изучения языковой личности и их классификации, типологии остаются пока что открытыми и требуют глубокого и системного изучения с учетом разных факторов, влияющих на их описание.

1.2. Языковая личность как многоуровневая система: структура и особенности реконструкции в художественном тексте

Языковую личность автора в современных исследованиях чаще всего изучают как категорию художественного текста.

С методологической точки зрения при изучении языковой личности в рамках художественного текста имеется два подхода: от текста, его языковой организации к характеристике личности автора и от описания типологических характеристик автора к демонстрации языковых особенностей. В научных исследованиях более представленным признается текстовая лингвоперсонология, в ее рамках исследователь движется от текста к воплощенной в нем языковой личности (типе языковой личности). «В этом случае он стремится выявить особенности текста, обусловленные особенностями языковой способности его автора. ... Обнаруженные различия при их типичности и устойчивости исследователь вправе толковать как лингвоперсонологические различия» [Лингвоперсонология…, 2009: 21].

Типологические исследования в направлении от «типа личности» к «языковой личности» опираются на известные ментально-психологические типологии личности. В подобных исследованиях утверждается, что речевые характеристики включены в ряд ментальных и психологических признаков и с их помощью стремятся подтвердить правомерность исходных типологий. Особенно популярны в данной отрасли психологического знания исследования речевых характеристик персонажей художественных произведений. Это вполне объяснимый интерес: авторы многих

произведений создают системы образов, отражающих контрастные ментально-психологические типы личности [Лингвоперсонология, 2009: 22]. Следует отметить, что «художественный текст является адекватной моделью для трансляции жизненных ситуаций и речевых реализаций» [Хачмафова, 2011: 12].

В своих лингвориторических изысканиях А.А. Ворожбитова отмечает, что языковая личность «применительно к сфере литературно-художественной коммуникации приобретает статус литературной личности» [Ворожбитова, 2007: 26]. По ее мнению, теория языковой личности открывает широкие возможности для изучения всех аспектов филологической феноменологии и ее психолингвистической основы. В рамках лингвориторической парадигмы структура языковой личности выступает «психолингвистическим ядром-инвариантом литературной личности, обладающей:

1) детерминирующей ее идиостиль ассоциативно-вербальной сетью;

2) тезаурусом, конституирующим ценностную иерархию понятий, идей, концептов, мировоззренческих установок, идеологических стереотипов, в совокупности образующих ЛР-картину мира литературной личности;

3) прагматиконом, доминирующей деятельностно-коммуникативной потребностью которого выступает стремление к творческой самоактуализации» [Там же].

Достаточно важным в этом подходе к риторической личности в рамках художественного текста нам представляется необходимым обратиться к терминам В. В. Виноградова: «образ автора», «образ ритора» и «языковая личность», введённым в научный обиход как понятия, образующие одну терминологическую парадигму, направленную на решение ряда исследовательских задач: определение диалектического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы; объединение литературоведческих и лингвистических методов изучения художественного текста в рамках одной дисциплины - лингвопоэтики. Данные понятия, по

мнению И.В. Ружицкого, следует чётко разграничивать. «Образ автора» – это реализация соотношения писателя, повествователя (рассказчика) и персонажей, проявляющаяся в идейно-стилевом содержании художественного произведения. В этом соотношении заключается одна из важнейших и часто принципиально не подлежащих какому-либо окончательному решению проблем – выявление в художественном тексте собственно авторской позиции. Для нас является очевидным проявление образа автора на всех уровнях структуры художественного текста, прежде всего – на языковом» [Ружицкий, 2015: 14]. «Образ ритора» в отличие от «образа автора» имеет коллективную, а не индивидуальную природу и ярче всего проявляется в публицистическом тексте. К его свойствам относятся, например, стилевая стандартизация; функционирование только в качестве средства для восприятия читателем идейного содержания текста и др. Что касается понятия «языковая личность», на которое мы опираемся в данном исследовании, то «им обозначается вся совокупность произведённых автором текстов, прежде всего их лексикон» [Там же]. При этом ученым утверждается, что «изучение любой языковой личности окажется фрагментарным, поскольку мы не в состоянии наблюдать все созданные человеком на протяжении его жизни тексты, тем более в их динамике и пресуппозициях. Фрагментарная представленность языковой личности, учитывая фрактальный характер данного объекта, не препятствует, тем не менее, эвентуальности её более или менее интегративного описания» [Там же: 15].

По мнению В.В. Катерминой, сущностные особенности языковой личности писателя можно выразить двумя положениями: во-первых, языковая личность писателя-творца индивидуализирована, во-вторых, она существует не в вакууме, а в рамках национальной картины мира и может реализовать индивидуальные черты только на общем концептуальном фоне» [Катермина, 2016: 209]. Подобного рода утверждения будут встречаться у многих ученых, о чем будет сказано ниже, но данная установка принимается

нами как важнейшая, ключевая в рамках нашего исследования. В то же время надо отметить, что при изучении личности писателя исследователи сталкиваются со множеством препятствий. «Сложность изучения языковой личности автора состоит в том, что писатель выступает в своих произведениях не как единая целостная языковая личность, а как множество говорящих и понимающих личностей» [Катермина, 2016: 208].

Многранный подход к изучению языковой личности, безусловно, является ключевым аспектом исследовательского анализа. При характеристике языковой личности Ф.М. Достоевского И.В. Ружицкий в качестве основных направлений исследования выделяет «изучение его языка как способа проникновения в образ автора; «технологии» создания художественного текста; анализ полифонической структуры романа; языковых особенностей отдельных произведений и используемых в них изобразительных средств (способов создания комического эффекта, семантических и звуковых повторов, типов сравнений, функций модальных частиц в контексте одного произведения); особенностей построения художественного произведения, композиции фраз, ритма и темпа речи персонажей, интонации, синтаксиса; невербальных аспектов коммуникации (пресуппозиции, языка жестов и мимики, умолчания, пауз); способов и функций выделения в тексте (курсива и кавычек) и др.» [Ружицкий, 2015: 17]. Нам представляется, что автор в своей диссертационной работе реализует в большей степени именно лингвопрагматические параметры описания языковой личности.

Рассматривая художественное видение мира как комплексную картину, проецируемую автором и соотносимую с системой ценностей, стоит вспомнить следующее утверждение К.Ф. Седова: «Художественный текст есть оформленная в соответствии с эстетическими канонами программа восприятия, в которой очеловеченная, одушевленная модель действительности дана созерцателю через призму аксиологического видения

автора» [Седов, 1993: 13]. Безусловно, здесь имеет место проекция системы ценностей народа через авторское мировидение.

В связи с этим принципиально важным для нас направлением исследования языковой личности писателя может быть лингвокультурологический и когнитивный. «Изучение лингвокультурного аспекта реализации языковой личности в художественном дискурсе позволяет выявить и описать аксиологическую систему языковой личности писателя – автора литературно-художественного произведения» [Склярова, 2021: 25]. Такой ракурс анализа автора художественного текста для нас привлекателен тем, что мы его рассматриваем как транслятора культурных смыслов.

В определении специфики реализации литературной языковой личности вполне соглашаемся с мнением З.Р. Хачмафовой о том, что «картина мира художественного произведения понимается как проекция основных общечеловеческих категорий, но в своей личностной интерпретации. Художественный текст заключает в себе знания и представления автора, с одной стороны, как субъекта определенной культуры, а с другой – как носителя личностной концепции о явлениях окружающей его действительности. Художественная картина мира представляет авторов как языковых личностей, реализующихся в своих художественных системах» [Хачмафова, 2011: 10-11].

Картина мира писателя напрямую связана с его опытом познания, мировоззренческими позициями, творческим восприятием действительности. Поэтому и возникает понятие «художественная картина мира», которая заключается в конструировании картины мира из субъективных личностных оценок художника, что и определяет ее содержание.

Описание картины мира писателя, безусловно, должно строиться на текстовом анализе тех единиц языка, которые имеются в арсенале автора с учетом семантических вариантов или сдвигов, которые могут иметь место в авторском употреблении. Во многом при изучении ментального пространства

автора в поле зрения исследователя оказываются разноуровневые единицы, так как именно комплексность подхода позволяет создать целостную картину мира писателя. «Доминантные области ментального пространства языковой личности автора художественного текста вербализуются на лексико-семантическом и структурном уровнях произведения. Основными экспликаторами концептуальной структуры исследуемого текста выступают ключевые слова и устойчивые образные единицы, которые фиксируют эталоны и стереотипы национального языкового сознания» [Ахиджакова, 2007: 6].

В исследованиях последних десятилетий наряду с понятием «языковая картина мира писателя», используют термин «индивидуально-авторская картина мира» – в частности, применительно к особенностям концептуализации любви в творчестве А.С. Пушкина (К.Ю. Головач), говорят об «авторской языковой картине мира» – относительно этнокультурных идиоглосс в творчестве Чингиза Айтматова и их лексикографического представления (К.Э. Касымалиева), а также применяют понятия «авторская картина мира» (Е.Г. Доронина), «поэтическая языковая картина мира» (А.Г. Бондарева, Г.В. Соболева).

По мнению В. А. Масловой, «поэтическая картина мира – еще одно проявление концептуальной картины мира. Поэтому в поэзии крупного национального поэта много и общего, наднационального, универсального, но много и национального, и, что особенно важно, индивидуально-личностного. Поэтический текст лишь очерчивает границы рисуемой им картины» [Маслова, 2004: 92].

В этом контексте можно вспомнить концепцию поэтической личности В.В. Виноградова: «Поэтическая личность обычно не умещается в пределах одной литературной школы, потому что прибегает к различным приемам речевых построений. В таком случае она существует одновременно в нескольких школах, является носительницей как бы нескольких „поэтических ликов”» [Виноградов, 1980: 96]. Следует отметить, что во

многом размышления о языке автора носили языковедческий и литературоведческий, но не лингвофилософский характер, предполагающий уже бытийный уровень обобщений.

Языковая личность в интерпретации В.В. Виноградова выступает как интегративное образование, включающее две стороны, коллективную (социальную) и индивидуальную. В языковой интеракции эти стороны отличаются друг от друга, но при этом сохраняют свое единство. При развитии индивидуальной языковой личности ее социальная составляющая раскрывается на уровне всех «структурных оболочек». В художественном языке поэтической личности реализуются те же самые установки: поэтика зависит от меры развития коллективной стороны языковой личности. В связи с этим В. В. Виноградов пишет: «В поэтической речи всплывают, затушевывая семантическое ядро, те периферические оттенки значений и эмоционального тембра слова, которые не составляют привычной данности повседневного языка и – ввиду этого – не осознаются как необходимая принадлежность того или иного знака. И для того чтобы ощутить индивидуальное и творческое в словоупотреблении поэта, надо владеть общими с ним лексемами литературной речи – в ее разных контекстах» [Виноградов, 1980, 93].

В связи с социальными факторами в характеристике языковой личности интересна попытка Л.М. Комиссаровой применить лингвосоционическую методику к образу автора-поэта, проявленного в его стихотворных произведениях. В лингвистическом плане эти проявления относятся прежде всего к области интенций: «В тексте как продукте текстовой деятельности языковой личности с соционической точки зрения репрезентируются метасмыслы, которые «надстраиваются» над конкретной семантикой и отражают спектр интенций языковой личности в момент создания текста, сообщают о них. В целом интенции распределяются по двум классам и соответствуют двум типам субъективных ценностей – экстравертным и интровертным» [Комиссарова, 2006: 91].

Интересные взгляды на языковую личность представил К.Ф. Седов. Согласно его мнению, одной из наиболее удачных попыток дифференциации языковых личностей по способу реализации дискурсивной деятельности, существующих в современной лингвистике, – разделение носителей языка по типам речевых культур [См.: Гольдин, Сиротинина 1993; Сиротинина 1995, 1998; Толстой 1995]. Существуя в конкретном этносе, языковая личность неизбежно является носителем того или иного типа национальной речевой культуры.

Применительно к русской культуре ученые [Гольдин, Сиротинина 1993] выделяют разновидности речевого поведения, ориентированные на использование литературного языка (*элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный*), и типы, находящиеся за его пределами (*народно-речевой, просторечный и арготический*). Соответственно, языковые личности классифицируются по наличию у них того или иного типа речевой культуры [Седов, 1999]. *Элитарный тип* предполагает «максимально полное владение всеми возможностями языка: умение использовать нужный в данной ситуации функциональный стиль, строго различать нормы устной и письменной речи, пользоваться всем богатством языка (синонимами, образными выражениями, в письменной речи возможностями пунктуации и абзацного членения, в устной – всем разнообразием русских интонаций), не нарушать орфоэпических, лексических и орфографических норм, соблюдать все этические нормы общения, а главное, всегда и все использовать в своей речи *целесообразно,* не злоупотребляя иностранными словами и никогда не искажая ни их значение, ни произношение при необходимом употреблении» [Русский язык и культура общения…, 1998: 45].

В описании элитарного типа личности, важным аспектом, как нам представляется, является определение дискурса элиты, рассмотренного в докторской диссертации Т.А. Островской. Под данным термином понимается один из видов надинституционального общения, и он «рассматривается, с

одной стороны, как тип речевого поведения элитарной личности, детерминированного пространственно-временными параметрами, с другой стороны – как вербализация когнитивного стереотипа понятия «элита» (стандартного представления носителей языка), существующего в дискурсивно-когнитивном пространстве и определяемого социально-историческими условиями» [Островская, 2016: 4].

Дискурс элиты в исследовании автора причисляется к дискурсу объекта, т.е. дискурсу определенной социальной группы, в которую входят элитарные личности, принадлежащие к различным социальным институтам. В структуре данного дискурса рассматриваются правила порождения смыслов дискурсивной элитарной личностью, определенный тип высказывания, присущий элитарной личности; способ говорения, предопределяющий и создающий предметную сферу дискурса элиты; вербализация элитарной ментальности, отражающей окружающий мир и создающей присущий элите способ видения мира и упорядочения действительности; отражение понятия «элита» в когнитивном сознании носителей языка в виде когнитивных стереотипов [Там же: 12].

При рассмотрении элитарной культуры на передний план выходит языковая личность как носитель передовой культуры, выполняющий важную роль в речевых взаимоотношениях. «…Языковая личность носителя элитарной речевой культуры обладает самым широким спектром социальных ролей («многорольностью») и в любой коммуникативной ситуации демонстрирует искусство пользования языком, всем богатством его возможностей при строгой уместности этого пользования» [Кочеткова, 1999]. Кроме того, «анализ языковой личности конкретного носителя элитарного типа речевой культуры – это всегда открытие не только на уровне личностном, индивидуальном, творческом, но и разработка обобщенного теоретического образца эффективной языковой личности» [Там же].

Ввиду того, что многие аспекты комплексного исследования феномена элитарной языковой личности в художественном дискурсе к настоящему

времени остаются открытыми и не до конца описанными, О.С. Склярова в своем диссертационном исследовании предпринимает попытку комплексного описания лингвокогнитивных, лингвокультурных и лингвопрагматических особенностей репрезентации языковой личности Е. Водолазкина как лингвокреативной личности [Склярова, 2021]. В фокусе исследования находятся также духовно-ценностные и морально-этические доминанты индивидуально-авторской картины мира писателя; индивидуально-авторские концепты художественного дискурса Е. Водолазкина, а также дискурсивные маркеры лингвокреативной языковой личности Е. Водолазкина в художественном дискурсе, которые несут ключевые идеи миропонимания писателя [Там же].

В ряде исследований есть интерпретация понятия «лингвокреативный потенциал языковой личности» или «креативность», под которым понимается умение реализовать творческие (синтетические) возможности родного языка, позволяющие языковой личности самостоятельно, осознанно соединять формальные и содержательные элементы языка в рамках существующих системных закономерностей, что, впрочем, не отрицает возможности проявить незаурядность, личностное своеобразие. Вполне естественно, что и в самой языковой личности в таком случае следует видеть «сознательную ипостась конкретного человека, обеспечиваемую наличием у него языковой способности и позволяющую ему семиотически проявить свой творческий потенциал при создании словопонятия» [Оленев, 2008: 100]. Иначе говоря, творческим можно считать того носителя языка, который способен полноценно осмыслить то или иное слово, пользуясь возможностями, предоставляемыми его родным языком. «Автор как индивид, интериоризировавший определенную партитуру национального языка, на котором написано художественное произведение, представляет собой определенную языковую личность» [Катермина, 2016: 209].

Таким образом, современные теории персонологии позволяют нам рассматривать автора художественных произведений как уникальную, креативную, элитарную языковую личность.

1.3. Научные подходы к исследованию языка писателя в дагестановедении и кавказоведении

Дагестанская художественное творчество имеет глубокие корни и представлено именами многих выдающихся поэтов и прозаиков. В литературоведении имеется ряд исследований, в которых отражены особенности жизни и творчества деятелей словесного творчества. В рамках данного параграфа будет предложен краткий обзор исследований по особенностям языка дагестанских писателей, которые внесли свой вклад не только в литературное творчество, но и заложили основы литературного национального языка.

Наиболее известным поэтом, общепризнанным талантливым самобытным писателем, ставшим основоположником лезгинской поэтической традиции, является Сулейман Стальский (Гасанбеков) – «Гомер XX века» (М. Горький). Изучению творчества С. Стальского посвящен ряд исследований, среди которых особое внимание, на наш взгляд, заслуживает докторская диссертация Ф.Р. Нагиева «Проблемы творческого наследия Етима Эмина и Сулеймана Стальского: текстология и поэтика в свете сравнительного изучения» (2011). В рамках данной работы имеются интересные наблюдения языковых особенностей двух крупнейших писателей Дагестана. «Они показали широкие поэтические возможности лезгинского языка; расширили границы лезгинской поэзии, обогатив ее новыми формами и тропами, тематическим разнообразием» [Нагиев, 2011: 8]. Автор отмечает, что источноком языка для каждого автора был живой народный язык, «в недрах которого в течение тысячелетий оттачивались формы, образы, методы и средства языкотворчества. Поэтому язык Эмина и Стальского был, есть и останется богатейшим источником, надежной основой литературного языка

лезгинского народа» [Нагиев, 2011: 8]. В поэтических произведениях Е. Эмина и С. Стальского отчетливо выявляются фольклорность и народность. Характерными стилистическими чертами поэтики С. Стальского определены «свободное обращение со словом и смелость словотворчества, глубокая афористичность речи и широкое использование идиом и фразеологизмов, своеобразие употребления иноязычной лексики с приданием ей сатирической семантики, широкое применение всевозможных повторов, параллелей и антипараллелей, синонимических и антонимических пар, аллитераций, рефренов и редифов и, совершенно не используемых Эмином, поэтических эллипсисов и энжамбементов» [Там же: 10]. В образной системе С. Стальского отмечается их предельная ясность, точность и выразительность, меткость и остроумие фразы. Для поэтических текстов С. Стальского характерны лаконизм, глубокомысленные фразеологизмы. Сжатость и легкость фразы, «скупость» на слово и грамматическая упрощенность его стиха до разрыва связей в предложении приводит «к замечательному лаконизму фразы» [Там же: 18].

Исследуя особенности языка поэтических текстов Етима Эмина, А.З. Кадымов отмечает, что у него нет «вычурных образов, нарочитой цветистости, она… образец утонченного использования поэтом звуков и красок, какими располагала предшествующая литература. Стихи его, идущие из глубины сердца, певучи и афористичны, они отличаются предметной образностью и композиционной завершенностью [Кадымов, 2009: 12].

В диссертационном исследовании Х.Г. Джамалудиновой, посвященном жанрово-стилистическим особенностям трилогии Фазу Алиевой «Роса выпадает на каждую травинку», имеются фрагменты описания языковых особенностей текста. В числе таких лингвистических характеристик отмечается роль таких фольклорных текстов, как тосты, причитания, проклятия, благопожелания. Также исследователь анализирует языковые, стилистические средства и их роль в текстовом построении

произведений Фазу Алиевой. В частности, отмечается: «Язык ее романов и новелл, их составивших, близок к поэзии. В них, как в поэзии, особое значение придается повторам слов, строк, фраз» [Джамалудинова, 2012: 19]. Особенно отчетливо в анализируемых прозаических текстах выявляется своего рода экспансия поэтических художественно-выразительных средств на прозу. «В новеллах романа «Восьмой понедельник» много оригинальных сравнений, писательница нередко применяет развернутые отрицательные сравнения. Речь героев поэтична, по-народному точна и живописна, в ней много народных пословиц и поговорок, гипербол. Писательница в этом романе уделяет большое внимание предметным деталям и топосам, отдельным образам» [Там же: 21].

Особенности создания образа в женской поэзии нашли свое научное освещение в диссертационной работе Д.М. Ярбиловой «Языковые средства создания художественной образности в современной аварской женской поэзии» (2023). Тщательному анализу подвергаются поэтические тексты (стихотворения и поэмы) Фазу Алиевой, Тубхат Зургаловой, Машидат Гаирбековой и Марижат Абдулазизовой. В гендерномаркированных текстах широко представлены прилагательные-эпитеты, выполняющие определенные стилистические функции в поэтических произведениях. При анализе особенностей включения образных прилагательных в текст автор приходит к заключению, что «стилистическая окраска эпитетов и выполняемые ими изобразительно оценочные функции зависят от тематики поэтических произведений, их прагматической направленности и коннотативных возможностей. При символическом использовании эпитетов-прилагательных расширяются их валентностные возможности, реализующиеся в новых семантико-синтаксических условиях» [Ярбилова, 2023: 10-11]. В метафорических ресурсах поэтических текстов разных авторов представлены специфичные модели их образования, но часто встречаются элементы растительного и зооморфного кода культуры. Д.М. Ярбилова делает наблюдения относительно персонификации объектов неживой природы и

отвлеченных понятий. «Анализ материала свидетельствует о том, что в этих целях используются: а) глагольные лексемы в сочетании с существительными, обозначающими внутренние эмоциональные состояния и чувства человека; б) слова, актуализирующие концепты «время» и «судьба»» [Ярбилова, 2023: 15]. Тщательному анализу также подвергаются такие средства образности, как гиперболизация, повторы, сравнительные конструкции, фразеологические единицы, морфологические и синтаксические средства. В рамках женского поэтического дискурса «морфолого-синтаксические средства …формируют фонд эмоционально-оценочных значений, имеющих авторскую и национально-культурную специфику» [Там же: 24]. Исследование Д.М. Ярбиловой вносит вклад в изучение аспектов языковой личности художественного дискурса.

В многонациональном Дагестане представлены писатели, пишущие на разных языках. В развитие лезгинской литературы большой вклад внес Ш.-Э. Мурадов, работавший в жанре поэзии около полувека. Исследователи его творчества отмечают особенности его поэтической речи и ритмическую организацию стихов. В работе Гашаровой А.Р. «Лирика Шах-Эмира Мурадова: художественный мир и поэтика» (2011) обращается внимание на любовную лирику, в которой широко использованы изобразительно-выразительные средства. Особенно представлены сравнения: «Пальцы любимой поэт сравнивает с «мягкой ватой», «солнечными лучами»; прекрасные губы – с «красной ягодой», «листьями розы»; красивое, гладкое лицо – со «светящейся луной»; «горло – белое молоко»; волосы любимой – «с черным морем во время бури». Любимая ходит «быстрой походкой», «ветерок играет в подоле платья». Глаза любимой «светятся, словно солнце из-за туч». «Чистосердечность», «светлая улыбка на устах» для поэта «подобны жизни». Ради «черных, как агат, глаз» он готов «поднять высокую гору»» [Гашарова, 2011: 12]. Большую роль в текстах Ш.-Э. Мурадова играют гиперболы и олицетворения: «Как только «солнце выглядывает

издалека, распустив свои золотистые волосы», земля начинает дышать. Дыхание почвы усиливается от «жгучих стрел» [Гашарова, 2011: 17].

Большой вклад в развитие лезгинской литературы внес Азиз Алем, существенно обогативший ее \ новыми темами, жанрами и формами. Значимость его деятельности определяется также вкладом в развитие, обогащение литературного лезгинского языка – благодаря ему расширился словарный запас за счет оживления старых и создания новых слов (более 100 лексических единиц), в том числе относящихся к сфере литературы и искусства. В художественном творчестве его почерк четко виден и узнаваем. Характеризуя индивидуальный стиль Азиза Алема Дж. Г. Гасанова отмечает, что «характерной чертой поэтического стиля Азиза Алема является обилие неологизмов и широкое употребление архаизмов путем их «оживления». …Многие из его неологизмов подхвачены поэтами, литераторами, журналистами [Гасанова, 2006: 16]. В процессе создания новых слов есть особенность творческого плана: «он придумывает слова целиком, а не занимается простым копированием словообразовательных формантов языка при создании неологизмов [Там же: 17]. Именно данный аспект делает тексты Азиза Алема новыми для читателя, это свойство создания неологизмов позволяет ему углубиться в иную реальность, подталкивает читателя «к новому восприятию мира».

В многонациональной дагестанской литературе особое место занимает Алим-Паша Салаватов, в чей адрес авторитетный дагестанской критик Камиль Султанов высказал утверждение, что в 20-30-е годы он был лучшим кумыкским поэтом. Своеобразие авторского стиля рассматривается в диссертационной работе З.К. Изиевой «Идейно-художественные особенности лирики Алим-Паши Салаватова» (2006). Поэтические тексты Салаватова отличаются умелым применением метафор, сравнений, эпитетов, ярко характеризующих поэтическую речь. «Необычные эпитеты (гремящие горы, спящие века), посредством которых очеловечиваются описываемые явления, способствуют созданию метафорических образов (веков, спящих на юге; гор,

гремящих от невежества), наполняют стих глубоким, многозначным содержанием. Подобных примеров вдумчивого использования изобразительно-выразительных средств в исследуемой лирике обнаруживается немало, что призвано активизировать читательское восприятие, усилить эмоциональное воздействие стихов» [Изиева, 2006: 16]. В ресурсе поэтического текста имеются просторечные лексические единицы, идиоматические выражения, что определяет, по мнению З.К. Изиевой, действенность произведений. «Архаизмы, а также малоупотребительная лексика дают возможность достичь определенного колорита, приподнятого тона» [Там же: 17]. В характеристике языкового потенциала А.-П. Салаватова особая роль отводится синтаксическим фигурам поэтической речи. «При исследовании различных видов повторов (анафор, эпифор), градаций, параллелизмов отмечаем, что, благодаря им достигались ритмизация, напевность, плавность. Вместе с часто употребляемыми парными лексемами, однородными выражениями, риторическими фигурами, звукоподражательными словами указанные синтаксические средства определяли мелодичную тональность» [Там же].

Заслуживает углубленного изучения творчество одаренного поэта Багаутдина Аджиева, книги стихов которого опубликованы как на родном языке (кумыкском), так и в переводах на русский язык. Особые черты его поэтических текстов стали предметом исследования Д.М. Азизовой в диссертационной работе «Художественное своеобразие лирики Багаутдина Аджиева» (2005). Наблюдения над особенносиями поэтики дали интересные наблюдения, обобщенные в виде важных тезисов и выводов. Автор делает тонкие замечания о характере текстов, например, обнаруживает преемственность в лирических произведениях, «связь с песенной культурой кумыков, с национальными поэтическими традициями. Это проявляется в скрупулезной работе Б. Аджиева над словом, над рифмой и ритмом стиха. В лучших своих образцах творения поэта отличаются мелодичной тональностью, напевностью» [Азизова, 2005: 10]. Обнаруживаются

особенности и в использовании изобразительно-выразительных средств, которые в текстах представлены разнообразно. «В «Ивовой свирели», особенно в пейзажных зарисовках, занимающих в ней значительное место, привлекает внимание образная насыщенность речи, обилие метафор, сравнений. В произведениях из книг «Колокол времени», «Песня у порога», в стихах-раздумьях поэтический слог Б. Аджиева имеет иной характер. О сложном он словно старается говорить проще, избегая цветистости фраз» [Азизова, 2005: 13]. Исследование поэтики Б. Азизова приводит в заключении, что имеется авторское применение сравнительных оборотов. «В «Подкованном счастье» время уподобляется текущей реке, руки рабочих – тискам, кулаки – молотку, а сердце – горящему огню. Нередко оперирует поэт эпитетами, олицетворениями, гиперболой. В общем, «Подкованное счастье» можно однозначно определять вехой творчества Б. Аджиева» [Там же: 16]. Таким образом, языковые особенности использования выразительных ресурсов языка формируют авторский стиль, определяют его характерные свойства, делающие текст индивидуальным.

Литературное наследие Северного Кавказа богато известными писателями и поэтами, которые заложили основы современных литературных национальных языков, создали традиции в прозе и поэзии, а также вывели национальную культуру на всероссийский уровень. К одним из таких поэтов относится Кайсын Шуваевич Кулиев, имя которого известно всему поэтическому сообществу. Поэтическое наследие К.Кулиева не раз становилось объектом исследования литературоведов, философов, культурологов. Изучением национальных истоков поэтического своеобразия творчества К. Кулиева занимались Ст. Рассадин, Н. Байрамукова, В. Дементьев, С. Башиева, Л. Мкртчян, З. Кучукова. А. Казиева, С. Кертиева, А. Намазова. Об истоках и своеобразии поэтического творчества К. Кулиева писали Р. Гамзатов, И. Гринберг, А. Туторов, Н. Джусойты, М. Дудин, В. Кодзоков, А. Мусукаев, Н. Тихонов, А. Тарковский. Его творчеству посвящено множество работ С. И. Эфендиева, Т. Е. Эфендиевой и Ф. С.

Эфендиева, подготовившие к изданию шесть томов под общим названием «Кайсын Шуваевич Кулиев». Среди такого многообразия аналитического материала остановимся на тех исследованиях, в которых есть аспекты его языковой личности, выявлены лингвистические стороны поэтических текстов.

В рамках анализа поэтического наследия К.Кулиева мы можем отметить исследование авторского мировидения через образы, символы поэтических текстов. Так, в диссертационной работе Ф.И. Отаровой «Поэзия Кайсына Кулиева (национально-эстетическое самовыражение)» выявляются национальные истоки формирования образа «раненого камня» и его своеобразия в творческой индивидуальности поэта. Анализ автора приводит к заключению, что «концепт «рана» возник в поэтическом творчестве Кулиева под влиянием родного фольклора» [Отарова, 2008: 9]. Дополнением к такой мысли служит ссылка на мнение многих литературоведов, считающих, что «феномен художественных представлений К. Кулиева о горах, камнях, скалах, родной земле связан с мифотворчеством балкарского народного опыта, его мифоцентризмом, в котором философский и лингвокультурный концепт «камень» занимает ведущее место» [Там же: 10]. В языковом арсенале автора камень занимает такое значительное место, что «в многогранном поэтическом мире К.Кулиева нет ни одной сферы человеческого бытия, концептуальная сущность которой не выражена языком «камня»: жизнь, смерть, любовь, дружба, разлука, радость, горе, смирение, война, мир и т.д.» [Там же].

Следует отметить, что в данном литературоведческом исследовании анализу подвергаются не только художественные образы или символы, но и концепты, с помощью которых можно представить личность поэта, его ментальные составляющие, репрезентирующие национальное видение мира. Важным концептуальным составляющим поэтических текстов Кулиева выявляется «дом». «Образ родного дома вмещает в себя главный принцип кулиевской философской концепции о гармоничности мира человеческого

бытия вообще. Родной очаг – это особый микромир, где личность ощущает себя защищенной, вписанной в реальность, не теряющей своей индивидуальности, когда требуется осознание своего «я»» [Отарова, 2008: 14]. В кулиевской системе представлен концептуальный образ «тишина» наряду с такими сложными символами, как раненый камень, черный день, родной очаг, горный обвал, скачущий всадник, каменистая тропинка, бесконечная дорога и др. «В таких образах через индивидуальное сознание поэта выражается сущность народного миропонимания. Они заключают в себе целостную художественную концепцию о внутренней гармонии мира природы и трагическом несовершенстве мира людей, человеческих дел и поступков по отношению к природе, которая нередко выступает у К. Кулиева в роли духовного учителя» [Там же: 11].

Важной частью поэтического мира К. Кулиева является образ женщины и образ матери. «Эстетические взгляды К. Кулиева в построении образа лирической героини, его мировоззрение, чувства и взгляды, его вкус позволяют определить авторский метод, принадлежность к какому-либо стилю и выявить творческое значение автора – преходящее или непреходящее по своей системе ценностей» [Баккуева, 2006: 14]. В передаче данного образа большую роль играют «изобразительно-выразительные языковые средства, поскольку соотношение смыслового объема и стилистической окраски слова в структуре этих стихотворений является одной из характерных черт индивидуального стиля автора, его творческого почерка» [Там же: 11]. В приеме создания образа участвуют общеупотребительные слова, называющие предметы и явления окружающего мира (солнце, земля, роща и др.), тем самым создавая своеобразие поэтического текста.

В один ряд с Р. Гамзатовым, К. Кулиевым стоит кабардинский писатель А.П. Кешоков, внесший весомый вклад в развитие не только кабардинской, но и российской литературы. Первые монографические исследования творчества А.П. Кешокова принадлежат В. Гоффеншеферу, а затем М. Г.

Сокурову, автору монографии «Лирика Алима Кешокова» (1969), которая остается наиболее емким исследованием по кабардинской поэзии. Несомненно, значительный вклад в исследование произведений А. Кешокова внес В. Дементьев, а также труды известных северокавказских литературоведов: Л.А. Бекизовой, А.М. Гутова, Х.Х. Кажарова, А.Х. Мусукаевой, З.М. Налоева, М.Г. Сокурова, К.К. Султанова, З.Х. Толгурова, Ю.М. Тхагазитова, А.Х. Хакуашева, К.Г. Шаззо, Т.Е. Эфендиевой и других.

Безусловно, многие исследования языка А.П. Кешокова имеют литературоведческую направленность, но некоторые работы включают компоненты анализа его языковых средств и их роли в тексте. Так, в диссертационной работе В.А. Алафаевой «Художественные истоки и формирование новой поэтики в литературах Северного Кавказа: на основе творчества А. Кешокова и К.Кулиева» (2007) отмечаются характерные особенностия языка авторов. Например, в поэме А. Кешокова «Тисовое дерево» народные пословицы и поговорки, по мнению В.А. Алафаевой, придают тексту произведения особый колорит и образность. «Говоря о традициях устного народного творчества в поэзии А. Кешокова, следует отметить, что многие его поэтические произведения, особенно эпического плана, воспринимаются как новое воплощение древних нартских. В частности, поэма «Земля молодости» трансформирована в нартский сюжет, рождающейся из противостояния «светлой стороны» с вечными врагами нартов, являющимися носителями зла и темной силы [Алафаева, 2007: 18]. В исследовании отмечается, что лирика А. Кешокова значительно расширила диапазон знаний о национальных особенностях литературных образов. «В частности, у героев кабардинского поэта рельефно, выпукло выступают самобытные черты этнического характера» [Там же: 19].

Одним из значимых символов-образов в поэтических текстах, как утверждает З.С. Карамурзова, выступает дерево. «Лейтмотивом многих стихотворений поэта выступает параллель «дерево-учитель». Мотив исторической памяти и культурной преемственности находит полновесное

выражение через образ дерева в стихотворении А. Кешокова «Лермонтов» (1946 г.). В символической системе лирики А.Кешокова сад выступает как прообраз национальной культуры, сотворенной разумом и духовными усилиями человека» [Карамурзова, 2009: 13]. Поэт в своем представлении легко соотносит понятие «сад» с понятиями «культура», «одухотворение», «высокая нравственность», «образование». Используя концепты «лес», «сад», «садовник», «плод», «топор», бинарные оппозиции «дикое – привитое», автор в иносказательной форме выражает свое отношение к вечным проблемам бытия [Там же: 15]. В систему ключевых образов поэтических текстов включены также «конь», «всадник», «подкова», «путь» и связанные с ними смыслами, являющиеся важными в поэтической философии Алима Кешокова. Особая роль отводится грамматическим средствам, получающим у А. Кешокова свое назначение, например, глаголы повелительного наклонения подчеркивают, что нравственные заветы предков должны сохраняться. Характерны формы обращения к читателю «брат», «приятель», «друг», снимающие проблему субординации и настраивающие собеседника на благожелательный уровень общения [Там же: 12].

Для произведений А. Кешокова характерны поэтические иносказания, «которые берут свое начало у самих истоков традиционно-народного поэтического мира. Символические реалии становятся конструктивными в целом стихотворении и в отдельной строфе» [Сокуров, 1968: 212]. Большое внимание М. Сокуров уделяет поэтическим образам, имеющим символический смысл. «Взятые из национальной жизни образы поэзии Кешокова освобождаются от их традиционного содержания. «Скакун», например, выступает как символ движения, он теряет свою предметность и получает общезначимый смысл. Кешоков превращает в слова-сигналы многие элементы родной словесности» [Там же: 213].

Безусловно, язык А.Кешокова многранный, один из богатейших, о чем свидетельствует недавно изданный «Словарь языка Алима Кешокова» (2022) под. ред. Б.Ч. Бижоева, созданный на базе всего творческого наследия,

написанного на кабардинском языке и включающий более 600 тысяч картотек.

Глубокий языковедческий анализ авторского текста А. Кешокова в лингвокультурном и концептуальном плане представлен в диссертационной работе Дж.Х. Шугушевой «Фразеологизмы кабардино-черкесского языка как этнокультурный феномен в художественном тексте (на материале произведений А.П.Кешокова)» (2018). Дж.Х. Шугушева в качестве предмета исследования определяет функционирование и этнокультурное своеобразие фразеологических единиц в произведениях А.П. Кешокова на основе анализа их семантики, коннотации, лингвокультурологических, когнитивно-культурологических и аксиологических характеристик. В текстах А.Кешокова исследуются концептосферы *гу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время). Работа Дж.Х. Шугушевой представляет собой одну из первых работ, в которой анализируются особенности творческого использования адыгских фразеологических единиц в контексте индивидуально-авторской языковой личности А.П. Кешокова. В диссертации рассматривается «контекстуальная реализация семантики и коннотаций ФЕ, выявляется системность их реализации в произведениях писателя, что позволило квалифицировать основные черты его идиостиля. Семантико-когнитивный и лингвокультурологический анализ ФЕ, репрезентирующих концепты гу (сердце), псэ (душа), унэ (дом), зэман (время), способствовал адекватной классификации специфики авторского использования ФЕ в художественном тексте» [Шугушева, 2018: 6]. В работе сделаны выводы, определяющие ключевые концепции исследования. Для нашей работы большой интерес представляет заключение автора о том, что фразеологизмы кабардино-черкесского языка с этнокультурными компонентами псэ (душа), гу (сердце), унэ (дом), зэман (время) приобрели в художественном тексте индивидуальную авторскую интерпретацию. Глубоким наблюдением является то, что «компоненты ФЕ в прозе А.П. Кешокова подвергаются различным преобразованиям, так или иначе связанным с авторским

замыслом, и обусловлены стремлением писателя к переоценке характеризуемых ФЕ ситуаций, лиц, явлений» [Шугушева, 2018: 26]. Видоизменения ФЕ в контексте продиктованы экспрессивно-стилистическими задачами и работают на авторский прагматический эффект. «Во всех случаях автор добивается определенного эффекта: ставит ФЕ в нужной ему грамматической форме, наиболее подходящей для контекста; оживляет образность ФЕ, сближая фразеологическое значение и буквальное, изменяет семантику» [Там же]. В рамках данной работы, на наш взгляд, заложены лингвопрагматические основы исследования языковой личности национального писателя на основе конкретных единиц (ФЕ).

В исследованиях авторской индивидуальности чаще всего обращаются к поэтическому дискурсу, поскольку анализ текстов включает более расширенный спектр представленности языкового потенциала автора, так как в северокавказской литературе поэзия имеет более широкую представленность, о чем свидетельствует тот факт, что имена таких поэтов, как Р. Гамзатов, К.Кулиев, А.Шогенцуков, К.Хетагуров, И. Кашежева и других входят в сокровищницу российской поэзии, имеется немало филологических исследований поэтических текстов.

З.Н. Торогельдиева, занимаясь исследованием проблем жанров, традиций и поэтики Инны Кашежевой, пишет: «У каждого значительного художника слова, вошедшего в историю национальной литературы, своя творческая индивидуальность» [Торогельдиева, 2008: 21]. В языковом плане в поэзии И. Кашежевой отмечается новаторство – открытие новых для поэзии средств образной выразительности, что делает тексты авторы индивидуальными, особо узнаваемыми, тем самым «обогатив поэзию Кавказа лирическими картинами природы» [Там же].

В поэтическом дискурсе важным для любого автора является особая организация текста, применение определенных ресурсов языка (фонетических, словообразовательных, лексических, фразеологических синтаксических) «в единстве своем создающим целостную художественную

картину поэзии» [Хавжокова, 2011: 13]. В языке поэзии Хабаса Бештокова, одного из самых органичных, отшлифованных в плане выбора ресурсов, Л.Б. Хавжокова отмечает такие существенные черты, как «внутренний протест против «празднословия», «игры в поэзию», «искажения языка», позволяющие автору создать точный и выразительный текст. Характерными чертами, демонстрирующими авторскую индивидуальность, в диссертационном исследовании названы группы лексических единиц, номинирующих «предметы быта, одежды адыгов (черкеска, башлык, газыри, войлойчная шляпа), выступающие как символы нравственного поиска автора» [Там же]. Вполне справедливо отмечается, что в текстах Х. Бештокова присутствует национальный колорит, определяющий стилистические особенности его поэтических произведений.

В становлении адыгейского литературного языка существенный вклад внес Тембот Керашев, являющийся знаковой личностью в литературном процессе Северного Кавказа. Докторская диссертация М.Н. Хачемизовой «Художественный мир Тембота Керашева в контексте развития адыгских литератур: проблемы исторической поэтики» (2005) ставит задачу комплексного рассмотрения художественного мира Тембота Керашева, выявления структуры и поэтики художественных текстов писателя. В ходе исследования определяются не только проблемы и жанры текстов Тембота Керашева, но и особенности художественного мира, который «формировался под воздействием исторической памяти – фольклора и окружающей его с детства этнической среды, где животворящий родной язык – язык адыгов» [Хачемизова, 2005: 21]. М.Н. Хачемизовой подчеркивается, что «с первых же своих произведений Тембот Керашев не пытался «прямо учиться» у фольклора, «перенимать его опыт», философия и художественный опыт народного творчества уже были в глубине самого творческого мышления, плотью его поэтического слова. Он специально не приходил к фольклору и не уходил от него, он есть часть, стержень его писательского мира» [Там же: 22]. Язык писателя разнообразен, он берет из национального языка наиболее

характерные языковые средства для выражения своих мыслей, идей, описания эпохи, изображения портрета героев, как и в целом истоки авторского стиля. «К характерному стилю автора относятся: лирическое повествование от первого лица, прием отождествления повествования с реальным автором; взаимодействие метафорического лирического сюжета и метафорической образности; внутренняя органичность, создаваемая единством содержания и художественной формы; постоянная обращенность внутрь авторского «я», через которую проясняются современные события и явления» [Хачемизова, 2005: 43]. Из выразительных средств языка Т. Керашева отмечаются метафоры, олицетворения, эпитеты, сравнения, с помощью которых создаются динамичные и наглядные картины. «Излюбленным приемом Тембота Керашева является свободный перенос названия с одного предмета, явления, действия, признака на другой основе их сходства, т.е. метафорические переносы («змеиный взгляд», «враг-князь»). Диалогические речи и монологи героя позволяют судить о его духовной зрелости. Иногда диалог у писателя сталкивает разные взгляды на вещи, разное мышление («Испытание мужества»)» [Там же: 45]. Богатство языка автора обеспечивается присутствием историзмов, архаизмов при передаче исторических событий, а также применяется много авторских неологизмов, которые создают яркие образы. Таким образом, М.Н. Хачемизова намечает важные траектории изучения языковой личности писателя, определяя роль, функции всех единиц, присутствующих в тексте.

Докторская диссертация Ф.Н. Хуако «Художественное осмысление процессов жизни северокавказского общества в контексте духовно-нравственных и интеллектуально-философских исканий личности в лирической повести» определяет некоторые стилистические авторские приемы, которые характерны для исследуемого жанра. В отношении повести Н. Куека выявляется такая особенность грамматического плана, как использование ряда предложений в условном наклонении, которая позволяет «обнажать не только уже существующие чувства, реакции и эмоции героев,

но и ход их в случае того или иного дальнейшего развития и расширения сюжетообразующих конфликтов» [Хуако, 2005: 47]. Здесь можем отметить, что редко в литературоведении обращается внимание на роль морфолого-синтаксических ресурсов в репрезентации авторского мировидения.

Заслуживает особого внимания спектры исследования поэтического творчества Коста Хетагурова. Благодаря усилиям Е.Б. Бесоловой в осетиноведении разработан словарь-тезаурус сборника произведений «Осетинская лира» как лингвистический справочник по языку Коста Хетагурова. «В Ономасиологическом лексиконе «Осетинской лиры» Коста Хетагурова содержится алфавитный список всех слов-номинативов, данный по рубрикаторам, засвидетельствованных в текстах осетинских стихотворений, даются к ним текстовые иллюстрации и их перевод на русский язык» [Бесолова, 2010: 70]. В структуре Словаря представлено деление слов по: 1) частотности их использования в текстах произведений; 2) частотности значений по рубрикам. «Анализируя частотную лексику сборника, можно наглядно определить, на что именно было направлено внимание поэта» [Там же: 73]. Следует отметить, что создание словарей писателей является вершиной лингвистического анализа языка автора, при этом, к сожалению, таких работ в кавказоведении единицы.

В исследовании литературных портретов писателей Ингушетии особое место принадлежит писателю Идрису Базоркину. В кандидатской диссертации Картоевой М.М. «Ингушский языковой пласт в творчестве русскоязычного писателя И.М. Базоркина: на материале романа «Из тьмы веков»» (1999) выявляется творческая индивидуальность, особенности языка писателя. Национальное своеобразие языка, определяющее стилистику И. Базоркина, по мнению М.М. Картоевой, проявляется в созданных им образах. «И. Базоркин как художник национальный и в то же время впитавший в себя величайшие литературно-стилистические традиции русской классики создал тот уникальный и своеобразный стиль, который ингушской прозе не был еще известен» [Картоева, 1999: 4]. В рамках

диссертации исследуются такие лексико-семантические элементы, выражающие национальное своеобразие, как образные, изобразительно-выразительные средства (метафоры, сравнения), тематические группы слов (названия одежды, предметы утвари, элементы национальной кухни, названия дней недели, месяцев, а также отдельные формулы речи и междометия). В отдельной главе автор исследует фразеологизмы и их функции в тексте романа. При анализе стилистических особенностей авторской индивидуальности подчеркивается влияние национальных фольклорных образов, включаемых в произведение, благодаря которым воссоздается национальный мир [Картоева, 1999: 22].

О глубоком художественном значении фольклора в романе И. Базоркина «Из тьмы веков» пишет также Х.М. Муртазанова. В диссертации «Художественная концепция человека и истории в прозе Идриса Базоркина» делается заключение, что «автор вводит в свое повествование его элементы с целью раскрыть национальную сущность народа, осознать человека в контексте истории, обнаружить свойства его характера» [Муртазанова, 2005: 13]. Поскольку роман был задуман как повествование об истории ингушского народа и становлении в нем национального героя, воплощающего и идеал писателя, и народный идеал, применение фольклорных традиций было неизбежно: «передать национальный дух, менталитет народа, его обычаи и традиции И. Базоркину помогли сказания, притчи, пословицы и поговорки, дополняющие и обогащающие художественную ткань романа» [Там же]. В романе определены образные системы, «так называемые первообразы: горы, реки, скалы, земля, солнце. «Природа Кавказа живет по законам мудрой справедливости, она бережет лучшие силы народа, щадит хрупкость и своеобразие людей» [Муртазанова 2005: 16]. Сам образ природы является символом народной свободы, в ней «наше чувство потерянного детства, память о единстве людей, о законах, которые нарушать опасно [Там же].

В чеченской филологии актуализируются вопросы изучения ментальности через тексты художественных произведений, о чем пишет Л.М.

Ибрагимов в диссертационной работе «Художественное воплощение национального менталитета в чеченской прозе XX века». Обобщая существующие аналитические работы произведений писателей и поэтов Чечни, а также включая собственные исследования и наблюдения, делается вывод, что «в произведениях известных чеченских писателей XX века С. Бадуева, С. Арсанова, М. Мамакаева, Х. Ошаева, А. Авторханова, Ш. Окуева, А. Айдамирова, И. Эльсанова, С. Яшуркаева, К. Ибрагимова, Л. Куни, Канташа художественно достоверно раскрыты этнопсихологические черты народа, прослежены закономерности формирования и развития особенности национального характера» [Ибрагимов, 2011: 22]. Представляет интерес и мнение автора о том, как представлены картины мира в текстах. В этой связи можно отметить мысль: «Исследование национальных образов мира и того, как этот мир проявляется в творчестве писателя, позволяют указать на то, что язык, на котором мыслит писатель, и культура являются важнейшими компонентами формирования особенностей мышления и восприятия мира. Важно отметить очевидную этическую природу выражения ментального своеобразия индивида, этноса» [Там же: 5]. В рамках данной работы Л.М. Ибрагимов исследует с заявленной точки зрения роман Канты Ибрагимова «Прошедшие войны», в котором отражены осебенности этнического характера. Близость текста К. Ибрагимова к ментальности чеченцев, наряду с другими факторами, определена связностью языка с фольклором, в частности, к произведению подобран эпиграф из фольклорного текста, применение которого определяется той «сверхзадачей, которую поставил перед собой автор: рассказать о чеченской истории последнего столетия, раскрыть подлинную сущность чеченской души. Фольклорная традиция помогает ему в успешном решении своей нелегкой задачи. Ментальносгь любого народа определяется через ландшафт (привычное географическое пространство, в котором народ проживает), верования, сказания народные, т. е. через фольклор в современном его понимании» [Там же: 19-20]. Таким

образом, определяется исследовательский принцип произведений национальных авторов – обращение к культуре, ментальности.

Не претендуя на полный библиографических обзор работ по языку писателей Северного Кавказа, мы сфокусировали наше внимание на те исследования, в которых есть определенные наблюдения над авторской индивидуальностью в особенности построении текста, в выборе определенных ресурсов языкового строя, что может отразить их идиостиль и служить опорой для дальнейшего изучения ЯЛ.

1.4. Языковая личность Р. Гамзатова в аварской лингвокультуре: ключевые подходы к исследованию

В культурном наследии Дагестана значимое место занимает художественное наследие выдающегося поэта Расула Гамзатовича Гамзатова, чье имя известно не только в России, но и во многих странах. Творчество писателя с литературоведческих позиций не раз становилось объектом исследований, но особенности его языка, которые заложили, с одной стороны, его феноменальность, а с другой, – традиционность, не были объектом лингвистического анализа. Вместе с тем особенно важным для языкознания представляется изучение составных компонентов его языковой личности, которые выявляют авторскую индивидуальность.

В кавказоведении, в частности в дагестанском языкознании, не было исследований, ориентированных на изучение лингвоперсонологии, не выработаны методы анализа персоналий художественного дискурса, т.е. не сформирована методологическая база для изучения языковой личности национального писателя. Теоретические истоки данной диссертации ориентированы на работы российских ученых, которые заложили базу современного научного направления – лингвоперсонологии.

Вместе с тем филологическая наука имеет широкую представленность выдающихся писателей Северного Кавказа, чьи произведения были изучены с позиций литературоведения. В них можем найти определенные концепции,

которые представляют научный интерес, так как некоторые идеи анализа текста выводят на лингвистические аспекты изучения произведений, определяют специфику анализа языка автора. Большая часть подобных работ написана в виде диссертаций, и в данном разделе представим обзор значимых, на наш взгляд, с точки зрения наличия языковедческого анализа исследований.

Творчеству Р. Гамзатова посвящено много работ, в которых нашли отражение его биографические данные, пути поиска жанров и тем произведений, связь с национальными культурными ценностями, особенности поэтики и прозаических текстов. Одним из первых к анализу личности Р. Гамзатова обратился В.Ф. Огнев в своем монографическом исследовании «Расул Гамзатов» (1964), в котором отражено творческое становление поэта, сделаны глубокие наблюдения над основными проблемами, поднятыми в разных жанрах, а также обозначены связи с традициями и историей Дагестана.

Анализу творчества Р. Гамзатова посвящена работа В.В. Дементьева «Кавказская тетрадь», в которой творческий путь поэта рассматривается сквозь призму его жизненного пути. Истоки таланта Гамзатова автор ищет в корнях земли, которая породила великого поэта. В книге названы некоторые важные для творческого развития смыслы, как «горы», «сакля», «огонь», «очаг».

Более глубоким исследованием творчества Р. Гамзатова считается книга Л.Б. Антопольского «У очага поэзии» (1972). Корни таланта Гамзатова автор видит в традициях, «традиция воспламеняла художественное творчество». По наблюдениям Л.Б. Антопольского, составной частью текстов поэта выявляется устойчивый и постоянный образ огня, являющийся значимым компонентом его творчества. «В стихах Гамзатова огонь живет неослабной, неукротимой жизнью. То это буйный, яростный, клокочущий, сжигающий всяческую нечисть сгусток красной силы, то цветок-символ, рдеющий на холодной скале…, то умиротворенно выглядывающий из

домашнего очага *кочет*, – но всегда он цельный, нерасчленимый, неубывающий, с языческим темпераментом, воинствующий и любящий. К нему и от него все нити» [Антопольский, 1972: 4]. Среди менее очевидных знаковых элементов поэтического наследия Р. Гамзатова Л.Б. Антопольский отмечает образ окна. «Образ окна незаметно ассоциируется с образом глаза, зрачка… Видеть, смотреть, созерцать, лицезреть, открывать зрительные картины – это занятие необыкновенное, связанное с душевным подъемом и радостью… Поэт вкладывает в него какой-то сокровенный, затаенный смысл» [Там же: 84-85]. Составной частью авторской индивидуальности Р. Гамзатова является юмор, ирония, комическое. Л.Б. Антопольским отмечается, что юмор присущ не только самой личности Гамзатова, но это и часть его поэзии с первых шагов. «Комизм входит в стихотворение как вода в глину, – делает ее влажной, пригодной для лепки» [Там же: 246]. Характерной чертой юмора Гамзатова является его органичное соединение с сугубо положительными характеристиками.

Особенности поэтического творчества Р. Гамзатова отмечены во многих исследованиях. Наследие поэта рассмотрено в работах дагестанских авторов К.Д. Султанова «Расул Гамзатов» (1973), С.М. Хайбуллаева «Наследие и открытия» (1983), «Поэзия высокого накала» (1990), Ч.С. Юсуповой «Три десятилетия аварской поэзии» (1998) и многих других. В них подчеркивается тесная связь языка поэтических текстов с народными традициями, фольклором.

Б.Д. Хунагова в диссертационной работе «Фольклорные традиции и художественные особенности горской эпической поэмы» отмечает, что Р. Гамзатов и К. Кулиев часто пользуются народной метафорой, которая у каждого автора преломляется по-своему, богат их язык и пословицами, и поговорками. Так, например, по наблюдениям исследователя, поэма Р. Гамзатова «Горянка» «насыщена ими, причем эти народные изречения выступают здесь в роли приемов, дополняющих и обобщающих мысли автора либо иллюстрирующих развитие сюжета» [Хунагова, 2004: 18].

«Панораму национального духовного мира» Р. Гамзатова передают также «притчи и поверья, обряды и обычаи, пословицы и поговорки, назидания и наставления, советы и пожелания мудрых горцев, клятвы («Клянусь твоей сединою, клянусь могилой отца, клянусь я саклей родною, клянусь клинком храбреца») и, наконец, просто приметы («Если хлеб макнуть в вино – значит, с клятвой схоже слово и торжественно оно»)» [Хунагова, 2004: 19].

В ракурсе научных работ, посвященных творчеству Р. Гамзатова, есть интересные наблюдения, отражающие обеспокоенность поэта о судьбе родного языка, отчетливо сформулированная в стихотворении «Родной язык», «в котором автор размышляет о судьбе языков и культур малочисленных народов, без которых немыслима жизнь народа как самостоятельного этноса – проблема, актуальная во все времена, особенно для нашей действительности» [Магомедова, 2010: 14].

Лингвистический аспект исследования языка Р. Гамзатова впервые предложен С.М. Магомедовой в работе «Концепт «женщина» в поэзии Р. Гамзатова и Фазу Алиевой (лингвистический и лингвокультурологический анализ)», в которой определены особенности их языковых личностей. В характеристике женщины в анализируемых текстах поэтов используются разные языковые элементы, которые, на наш взгляд, проецируют языковую личность поэта. Так, Р. Гамзатов использует глагольную лексику для выражения отношения к женщине, передачи своего внутреннего состояния, связанного с чувством любви, описанием женской красоты. «У Фазу Алиевой глагольная лексика чаще используется при описании внутреннего состояния влюбленной женщины, ее внутренних чувств, при изображении природы ее глазами» [Магомедова, 2016: 9].

Поэтические тексты довольно широко используют прилагательные, чаще всего с их помощью создаются изобразительно-выразительные ресурсы, в частности, эпитеты или метафоры. Анализ прилагательных-эпитетов в поэтических текстах исследуемых авторов позволил С.М. Магомедовой сделать вывод, что некоторые семантические группы

встречаются в текстах неравномерно. Так, «прилагательные со значением эмоционального отношения и восприятия в основном встречаются в поэзии Р. Гамзатова», а также для его поэтических текстов характерны «прилагательные, обозначающие ароматы и вкусовые качества: благоухающий цветок (о женщине), медовые женские губы» [Магомедова, 2016: 10]. Для Ф. Алиевой специфичны оценочные прилагательные, обозначающие внутренние качества женщины: лукавое коварство, сладостная ложь, упрямый взгляд, прилагательные, образованные от названий металлов, драгоценных камней: жемчужные зубы, серебряный поясок, жемчужные бусы на шее, золотые волосы [Там же]. В семантико-стилистическом плане, по наблюдениям С.М. Магомедовой, для Р. Гамзатова характерны атрибутивные словосочетания, построенные на основе принципа алогизма: сладостная ложь, сладчайший яд. Характеризуя языковой потенциал поэтических текстов Р. Гамзатова, определяются особенности использования компаративных конструкций. «Сравнительные конструкции представляют интерес как в плане их национально-культурных компонентов, так и с точки зрения индивидуально-авторских особенностей» [Там же: 12]. Для языковой картины мира Р. Гамзатова характерно сравнение женщины с объектами растительного мира, с чистым родником, со светлой родниковой водой, с песней, с красивым и страстным словом, с сияющей звездой, с дивными птицами, драгоценными камнями [Магомедова, 2016].

Большой интерес в работе С.М. Магомедовой представляет анализ концепта «женщина», репрезентируемого такими понятиями, как красота, мать, жена. В представлении данных компонентов концепта значимая роль отводится женщине-матери, которая глубинно представлена у Р. Гамзатова. В его поэзии образ матери представлен разными компонентами: 1) заботливая мать (*кинидахъ кеч1 ахlарай* «у колыбели песню спевшая»), 2) тревожная, страдающая мать (*ургъалабаз къуларай* «согнувшаяся от переживаний»), 3) мать-труженица, хозяйка дома (*мина барай* «построившая дом»), 4) мать - источник жизни (*г1умру къурай* «жизнь давшая»), 5) мать -

источник тепла, радости, положительных эмоций (*хинлъи кьурай* «тепло давшая»), 6) женщина-мать с большим достоинством и честью (*кьурул си г1адай* «подобная утесу»), 7) любимый детьми, родной, близкий человек (*бищунго хlеренай* «самая нежная», *гlазизай эбел* «дорогая мать»)» [Магомедова, 2016: 17].

Кавказская культура проецирует определенное речевое поведение по отношению к жене, по крайней мере, публичное признание в любви и проявление нежности находится под табу. «Расул Гамзатов дает знать об этом всем людям, всему окружающему миру, так как жена для него – и цветок, и свет всей жизни. Такая беспредельная ответственность, признательность, уважение и любовь к жене являются важнейшими составляющими образа жены» [Там же: 19]. Поэтические тексты показывают, «что ключевыми компонентами, выражающими отношение к жене, выступают три слова, которые бы поэт сказал жене, когда его жизнь «придет к своему рубежу»: «за все, дорогая спасибо», «за все, дорогая, прости», «о, будь, дорогая, здорова, здоровья желаю тебе» [Там же]. В этом языковом аспекте ярко показана индивидуальность поэтической личности Р. Гамзатова.

В работе Х.М. Алиевой затронуты вопросы адекватности перевода гамзатовских произведений, в частности, утверждается, что при переводе поэмы «Горянка» используются восклицания, клятвенные формулы и обращения к богу (отсутствующие в оригинале), искажающие стиль автора [Алиева, 2012: 18]. «Индивидуально-художественная особенность поэтических произведений Р. Гамзатова остается не до конца раскрытой: его субъективные мысли, философичность, юмор, идиомы и игра слов, афористичность ослабевают и приобретают иной оттенок – характерную внешнюю броскость, яркость. При этом произведения теряют внутреннюю силу, глубину мысли» [Там же: 20].

Следует заметить, что вопросы адекватности перевода текстов Р. Гамзатова (поэтических и прозаических) часто поднимаются

исследователями, в частности, об этом пишет Х.И. Магомедова. По ее утверждению, проблема художественного перевода важна в связи с тем, что исходный текст (оригинал) иногда не совпадает с переводом как лексическими компонентами текста, так и целыми конструкциями, что может привести к искажению авторское мировидение, «за каждым переводимым поэтом стоит определенная литературная традиция, ментальность, языковая картина мира своего народа» [Магомедова, 2010: 5]. По мнению Х.И. Магомедовой, «многие переводы гамзатовских стихов на русский язык являются авторизованными, и на этом факте строится спорная точка зрения: если перевод авторизованный, то он адекватный» [Там же].

Таким образом, филологические исследования текстов Р. Гамзатова дают определенные ракурсы анализа языковой личности: связь с фольклорными традициями, наличие общекультурных и индивидуальных образов, служащих знаками-символами в его поэтическом дискурсе, выявляют характерные элементы авторской картины мира и языковой наполненности текстов, которые актуализируются в переводе.

ВЫВОДЫ

Современная лингвистическая наука пользуется таким многранным и многослойным термином, как «языковая личность», ставшим ключевым понятием лингвоперсонологии. Возможность введения данного термина обусловлена антропоцентрической направленностью лингвистики XX – начала XXI в. Несмотря на попытки Й.Л. Вайсгербера, Н.С. Трубецкого и В.В. Виноградова сфокусировать внимание на человеке, говорящем, как языковой личности, научное направление по ее изучению начинает интенсивно развиваться только с 80-х годов XX века благодаря работам Ю.Н. Караулова, В.П. Нерознака, В.И. Карасика и др.

Концепция «языковая личность» строится на представлении, что это носитель языка, способный не только владеть определенной системой языковых ресурсов, но и способный выбирать определенные единицы с

целью передачи информации. Под языковой личностью (ЯЛ) рассматривается носитель языка, способный к речевой деятельности, то есть это комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения – по существу личность речевая. В характеристике ЯЛ важным является не столько знание языка, сколько умение сочетать их особым образом, творить. В связи с описанием ЯЛ писателя актуально использовать понятие «элитарная личность», которое включает не только владение ресурсами литературного языка, но и умение креативно комбинировать их, создавая свой идиостиль, проецируя авторское мировидение, определенным образом воздействовать на читателя, формировать картину мира.

Характеристики ЯЛ проводятся по разным параметрам, с учетом таких аспектов, как дискурс, ситуация коммуникации, психолингвистические, социальные, педагогические, прагматические, когнитивные и ценностные установки. В современных исследованиях доминирует представление о ЯЛ как производителе речи, в связи с чем его понимают, как речевую личность. Многополярность исследований ЯЛ подчеркивается терминологическим разнообразием используемых единиц для их презентации: коммуникативная личность, дискурсивная личность, жанровая личность, литературная личность, поэтическая личность и др.

При изучении языковой личности в рамках художественного текста нами выделено два подхода: от текста, его языковой организации к характеристике личности автора и от описания типологических характеристик автора к демонстрации языковых особенностей. В научных исследованиях более представленным признается текстовая лингвоперсонология, в ее рамках исследователь движется от текста к воплощенной в нем языковой личности (типе языковой личности).

Рассматривая художественное видение мира как комплексную картину, проецируемую автором и соотносимую с системой ценностей, ученые разделяют мнение о том, что текст передает ценностную картину мира через

авторское мировидение. В связи с этим принципиально важным для нас направлением исследования ЯЛ писателя может быть лингвокультурологический и когнитивный. Такой ракурс анализа автора художественного текста для нас привлекателен тем, что мы его рассматриваем как транслятора культурных смыслов.

Картина мира писателя напрямую связана с его опытом познания, мировоззренческими позициями, творческим восприятием действительности. В связи с этим рассматривается понятие «художественная картина мира», которая заключается в конструировании картины мира из субъективных личностных оценок художника. Описание картины мира писателя, безусловно, должно строиться на текстовом анализе тех единиц языка, которые имеются в арсенале автора с учетом семантических вариантов или сдвигов, которые могут иметь место в авторском употреблении.

Проведенный нами краткий анализ аспектов исследования личности авторов северокавказских литератур показал, что филологические работы ориентированы на проекцию жанрово-композиционных характеристик текстов, описание проблематики произведения и основных героев. Анализ языкового материала направлен на выявление истоков (частично эпических), наличие народных смыслов, а также на описание изобразительно-выразительных средств, в некоторых случаях, не совсем идентифицирующих автора и его индивидуальные особенности. В целом прослеживается тенденция к описанию языкового материала как важного компонента национального языка, а авторы признаются основоположниками литературных форм языка, развивающими лексический, грамматический и синтаксический уровни языка.

При описании языка писателя младописьменной культуры ключевым компонентом является его связь с фольклором, традициями устного народного творчества, умение не только базироваться на отработанных алгоритмах построения текста, но и быть свободным от них, не теряя при этом свои истоки. Признанные мастера слова северокавказской литературы

органично вплетены в каноны устного народного творчества, но при этом мастерски умеют создавать оригинальные тексты, имеющие индивидуально-авторский идиостиль.

В анализе языка поэтического дискурса Р. Гамзатова особое место занимают описания национальных и индивидуальных образов и символов, свойственных его авторскому стилю и репрезентирующих картину мира, особенно выделяется образ женщины как отражение индивидуальной ценностной категории. Особой значимостью обладают некоторые лексико-грамматические свойства текстов, роль слов разных частей речи в текстовом построении, а также на устойчивые высказывания, включаемые в текст с разными авторскими интенциями.

Важной проблемой исследования языка Р. Гамзатова признается адекватность текстов и переводов, т.к. в некоторых случаях переводы носят свободный характер, применяются неэквивалентные единицы. Наличие лексической трансформации в переводе подтверждает наше мнение о необходимости изучения ЯЛ исключительно через оригинальный текст в целях достижения научной точности исследования.

ГЛАВА 2. СИСТЕМА ОБРАЗНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РАСУЛА ГАМЗАТОВА

2.1. Эпитеты-прилагательные как базовый элемент образной системы поэтического дискурса Расула Гамзатова[1]

В качестве составных идентифицирующих компонентов индивидуального идиостиля в поэтических текстах Р. Гамзатова выступают прежде всего эпитеты-прилагательные. Эпитеты как определительные изобразительно-выразительные средства выполняют разные семантико-стилистические функции. Используя эпитеты нераспространенного и распространенного характера, поэт создает словесные образы, имеющие национально-культурный и индивидуально-авторский характер. В ряде случаев эпитеты-прилагательные представляют собой символические языковые вкрапления в тексты поэтических текстов.

Эпитеты-прилагательные в поэзии Р. Гамзатова используются в прямом и переносном (метафорическом) значениях:

ср. *берцинал руччаби* «красивые женщины», *г1урдал т1егь* «луговой цветок» (генитивная форма субстантива использована в функции относительного прилагательного), *кенч1олел берал* «сверкающие глаза»; *гьалдолеб рак1* «кипящее сердце», *хинаб балагьи* «теплый взгляд» и др.

Достаточно очевидна и гендерная специфика эпитетов-прилагательных. Некоторые из них имеют символический характер, обусловленный именно гендерными признаками и ментальными особенностями носителей языка. Так, например, в качестве «мужских» эпитетов выступают следующие прилагательные: *къвак1араб рак1* «крепкое сердце» (о мужественном, стойком человеке), *гьалдолеб рак1* «страстное (*букв*. «кипящее») сердце», *лебалав багьадур* «отважный воин», *г1ебал гъуждул* «широкие плечи», *кьурарал михъал* «закрученные усы» и некоторые другие.

---

[1] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С. Эпитеты-прилагательные в поэзии Расула Гамзатова. Махачкала, 2019).

Эпитеты, характеризующие женщин, чаще используются для описания их внешнего облика, красоты, изящества. Определяемые существительные в этом случае часто употребляются в переносном значении (при этом используются метафоры, соотносительные с растительным и зооморфным кодами культуры): *берцинаб микки* «красивый голубь» (об изящной женщине), *г1урдал т1егь* «луговой цветок», *дир мадугьалалъул* ***гьайбатай*** *Маша* «моей соседки прекрасная Маша», *т1инч1ай меседо* «юная красавица» и др.

Часть эпитетов-прилагательных или причастных компонентов в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова одновременно выполняет определительно и предикативно характеризующие функции:

Радалги мун ***къиматай****,* И утром ты **бесценна,**
Къадеги мун ***гвангъарай****,* И днем ты **светла**,
Къасиги ***бец1лъуларей****,* И вечером **не темна,**
Сардилъги ***г1ажаибай****.* И ночью **удивительна**.

***

Мун кидаго ***к1удияб****,* Ты всегда **величественное**,
Мун кидаго ***берцинаб****.* Ты всегда **красивое,**
Кидаго ***хисулареб*** Всегда **неизменное,**
Хирияб *Каспий ралъад.* **Дорогое** Каспийское море.

(Из восьмистиший)

Рукъ г1арцул ц1уразулги У кого дом богатством полон,
Г1умру ***хашаб*** *бук1уна,* Жизнь **жалкая** бывает.
Ханжар борчаразулги, И у тех, кинжал кто носит
Рак1 ***х1инкъараб*** *бук1уна.* Сердце **трусливое** бывает.

(Из восьмистиший)

Как видно из приведенных примеров, адъективы, выполняющие не только определительно характеризующие, но и предикативно характеризующие функции, в синтаксических структурах чаще занимают постпозицию, характерную для предиката.

Однако при инверсии определительные компоненты, выполняющие предикативную функцию, для актуализации их денотативного и коннотативного значения могут быть вынесены в начало синтаксической конструкции:

Берциналгун гьайбатал **Красивы и прекрасны**

Гьал руччаби кидаго. Эти женщины всегда.

Берциналгун пахруял **Красивы** и **величественны**

Гьал руччаби кидаго. Эти женщины всегда.

Причастные определительные компоненты, выполняющие предикативные функции, могут быть также использованы в целях актуального членения компонентов сообщения в препозиции по отношению к подлежащему-субъекту:

Добе ***гьимулеб*** *гьумер,* И туда **улыбается** (*букв*. «улыбающиеся») лицо,

Гьанир ***кьуркьулел*** *берал.* И сюда **строятся** (*букв*. «крутящиеся») глазки.

В таких случаях в семантическом плане определительное значение представляется более важным и актуальным, чем предикативно-характеризующая функция.

В качестве определительных компонентов используются не только прилагательные, но и причастия и распространенные определения, выраженные причастными оборотами, что достаточно характерно для текстов аварского песенного устного народного творчества.

Кват1ун ккараб *рокьул* У поздно **случившейся** любви

Кьибил г1ат1идаб. Корни широкие.

(Из элегий)

Магьи т1аде биччараб **Инкрустированная слоновой костью**

Беричаб ц1улал х1алт1и. Изящная работа по дереву.

(«Ахирияб багьа» – «Последняя цена»)

Цепочечно одновременно могут быть употреблены причастные обороты и эпитеты-прилагательные, выполняющие усилительную функцию:

Испанияз гьабураб **Сделанное испанцами**

Гьайбатаб *квервзул т1аг1ел.* **Прекрасное** деревянное изделие.

(«Ахирияб багьа» – «Последняя цена»)

Хасалихълъиялъул *т1анхал* **Осенние** листья,

Дир гъуждузде ***рортарал.*** На мои плечи **опавшие.**

***

Гьороца к1ик1улеб ***пашманаб*** *кини*

Ветром качаемая **печальная** люлька

(«Бицунге» – «Не говорите….»)

Рук1уна ***к1удиял****, цо* ***хасал*** *сонал,*

Халкъалъул рак1алда рек1ун хут1арал.

Бывают **значительные**, **особые** годы,

В сердце народа след оставившие.

(«Руччабазул сон» – «Год женщин»)

Цепочечно употребленные прилагательные и причастные обороты, выполняющие определительную функцию, могут носить синонимический характер. Из таких эпитетов-прилагательных составляются синонимические ряды, где определения в экспрессивно-эмоциональном плане дополняют друг друга (при этом коннотации нарастающе усиливаются):

Х1алихьатал, гьерсилал, **Подлым, сплетничающим,**

Намус гьеч1ел *чаг1азда* **Не имеющим совести** людям

Гьанибе нух къосаги. Пусть сюда дорога будет закрыта.

(Из надписей на дверях)

Имеют место поэтические тексты, в которых эпитеты-прилагательные употребляются попарно (каждый эпитет имеет при себе определяемое слово), но в целом при этом дается определительная характеристика одного объекта (лица или предмета):

Рац1ц1адал *рак1азул* **Чистых** сердец

Лъик1ал *г1адамал.* **Хорошие** люди.

(«Семен Гудзенкоде» – «Семену Гудзенко»)

*Замана – **хехаб** поезд,* Время – **скорый** поезд,

*Г1умру – **хехаб** самолет* Жизнь – **скорый** самолет.

Особую значимость в коннотативном отношении представляют адъективы, употребленные в различных по жанру поэтических текстах (элегиях, сонетах, восьмистишиях, в обычных стихотворениях и поэмах и т.д.) в переносном метафорическом значении:

гьуинал сардал «сладкие ночи», *хинаб балагьи* «теплый взгляд», *гьалдолеб рак1* «страстное/горячее (*букв*. «кипящее») сердце», *халатал къасдал* «длинные мечты», *лъалиниб кьижараб хвалчен* «спящий в ножнах кинжал» и т.д.

В отдельных случаях метафора и метонимия сливаются, образуя определительный компонент синкретичной семантики: *г1урччинаб их* «зеленая весна» (ср. *г1урччинаб хер* «зеленая трава»). Приводимые ниже примеры свидетельствуют об особенностях употребления таких определительных компонентов в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова:

*Гьаб **гьалдолеб рак1алъе*** У этого **горящего сердца**

Киг1ан мехдай хут1араб? Сколько же времени осталось (жить)?

(Из восьмистиший)

*Гьаб дир **х1айранаб** рокьул* Этой моей **нежной** любви,

Х1ухьел хъван хадусала, Почувствовав дыхание,

***Хехал муг1рузул** г1орал* **Быстрые горные** реки

Ракъвалаан киналго. Высохли бы все разом.

(Из восьмистиший)

***Гьалагал** къасдаца къаси дир шекъер*

Щай къакъалеб бугеб, бадибч1вай гьабун.

Бурные мечты ночью мое горло

Почему сжимают, упрекая меня?

(«Метер дуда хадуй…» – «Завтра за тобой…»)

*Гьаб **гьалдолеб рак1алъе*** Для этого **горящего сердца**

Г1ишкъу къвариг1ун буго. Нужна любовь.

Как видно из ряда примеров, метафоризация приводит к персонификации отвлеченных понятий (ср. *мечты сжимают горло, от дыхания любви высохнут все реки*). Персонификация природных явлений, отвлеченных понятий, связанных с темой любви, конкретных предметов и т.д. достаточно характерно как для поэтических текстов Р. Гамзатова, так и для поэтического дискурса вообще. В современном поэтическом дискурсе особенно очевидна персонификация (очеловечивание) отвлеченных понятий. В этой связи Н.М. Громова отмечает, что персонификация способствует конкретизации отвлеченных понятий, их одухотворенности, яркости метафоры [Громова, 1975: 45]. О персонификации материнской шали в поэме Р. Гамзатова «Эбелалъе кеч1» («Песня о матери») С.М. Магомедова пишет: «Символ *черного* платка настолько значим, что местами в поэме Расула Гамзатова… повествование ведется от имени одушевленного черного платка, к которому обращается поэт и с которым ведет диалог, т.е. черный платок выполняет функцию живого персонажа…» [Магомедова, 2012: 81].

Определительные компоненты в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова выполняют разные семантико-стилистические функции. Прежде всего они употребляются для актуализации внешнего облика и внутренних качеств человека (женщин и мужчин), для обозначения их различных физических и эмоциональных состояний и т.д. Такие определительные компоненты имеют антропоцентрический характер (соотносятся с антропным кодом культуры), определяют человека с разных сторон, поэтому определяемые компоненты (существительные) в семантическом плане достаточно разнообразны и обозначают части тела, возраст, черты характера, поведение, родственные отношения, эмоциональное состояние и т.д.:

т1инч1аб берцинлъи «юная красота», *гьерсилаб релъи* «лживый смех», *нек1сиял гьудулзаби* «старые друзья», *хирияй эбел* «дорогая мать», *херай якьад* «старая теща», *цересел гьудулзаби* «прежние друзья», *гьудулалъул кенч1олел берал* «сверкающие глаза подруги», *канлъи кенч1олеб гьумер*

«светом сияющее лицо», *хъах1лъарав херав* «поседевший (*букв.* «побелевший») старик», *берцинаб гьумер* «красивое лицо» и другие.

Употребление таких определительных компонентов создает особую коннотативную окраску, делает синтаксические структуры стилистически окрашенными и экспрессивными, эмоционально насыщенными:

Хабазе берцинаб гьумер къулани,
Гьениса вахъина, жеги ах1ила.

Если [женщина] над могилой красивое лицо склонит,
Встану из могилы и еще раз спою.

(«Бицунге…» – «Не говори…»)

Каранда бакъ бугей, На груди (у которой) солнце (светит),
Бадиб ц1ва бугей… В глазах (у которой) звезда (сияет)…

(«К1одол хабарал» – «Бабушкины рассказы»)

Дун ***пашманав*** *чи гуро,* Я не **печальный** человек,
Дуца пашман гьавуге. Ты не печаль меня.

(Из элегий)

Цо коч1охъан вук1ана Был один поэт
Хъах1лъараб *мегежалъул* С **побелевшей** бородой.

(Из элегий)

Талих1ав *мадугьал, дуца бицуна*
Дир зах1малъабазул, дир ургъелазул.

Счастливый сосед, ты рассказываешь
О моих трудностях, о моих заботах.

(«Мадугьал» – «Сосед»)

В отдельных случаях из эпитетов-прилагательных составляются синонимические ряды, где определения, образуя цепочку, усиливают друг друга на коннотативном уровне.

Г1олохъанай *дир гьудул,* Моя **молодая** подруга,
Дир ***бах1арай*** *меседо.* Моя **юная** красавица.

***

Цинги – ***макруяб*** *х1елх1ел,* Потом **коварная** лесть,

Цинги – ***х1иллаяб*** *рецц-бакъ*. А после **коварно-льстивая** похвала.

(«Горсверуда» – «В людском окружении»)

В синонимические отношения могут вступать определительный и определяемый компоненты, формируя при этом одно семантическое пространство:

Хъах1лъарав херав *вуго* **Побелевший старик**

Харбида годек1анив… На годекане беседует.

Как известно, в аварском языке отсутствуют относительные прилагательные, их функцию выполняют генитивные формы существительных. Такие традиционные для текстов аварского песенного устного народного творчества формы субстантивов, нередко формирующие метафоры генитивно-номинативной модели, достаточно продуктивно используются в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова и отличаются национально-культурными или индивидуально-авторскими коннотациями. Некоторые из них носят символический характер:

к1ут1бузул печать «губ печать» (о поцелуе), *рогьалил гьогьен* «утренняя (*букв*. «утра») прохлада», *хиялазул къор* «капкан желаний», *хиялазул маржанал* «жемчуга мечтаний», *ихдалил лъар* «весенний (*букв*. «весны») ручей» и т.д.

Характеризуемые субстантивные формы вместе с качественными прилагательными в функции эпитета могут образовать цепочки определительных компонентов, характеризующих определяемый объект с разных сторон, подчеркивая разные его качества:

Ихдалил баг1араб *бакъ,* **Весеннее красное** солнце

Дур ч1оразул къимат щиб? Какова цена твоих лучей?

(Из восьмистиший)

Ширазалда чвахулеб В Ширазе ты течешь

Ихдалил т1еренаб *лъар.* **Весенний тонкий** ручей.

(Ираназул куч1дуздасан/Из цикла иранских стихов)

Тавризалъул кьер-кьерал *шалал*

Тавризские (*букв*. «Тавриза») **разноцветные** шали.

(«Ахирияб багьа» – «Последняя цена»)

Часть эпитетов-прилагательных в поэтических текстах Р. Гамзатова используется для описания природы:

ракъварал г1ицl1ал гъут1би «высохшие голые деревья», *рогьалил хер* «утренняя трава», *берцинаб квацl1и* «красивый букет», *бекьараб хур* «вспаханное поле», *ч1ух1араб ракь* «гордая земля» и т.д.

Нередко внутренние состояния человека или самого поэта обозначаются через описание природных явлений в разные времена года: ***г1аздалаб*** *къо* «**снежный** день», *февралалъ ганч1алъан* ***г1урччин хер*** *баккун буго* «в феврале из камней пробилась **зеленая трава»** (о природе и настроении), ***баккулеб*** *бакъ* «**восходящее** солнце» (о женщине), *роржанхъулел руго* ***хъах1илал*** *х1анч1и* «летают голубые птицы» (о состоянии поэта, наблюдающего море) и т.д.

Для поэтического дискурса Р. Гамзатова характерны эпитеты-прилагательные, определительно характеризующие небо и небесные светила. В основном такие определительные компоненты метафорического характера используются при актуализации средствами языка образа женщины и концепта «Любовь». Вместе с тем имеются случаи их употребления в прямых значениях: *баккулеб бакъ* «восходящее солнце», *борхатаб цl1ва* «высокая звезда» (метафорическое обозначение женщины), *шагьримоцl1 г1адинаб гургинаб гьумер* «подобное луне круглое лицо», *рорхатал цl1ваби* «высокие звезды», *г1агарал цl1ваби* «родные звезды», *хъах1илаб зоб* «голубое небо», *хасаб цl1ва* «особая звезда», *зодихъ гвангъарал цl1ваби* «сверкающие в небе звезды», *т1адег1анаб цl1ва* «высокая звезда» (о красоте и достоинстве женщины и о любви)», *рокьи – кунч1араб цl1ва* «любовь – сияющая звезда»,

рокьи – гвангъараб ц1ва «любовь – сверкающая звезда», *ихдалил бакъ* «весеннее солнце», *рорхатал хъах1ил зобал* «высокие голубые небеса» и т.д.

Доб зодихъ щивасул Там в небе у каждого
Буго ***хасаб ц1ва*** Есть **особая звезда.**

***

Дица сарин ах1ула, Я песни пою,
Бух1араб бакъ *къалъизе.* **Горячее солнце** чтобы сверкало.

В семантико-стилистическом плане представляют интерес эпитеты-прилагательные, семантически несовместимые с определяемым существительным (в этом случае образуются адъективно-субстантивные сочетания, построенные по принципу алогизма):

лъалиниб кьижараб свакараб хвалчен «спящий в ножнах уставший кинжал», *дир х1айранай* «*тушман*» «мой нежный «враг» (о женщине)», *х1айранал кьураби* «трогательно-красивые, изумительные скалы» (обычно с существительным *кьураби* «скалы» сочетаются прилагательные-определения типа *къвак1арал* «стойкие», *щулиял* «стойкие, крепкие», *г1асиял* «суровые», *пашманаб гьими* «печальная улыбка» и т.д.

Такие сочетания состоят из слов, которые семантически как бы взаимоисключают друг друга и обозначают то, чего в реальной действительности по логическим причинам не может быть.

Х1анч1ил бусаби руго Птицы гнезда вьют
Х1айранал *дол* ***кьурабахъ,*** В этих **трогательных скалах,**
Мун гьений йигеб мехалъ. Когда ты там находишься.

Возможность необычной сочетаемости прилагательного *х1айранал* с субстантивом *кьураби* «скалы» реализуется при причинной мотивировке (когда любимая рядом): в новых синтаксических условиях расширяются валентностные свойства прилагательного, семантически как бы исключающего такую сочетаемость. Следует отметить, что в аварской языковой картине мира (в поэтической и фразеологической) компонент

кьураби «скалы» символизирует стойкость, выносливость человека (ср. ФЕ *кьуру г1адин къвак1арав* «стойкий как скала»).

Достаточно авторским и символическим для поэтического дискурса (любовной лирики) можно считать прилагательное *х1айранаб* «нежный». Р. Гамзатов путем расширения валентности прилагательного придает данному эпитету различные коннотативно-стилистические оттенки: *х1айранаб лах1зат* «нежный (чудесный) миг/мгновение» (ср. пушкинское «*чудное мгновенье*»), *х1айранай гьудул* «нежная подруга», *х1айранаб рокьи* «нежная любовь», *х1айранаб гьаракь* «пленительно-нежный голос», *ихдалил х1анч1азул х1айранал куч1дул* «нежные (сладкие) песни весенних птиц», *х1айранай эбел* «нежная, трогательная мама», *х1айранал т1угьдул* «нежно-трогательные цветы», *х1айранал ищцал* «трогательно-красивые родники», *х1айранал бакънал* «нежные мелодии» и др.

Среди продуктивно употребляемых и ставших символическими в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова можно назвать и другие гендерные эпитеты-прилагательные типа а) *берцинай* «красивая», б) *гьайбатай* «прекрасная», в) *х1икматай* «чудесная», контекстное употребление которых раздвигает рамки их сочетаемости:

а) *ц1акъ берцинал руччаби* «очень красивые женщины», *берцинал ищцал* «красивые родники», *бищунго берцинаб кеч1* «самая красивая песня», *берцинал муг1рул* «красивые горы» (чаще употребляется *рорхатал муг1рул* «высокие горы»), *берцинаб г1умру* «красивая жизнь», *берцинаб г1алам* «красивый мир», *берцинаб дур калам* «твоя красивая речь», *берцинаб гагу* «красивая кукушка» (о женщине);

б) *гьайбатай яс* «прекрасная девушка», *гьайбатаб их* «прекрасная весна», *гьайбатал сапарал* «красивые пути-дороги», *гьайбатаб т1егь* «прекрасный цветок» (о женщине), *гьайбатай ч1ужуг1адан* «прекрасная женщина», *гьайбатаб мех* «прекрасное время» (любви);

в) *х1икматай йиго* «ты очень чудесная», *х1икматаб т1егь* «удивительный/чудесный цветок, *х1икматаб балъголъи* «удивительная/чудесная тайна»:

Кьурулъ бусен лъураб В скале гнездо свившая
Берцинаб гагу. **Красивая кукушка.**

(«Руччабазул сон» – «Год женщин»)

Дун гьаб дунялалде кват1ун вач1ана:
Г1акъилал бихьинал, ***гьайбатал ясал****,*
Дун гьавилалдего гьаниса ана.

Я поздно пришел в этот мир:
Мудрые мужчины и **прекрасные девушки**,
До моего рождения ушли отсюда.

***

Сапарал *рук1уна, саринал г1адин,*
Г1акъилал, къваридал, кепал, ***гьайбатал****.*
Пути-дороги бывают, как и песни,
Мудрые, печальные, радостные, **прекрасные**.

***

Цо бат1ияб г1умру, бат1ияб ***г1алам****,*
Г1акъилаб, ***берцинаб****, ццингун кьал гьеч1еб.*
Другая жизнь, другой **мир**,
Мудрый, **красивый**, в котором нет зла и вражды.

Особую группу образуют определительные компоненты эмоционально-оценочного характера, часто имеющие метафорический характер: *аваданаб лъар* «веселая речка», *пашманаб кеч1* «печальная/грустная песня», *кепал куч1дул* «веселые стихи/песни», *керен бух1улел рокьул куч1дул* «сжигающие сердце песни любви», *пашманай ч1ужуг1адан* «печальная женщина», *панаяб рокьи* «безумная любовь», *гьалдолеб рокьи* «горячая (*букв.* «кипящая») любовь», *дур х1асратаб ц1ар* «твое дорогое имя», *дун ц1идасан гьанже ццидалав г1ашикъ* «я теперь снова злой поэт», *гвангъараб гьумер* «сияющее

лицо», *пашманаб ч1ва* «печальная струна», *гьагаб х1асрат* «безумная страсть» и т.д.

Часть таких определительных компонентов выражает значение интенсивности, что приводит к формированию эмоционально насыщенных коннотаций (ср. *гьагаб х1асрат* «безумная страсть», *керен бух1улел рокьул куч1дул* «сжигающие сердце песни любви», *панаяб рокьи* «безумная любовь» и др.).

Группа эпитетов-прилагательных в прямых и переносных значениях выражает отношение к Родине, родной земле, родному селу, дому и очагу родному. Такие определительные компоненты отличаются оценочными свойствами, выражают положительные коннотации:

рорхатал нилъер муг1рул «высокие наши горы», *г1агараб ракь* «родная земля», *хирияб улка* «любимая страна», *г1агараб улка* «родная страна», *бокьулеб улка* «любимая страна», *огь, къиматаб дир Ват1ан* «о, достойная моя Родина», *г1агарал кьураби* «родные скалы», *дир х1асраталъул рогьел* «моей любви рассвет» (о малой родине поэта) и т.д.

Г1оралъ жаваб гьабуна, Река ответила:
Жиб бижараб кьуруг1ан, **Красивее** скалы, где она родилась,
***Берцинаб** бак1 гьеч1илан.* Нет нигде места.

***

Мун улкаялъул г1орхъи, Ты граница страны (моей),
*Мун дир **рохалил г1орхъи**.* Ты моей **радости граница**.

***

Армиялда буго цо къо гьа балеб,
Жиндирго полкалда цебе солдатас,
***Хирияб улкаги**, элъул байрахъги*
Гьаб дуниялалда бац1ц1ад ц1унизе.

В армии есть один день присяги
Солдат перед своим полком,
Когда **любимую Родину** и ее знамя

Клянутся защищать достойно.

Говоря о роли изобразительно-выразительных средств языка в поэтическом дискурсе С. Есенина, В.В. Образцова пишет: «Есенин, используя метафоры, сравнения, эпитеты, создает замечательные словесные образы, передающие тончайшие движения человеческих чувств…» [Образцова, 1973: 45]. Язык Р. Гамзатова характеризуется наличием разнообразных определительных изобразительно-выразительных средств, которые используются для выражения эмоциональных состояний и отношения к тому, что дорого поэту. Многие из таких определительных компонентов отличаются национально-культурной спецификой и репрезентируют особенности авторской интерпретации, основанной на образно-эмоциональном и интеллектуальном осмыслении поэтом окружающей действительности.

2.2. Гипербола в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова: семантика, функции и лингвокультурная специфика [2]

Гиперболизация – это художественный прием, связанный с преувеличением какого-либо свойства, качества, особенностей предмета или процесса [Ожегов, 1983: 117]. Прием гиперболизации достаточно широко используется в художественном дискурсе и особенно часто в фольклорных произведениях.

Особенности употребления способов гиперболизации в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова специально не рассматривались, чем определяется наш интерес к данной проблеме. В качестве способов гиперболизации исследователями рассматриваются разные языковые средства преувеличения, выражения значения «небывальщины». При этом в основном внимание обращается на такие средства гиперболизации, как способы словообразования, числовая символика, описание состояний или последствий

[2] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С. Элементы гиперболизации в поэзии Расула Гамзатова // Современный ученый. 2017).

физического или эмоционального воздействия на человека, использование фразеологических единиц со значением интенсивности и др.

В отдельных публикациях по дагестанским языкам отмечаются случаи использования приемов гиперболизации в так называемых зложеланиях [Гаджиалиева, Рамазанова, 2013: 181-185]. Специфические средства гиперболизации используются и в паремиологических единицах разных языков [Савенкова, 2003: 119-122; Алиханова, 2011: 34-36].

Такие средства в поэтических текстах отличаются достаточно ярко выраженным эмоционально-оценочным характером, нацеленным на соответствующую реакцию со стороны читателя. Изучение способов гиперболизации в разных языках представляет интерес как в плане исследования национальных языковых картин мира, так и определения специфики авторской языковой картины мира.

В этом плане достаточно продуктивным средством эмоционально-усилительной гиперболизации в поэтическом дискурсе Гамзатова являются числительные, которые одновременно носят и символический характер. Довольно часто в его стихотворениях в качестве средства эмоционально-оценочного преувеличения используется числительное *азарго* «тысяча»

Азарго *кеч1 гьабуна,*	**Тысячу** стихов сочинил,
Коч1охъан лъугьинч1о дир,	Поэт из меня не вышел.
Азарго *чу кьолона*,	**Тысячу** коней оседлал,
Чот1ахъан лъугьинч1о дир.	Всадником я не стал.

(«Азарго кеч1 гьабуна» – «Тысячу стихов сочинил»)

Эбел дуца ***азарго***	Мама, ты **тысячу** песен
Кеч1 ах1ана васасе.	Спела для сына.

(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Дир эмен вук1ана машгьурав шаг1ир,
Досул раг1ул къимат лъала росабалъ.

Азарго кеч1 *хъвана дос г1умруялда.*

Мой отец был известный поэт,

Цену его стихам знают в селах

Тысячу стихов он написал в жизни.

(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Числительное *азарго* «тысяча» в качестве языкового средства гиперболизации используется, как уже отмечалось, в текстах устного народного творчества, в пословицах и поговорках. Так, например, на символическое использование числительного *азарго* «тысяча» в аварских паремических единицах указывает Л.Г. Алиханова. Автор отмечает, что в аварских паремиях имеет место «противопоставление усилительного характера символизированной числовой пары *азарго – цо* «тысяча – один»: *Азарго лъимер бугониги, цоябги хвезе бокьулареб* «Хоть тысячу детей имеешь, и одного потерять не хочется» *Азарго къоги дагьабила лъазе, цо къоги г1емерабила квешалда ругьунлъизе* «И тысячи дней мало, чтобы познать хорошее, и одного дня много, чтобы научиться плохому» [Алиханова 2011: 35].

Такое же явление имеет место и во фразеологических единицах. Употреблением числительного *азарго* в сочетании с существительными темпоральной семантики во фразеологических единицах, как отмечает Л.Г. Алиханова, достигается максимализация временной семантики: *азарго соназ* «испокон веков, издавна, длительное время» (*букв*. «тысячами лет»). Она же отмечает, что сочетание числительного *азарго* с со словами другой семантики приводит к эмоциональному усилению количественного значения: *азарго баркала* «выражение глубокой признательности (*букв*. «тысяча благодарностей»), *азарго нухалъ абизе* «внушать много раз» (*букв*. «сказать тысячу раз») [Там же: 35-36].

Встречаются контексты, когда преувеличение происходит путем использования приема деактуализации одного числового обозначения в целях гиперболической актуализации другого числа. Так, например,

эмоционально выражая свое отношение к родному (хотя и небольшому по численности жителей) селу, Гамзатов пишет:

Нусго *ц1араки гуро,* Не **сто** дворов (в селе)

Нусго миллион *буго*. А **сто миллионов**.

(«Ц1адастан» – «Цадастан»)

Из числительных для эмоционального преувеличения и выражения чувств любви в основном используются слова *нусго* «сто», *азарго* «тысяча», *миллион, миллиард*. В том числе характерно намеренное преувеличение путем использования составных числительных, усиливающих кратность обозначаемого. Такие способы используются в элегиях, сонетах, в сугубо лирических стихотворениях, посвященных красивым женщинам и особенно жене. При этом нередко использование усилительного числительного *цох1о* «(только) одна» подчеркивается единственность, неповторимость, исключительность единственной любимой женщины (жены) среди сотен и тысяч других:

…цох1о *мун йиго* …только ты **одна**

Цох1о *азаралъги,* ***анц1 азаралъги,*** Среди **тысяч, десяти тысяч**

Азарго *цогиял* ***миллионалъги***. И среди **тысяч миллионов.**

(«Цох1о мун йиго» – «Только ты одна»)

Числительное *цох1о* используется и самостоятельно в качестве обозначения неповторимости, единственности красивой женщины:

Дий гьагъалги гьеч1о, долалги гьеч1о,

Дунялалада г1ищ1го ***цох1о*** *мун йиго.*

Для меня нет ни этих (женщин), ни тех других,

На свете **только** ты **одна** для меня.

При этом продуктивно используются местоименные противопоставления *дун – мун* «я – ты», *дие – дуе* «мне – тебе», *дир – дур* «мой – твой» и т.д., посредством которых автор как бы намеренно преуменьшая свою значимость, возвышает женщину, делает ее недостижимой, единственно желанной.

Амма миллионал ***дие*** *рокьула,* Но люблю **я** миллион [женщин]

*Дагьа-дагьал **дуда** релълъарал рук1ун* Так как немного похожи на **тебя.**

***

***Дилъ, дур** х1исабалда, дида лъалареб*

Лъабнусго миллиард г1унгут1и буго.

У меня неизвестных для меня

Ты миллион недостатков находишь.

***

***Дица** сариназде сверараб х1асрат*

*Нусц1уса ц1алана, **дур** рахъалъ хъвараб.*

Я стихи, превращенные в песни,

Сто раз читал, посвятив **тебе.**

***

***Дуда дун** лъаларо, **дилъ** къуват буго,*

*Къоло щуго улка бахъун **дуй** кьела.*

Ты меня не знаешь, во мне столько чувств,

Двадцать пять стран покорю и отдам **тебе**.

Местоименное противопоставление *дун – мун* «ты – я» с элементами гиперболизации репрезентирует силу чувств к любимой женщине, готовность сделать невозможное для нее:

***Дица** ралъадалги океаналги*

*Иргадала **дуда** цере рачина.*

Я моря и океаны

По очереди перед **тобой** выстрою.

(Из восьмистиший)

***Дица дуда** цере муг1рул сок1к1ина,*

Седон киналниги кьураби лъела.

Я перед **тобой** горы сверну,

Склеив все скалы разверну.

(Из восьмистиший)

Иногда такой прием гиперболизации способствует созданию иронического оттенка, игривости:

Я очень известный **тебе** подхалим,

Готовый в любое мгновенье

Ходить по канату пред **твоим** взором,

Вставать пред тобой на колени.

(Из восьмистиший)

Для усиления темы любви Гамзатов использует выражения, обозначающие ситуации или такие природные катаклизмы, которые в реальности не встречаются (разве только в день светопреставления):

Гьелъул г1ерт1иниса цо лъим гьекъани,

Лъаг1елалъ мехтарав чи вигьинаро.

Если кто из ее кувшина воду выпьет,

Тот целый год вряд ли отрезвеет.

(Из восьмистиший)

Я слово скажу, повторю его вновь,

И небо с землею сольется,

Какая упрямая штука любовь.

Еще одним из способов гиперболизации в поэтическом дискурсе Гамзатова выступает обозначение отсутствия границ чего-либо, актуализация беспредельного количества:

Гьединан раг1ула ***лъуг1и гьеч1еб*** *кеч1*

Так слышится **нескончаемая** песня.

(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Я встретил тебя –

И **навеки** покой потерял.

(Из восьмистиший)

Эмоционально-образное усиление может быть достигнуто использованием приема сравнительного сопоставления, где происходит актуализация одного путем деактуализации другого:

Ракьул г1орхъабаздаса

Г1орхъи гьеч1еб *рокьи лъик1*.

Чем границы земель (стран),

Лучше любовь, **не имеющая границ**.

(Из восьмистиший).

О, что мне делать с любовью этой,

Со страстью, без которой **все мертво**.

(Из восьмистиший)

Иногда автор эксплицирует народно-поэтические смыслы, свойственные текстам аварских народных песен, в которых также используются языковые средства гиперболизации:

Дир духъ бергьараб г1ишкъу

Г1урдаде бортун хадуб,

Г1урччинлъи бух1илаан,

Дагъистаналда т1олго.

Моя любовь сильная к тебе,

Если бы на луг упала,

Вся трава бы сгорела

По всему Дагестану.

(Из восьмистиший)

Даже та, что всех нежней,

Грубым камнем обернется,

Сердце высохнет в груди,

Как вода на дне колодца.

(Из восьмистиший)

В основном в поэтических текстах Гамзатова языковые средства со значением преувеличения играют эмоционально-усилительные функции. В

такой роли используются не только количественные слова, но и структуры с темпоральной семантикой.

Лъаг1елалъ *г1одула г1ишкъу ккаралъухъ,*

Г1умруялъ *г1одула г1ураб ракьалъухъ.*

Год плачут по той, кого полюбили,

Всю жизнь плачут по родной земле.

***

Бук1инч1о ракьалда мун йокьич1еб ***мех****,*

Бук1инего гьеч1о, огь, ч1ужуг1адан.

Не было **дня** (*букв*. «времени») на земле, когда бы тебя не любил,

И не будет, поверь, женщина мне.

***

Дун мунгун къацандунин	Я в споре с тобой
Кидаго *бергьиларо,*	**Никогда** не выиграю.
Дун дуе мук1ур вуго,	Я покоряюсь тебе,
Мун кидаго бергьуна.	Ты всегда побеждаешь.

Сильные внутренние эмоциональные состояния поэта, его напряженная взволнованность в ряде случаев выражаются употреблением приема отрицания в количественном значении «всего мало»:

Дие бакъ г1олеб гьеч1о,	Мне солнца не хватает,
Дие ц1ад дагьаб буго.	Мне и дождя мало.

В большинстве случаев в поэтических текстах Гамзатова прием гиперболизации связан с актуализацией концептов «Любовь», «Красота». Намеренное преувеличение при этом подчинено выражению внутреннего состояния поэта, его отношения к красивой женщине, признанию ценности любви, силы чувств. В таких стихах улавливаются элементы игривости, флирта, возвеличивания красивой женщины вообще и жены в частности.

В этих целях, как показывает анализ материала, используются в основном языковые структуры с количественной и временной семантикой. В ряде случаев на семантику гиперболизации накладывается значение

компаративности. Взаимодействие этих значений приводит к актуализации того, что концептуально значимо и что в связи с этим хочет выразить поэт путем деактуализации менее значимого.

На наш взгляд, сопоставительное исследование приемов и средств гиперболизации в русском и дагестанском поэтическом дискурсе будет иметь перспективу. Это дало бы интересные результаты в плане определения универсальных и национально-специфических признаков, характеризующих языковые картины мира и особенности индивидуально-авторской интерпретации. Такое изучение материала разносистемных языков может дать сведения об особенностях образно-ассоциативного осмысления окружающей действительности носителями разных языков.

2.3. Субстантивная метафора в текстах сонетов и элегий Р. Гамзатова: структурные модели, эмотивно-оценочные функции и символический потенциал [3]

Национально-культурная природа метафоры, в том числе субстантивной, в аварском языкознании мало исследована. Между тем метафоры, как и сравнения, фразеологические и паремические единицы, символическое употребление слов, представляют собой культурнозначимые структуры языка и выступают в качестве фрагментов национальной языковой картины мира.

Природа метафоры в текстах аварских фольклорных произведений также изучена недостаточно. В этом смысле можно отметить работу А.З. Абдусаламовой, посвященную исследованию сравнительных конструкций в русских и аварских фольклорных текстах, в которой, в силу близости природы метафоры и сравнения в сопоставляемых языках, частично поднимается проблема метафоризации в аварском поэтическом фольклоре [Абдулсаламова, 2016]. Специальная статья Д.С. Самедова посвящена

[3] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С. Субстантивная метафора в элегиях и сонетах Расула Гамзатова // Мир науки, культуры, образования. 2019).

исследованию субстантивной метафоры в аварских колыбельных песнях [Самедов, 2013: 136-138].

Продуктивной моделью формирования субстантивной метафоры является генитивная конструкция «сущ. в генитиве + сущ. в номинативе». Обычно такая модель используется для актуализации концептов «Любовь» и «Женщина», выражения эмоционально-оценочного отношения к любви и к красоте женщины. В указанной универсальной для разных языков модели позицию существительного в номинативе занимают получившие метафорическую интерпретацию слова разных лексико-семантических групп, переносно обозначающие:

а) транспортные средства (символизируют силу любви): *дир г1ишкъудул гьоко* «моей любви арба» (метафора использована для усиления количественного значения), *рокьул самолет* «самолет любви», *дир г1ишкъуялъул пайтон* «фаэтон моей любви»;

б) силу огня, жара любви: *рокьул ц1а* «огонь любви», *рокьул кор* «печь любви» (*кор* – глиняная печь для выпечки хлеба);

в) эстетическое воздействие, приятные ощущения: *рек1ел музыка* «музыка сердца», *рокьул кеч1* «песня любви», *рек1ел макъан* «мелодия сердца», *рокьул гьоц1о* «мед любви»;

г) количество, объем (любви): *г1ишкъудул ригь* «дом любви», *г1ишкъуялъул гъансито* «очаг любви/страсти». Позицию же существительного в генитиве обычно занимают слова *рокьи* «любовь», *г1ишкъу* «любовь, страсть», *рак1* «сердце» (вместилище чувств любви).

Красивую женщину Гамзатов метафорически и символически называет *рокьул кини* «колыбель любви», *г1ишкъул ц1ар* «имя любви», *рокьул ц1ва* «звезда любви». Достаточно образно вербализуются чувства поэта к красивой женщине, которая полностью его покорила и от любви, от которой нет спасения: для этого используется метафора *дун дур колония* «я твоя колония» (обычно негативно в коннотативном плане оцениваемое слово

колония в данном тексте получает другую, позитивную, стилистическую окраску):

Дун дур колония, кида дуца дий Я твоя колония, когда же ты мне

Бащадаб ихтияр, эркенлъи кьелеб? Половину свободы подаришь?

Поэт может быть покорным и бесконечно преданным только женской красоте, и дорогому его сердцу Дагестану, поэтому смысл покорности повторяется в метафоре, соотносительной с зооморфным кодом культуры:

Дагъистан, дун вуго Дагестан, я (есть)

Дур мут1иг1аб гьве. Преданная тебе собака.

Для лирических поэтических текстов Гамзатова (в том числе – для элегий и сонетов) характерно употребление в метафорической функции формы существительного в номинативе. Такая метафора, как и в текстах устного народного творчества (в текстах народных песен о любви), выполняет идентифицирующую функцию. Автор любимую женщину ассоциативно отождествляет с символически значимыми реалиями: ср. *дир ц1ва* «моя звезда», *дир моц1* «моя луна», *дир бакъ* «мое солнце», *дир гъвет1* «мое дерево», *дир т1егь* «мой цветок», *дир байрам-къо* «мой праздник», *дир кеч1* «моя песня», *дир рокьул берал* «глаза моей любви», *дир рокьул мат1у* «зеркало моей любви», *дир рек1ел музыка* «музыка моего сердца» и т.д.

Как видно из приведенных примеров, для формирования идентифицирующих метафор использованы названия эстетически значимых реалий окружающего мира (при этом метафорически употребленные субстантивы имеют как предметно-конкретное, так и абстрактно-отвлеченное значение: *моц1* «луна», *мат1у* «зеркало», *кеч1* «песня», *музыка* и др.).

Принадлежность чувств, их персональность подчеркивается регулярным употреблением при метафорических субстантивах местоименного компонента модели *дир* «мой» (генитив от местоимения *дун* «я»).

Гъудул, нилъер г1ишкъу гьит1инго ч1араб

Берцинаб ***гъвет1*** *буго дица ц1унараб*.

Подруга, наша любовь – (это) в юности посаженное
Красивое **дерево**, мной сохраненное.

***

Нус-нус байрам-къоял гьаб дунялалда,
Байрам-къо *мун йиго дир г1умруялда.*
Сотни праздников на этой земле,
Ты (вечный) **праздник** в моей жизни.

***

Мун дие ***праздник****! Дир рак1 гьалдола*
Дуда данде ч1валеб къодахъ хал гьабун.
Ты для меня **праздник**! Мое сердце бьется,
Ожидая день встречи с тобой.
(Из элегий)

В таких примерах субстантивные метафоры приобретают символический характер, выступая в качестве фрагментов авторской языковой картины мира. Так, например, Гамзатов называет себя *аптекой*, придавая выражению оберегающую, исцеляющую символику (такое исцеляющее свойство придается такому «лекарству», как любовь):
Яч1а мун кидаго дир аптекалде, Приходи ты всегда в мою аптеку,
Киг1ан бокьаниги ***рокьи босизе***. Сколько хочешь, можешь купить **любви**.

При метафорических субстантивах для усиления выполняемых ими эмоционально-оценочных функций используются определительные (адъективные) компоненты:

берцинаб гъвет1 «красивое дерево» (о любви), *дир гвангъараб ц1ва* «моя сияющая звезда», *гьуинаб гьоц1о* «сладкий мед», *т1ок1к1араб ицц* «прозрачный (чистый) родник» и др.

Интересны случаи использования отрицания для эмоционально-оценочной актуализации любви и красоты любимой женщины:

Гьеб (рокьи) – гвангъараб ц1ва буго.
Гьединаб ц1ва зобазда,

Дир беразе ***кунч1ич1о****.*

Эта любовь – сверкающая звезда.

Такая звезда в небе

Для меня **не сверкала**.

Такие метафоры-существительные, используемые в предикативно характеризующей функции, дают возможность поэту непосредственно и идентифицирующе выразить свое отношение к описываемому явлению, женской красоте, что отчасти можно считать использованием в поэтическом дискурсе Гамзатова традиций аварского народного песенного дискурса. Интересно и то, что яркая эмоциональная оценка проявляется в таких примерах, когда в синтаксических конструкциях в роли субъекта-подлежащего выступают семантически «пустые» или указательные местоименные компоненты в усилительной функции:

ср. ***гьеб*** *(рокьи) – гвангъараб ц1ва буго* «**это** (любовь) – сверкающая звезда»; ***гьеб*** *дие г1умру буго* «**это** (страсть) – моя жизнь»; *манзилалъ дудаса т1ей –* ***гьеб*** *дие балагь буго* «быть далеко от тебя – **это** для меня беда»; ***гьал*** *сонал – хехаб поезд* «**эти** годы – скорый поезд»; ***гьаб*** *рокьи – г1ишкъул сангар* «**эта** любовь – страсти преграда»; ***гьей*** *мун йиго, мун йиго – рогьалилъ ах1улеб кеч1, къаси бицунеб маргьу* «**это** ты, это ты – мелодия утренней песни и вечерняя сказка».

Реже субстантивные метафоры используются для передачи внешнего облика женщины, ее портрета, для описания украшений на женщине:

Г1ундузда дур к1илк1ал – к1иябго ц1умур,

К1иго ц1олбол горо – дур мат1уялъуб.

На ушах твои серьги – два колокольчика,

Две виноградинки – на твоем зеркале.

Метафоры в данном контексте выполняют не только эмоционально-оценочные, но и символические функции: *к1иго ц1олбол горо* «две виноградинки» – это глаза черного (как виноград) цвета: использован народный поэтический образ. Но рядом с метафорическим сочетанием *дур*

мат1у «твое зеркало» (твое лицо) стих приобретает индивидуально-авторский и одновременно национально-культурный колорит.

В ряде случаев в текстах сонетов и элегий использованы субстантивные метафоры, которые причинно обосновываются и поддерживаются лексико-синтаксическим окружением. В этом плане показательны примеры, где использованы такие образы любви, как «две струны пандура», «два колеса арбы», символизирующие влюбленных:

Мунги дунги – ***к1иго ч1ва***,	Ты и я – **две струны**
Цох1ого т1амуралъул:	Одного пандура:
Гьезул цояб т1унани,	Если одна из них порвется,
Т1армил макъан къот1ула.	Музыка прекратится.

***.

Мунги дунги к1иялго –	Ты и я вдвоем –
К1иго бер *цо гьокодал:*	**Два колеса** одной арбы:
Гьезул цояб бекани,	Если сломается одно,
Гьоко цебе унаро.	Арба вперед не сдвинется.

Субстантивные метафоры могут быть употреблены в составе сравнительных конструкций, которые при этом приобретают устойчивый, индивидуально-авторский и эмоционально-оценочный характер. Например, в таких поэтических дискурсах употребляются метафоры *рокъул берал* «глаза любви», *г1ишкъудул гьоц1о* «мед любви» и др.:

Рокъул *г1адинал* ***берал***,	Такие, как у **любви, глаза**
Цониги гьеч1о х1анч1ил.	Нет ни у одной птицы.

***

К1ут1бузда бахараб ***г1ишкъудул гьац1ул***
Гьуинлъи кидаго хут1ана дие.

Вкус **меда любви** на губах,
Навсегда мне остался.

Поэт, чувствуя себя виновным перед женой, игриво называет себя обвиняемым, а жену соответственно характеризует субстантивными

метафорами, используя при этом термины судебной практики. Но жена не всегда «обвинитель», она и «защитник» его:

*Мун дир **диванчиги, прокурорги**,* Ты – моя **судья и прокурор**,

*Гьоркьо-гьоркьоб цо-цо **дир адвокатги**.* Иногда и **адвокат мой** тоже.

Субстантивные метафоры, усиливающие эмоционально-образную оценку, используются и в текстах, посвященных дочерям поэта:

Нилъер лъабайго яс - лъеберго килищ,

Нилъер лъабайго яс - лъабнусго аниц.

Анлъго т1ок1к1араб ицц – т1анч1азул берал.

Все наши три дочери – тридцать пальцев (руки),

Все три наши дочери – триста желаний/мечт,

Шесть прозрачных родников – их глаза.

Здесь в целях усиления эмоциональности, образности использованы не только национально-культурные субстантивные метафоры (ср. *берал – т1ок1к1арал ццал* «глаза – прозрачные (чистые) родники»), но и элементы гиперболизации (ср. *нилъер лъабайго яс – **лъабнусго анищ*** «все наши три дочери – **триста мечт**»).

Любовь и время – важнейшие составляющие жизни человека. Концептуально они пересекаются, так как и время, и любовь, и сама жизнь – понятия вечные, не имеющие границ. Этим (в том числе) объясняется факт употребления идентифицирующих субстантивных метафор компаративного характера при актуализации концептов «Время» и «Жизнь», «Время» и «Любовь». В этих метафорах, в цепочечной форме усиливающих образность, создающих экспрессию, используются названия средств передвижения (транспорта), чтобы подчеркнуть течение времени, жизни, их динамику:

*Замана – хехаб **поезд**,* Время – скоростной **поезд**,

*Г1умру – хехаб **самолет**,* Жизнь – скоростной **самолет**,

*Гьал сонал – хехаб **гама.*** Эти годы – скоростной **корабль**.

Следует также отметить, что образно-эмоциональная функция субстантивных метафор поддерживается усилительными повторами. Лексические и лексико-синтаксические повторы в поэтическом дискуре Гамзатова используются достаточно продуктивно, они могут стать предметом специального исследования:

***

Дир сонал, сонал, сонал,

Дир рокьул куч1дул, дир рокьул саринал.

Мои года, года, года –

Мои стихи о любви, мои песни о любви.

Обобщая все отмеченное выше относительно особенностей использования субстантивных метафор в текстах сонетов и элегий Гамзатова, можно сформулировать следующие выводы.

Субстантивные метафоры в поэтических текстах Гамзатова выполняют важные эмоционально-оценочные функции. Они строятся в основном по двум моделям: генитивной и номинативной. Номинативная модель имеет идентифицирующий характер, в них используются традиции аварского устного народного творчества. Для усиления экспрессивно-оценочной функции при субстантивах с метафорическим значением используются определительные адъективные компоненты.

Субстантивные метафоры в ряде случаев имеют символический характер. Это связано с тем, что такие метафоры стали культурными знаками языка и характеризуются национально-культурной и индивидуально-авторской спецификой и соответствующими коннотациями.

При субстантивных метафорах в усилительной функции употребляются лексические и лексико-синтаксические повторы, поддерживающие экспрессивно-оценочные функции метафор и их символику.

2.4. Особенности персонификации объектов неживого мира и отвлеченных понятий как отражение авторских образных ассоциаций[4]

Как известно, «языковые средства выражения экспрессивности несут образную, эмоциональную и текстообразующую функцию» [Кокина, 2003: 121]. К таким средствам относится и прием персонификации, который характеризуется как наделение животного и растительного мира, отвлеченных понятий, неодушевленных предметов и явлений природы человеческими свойствами, их представление в лицах.

В поэтическом дискурсе Р. Гамзатова персонификация строится на основе метафоры-олицетворения, когда объекты неживого мира и отвлеченные понятия как бы очеловечиваются, приписывая им эмоциональные и интеллектуальные свойства человека.

Особо интересной разновидностью персонификации является приписывание человеческих качеств отвлеченным понятиям и природным явлениям – любви, природе, последствиям эмоциональных состояний человека (например, слезам), частям тела человека (в данном случае на метафору накладывается метонимия) и т.д. Использование приема персонификации придает поэтической речи Гамзатова личностный характер, способствует созданию живых образов на основе авторских образных ассоциаций.

Прежде всего обращают на себя внимание объекты неживой (неодушевленной) природы, которые персонифицируются в результате приписывания им способности выражать эмоции и переживания, свойственные человеку, – говорить, думать.

Достаточно интересный прием персонификации материнской шали в поэме «Песня о матери» описывается в статье С.М. Магомедовой, в которой, в частности, отмечается: «Символ *черного платка* настолько значим, что местами в тексте поэмы Расула Гамзатова «Эбелалъе кеч1» («Песня о

[4] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С. Особенности персонификации объектов неживого мира и отвлеченных понятий в поэзии Расула Гамзатова // Мир науки, культуры, образования. 2025).

матери») повествование ведется от имени одушевленного черного платка, к которому обращается поэт и с которым ведет диалог, т.е. черный платок выполняет роль живого персонажа: ср. *Дидаса пашманаб щибго бугодай*? «Есть ли что печальней меня?!» [Магомедова, 2012: 81]

Автор относится к этим предметам как к разумным существам, умеющим страдать, печалиться, радоваться и т.д. Такие примеры персонификации встречаются в текстах элегий, сонетов, восьмистишиях и в других текстах Гамзатова.

Дун т1ураниги, ***ц1ад*** *дида* ***къочана.***

Хоть я и убежал, **дождь** меня **поцеловал**.

***

К1алъан пайда гьеч1ин

Гьеб (берзул къат1ра) нахъе уна.

Не видя смыла говорить со мной,

Она (слезинка), отвернувшись, уходит.

В части примеров в качестве средства персонификации употребляются глаголы речи (говорения): *к1алъазе* «говорить, разговаривать», *гаргардизе* «говорить, общаться», *бицине* «сказать», *гьаризе* «просить», *гьикъизе* «спросить», *семизе* «упрекать, ругать», *абизе* «сказать», *ц1ехезе* «спрашивать», *гьардезе* «просить», *къацандизе* «спорить», *гьедаризе* «клясться» и др.

Такие глаголы образуют антропоцентрическое культурно-семантическое пространство, функционируют в качестве средств создания образности и выполняют эмоциональную функцию. Субъектами говорения выступают слова типа *рогьел* «утро», *т1угьдузул квац1и* «букет цветов», *берзул къат1ра* «слезинка глаза», *расал* «волосы», *сонал* «годы (прожитые)», *бакъ* «солнце», *моц1* «звезда» и т.д.

Гьедин бач1ун ***рогьел****, рагьун гордогун,*

Гаргадула дунгун *щибаб нухалда.*

Так приходит **утро**, открыв окно,

И каждый раз **говорит со мною**.

***

Гирун, гирун ана ***маг1ил гараби,***

Гаргадилел руго *гьел Хучбарида:*

Бич1ч1ана гьезул мац1 гьав гьидалъасда.

Покатились **слезинки** (из глаз невесты)

Они **обращаются** к Хочбару:

Понял их язык гидатлинец этот.

(Из поэмы о Хочбаре)

Дур бадиб бетараб цо ***маг1ил горо***

Гаргадана дида*, гьеб дур г1айибин.*

В твоих глазах застывшая одна **слеза**

Сказала мне, что я виноват.

***

Дир бот1рол каралъул кьер свераараб ***рас***

Семана*: гьаб дуца гьабураб бугин.*

Моих волос поседевший **локон**

Упрекнул, что в этом я виноват.

Как свидетельствуют приведенные примеры, поэт или герой поэмы о Хочбаре как бы вступает в диалог со слезинками невесты чужой или любимой женщины (жены), с поседевшими ее волосами, с наступившим утром, которого поэт просит беречь любимую.

Щибаб ***рогьалида*** *дица* ***гьарула***

Дуе рохел, хинлъи, дуй сахлъи, сонал.

Гьарула *ц1унейин мун йигеб куцалъ,*

Квешлъи, унти, херлъи лъазе тогеян.

Каждое (наступившее) **утро я прошу**

Для тебя радости, тепла, здоровья, долгих лет.

Прошу беречь тебя такой, как есть,

Не дать почувствовать зла, болезней и старости.

Концептообразующий глагол *гьаризе* «просить» в поэтических текстах Гамзатова используется достаточно продуктивно. В качестве еще одного примера с глаголом говорения *гьаризе* «просить» можно привести следующий отрывок:

Мун гьайигун дир гъасда Как ты родилась, у моего очага
Маргьабаца ***гьарана:*** Сказки **попросили**,
Гьайбатайги йик1айин, Чтобы прекрасной (ты) стала
Ч1ух1арайги йик1айин. И красивой (ты) стала.

Метафоры, на основе которых произошла персонификация, соотносятся с разными кодами культуры – с телесным, антропным, природным, с растительным и т.д.

Особенно часто прием персонификации используется в тех случаях, когда языковые средства соотносятся с природным кодом культуры, когда поэт вступает в диалог с явлениями природы: *ц1ад* «дождь, *г1ор* «река», *карачелал* «волны», *ралъад* «море»:

Гьале гьанжеги гордахъ Вот и сейчас у окна
Гаргадилеб *буго* ***ц1ад***. **Разговаривает дождь**.
(Из восьмистиший)
Чвахун унеб ***г1оралда*** У **реки**, журчащего,
Гьикъулеб буго *дица*. Я **спрашиваю** (о жизни).
Г1оралъ ***жаваб гьабула*** Река **отвечает**,
Жиб бижараб кьуруг1ан Что чем скалы, где она рождается,
Берцинаб бак1 гьеч1илан. Нет красивее места.
(Из восьмистиший)

Амма *шамхалида* ***карачелабаз,***
Нижеда лъаларин лъазе гьабуна.

Но **волны ответили** шамхалу,
Что они об этом не знают.
(Из поэмы о Хочбаре)

Маг1арухъа пулел ***гьураз бицинч1о,***

Гьалбал кир хут1арал, кин гьараниги.

Ветры, дующие с гор, **не сказали**,

Где же задержались гости (свадебные).

(Из поэмы о Хочбаре)

Персонифицируются не только слова с природным, но зооморфным и растительным кодами культуры: названия объектов животного и растительного мира наделяются человеческими свойствами говорить, общаться, вступать в диалог с поэтом (прием, характерный для поэтического дискурса Гамзатова): *х1анч1ал* «птицы», *гъут1би* «деревья», *хурдул* «травы», *т1угьдул* «цветы» и т.д.

Т1аде мун яч1ана, киналго х1анч1ал,

Нилъеда ***к1алъана*** *жиб-жиб гъот1ода.*

Ты пришла, и все птицы

С нами **заговорили** на всех деревьях.

(Из восьмистиший)

Ракъварал г1ищ1ал ***гъут1буз***	Высохшие голые **деревья**
Ц1ехола *гьаб ракьалда,*	**Спрашивают** у земли,
Жидер пахруяб рет1ел,	Их нарядная одежда
Щай гъансиниб бугебан.	Почему сундуке хранится?

(Из элегий)

Авлахъго г1енеккана…	Весь луг прислушался…
……	…….
Г1одор реч1алел ***хурдул***	Вянущие на нем **травы**
Хал гьабун руго *гьезухъ.*	**Следят** за всем происходящим.

***

Т1асан роржунел ***х1анч1и***	Летящие сверху **птицы**
Руго гьасде ***к1алъалел.***	**Разговаривают** с ним.

Персонификация небесных светил используется как отражение авторских образных ассоциаций. При этом расширяется валентность названий небесных светил, используемых в сочетании с глаголами говорения

или эмоционального состояния в переносных метафорических значениях: *ц1ваби* «звезды», *зобал* «небеса», *бакъ* «солнце» и др.

Ц1ваби ***г1одулел руго,*** **Звезды плачут**,
Лъихъ г1одулел ругел дол? По ком же они плачут?
(Из восьмистиший)

Зобалазда гьикъана, **У небес** (я) **спросил**,
Рогьунебго гьеч1ищан? Что же не наступит рассвет?
(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Дица т1адеги вахъун, Я поднявшись,
Гьеб ***бакъуда гьикъана***. Об этом у **солнца спросил**.
(Ахирияб багьа» – «Последняя цена»)

Гьес (Хочбарица) ***ц1вабзазда*** *ц1ар абич1ого,*
Ц1ехолеб бук1ана *бикал х1акъалъулъ.*
Он (Хочбар), **у звезд**, не называя имени,
Спрашивал о дочери нуцала.
(Из поэмы о Хочбаре)

В формировании приема персонификации принимают участие слова разных лексико-семантических групп. В этом смысле персонификация, можно сказать, является достаточно характерным для языка поэтических текстов Гамзатова изобразительно-выразительным средством.

Так, например, кроме перечисленных выше существительных, в сочетании с глаголами говорения используются названия земли, различных предметов (*саг1ат* «часы», *нуц1би* «двери родного дома») и помещений, ментально и эмоционально связанных с поэтом (родной дом, родная школа), а также родных гор (*муг1рул*) и т.д.:

Дир ***школалъ гьикъула*** Моя **школа спрашивает**
Гьудулзабазул рахъалъ О моих друзьях (школьных).
(Из восьмистиший)

Рукъалъ гьикъулеб буго, **Дом** [родительский] **спрашивает,**

Дур вацал кир таралин. Где оставил братьев,

Дица бицунеб буго: Я, отвечая, рассказываю:

Пашманлъуда мина-ригь. Дом родной в печали.

(Из восьмистиший)

Рукъалъ гьикъулеб буго, **Дом родной спрашивает**,

Эмен кив хут1араван. Где отец остался?

(Из восьмистиший)

Дунги саг1атги руго Я и часы

Цоцада ***гаргадилел*** **Беседуем** вдвоем

(«Саг1тилгун гаргар» – «Разговор с часами»)

Нуц1бузда дун гьардола, **Дверей я прошу**,

Гьудулзабаз рагьеян. Чтобы друзьям открывались.

(Из восьмистиший)

Амма нахъа тарал ***муг1руз абула,***

Маг1арулав, дуца бит1ун гьабунин.

Но оставленные позади **горы говорят**,

Что ты, аварец, правильно поступил.

(Из поэмы о Хочбаре)

Значительный интерес в поэтических текстах Гамзатова представляет прием персонификации отвлеченных понятий, что в дагестанской поэзии свойственно именно ему и придает его текстам философское осмысление того, что окружает человека в этом сложном мире с разными морально-нравственными ценностями. Такие строки использованы, например, в коротких стхотворных текстах и восьмистишиях Гамзатова.

Дида гьит1инаб ***мех,*** Я вижу **время** детства,

Бихьула ***белъанхъулеб.*** Как оно **смеется**.

(Из восьмистиший)

Дида ***херлъи*** *бихьула* Я **старость** вижу
Ургъалида, пашманго. **В печали, в раздумьях**.

(Из восьмистиший)

Особенно показательны в этом плане достаточно яркие фрагменты из текста поэмы «Ахирияб багьа» – «Последняя цена»:

Бач1уна г1асияб ццин, **Приходит гнев**,
Цабиги къирщизарун. Скрипя зубами.

***

Тушманлъиялъ гьикъула **Вражда спрашивает**
Гьудуллъиялъул багьа. О цене дружбы.

***

Хвелалъ гьикъулеб буго, **Смерть спрашивает**,
Г1умру, дур багьа щибан. Жизнь, какова твоя цена.

***

Бач1ун ч1ола ***гьереси***, Садится рядом **обман**,
Гьим-гьидула *гьеб сверухъ*. **Усмехается**, глядя вокруг.

Использование слов в переносных метафорических значениях в целях персонификации иногда приводит к образованию семантически несовместимых сочетаний, построенных на основе так называемого принципа алогизма. Здесь мы имеем дело со смещенным употреблением метафорического глагола, когда формально он связан с одним словом, а логически – с другим:

свакараб пашманлъи гьимулеб буго
уставшая печаль (женщина-мать) улыбается.
(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Использование приема персонификации приводит в тому, что объекты растительного мира изображаются как умеющие по-человечески переживать, выражать эмоции. Свойство быть в определенном эмоциональном состоянии с человека переносится на объекты растительного мира:

Т1угьдул кьезе мун гьеч1о,
Гьел ***пашманго речIана***.

Нет тебя, чтоб подарить цветы,

Они **печально завяли**.

Нередко в поэтических дискурсах, в которых реализуется прием персонификации, автором используется императивная форма глагола, дающая возможность «вступить в беседу». При помощи форм повелительного наклонения со значением просьбы Р. Гамзатов обращается к цветам, раннему утру, капелькам дождя на стекле, к прожитым годам и т.д.:

Гьаб гордул ц1ералда ц1адул къат1раби,

Къаси нужей бокьун щиб бугеб ***бице.***

Капельки дождя на стекле окна,

Что вы сегодня хотите, **скажите**.

(Из элегий)

Г1одор ч1ая*, дир сонал,*

Щибжой нужер бук1араб?

Садитесь-ка, мои года,

Что с вами-то было?

***

Бице *гьел квераз*ул *ва гьелъул гьурмал,*

Гьоркьоб щибго тоге, кинабго ***бице.***

Расскажите об этих руках, о ее лице,

Ничего не оставляя, обо всем **расскажите**.

(Обращение к букету цветов)

В отдельных случаях использование средств персонификации может сопровождаться употреблением для актуализации метафоры сравнительной конструкции. Это приводит к сравнению-сопоставлению ирреальной ситуации с персонификацией объектов неживого мира с реальной ситуацией, изображаемой путем употребления глаголов в прямых значениях:

Карачелал *цоцазухъ* **Волны** друг с другом

Къец бан ***куч1дул ц1алулел****.* Споря, **читают стихи**.

Цодагьаб жо гьекъедал, Когда немного выпьют,

Поэтал г1адин руго. Будто поэты, ведут себя.

***

Дица берзул къат1ра, маржан кинигин,

Кодобе босула, «щиб дуй» ***гьикъула.***

Я **слезинку** глаза, словно жемчуг,

Беру в ладони, «что тебе» **спрашиваю.**

В качестве средства персонификации, как свидетельствуют приведенные примеры, в основном выступают метафорические глаголы конкретных семантических групп. В таких случаях чаще всего репрезентируются ирреальные ситуации образно представляемого общения поэта с предметами окружающего мира, поэтому в основном используются формы настоящего времени глагола (хотя и обозначающие вневременные действия) или, как уже отмечалось выше, формы повелительного наклонения:

*Японияз*ул ***жемчуг***

Жиб гьалеян ***гьимула.***

Жемчуга Японии

Вот и мы, говоря, **улыбаются.**

(«Ахирисеб багьа» – «Последняя цена»)

***

Амма жакъа бакъуца

Хайямий ***кьола салам.***

Но сегодня солнце

Приветствует Хайяма.

Реже в таких текстах употребляется форма прошедшего времени глагола:

Г1урччинал квач1ал гьез (т1амхаз) *дир гъежда* ***лъуна.***

Зеленые руки они (листья) **положили** на мои плечи.

В данном тексте реализована двойная метафора: во-первых, слово *квач1ал* «руки, лапы» использовано в метафорическом значении «листья» (дерева); во-вторых, метафорическое глагольного сочетания (гъежда) *лъуна* «(на плечи) положили» приводит к персонификации объекта растительного мира.

2.5. Специфика изобразительно-выразительных средств в текстах эпиграмм Р. Гамзатова [5]

В эпиграммах Р. Гамзатова встречаются субстантивные метафоры, соотносительные с разными кодами культуры. Прежде всего следует отметить метафоры, соотносительные с зооморфным кодом культуры [Омарова, 2025]. Так, в эпиграмме «*Чияр мухъал хъамулесде»* – «Крадущему чужие стихи» Гамзатов пишет:

Дур г1и-боц1улъ рихьула В твоих отарах я вижу
Чанго сахал чахъаби, Не одну хорошую овцу.
Амма дида гьел цере Но их я и раньше
Цоги чахъалъ дандч1вана. В чужих отарах встречал.

Стихи автор называет *отарами*, а ворованные строки из чужих стихов характеризует словом *чахъаби* «овцы». Несоответствие хороших стихов и плагиата со стороны «ворующего» поэта создает определенную стилистическую окраску, связанную с выражением юмора. Использование именно слова *чахъаби* «овцы» в переносном метафорическом значении связано с тем, что в старину или воровали, или же случайно в чужую отару попадали именно овцы. Негативная экспрессивно-образная оценка усиливается также употреблением глагола *хъамизе* «похищать» (а не *рикъизе* «воровать»).

[5] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С. Лингвокультурологический анализ изобразительно-выразительных средств в эпиграммах Расула Гамзатова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021).

Образ бездарности отдельных поэтов посредством употребления слова *г1иял* «овцы» (традиционный символ тупости, бездарности) актуализируется еще в одной эпиграмме:

Дур коч1ол т1олго махщел Мастерство твоих стихов
***Г1иязулъ** бук1ун буго*. Оказывается – в **отаре овец**
Цадахъ гьел гьеч1еб мехалъ, Когда их рядом нет,
Щибго бич1ч1улеб гьеч1о. Трудно что-либо понять.

(«Ругьунаб х1алт1и тарав коч1охъанасде» –
«Оставившему привычную работу поэту»)

Зооморфная метафора использована также в эпиграмме «Дида жеги бихьич1еб жиндирго т1ехь бахъеян кагъат бач1арасде» – «Приславшему письмо с просьбой издать еще не прочитанную мною книгу (стихов)»:

Рек1ич1ого чу беццун, Еще не сев на коня,
Гьеб бук1араб жо гуро. Не слышал, чтобы его хвалили.
Дида раг1ич1еб коч1ой Не услышанным мною стихам
Хъат ч1вазе дун т1амуге. Не заставляй меня аплодировать.

В данном тексте, во-первых, использовано символическое народное выражение (паремия), связанное с качеством коня: *Чу рек1идал лъала* «Конь в езде узнается». Во-вторых, здесь представлена зооморфная метафора *чу* «лошадь», связанная с переносной экспрессивно-эмоциональной оценкой «качество» еще не прочитанных рецензентом стихов.

Для репрезентации бездарности, пустых стихов используется зооморфная метафора, соотносительная с зооморфным кодом культуры: *къадкил ч1ич1и* «чириканье воробья». Такую метафору находим в эпиграмме в адрес поэта, назвавшего свой сборник стихов «*Къвек1аб ц1ум*» – «Отважный орел»:

Чанги куч1дул рук1ана Сколько было стихов
***Къвек1ал ц1умазул** рахъалъ*. Об **отважных орлах**,
*Гьадинаб **къадкил ч1ич1и*** Такого **чириканья воробья**
Киданиги раг1ич1о. Никогда не слышал.

Антонимическое противопоставление традиционно символического образа *къвек1аб ц1ум* «отважный орел» (на что претендует считающий себя талантливым поэт) и чириканья воробья (*къадкил ч1ич1и*) способствует выражению иронии, переходящего в сарказм.

Образ воробья повторяется и в другой эпиграмме, посвященной антологии аварской поэзии, в которой наряду со стихами талантливых поэтов оказались опубликованными и совершенно бездарные стихи, в связи с чем Р. Гамзатов делит поэтов на хороших и бездарных:

Ункъабилел поэтал – Четвертый (тип) поэтов –
Гьадалго ***къадакаби*** Те же **воробьи**,
Гьарураб къоялдаса С самого рождения
Михъ-мегеж хъах1лъизег1ан. До глубокой старости.

В другой эпиграмме «Рахьдал мац1алдаса перевод цебе кколев поэтадсе» – «Поэту, чьи переводы издаются раньше, чем на родном языке» использованы метафоры, соотносительные с растительным кодом культуры.

Жеги г1ураб ракьалда, Еще на родной земле,
Гъот1олъ т1егь балалде, Деревья цветами не покрылись,
Москваялда кинан дур И как же в Москве
Курак *барщараб, бице.* **Абрикос** созрел, скажи.

В образно-ассоциативном поле Р. Гамзатова словосочетание *г1ураб ракь* «родная земля» символизирует родной язык стихов, а в синтаксической структуре *курак барщараб кинан* «как же созрел абрикос» существительное *курак* «абрикос» использовано в значении «русский перевод (стихов)», на что указывает название города *Москва*. Переносно-символическое употребление существительного *курак* «абрикос» формирует национально-культурную и индивидуально-авторскую специфику символики.

Растительный код культуры использован и в другой эпиграмме «Календаралъул поэтазде» – «Календарным поэтам», посвященной поэтам, сочиняющим конъюнктурные стихи в связи с календарными (юбилейными) датами:

Дида бихьана цо т1егь, Я видел один цветок,
«Кубадул г1ишкъу» абун Называемый «Кубинская страсть».
Г1ажаибго берцинаб Удивительно красивый,
Амма хекко бакъвалеб. Но быстро высыхающий.

Создается эмоционально-оценочный «конфликт» между красивым названием цветка, символизирующего как бы внешне патетические стихи, и его скоротечным высыханием, намекающим на то, что сразу после календарных дней стихи становятся неактуальными, так как они были сочинены в «угоду», с прагматичной целью, а не по зову сердца.

В эпиграммах имеют место метафоры с антропным кодом культуры. Так, в эпиграмме «Цин бакъан хъван кеч1 гьабулев композиторасде» – «Сперва написав музыку, потом сочиняющему стихи композитору» использована антропная метафора, иронически характеризующая музыку, сочиненную композитором, еще не написав стихи:

Дуца бах1арай абун, Ты, как невесту,
Ч1ух1араб рат1лид къач1ан, В красивую одежду облачив,
Гьай херай къоролай щай Почему же вдову эту
Росасе кьолей йигей. Замуж выдаешь.

В данном тексте дается сравнительное сопоставление слов *бах1арай* «невеста» и *къоролай* «вдова», фигурально обозначающих еще не сочиненные *стихи* и *музыку* под эти не сочиненные поэтом стихи. Используется двойная субстантивная метафора, создающая стилистическую окраску и формирующая образно-экспрессивную оценку.

Экспрессивно-оценочный фон эпиграмм усиливается и употреблением фразеологических единиц:

Дуца ***цаби гьеч1ого*** Ты **не имея зубов**
Х1анч1улеб буго, *гьудул…* **Кусаешься**, друг (мой)
Кверал бохдул гьеч1ого, Не имея рук, ног,
Харулев вуго кьурде. Карабкаешься по скале.

(«Мац1 квешав гьудуласде» – «Другу со злым языком»)

Имплицитная компаративность в данном дискурсе налицо: пустая болтовня злого человека сравнивается с укусом, сделанным без зубов, а никчемность, безрезультатность этой болтовни оценивается структурой «карабкаться по скале без рук и ног» (через слово *кьуру* «скала» использован национально-культурный компонент»).

Фразеологические единицы как средство создания экспрессивно-оценочной окраски используются и в других эпиграммах Р. Гамзатова:

Дур роман ц1аларабго, Как прочитал твой роман,
Редактор к1алъан вуго: Редактор сказал [сразу]:
К1иго талих1 къарав *чи* **Дважды несчастлив** человек,
Вугин гурх1изе ккколев. Надо его пожалеть.

(«К1иго талих1 къарав чи» – «Дважды несчастливый человек»)

В данный дискурс, как видно из приведенного примера, иронически включена фразеологическая единица со значением максимальной интенсивности *к1иго талих1 къарав чи* «о крайне несчастливом человеке» (*букв*. «дважды быть несчастным»), а «призывом» пожалеть такого бездарного, обделенного счастьем быть поэтом человека звучат слова *гурх1изе ккола* «надо пожалеть».

Для негативной оценки стихов бездарных поэтов, претендующих на свою мнимую значимость, в эпиграмме «Цо г1олохъанав «философ» поэтасул т1ехь ц1алараб мехалъ» – «Когда прочитал книгу одного молодого «философа»» Гамзатов использует разные субстантивные метафоры. Так, говоря о стихах поэта, претендующего на глубокую философию своих стихов, используется метафора *хъег1и* «кашель»:

Мун дурго инсудайищ Ты отца своего
Г1ишкъу малълъулев вугев? Учишь, как любить?
«*Г1олохъанав г1акъил» дур* «Молодой мудрец», у тебя
Бакъназулъ бугеб ***хъег1и***! В стихах такой **кашель**!

В другой эпиграмме «Цо поэтасул «Рокьул ц1а» абураб т1ехьалда хъвай-хъваг1ай» – «Надпись на книге одного поэта «Огонь любви» как

средство создания иронии метафорически представлено слово *лълъим* «вода», символизирующее бессодержательность и многословность стихов (под влиянием переносного значения русского слова *вода* произошло развитие семантики аварского слова *лълъим* «вода»):

Дуда лъалеб бугеб куц Как ты (все же) умеешь
Ц1аялъул ***лъим*** *гьабизе*. Огонь превратить в **воду**,
Лъедасан ц1а гьабулел Воду другие когда
Цогиял ругеб мехалъ. В огонь превращают.

А над автором сборника стихов «Весна», в котором Гамзатов так и не почувствовал *весны*, поэт иронизирует, представив для определения слова *их* «весна» эпитет *ц1ороаб* «холодная»: семантическая несовместимость слов в сочетании *ц1ороаб их* «холодная весна» использована для создания иронической стилистической окраски.

Для усиления такой негативной оценки употребляется также лексический повтор слов, семантически не связанных с идеей весны и соответствующего весеннего настроения:

Сверухъ ***нак1к1ал, г1азу, х1арщ***, Вокруг **тучи, снег, грязь**,
Г1унулев вуго ц1орон. Мерзну от (такого) холода.
Гьадинаб квачараб их Такой холодной весны
Киданиги бихьич1о. Никогда не видел.

В эпиграммах Р. Гамзатова встречаются не только субстантивные, но и глагольные и адъективные метафоры, которые включаются в прием антитезного противопоставления:

Лермонтов Мартыновас Что Лермонтов Мартыновым
Ч1ванин раг1ун бук1ана. Был убит, я слышал.
Амма маг1арулазе Но для аварцев его
Дуца гурони ***ч1вач1о***. Только ты **убил.**

(«Лермонтовасул асарал авар мац1алде руссинарурасде» –
«Переводчику произведений Лермонтова на аварский язык»)

Дуда дун бахиллъана: Я тебе позавидовал:
Дуй ц1огьол х1инкъи гьеч1о. Ты воровства [плагиата] не боишься.
Лъицаха гьеб бикъилеб, Кто же украдет ее,
*Гьадин **х1алакъаб** пикру*? Такую **худую** мысль?!

(«Цо поэтасул т1ехь ц1алараб мехалъ» –
«Когда прочитал книгу одного поэта»)

Образно-эмоциональный фон данной эпиграммы усиливается не только употреблением адъективной метафоры *х1алакъаб* (пикру) «худая (мысль)», но и вопросительно-отрицательной по типу предполагаемого ответа синтаксической конструкции со значением «никто не украдет» (такую плохую мысль).

Одним из средств создания юмора, иронии в эпиграммах Р. Гамзатова выступают элементы антитезы, когда актуализация позитивного используется для деактуализации (отрицания) негативного. Такое противопоставление положительного и отрицательного, построенное на образной, индивидуально-авторской основе в эпиграмме «Цензору», приводит к усилению соответствующих национально-культурных негативных оценок (см. использование слова *къуч1а* «мешок из овчины, бурдюк»). В таких антитезных противопоставлениях используются узуальные или контекстуальные антонимы:

Дун балъгояб, бахчараб Я тайное, скрытое
*Бакъалда **т1обит1улев***. На солнце **выставляю**.
Мун т1олго гьаб бак1арун, А ты, собрав все это,
Къвач1адул** к1ал **бухьунев. В **бурдюк загоняешь.**

***

Дун гордалги, нуц1биги Я и окна, и двери
*К1иялго **рагьейилан***, Прошу **открыть**.
*Мун, к1иялго **къалилан***, А ты, думая их **закрыть**,
К1алт1а эхетун вуго. Стоишь у порога.

Антитеза особенно эффективно функционирует в целях противопоставления настоящего, истинного и мнимого, воображаемого таланта поэта. В таких эпиграммах используется оппозиция *мун – цогиял* «ты – другие» (например в эпиграмме «Цо къанаг1атав коч1охъанасде» – «Одному редкому стихотворцу»):

Дандч1вала цо-цо шаг1ир, Встречается иногда поэт
Цо-цо г1унгут1и бугев: С одним (каким-либо) недостатком:
***Цояв** пасих1лъи гьеч1ев*, **Один** – без красноречия,
***Цояв** пикруялъ тарав.* **Другой** – с бессмысленными (стихами),
*Амма **мун** кинигинан,* Но подобные **тебе** (поэты),
Киналго г1унгут1аби Чтобы все недостатки
Куч1дузулъ данделъарав В стихах бы были,
Къанаг1ат данде ч1вач1о. Редко встречались.

Среди различных изобразительно-выразительных средств сравнительные конструкции в поэтических текстах Р. Гамзатова занимают особое место. Специфика их употребления в данном случае определяется не только (и не столько) жанром эпиграмм, но и их тематикой, адресатной направленностью, а также использованием в имплицированных сравнениях элементов антитезы.

Р. Гамзатов, включая в тексты сравнения, соотносительные с разными кодами культуры, иронизирует над плохими поэтами, возомнившими себя талантливыми поэтами, над меркантильностью жен поэтов и т.д., о чем свидетельствуют и названия самих эпиграмм:

Цо дуда релълъарав чи лъала дида,
Лъаг1а-лъаг1алиде лъудби хисулев.
Одного похожего на тебя человека я знаю,
Меняющего каждый год жен.
(«Г1емерал темаби, жанрал хисулев поэтасде» –
«Меняющему часто темы и жанры поэту»)

Дуцаг1ан гьунаралда Как ты, талантливо
Поэтасул роль х1ач1о. [Никто] роль поэта не играл
Гьура, бравоги рецци! Ура, браво и слава!
Ч1вазе те дун дуе хъат. Дай мне аплодировать тебе.

(«Цебе артист вук1арав цо поэтасде» – «Поэту, кто раньше был артистом»)

Г1енекке кутакилан Слушайте, замечательные,
Куч1дул дуца ц1алигун, Когда ты прочитал стихи,
Кинабго черх мич1ч1ица Все тело крапивой
Бухулеб бугин ккана. Будто хлестают, казалось.

(«Цо ч1амуч1ав коч1охъанасухъ г1енеккараб мехалъ» – «Когда слушал одного докучливого поэта»)

Цо-цояз ц1алула куч1дузул мухъал, Одни читают строки стихов,
Т1аса бищун тола гьалъ сберкнижка. Она же выбирает сберкнижку.

(«Цо хъвадарухъанасул ч1ужуялде» – «Жене одного писателя»)

Наряду с приемом метафоризации в анализируемых эпиграммах для усиления коннотативных значений актуализируется прием персонификации, связанный с приписыванием человеческих качеств (действий) неживым предметам и явлениям. Такой прием персонификации использован в эпиграмме «Палугьан-поэтасде» – «Поэту-канатоходцу»:

Жеги байбихьудаго Еще в самом начале
*Гьасул **куч1дул гьимана*** Его **стихи улыбались**
Гьанирехун ругезеги, В одну сторону (одним)
Дорехун ругезеги. И в другую сторону (другим).

Используемый прием персонификации дополняет и усиливает стилистические возможности субстантивных и глагольных метафор и способствует актуализации негативной направленности эпиграмм как на денотативном, так и на коннотативном уровнях.

Обобщая отмеченное выше, можно отметить следующее.

В эпиграммах Р. Гамзатова содержатся субстантивные, глагольные и адъективные метафоры, имеющие символический характер и усиливающие образно-эмоциональные негативные оценки. Использование различных метафор, соотносительных с разными кодами культуры, в ряде случаев накладывается на элементы антитезы. Антитезные противопоставления играют важную роль как средства актуализации денотативного и коннотативного содержания эпиграмм.

Важную семантико-стилистическую роль играют фразеологизированные выражения и слова традиционно-символического характера. В состав ФЕ входят метафорические определительные компоненты, выполняющие в ряде случаев функции символов – народных или индивидуально-авторских.

В числе изобразительно-выразительных средств, использованных в исследуемых эпиграммах, важные семантико-стилистические функции выполняют сравнения, метафоры, связанные с приемом персонификации, узуальные или контекстуальные антонимические противопоставления, органично входящие в текст эпиграмм.

2.6. Система компаративных конструкций в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова

2.6.1. Структурно-семантические особенности приглагольных сравнений [6]

Сравнения, как и другие тропы, имеют часто национально-культурный и индивидуально-авторский характер. В этом плане сравнения представляют собой фрагменты национальной языковой картины мира и выступают в качестве значимых компонентов языка и стиля поэтических текстов того или иного поэта. Достаточно известна также роль сравнений как символов, языковых знаков культуры того или иного народа [Маслова, 2004], чем

[6] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С. Приглагольные сравнения в поэзии Расула Гамзатова // Мир науки, культуры, образования. 2019).

нередко определяются их лексико-семантические особенности и культурные коннотации, определяемые национально-культурной природой сравнений, особенностями образно-интеллектуального осмысления окружающего мира и места человека в этом мире носителями языка.

Большинство приглагольных сравнений в текстах Р. Гамзатова довольно частотно представлено. Существительное, обозначающее предмет сравнения, распространяется разными языковыми структурами.

1. Для распространения сравнения включается глагольный компонент (собственно глагольный или причастно-деепричастный), объединяющий название объекта сравнения и глагол, с которым грамматически и семантически связано сравнение:

Гьас абулеб буго, ***ахихъабаца***

Гъвет1 г1адин*, къач1азе кколин г1адамал.*

Он говорит о том, что, **как садоводы**

Дерево, в жизни наряжать должны людей.

(«Дун хадув гъоларо гьаб жо макьуйищ» – «Я не пойму сон ли это»)

Дида гъаргъар бана,

Бакъ бараб *г1адин.*

Меня охватила дрожь,

Как при солнечном ударе (*букв*. «**будто солнце охватило**»)

2. Распространяющим название объекта сравнения может быть и форма косвенного падежа существительного, семантически связанная с объектом сравнения:

Эбел якъван йиго, ***бакъда хер*** *г1адин*.

Мать высохла, **будто на солнце трава**.

(«Г1олохъанав поэт» – «Молодой поэт»)

Къуларай гьай йорхана,

Бигьародул гъвет1 *г1адин.*

Согнувшаяся она выпрямилась,

Словно дерево тополя.

Гьале гьеб мехалда цо маг1арулав

Цеве эхетана, ***бог1ол гул*** *г1адин.*

Вот в этот миг один горец

Встал впереди, **как сноп ячменя**.

(«Араб риидала» – «Прошлым летом»)

Ц1орона дир г1акълу,

Г1аздалъ хур *г1адин.*

Замерз мой ум,

Словно поле под снегом.

(«Ахирисеб багьа» – «Последняя цена»)

Рокьуй г1иллаби гьеч1о,

Гьарун, ах1ун, щоларо.

Гьикъич1ого бач1уна,

Бадибе маг1у г1адин.

Для любви нет причины,

По просьбе, по зову (она) не приходит.

Не спрашивая приходит,

Будто в глаза слезы.

(«Рокьул планал гьеч1о» – «У любви нет планов»)

Транзисторалъул антенна *г1адин,*

Эхетун йик1ана мун росдал т1охда.

Как антенна транзистора,

Ты стояла на крыше села.

(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Как свидетельствуют приведенные примеры, данный тип распространенных сравнительных конструкций в текстах Гамзатова является

достаточно продуктивным. В логико-семантическом плане интерес представляет и то, что в отдельных текстах со сравнительными конструкциями употребляются семантически несовместимые сочетания, усиливающие образно-эмоциональные (коннотативные) значения (ср. *кьижараб рохел* «спящая радость» (просыпается), *г1акълу ц1орона* «ум замерз/остыл», *къуларай йорхана* «согнувшаяся выпрямилась» и др.).

3. Функцию распространителя сравнения выполняет адъектив (качественное прилагательное и причастие) при определяемом слове-названии объекта сравнения или генитивная форма субстантива в функции относительного прилагательного:

Бекараб ч1алу *г1адин,*

Ч1варкьан г1одов реч1ч1ана.

Как **сломавшееся бревно**,

С треском упал на землю.

(«Гьаб ккараб иш буго, ургъараб гуро» – «Это быль, а не выдумка»)

Бекерулеб г1анк1 *г1адин,*

Г1едег1уге мун, инсан.

Как убегающий заяц,

Не спеши ты, человек.

(Из восьмистиший)

Гьанже дун ***бесдаласул***

Гъансито *г1адин, вуго*.

Теперь я **подобен осиротевшему камину**.

(«Ц1ияб соналъ сардилъ хъварал куч1дул» – «Стихи, написанные в новогоднюю ночь»)

Пашманаб дуниял, ***бец1аб хоб*** *г1адин,*

Хал гьабун буго дихъ, киве щваниги.

Печальный мир, **словно темная могила**,

Смотрит на меня, где бы я ни был.

(«Стансал» – «Стансы»)

Гьесул х1алихьалъи, ***хъах1аб кун*** *г1адин,*

Кидаго бихьизе рес бук1анин дур.

Его подлость, **как белую нитку**,

Заметить всегда была у тебя возможность.

(«Цеве вук1арав гьудуласде» – «Бывшему другу»)

…рек1ел музыка,

Муг1рузул г1ор *г1адин, чвахулеб буго*.

…музыка сердца,

Как горная река, струится.

Адъективные компоненты в сочетании с оценочными существительными в таких продуктивно используемых в поэтических текстах Р. Гамзатова сравнениях, как правило, выступают в обосновывающей, аргументирующей сравнение функции:

Т1арамагъадисеб хазина *г1адин,*

Дица ц1унана гьеб г1ишкъуялъул ц1ва.

Как последнее сокровище,

Я сохранил эту страсти звезду.

(«Хиялги гьудулги» – «Мечта и подруга»)

Ср. также следующие примеры:

музыка струится как горная река; подлость видна как белая нитка; печальный мир, словно темная могила (ассоциативно связываются понятия «печальный» и «темный»)*; спешить как убегающий заяц* и т.д.

4. В мотивирующей сравнение функции выступают и сравнительные придаточные предложения, описывающие целые ситуации уподобления:

Бахъизе к1олареб хъалаялъ *г1адин,*

Къазе виччаларо йокьулелъ аск1ов.

Как крепость, которую невозможно взять,

Приблизиться не дает любимая.

(«Шоферасул кеч1» – «Песня шофера»)

Бац1алъ лъимер араб эбел кинигин,

Инагьдилеб буго халатаб сордо.

Как мать, у которой волк утащил детеныша,

Мучается длинная ночь.

(«Улка» – «Страна»)

Бит1ахъе бот1рода т1ил бараб *г1адин,*

Т1урана фашистал гьел раг1абаца.

Как будто палкой ударили по голове,

Удрали фашисты от этих слов.

(«Россиялъул солдатал» – «Солдаты России»)

Гъвет1 бух1араб мехалда

Х1инч1 киниги, вуго дун.

Как птица на горящем дереве,

Я чувствую себя.

(«Щуго килищ» – «Пять пальцев»)

Нераспространенные сравнения, представленные одним названием объекта сравнения, у Гамзатова используются непродуктивно:

Цоял эхеде ун, цоял эхей ун,

Дун, ***апараг*** *г1адин, раг1алда вуго.*

Одни ушли в одну сторону, другие – в другую,

Я один с краю, как **пришлый**, остался.

(«Дунго цох1о хут1аравго» – «Когда я один остался»)

Дун г1енеккун ч1ола, ***хабазда*** *г1адин.*

Я молча [стою], как **на кладбище**.

(«Улбузул ц1арал ах1ун, ц1урмал кьабулел руго» – «Бьют колокола, воспевая имена матерей»)

Причина отсутствия необходимости распространить такие существительные, называющие объект сравнения, состоит в том, что они сами по себе имплицированно содержат признак, необходимый для уподобления одного предмета (в широком понимании) другому: *на кладбище*

(обычно молчат), *пришлый* (обычно одинок; более того в данном случае приведена трансформированная автором редуцированная паремия *апарагасул рукъ – росу раг1алда* «дом пришлого – на краю села»).

В отдельных случаях при одном глаголе возможна цепочка нанизанных друг на друга сравнений, имеющих разные оттенки компаративной семантики:

***Дир кьерал хисана**, хурдузул г1адин,*

***Художник Пикассол суратал** г1адин.*

Мой цвет менялся, **как (цвет) трав**,

Как картины художника Пикассо.

(о материнской шали в поэме «Песня о матери»)

Повторяющимися могут быть контекстуально употребленные синонимические глаголы, с которыми семантически и грамматически связаны сравнительные конструкции:

*Ва гъоркьго хут1арал **т1орал киниги**,*

Камуна, т1аг1ана нилъер г1емер чи.

Как оставшиеся после жатвы **колосья**,

Потерялись, исчезли многие из нас.

(«Лъалхъе, гьудул» – «Остановись, друг»)

Приглагольные сравнения, употребленные в поэтических текстах Гамзатова, соотносятся с разными кодами культуры – 1) зооморфным, 2) антропным, 3) растительным, 4) природным, 5) предметным:

1. *Гьале гьав т1анч1азе квен батарабго,*

*Бусаде боржунеб **х1инч1 г1адин** ч1ух1ун.*

Вот он гордится, **как птица**,

Летящая с пищей в гнездо.

(«Г1олохъанав поэт» – «Молодой поэт»)

2. *Г1акъил к1алъалелъул **лъимал киниги**,*

Нилъ т1абиг1аталъухъ г1енеккун ч1ана.

Как дети слушают мудреца,

Мы, прислушались к природе.

(«Макъсадерил кьодухъ» – «У Моксобского моста»)

3. …*кьижараб рохел,*

кьурулъ ***г1инт1и г1адин,*** *баккулеб буго.*

…спящая радость,

Как в скале **шиповник**, выходит (просыпается).

4. *Нухлул свериялда ч1варкьан бекараб,*

Гьакибер киниги*, г1одой къулана.*

Как с треском сломавшееся на повороте дороги

Колесо арбы, (мать) согнулась.

(«Песня о матери»)

Часть приглагольных сравнений, как и присубстантивные и приадъективные сравнения, имеют национально-культурный характер, формируемый использованием названий национально-культурных реалий (*гьоко* «местный вид арбы», *бог1ол гул* «сноп ячменя», *ч1алу* «опорная балка для потолка»); топонимов (*кьуру* «скала»); названий отдельных животных (*чундул* «горные туры») и т.д. Такие лексические составляющие способствуют выражению национально-культурных коннотаций.

Часть анализируемых сравнений носит устойчивый характер, который создается в трансформированном виде аварскими компаративными фразеологическими образами: *бадибе маг1у г1адин* «как слезы в глаза» (приходит (непрошенная) любовь); *бусаде боржунеб х1инч1 г1адин* «как (с радостью) летящая в гнездо птица (с пищей для птенцов).

Фольклорные смыслы для текстов Гамзатова достаточно характерны, чем объясняется употребление элементов отдельных паремических единиц: *рокьи гьарун щоларо* «любовь по просьбе не приходит», *хабазда г1енеккун ч1ола* «на кладбище стоят молча» и др. Такие единицы делают

компаративные структуры экспрессивными, эмоционально-оценочными. В такой же усилительно-оценочной функции употребляются адъективные и глагольные метафоры, способствующие персонификации объектов неживой природы:

ц1ваби квачалел руго «звезды мерзнут», *кьижараб рохел* «спящая радость», *ц1орона дир г1акълу* «остыл мой ум/разум», *пашманаб дуниял хал гьабун буго дихъ* «печальный мир следит за мной» и др.

В большинстве таких примеров на объекты неживой природы и отвлеченные понятия переносятся человеческие качества, связанные с его эмоциональными и интеллектуальными свойствами.

Таким образом, приглагольные сравнения в текстах Гамзатова употребляются достаточно продуктивно и выполняют образно-усилительные функции. Часть из них отличается национально-культурной спецификой, создаваемой разными факторами. На национально-культурную специфику сравнительных конструкций накладываются и культурные коннотации. Приглагольные сравнительные конструкции соотносятся с разными кодами культуры, создавая специфическую лингвокультурную основу.

В основном используются распространенные сравнительные конструкции. Распространители сравнений (глагольные и адъективные компоненты, сравнительные придаточные предложения и т.д.), как правило, выполняют мотивирующие сравнения функции.

В сравнениях наличие глагольных и адъективных метафор приводит в персонификации объектов неживой природы и отвлеченных понятий, наделяемых интеллектуальными и эмоциональными качествами человека. Имеет место включение в структуру сравнений трансформированных фразеологических единиц и отдельных паремических единиц, являющихся компонентами аварской фольклорной картины мира.

2.6.2. Структурно-семантические особенности присубстантивных сравнений [7]

Говоря о формах вербализации сравнения в пространстве современного художественного текста, М.Н. Крылова отмечает, что к числу приоритетных способов выражения сравнения можно отнести сравнительные обороты, неполные придаточные части сложноподчиненных предложений, сравнения в форме сказуемого и полные придаточные [Крылова, 2010: 134-137]. Значительно реже употребляются, по ее наблюдениям, формы творительного сравнительного и сочетания уподобительных по семантике слов типа *похож* с предлогом *на* и другие языковые средства выражения сравнения.

Присубстантивные сравнения в текстах Р. Гамзатова в основном использованы в распространенной форме. Распространителями при этом являются эпитеты-прилагательные и причастия, сочетания различных грамматических структур, мотивирующие в основном сравнения, имеющие индивидуально-авторский характер или отражающие национально-культурные смыслы аварского устного поэтического народного творчества.

Нераспространенные присубстантивные сравнения, включающие в свой состав только наименования объектов сравнения, приводятся гораздо реже и в функционально-семантическом плане относительно распространенных не имеют столь большой вес.

Распространенные присубстантивные сравнения в поэтическом дискурсе Гамзатова соотносятся с разными кодами культуры: в основе этих сравнений лежат различные метафорические образы.

Часть присубстантивных сравнений строится на основе зооморфной метафоры:

Ункъго ч1ужу рек1ана, Сели четыре женщины (в фаэтон)
Ч1ег1ерал ***гъудул*** *г1адал.* Подобные черным **воронам**.

(Из поэмы о Хочбаре)

[7] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С. Присубстантивные сравнительные конструкции в поэзии Расула Гамзатова. Махачкала, 2017).

Рагъиялъул мокърокь ***микки*** *киниги,*

Медицинаялъул сестра йиго.

Подобная **голубю** под потолочными

Балками, медицинская сестра стоит.

Особенность последнего сравнения в том, что в имплицированной форме медицинская сестра в белом халате сравнивается с голубями: цвет (белый) не назван, но он ассоциативно подразумевается. Кроме того, поэтом использован национально-культурный для дагестанского устного песенного народного творчества образ голубя (*микки*), который уподобительно символизирует изящество, красоту женщины (ср. метафорическое употребление в аварском фольклоре сложного по структуре прилагательного *хъах1микки* «белая голубь» (о красивой женщине).

Символические метафоры в присубстантивных сравнениях в поэтическом дискурсе Гамзатова имеют гендерную специфику. Так, в сравнениях, характеризующих мужчин, чаще употребляются образы сильных зверей, актуализирующие такие мужские качества, как смелость, отвага, решительность:

Сверухъ ц1а бакун унеб, Светящееся огнем вокруг,

Ц1иркъил г1адинаб *гьумер*. Такое, **как у тигра**, лицо.

(Из поэмы о Хочбаре)

Отдельные присубстантивные сравнения с зооморфным кодом культуры используются при образно-эмоциональной интерпретации концепта «Любовь»:

Мекъаб ***г1орц1ен г1адаб****, г1амал квеш рокьи.*

Подобная норовистому **мулу** капризная любовь

Имеют место индивидуально-авторские присубстантивные сравнения, построенные на основе зооморфной метафоры и характеризующие явления природы:

Рагьдухъ балеб г1азу, бортулеб ***г1азу,***

Лъукъараб ***х1инч1алъул х1ули г1адинаб.***

Вокруг идет снег, падает снег,

Подобный крылу раненной **птицы**.

В ряде текстов Гамзатова встречаются устойчивые сравнения с растительным кодом культуры, характерные для фразеологических единиц и текстов аварского устного народного творчества. Так, в следующем поэтическом тексте употреблена трансформированная фразеологическая единица, обозначающая что-либо небольшое по величине:

Кьаг1рил бет1ер *г1анасеб росу.*

Такое, как **голова ягненка** (маленькое), село.

В аварской фразеологии обычно используется образ, в легкой иронической форме отражающий идею небольшого села:

х1амил бет1ер г1анасеб росу «такое, как голова осла (величиной с голову осла), село»: *Бихьулищ, муг1рузда рек1араб х1амил бет1ер г1анасеб Бакъдаб росдал ц1ар эсесералдаго лъан буго Сайдулагь сабаблъун* «Видишь, такой застрявший в горах небольшой аул, как Бакдаб, прославился на весь Союз, благодаря Сайдуле».

Сравнения с фитоморфной метафорой чаще применяются для характеристики женщин. В большинстве случаев такие сравнения, в которых употребляются культурно-символические названия цветов и деревьев, характеризуют внешний облик женщин:

Лага бугей, черх бугей, Стан красив, и тело твое красиво,

Чамасдакил гъвет1 *г1адай.* (Ты) подобна **дереву финиковому**.

(«Лабазанил дуг1а» – «Дуа Лабазана»)

Инжиралъул гъвет1 *г1адай,* Подобная **дереву инжира**,

Мун дие хирияб куц. Как же ты мне дорога.

(Из восьмистиший)

Гьениб тахида т1ад тамахаб макьид

Микьир г1адай*, бика кьижун йатана.*

Здесь, на царском троне, сладким сном

Подобная персику, бика спала

(Из поэмы о Хочбаре)

В приведенном контексте для выражения авторской оценки и формирования положительных коннотаций применены соответствующие языковые средства: *тах* «царский трон», *тамахаб макьу* «сладкий (*букв*. «мягкий») сон», *микьир г1адай* «подобная персику» (типичный восточный символ красивой, приятной на вид («сладкой») женщины», *бика* «дочь нуцала» (юная госпожа).

Характерно употребление в компаративных структурах символических названий цветов гендерного характера (наиболее часто употребляется слово *роза*):

Розаби г1адал ясал, **Подобных розам девушек**

Г1емерал данде ч1вач1о. Я не так часто встречал.

(Из иранских стихов)

В присубстантивных сравнениях с природным кодом культуры в качестве ключевых слов выявляются *кьуру* «скала», *т1алъи* «плато», *муг1рул* «горы», связанные с ландшафтной лексикой, или слова, обозначающие небо, небесные светила и природные явления, так или иначе связанные с ними (*зоб* «небо», *нак1к1* «тучи», *сордо* «ночь»):

Муг1рул ***кьуру г1адаб,*** **Подобная скале**,

Кьват1араб ***керен***. Потрескавшаяся **грудь**.

***

Ах1макъал рук1инч1они, Если бы не было глупцов,

Бук1инааан ***дуниял,*** Этот **мир** был бы **подобен**

Нак1к1ал гьеч1еб ***зоб г1адал***. **Небу** без облаков.

(«Гьит1инав, г1адалав Салимил рахъалъ» – «О маленьком глупце Салиме»)

Ираналъул т1ансаби, Ковры иранские,

Хундерил ***т1алъи г1адал***. **Подобные** хунзахскому **плато**.

(«Ахирияб багьа» – «Последняя цена»)

Т1ухьи г1адинал бак1ал, Тяжелые, как свинец,
Нак1к1ал руго ***муг1рузда.*** **Тучи** (покрыли) **горы**.

(Из поэмы о Хочбаре)

Бец1аб сордо г1адал*, ч1ег1ерал* ***берал****,*
Ч1ух1араб къо г1адин, руго кенч1олел.
Подобные темной ночи черные **глаза**
Как яркий день, сверкают.

(«Дир рокьи» – «Моя любовь»)

Р. Гамзатов здесь вводит не только метафору, уподобляющую иранские (большие и красивые) ковры хунзахскому плато, но и посредством соответствующих определительных компонентов *ираналъул* «иранские» и *хундерил* «хунзахское» (плато) придает всей сравнительной конструкции национально-культурную специфику.

Такие достаточно характерные для дагестанской поэзии природные метафоры и ассоциативные образы из мира природы Р. Гамзатов использует для вербализации различных мыслей и чувств, соответствующего настроения и характеристики лиц и предметов окружающего мира и т.д.

Достаточно продуктивны предметно-вещные метафоры, обозначающие предметы, которым присущи конкретные типические признаки, позволяющие переносно сравнивать их с другими предметами или даже лицами:

кор «глиняная печь» (для выпечки хлеба на раскаленных стенках), *маг1* «гвоздь «(крепкий»), *хьаг* «кастрюля» (кипит), *т1ахьал* «книги» (источники знаний, мудрости), *махх* «сталь/железо» (крепкая), *ц1а* «огонь» (горит, сжигает), *хъулби* «крепости», *т1имугъ* «шуба из овчины» (верхняя, откидная часть – черного цвета), *месед* «золото» (ценное), *т1анхал* «листья» (зеленые весной или желтые осенью) и т.д.

Такие присубстантивные сравнения образуют самую продуктивную группу. Они нередко носят индивидуально-авторский характер, в них также используются смыслы устного народного песенного творчества:

Бакараб ***кор г1адинаб,*** **Подобная** раскаленной **печи,**

Август моц1алъул ***бух1и***. Августа месяца **жара**.

(«Вацасул хоб» – «Могила брата»)

Бакараб ***кор г1адинай****, цо ц1адулай* ***г1олилай****…*

Подобная раскаленной **печи** одна огненная **девушка**…

(«Дир рокьи» – «Моя любовь»)

Виччанте вук1ине гьаб нилъер къавулъ

Къадада кьабг1араб ***маг1 г1адинав, вас****.*

Пусть будет в нашем роду

Сын, подобный вбитому в стену **гвоздю**.

(«Лъабго шиша» – «Три бутылки»)

Рахъарал ***т1ахьал*** *руго,* Изданные **книги** подобны

Рахъарал ***хъулби г1адин****,* Покоренным **крепостям**.

Цояца пайда кьуна, От одних была польза,

Цоял гьадинго ккана. А другие бесполезны.

(Из восьмистиший)

Зодил нак1к1, ***т1ингъал г1адаб****,*

Гъуждузда буго гьезул (*гъенарал т1анхазда*).

Небесная туча, **шубе** (черной) **подобная**,

На их (опавших листьев) плечи ложится.

(Из поэмы о Хочбаре)

Ва рижула васал, ***меседил г1адал****...*

И вырастают юноши, **будто из золота** (сделанные)…

***

Гьалдолеб ***хьаг*** *г1адаб, гьаб г1асруялъе*

Мун дир васигатги, дир сайигъатги.

Для подобного кипящей **кастрюле** поколения

Ты мое завещание и мой подарок.

(«Лъабго кеч1» – «Три песни»)

Бук1ана г1олохъанлъи, Была молодость,

Г1аздалъги ц1а г1адинаб, В снегу **огню подобная**,

Ц1адабги махх г1адинаб. И в огне **железу подобная**.

(«Дир рокьи» – «Моя любовь»)

Среди присубстантивных сравнений выделяется группа сравнений с антропным и телесным (соматическим) кодами культуры. Обычно такого типа сравнения образуют продуктивную группу приглагольных сравнительных конструкций. Телесная метафора для присубстантивных метафор, представленных единичными примерами, менее характерна:

Кинидахъ ах1улеб ***кеч1***, Колыбельная **песня**,

Киниялда бущараб В колыбели лежащего

Лъимадул гьими *г1адаб.* **Ребенка улыбке** подобная.

Дида рихьана дур разиял берал,

Роц1ц1араб зоб г1адал*, гьимулел* ***берал****.*

Я видел твои довольные **глаза**,

Подобные ясному **небу**, улыбающиеся **глаза.**

(«Берал» – «Глаза»)

Один из признаков, связанных с обозначением цвета глаз, имплицирован (на образ цвета указывает определительный компонент «*роц1ц1араб зоб* (*г1адал*) (подобные) ясному (голубому) небу». Так друг на друга накладываются субстантивные и адъективные образы, что приводит к формированию многослойных культурно-смысловых метафор.

В основном присубстантивные сравнения в поэтических текстах Р. Гамзатова имеют распространенную форму, где распространители

выполняют функцию аргументации сравнений, часто имеющих индивидуально-авторский, поэтому субъективно-оценочный характер.

Присубстантивные сравнения соотносятся с разными кодами культуры – зооморфным, растительным, природным, предметно-вещным, антропно-телесным. Часть сравнений, характеризующих внешние и внутренние признаки лиц, имеет гендерный характер. В связи с этим в таких сравнениях присутствуют языковые средства, получившие определенную символическую интерпретацию как культурные знаки языка.

Формирование тех или иных компаративных образов зависит от того, слова каких семантических групп и какой национально-культурной специфики здесь задействованы. Использование в составе сравнений слов, обозначающих национально-культурные реалии, способствует формированию индивидуально-авторской и национально-культурной специфики сравнений.

В результате слияния субстантивных и адъективных метафорических образов в сравнениях происходит их ассоциативно-образное и интеллектуальное осмысление, способствующее формированию синкретичной метафорической семантики в пределах конкретного культурно-смыслового пространства.

2.6.3. Бессоюзные сравнения [8]

В связи с развитием лингвокультурологического направления изучения языка возрастает интерес как к национально-культурной специфике, так и к индивидуально-авторским особенностям художественных сравнений. Сравнения являются достаточно яркими фрагментами национальной языковой картины мира и составляющими идиолекта языковой личности того или иного автора, представленные языковыми средствами образно-

[8] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С. Бессоюзные сравнения в поэзии Расула Гамзатова // Мир науки, культуры, образования. 2017).

ассоциативного и эмоционально-интеллектуального осмысления и интерпретации окружающего мира и места человека в этом мире.

Говоря о лингвокультурном аспекте сравнений, В.А. Маслова отмечает: «Культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры, ибо сравнение в широком смысле – это проблема тождества и различия» [Маслова, 2004: 144].

В поэтических текстах сравнения выступают как одна из форм художественного мышления. В семантике сравнений отражается как национальное, так и индивидуально-авторское (поэтическое) видение мира. Именно поэтические сравнения, как отмечают исследователи, являются «способом уловить национальную специфику видения конкретного предмета, понятия» [Там же: 146].

Актуальность поднимаемой в данном разделе проблемы состоит в том, что бессоюзные сравнения, используемые Р. Гамзатовым, в лингвистическом аспекте не были предметом специального исследования. Частично проблема лексико-семантического наполнения сравнений и их лингвокультурологической специфики рассматривается в кандидатской диссертации и отдельных статьях С.М. Магомедовой [2016, 2009, 2009а, 2014].

Анализ нашего материала свидетельствует о том, что в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова в основном используются союзные сравнения, формально организованные на основе сравнительных союзов (*киниги/кинигин* «как, словно», *г1адин* «как», «так, как», «как будто», *г1адинаб* «такой, как»). Бессоюзные структуры компаративной семантики для языка Р. Гамзатова менее характерны, хотя в плане национально-культурной и индивидуально-авторской специфики такие сравнения также представляют вполне конкретный интерес.

В ряде поэтических текстов (в надписях, в восьмистишиях, элегиях, сонетах и в обычных стихотворениях) продуктивна бессоюзная форма выражения компаративной семантики, аналогичная творительному

сравнительному падежу в русском языке. Такая форма образуется присоединением компаративного падежного аффикса -*лъун* к форме номинатива (ср. *х1инч1**лъун** воржана* «полетел птицей», *ц1ад**лъун** г1одана* «плакал дождем» (как дождь)).

Мах1муд, дуе рес кьуна, Махмуд (поэт), ты заслужил право,

*Рокьул **имамлъун** ч1езе.* Быть **имамом** любви.

***

***Гьоболлъун** жанив вач1а*, **Гостем** (как гость) заходи,

***Гьудуллъун** къват1иве* а. **Другом** (как друг) выходи.

(Надпись на дверях)

Дир каранзул рак1, раг1и гьеч1ого,

*Лъар камураб **г1орлъун** киг1ан угьдараб!*

Мое сердце в груди, не находя слов,

Рекой, потерявшей ручей, сколько страдало!

(«Г1оралги лъаралги» – «Реки и ручьи»)

*Боржине къач1араб **х1инч1лъун** буго **рак1**.*

Сердце, словно **птица**, готовая взлететь.

(«Лезгинка»)

Мун яч1ана гьит1инай Ты явилась в этот мир

***Гьоболлъун** дунялалде*. (Словно) маленькая **гостья**.

(«Пат1имат» – «Патимат»)

В сравнениях, выраженных компаративно-идентифицирующей формой номинатива субстантива, как бы сливаются метафора и сравнение. Такие формы сравнения реализуются в результате редукции сравнительного союза, в котором в семантическом плане нет особой необходимости.

*Г1адамазул **хабар** – т1охде балеб **ц1ад.***

Людские **разговоры** – (словно) **дождь**, капающий на крышу.

(«Маг1арулай» – «Горянка»)

Рокьи *– т1езе к1олареб* ***гарац1****.*

Любовь – (словно) **узел**, развязать которого невозможно.

***

Дур надал байданалда На лугу твоего лба
Ц1акъ гъваридаб ***к1иго х1ор****,* **Два** очень глубоких **озера** (глаза),
Х1оразул т1аралъуда – Над озерами сверху
Рас ч1ег1ераб ***к1иго цер.*** **Две** черные **лисицы** (брови).

(«Кьунсрул» – «Брови»)

Употребление в метафорически-сравнительной функции сочетания *к1иго цер* «две лисицы» (в значении «брови») в контексте в таком образно-метафорическом портретном описании женщины имеет причинную мотивировку. Путем описания «поведения» бровей реализуется прием персонификации, что приводит к образованию синкретичного метафорически-метонимического значения в ассоциативном ряду *к1иго ч1ег1ераб цер > кьунсрул > ч1ужуг1адан* «две черные лисицы – брови – женщина»:

Гьел цо кьурдулеб куц, Как они танцуют,
Гьел цо к1ич1ардулеб куц, Как они изгибаются,
Гьезул ишанаца дун Сколько знаками они
Ах1аравщинав духъе. Меня звали к тебе.

***

Гьаб – к1удияб ***театр****,* Это (рынок) – большой **театр**,
Тегераналда ***базар***. Тегеранский **базар**.

(«Ахирияб багьа» – «Последняя цена»)

Гучал карачелаз гьелчезабулеб
Гьалагаб, гургинаб ***гама*** *–* *гьаб* ***дунял****.*
Сильными волнами раскачиваемый,
Суетливый, круглый **корабль** – эта **жизнь.**

***

*Дун гьавураб **Дагъистан**,* **Дагестан**, где я родился,

*Картаялда – х1анч1ил **т1инч1**.* На карте – (всего) птицы **детеныш**.

Данное сравнение, указывающее на небольшую территорию Дагестана (при его духовном и морально-нравственном величии для автора), содержит знаки устного народного творчества, в текстах которого сравнение с птенцом (использован зооморфный код культуры) в основном имеет количественно-оценочное значение.

В таких номинативных сравнениях часто употребляются эмоционально-оценочные образные слова, мотивируемые индивидуально-авторскими ассоциациями субъективного характера, что приводит к образованию и употреблению индивидуально-авторских сравнений (ср. использование в приведенных и приводимых ниже примерах символических слов типа *цер* «лиса» (хитрая, «кокетливая»), *ц1ад* «дождь» (не всегда приятный), *гъваридаб х1ор* «глубокое озеро» (наслаждает взор цветом, красотой), *праздник* «праздник», *кеч1* «песня», *панаяб калам* «пленительный голос», *даимаб г1умру* «вечная жизнь» и т.д.):

*Мун лъуг1и гьеч1еб **кеч1, панаяб калам**.*

Ты бесконечная **песня, пленительный голос**.

***

*Мунилан абуни – даимаб **г1умру**.*

Ты – (это) вечная **жизнь**.

***

*Мун дие **праздник**! Дир рак1 гьалдола,*

Дуде данде ч1вала къодахъ хал гьабун.

Ты мой **праздник**! Сердце мое кипит,

Ожидая дня встречи с тобой.

***

*Рокьи, мун гьеч1они, **дун** –* Любовь, если нет тебя,

*Ч1ваби т1у-т1ураб **пандур**.* **Я пандур** с оборванными струнами.

В отдельных случаях в таких поэтических текстах для актуализации сравнения употребляются экспрессивные вопросительно-утвердительные конструкции, усиливающие положительные оценочные коннотации:

Мун коч1ол бика, киналго гьаркьал

Гьаб дуниялалда дур ***бакънал*** *гурищ?!*

Ты царица песни, все голоса

В этом мире не твои ли **мелодии**?!

***

Мун ***рек1ел г1инт1и*** *гурищ,*

Г1ишкъудул канлъи *гурищ?!*

Не ты ли **шиповник сердца** (моего),

Не **свет** ли **любви** (ты)?!

Экспрессивные вопросительные предложения в текстах со сравнением-метафорой могут быть включены и как структуры, выполняющие функцию коммуникативного вхождения в авторский монолог, где образно-символическая значимость ответа усиливается препозитивным вопросом:

Щиб жо ***г1олиласул рак1****?*

Рек1араб ц1а *– квер хъваге.*

Что же **сердце юноши**?

Горящий огонь – руками не трогайте.

Для актуализации сравнения в таких случаях рядом с номинативной формой субстантива может быть употреблен вспомогательный глагольный компонент ***й****иго/****в****уго* «есть, является» (с соответствующими классными показателями). В таких структурах усиливается категоричность утвердительно-компаративной семантики:

Мун *дир* ***хъала йиго****, босун бахъинч1еб,*

Дур Бастилиялъул ***туснахъ вуго дун***

Ты (есть) моя **крепость**, не покоренная, не взятая,

Я (есть) твоей Бастилии **заключенный**.

(«Мун дир хъала йиго» – «Ты – моя крепость»)

Цо-цоязе, дунял, ***мун хъарпуз буго*** *–*

Хъамула, къот1ула, куна, гьекъола.

Цо-цоязе, дунял, ***мун торг1о буго*** *–*

Кьабг1ула, бухула, рехула, ккола.

Для одних, **ты**, жизнь, (как) **арбуз** (есть) –

Воруют, режут, едят, пьют.

Для других **ты**, жизнь, (как) **мяч** (есть) –

Бьют, ударяют, бросают, ловят.

***

К1удияб ***хазина буго гьудуллъи,***

Гьелде квер хьваг1изе г1едег1уге мун.

Большое **сокровище есть дружба**,

На неё махнуть рукой не спеши ты.

(«Гьудулзаби ц1уне» – «Берегите друзей»)

***

Раг1аби – тамахаб квас,	Слова – (словно) **мягкая шерсть**
Куч1дул руго буртаби.	Стихи есть **бурки**.
Раг1аби руго кунал,	Слова – (словно) **нити**,
Куч1дул руго т1ансаби.	Стихи есть **ковры**.

(Из восьмистиший)

Образно-оценочная функция номинативных сравнений может быть усилена, актуализирована путем использования характерных для поэтических текстов Р. Гамзатова отрицательно-утвердительных конструкций, когда деактуализация отрицания приводит к категоричной актуализации, усилению утвердительной компаративной семантики.

Соответственно в таких случаях деактуализируемый (отрицаемый) компаративный номинатив сопровождается отрицанием *гуро* «нет/не», а актуализируемый (утверждаемый) сравнительный компонент сопровождается вспомогательным глаголом *йиго* «есть, является». В таких конструкциях обычно реализуются сравнительно-сопоставительные

смысловые отношения. Компаративная семантика утверждения здесь дополнительно усиливается различными повторами:

Мун рек1ел ***г1инт1и гуро***, Ты **не шиповник** сердца моего,
Жибго т1убан ***рак1 йиго***. (А) полностью **сердце** (есть).
Г1умрудул ***канлъи гуро***, **Не** жизни **свет** (ты),
Кинабго ***г1умру йиго***. (А) вся **жизнь** (ты) **есть**.

***

Мун дий ***куркьаби гуро***, Ты **не крылья** для меня,
Кеч1алъе ***бакъан гуро***, **Не мелодия** для песни,
Мун жийго ***х1инч1ги йиго***, Ты сама **птица** (есть),
Мун жийго ***кеч1ги йиго***. Ты сама **песня** (есть).

В небольшой группе примеров вместо вспомогательного глагола *буго* «есть, является» включается глагол прямого назначения *ккезе* «являться», семантически соответствующий описываемой ситуации:

Амма халатаб ***кеч1*** Но длинное **стихотворение**,
Ч1ар г1емераб ***хур ккола.*** **Полем является**, где много сорняка.

В таких поэтических текстах вспомогательный утвердительный компонент *йиго* «есть, является» применяется в функции эмоционально-указательного слова *это* в русском языке: ср. *жизнь – это ты; свет* (жизни) *– это ты; ты – это сама песня; ты – это сама птица* и т.д. В отдельных примерах данный указательно-усилительный компонент *гьеб* «это» эксплицируется:

Рокьи ккараб г1умру халатаб гьеч1о,
Хекко пирхун уна ***гьеб*** *пири – лах1зат*
Жизнь любви не долгая,
Быстро сгорает **эта** молния (как) миг.

В ряде примеров отрицаемый в сравнении компонент сопровождается отрицательным вспомогательным компонентом *гьеч1о* «нет, не есть», что приводит к образованию в компаративных структурах отрицательно-утвердительной антонимической пары *гьеч1о-йиго*/*буго* «не есть – есть»:

Т1олабго дунялалада Во всем мире
Дида бихьараб, лъараб То, что я увидел, узнал,
Г1ицl1го дур ***сурат буго***, (Это) только твой **портрет** (есть),
Цоги ***берцинлъи гьечl1о***. Другой **красоты нет**.

***

Мун гьелда ***релълъарай гьечl1о****, дир гьудул,*
Гьей ***йиго*** *цодагьай дуда* ***релълъарай***.
Ты на нее (Мадонну) **не похожа**, моя подруга,
Она немного на тебя **похожая есть.**

***

Эмен гьечl1о, ***буго*** *свараб* ***гьансито****,*
Кидаго дандчl1вачl1о ***гьебгl1ан гьаримаб***.
Нет отца, есть погасший **очаг**,
Никогда не встречал **печальнее, чем он**.
(«Диван» – «Суд»)

Руго *гьадал* ***цl1ваби****, дуе ракарал,*
Мун гьечl1они, гьудул, гьел ***цl1ваби гьечl1о***.
Эти **звезды** для тебя зажженные **есть**,
Если нет тебя, этих **звезд нет**.

В компаративных отрицательно-утвердительных синтаксических структурах в ряде поэтических текстов (например, в жанре надписей, и это не случайно) используется компаративное противопоставление в формах прошедшего времени указанных выше вспомогательных глаголов *вукl1ана – вукl1инчl1о* «был, являлся (кем)» – «не был, не являлся (кем)».

Гьав ***багьадур вукl1инчl1о****,* Он **не был героем**,
Гьунар дида лъаларо, Я не знаю его подвигов,
Амма гьав ***чи вукl1ана****,* Но он **был человеком**,
Гьасда аскl1орги лъалхъе. Остановись около него тоже.
(Надпись на надгробном камне)

Значение сравнения усиливается также употреблением отрицательных и утвердительных форм полузнаменательных глаголов, выражающих отрицательные коннотации путем указания на отсутствие положительного качества в характеризуемых лицах (отрицание используется для актуализации утверждения):

Киналго ***ратич1о*** *гьел* ***гьудулзаби****,* **Не** все они **оказались друзьями**,

Гьалбал рук1ун руго *гьел г1емерисел*. Многие **оказались гостями**.

(«Хиялги г1умруги» – «Мечты и жизнь»)

Компаративная семантика в номинативных сравнительных конструкциях может быть обоснована, мотивирована употреблением в качестве аргументирующего распространителя синтаксической конструкции со значением причины, усложненным условно-временной семантикой (формируется синкретичная грамматическая семантика):

Дуда г1айиб ккани, ***гьалбац1 вуго*** *дун,*

Дида г1айиб ккани, дур ***г1анк1 вуго*** *дун.*

Если (когда + так как) ты виновата, я **лев есть** (для тебя),

Если (когда + так как) я виноват, я для тебя **заяц есть**.

(«Г1айиб ккараб мехалъ» – «Когда виноват»)

Сравнительное сопоставление имеющих символическое значение слов *гьалбац1* «лев» (смелый, отважный, важный) и *г1анк1* «заяц» (трусливый, пугливый) способствует формированию соответствующего стилистического оттенка, юмора, легкой «насмешки» над собой по отношению к любимой женщине.

Рокьи, ***мун гьеч1они дун*** *–* Любовь, **тебя если** (когда) **нет,**

Ханжар жаниб лъеч1еб ***лъел***: **Я ножны** без кинжала:

Лъарахъе рехула гьеб, В реку бросают, ножны,

Цин бахъун бах1араца. Разозлившись, джигиты.

(Из восьмистиший)

Дун шаг1ир ватани, ***шиг1ру*** *мун* ***йиго****,*

Шаг1ирзаби уна, шиг1ру хут1ула.

Если я поэт, ты **есть песня**,

Поэты уходят, песни остаются.

(«Нилъер ц1арал» – «Наши имена»)

Сравнение-метафора может быть актуализирована употреблением в составе условно-сопоставительного предложения, построенного с использованием формы уступительного наклонения глагола с реализацией сопоставительно-сравнительных смысловых отношений:

Сонал гъут1би *ратани,* Если **годы** – (это) **деревья,**

Ах буго *нилъер* ***г1умру***. **Сад есть** наша **жизнь**.

В текстах Р. Гамзатова употребляются не только бессоюзные сравнения, но и описательные формы выражения компаративной семантики при помощи уподобительных слов типа *релълъарай* «похожая», *релълъун* «подобно»:

Бац1ил к1алдиб ккараб ***кьаг1рида релълъун****,*

Кьурабазда гьоркьоб буго ***дир росу****.*

Подобно ягненку, попавшему в пасть волка,

Среди скал находится **мое село.**

(«Саг1аду» – «Сааду»)

Г1умру релълъунеб буго **Жизнь похожа**

Бек-бекараб гъадрида. **На** разбившуюся **тарелку.**

(«Т1ахьал г1емерал хъвана» – «Книг много написал»)

Дун ***релълъуна чанида*** Я **похож на зверя**,

Жиндирго рохь г1олареб Которому леса мало.

(«Дун рокъов хут1аравго» – «Когда я остался дома»)

Къват1ахъ гьури буго кибго свердулеб

Квелъ рехун биччараб ***юргъа чу г1адин***.

На улице ветер везде гуляет,

Будто конь, оставленный без узды.

(«Риидахъ балагьун йиго мун, эбел» – «Ты в ожидании лета, мама»)

Амма миллионал рокьула дие,

Дол *цодагьал* ***дуда релълъарал*** *рук1ун*.

Но люблю я миллион (женщин),

Так как немного **они похожи на тебя**.

***

Лага релълъунеб буго,

Ч1ваби т1ураб т1армида.

Тело (мое) похоже

На **тамур** (муз. инстр.) **с оборванными струнами**.

(«Т1ахьал г1емерал хъвана» – «Книг много написал»)

Компаративная семантика, выражаемая в русском языке союзом *чем*, в аварском обычно реализуется посредством употребления родительного сравнительного падежа. Такие формы выражения значения сравнения встречаются и в поэтических текстах Р. Гамзатова:

Къвал базе бокьулеб лъик1 Люблю обнимать (женщину)

Бак1аб ***ярагъалдаса.*** **Чем** (носить) тяжелое **оружие.**

***

Чияр бак1ал ***росиялдаса***, **Чем покорять** чужие места,

Рак1ал роси нусц1ул лъик1. Покорять сердца сто раз лучше.

***

Рокьул ***г1орхъабаздаса***, **Чем границы** любви,

Г1орхъи гьеч1еб рокьи лъик1. Лучше любовь без границ.

Ц1ороаб ***хонжродаса*** **Чем** холодный **кинжал**,

Ц1а г1адай йокьулей лъик1. Огню подобная любимая **лучше**.

***

Дудаса *хирияй дир гьудул гьеч1о*, **Дороже тебя** нет у меня подруги,

Гьеб лъазе ккола дуда кидаго. Это ты должна помнить всегда.

***

Йокьулелъул цаби лъик1, Луше любимой женщины зубы,
*Цогидал **к1ут1буздаса.*** **Чем губы** нелюбимых женщин.
(Из элегий)

Г1емераб раг1удаса **Чем** пустая **болтовня**,
Раг1 ц1ураб ч1аг1аго лъик1. Полная чаша бузы лучше.
(«Концерт» – «Концерт»)

Дуда гьими рекъола, Тебе улыбка подходит,
*Гьурмал **рук1к1абаздаса.*** **Чем морщины** на лице.

Во многих бессоюзных сравнениях национально-культурный и индивидуально-авторский характер создается употреблением слов, ставших в сознании носителей языка культурно значимыми символами: *ц1ороораб ханжар* «холодный кинжал», *рокьул имам* «имам любви», *муг1рузул чан* «горная газель», *свараб гъансито* «погасший очаг», *ч1ваби т1у-т1ураб пандур* «пандур (национальный музыкальный инструмент) с оборванными струнами» и т.д.

Таким образом, бессоюзные сравнительные конструкции в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова организуются разными способами: идентифицирующе-уподобительным номинативом, косвенными падежными формами со значением сравнения, уподобительными словами, формирующими описательные сравнения. В таких сравнениях употребляются эмоционально-оценочные слова, создающие образно-оценочную основу поэтических текстов Гамзатова.

Характерно использование в сравнениях отрицательно-утвердительных конструкций, в которых путем деактуализации отрицаемого компонента, усиливается значимость утверждаемого эмоционально-оценочного компонента со значением сравнения. В данных конструкциях часть предложения, образующая компаративную основу, актуализируется употреблениемс помощью антонимически противопоставленных слов типа *йиго/вуго-гьеч1о* «есть (является) – нет (не является)», отрицательных и

утвердительных форм глаголов со значением существования или образно-оценочного представления.

Вспомогательные глаголы, используемые в группе бессоюзных сравнений, выполняют утвердительную и одновременно указательно-оценочную функцию, характерную для слова *это* в русском языке. Такие компоненты имеют особую значимость на коннотативном уровне. На денотативном уровне национально-культурную специфику сравнениям придает употребление слов, выполняющих функцию культурно значимых символов.

2.6.4. Сравнительные конструкции с уподобительным аффиксом *-лъун*

Сравнительные конструкции представляют собой не только фигуры речи, но и фрагменты национальной языковой картины мира. Поэтические сравнения отражают особенности авторского эмоционально-образного и интеллектуального осмысления окружающего мира, поэтому элемент субъективности в таких сравнениях достаточно очевиден.

Сравнения с уподобительно-идентифицирующей частицей *-лъун*, соотносительные со сравнениями, выражаемыми в русском языке так называемым сравнительным творительным, в поэтических текстах Р. Гамзатова представлены непродуктивно.

Поскольку многие из характеризуемых здесь сравнений носят индивидуально-авторский характер, то они содержат в себе субъективно-ассоциативный компонент, определяемый особенностями эмоционально-образного и интеллектуального осмысления окружающего мира автором поэтических текстов. Названия сравниваемых объектов свидетельствует об этом: *дунял – гьоко* «мир – арба», *кеч1 – гамач1* «песня/стихи – камень», *рак1алде щвеял* – (х1анч1ил) *куркьбал* «воспоминания – (птицы) крылья» и т.д.:

Гьедин сверун ана, бих-биххун ана,

Ахаде бортараб ***гьоколъун дунял****.*

Так прошли, разрушились **годы,**

Покатившимся вниз **арбой**.

(из поэмы «Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Унеб буго гьаб дир ***кеч1***

К1к1алахъе ***гамач1*** *г1адин.*

Уходят мои **стихи**

Камнем, покатившимся в ущелье.

(«Хиросима» – «Хиросима»)

Араб ***рак1алдещвейги****,*	**Мысли** (воспоминания) о прошлом
Бук1унелъул ***хиялги***	И **мечты** о будущем,
Рук1ана дида цадахъ,	Вместе они во мне были,
Цо х1анч1ил ***куркьбал г1адин****.*	Как два **крыла** птицы.

(«Дир раг1и» – «Мое слово»)

Во втором примере представляет интерес форма существительного единственного числа *кеч1* «песня/стихотворение» в значении множественного «стихи». Такой же характер имеет употребление формы единственного числа *рак1алдещвей* «воспоминание» в значении «воспоминания».

Сравнение названий двух реалий, не имеющих реального сходства, но ассоциативно сравниваемых поэтом (ср. *кеч1* «стихи» – *гамач1* «камень») строится на переносном употреблении слова, обозначающего признак сравнения, мотивируемого распространителями сравнения (стихи катятся, словно камень, покатившийся в ущелье; годы разрушились (разбросались), словно арба, покатившаяся вниз).

Метафорическое употребление слов в характеризуемых сравнениях приводит к формированию соответствующих культурных кодов. В таких сравнениях имеет место символическое употребление слов, ставших

культурными знаками языка. Отдельные сравнения соотносятся с растительным кодом культуры, что свидетельствует об авторской интерпретации связи природы и человека:

Гьей (*эбел) аск1ой эхетула*

Борхатаб ***гъвет1лъун***.

Она (мать)встала рядом

Высоким **деревом**.

(«Цо-цо гьадинаб заман…» – «Порою такое время…»)

***

Рохьоб дуда лъалаан

Щибаб сухъмахъ, щибаб гъвет1.

Гъот1ол г1аркьел *бук1ана*

Г1ансалъун, т1иллъун *дуе.*

В лесу ты знал

Каждую тропинку, каждое дерево,

Ветка дерева была

Для тебя **посохом, палкой** (для опоры).

(«Твардовскиясул ц1аял» – «Огоньки Твардовского»)

В языке Р. Гамзатова имеет место употребление сравнений с уподобительно-идентифицирующим аффиксом *-лъун*, соотносительных с природным кодом культуры (такие сравнения строятся на основе природной метафоры):

Метер мун яч1ина щвараб ***рогьеллъун***

Завтра ты явишься, словно наступившее **утро.**

(«Метер дида хадуй…» – «Завтра за мной…»)

Радал ***бакълъун*** *вук1арав,*

Къасиялде – ***нак1к1го, нак1к1***.

Утром **солнцем** (как солнце) был,

К вечеру – (словно) **тучи, тучи.**

(из поэмы «Ахирияб багьа» – « Последняя цена»)

Антитеза *солнце* (днем) – *туча* (вечером), характеризующая изменение настроений, состояний человека, в эмоциональном аспекте усиливается повтором слова *нак1к1* «тучи», формирующим семантику интенсивности. Данная антитеза содержит противопоставление не только субстантивных компонентов, но и лексем с темпоральной семантикой (*радал* «днем» – *къасиялде* «к вечеру»).

Интересно также употребление не исходной формы *къаси* «вечером», а формы, указывающей направление в пространстве и времени *къасиялде* «к вечеру», выполняющей роль указания на процессуальность (изменение настроений человека в течение определенного отрезка времени (за день). Такой же характер, на наш взгляд, носит и следующее сравнение, соотносительное с антропно-природным кодом культуры:

Къаси сордо щола, ***зигардула*** *мун,*

Зах1матаб ***унтилъун*** *угьдула каранлъ.*

Наступает вечер, **стонешь** ты,

Тяжелой **болезнью** в моей груди.

(«Ралъадги дунги» – «Море и я»)

Использование метафоры, характеризующей состояние моря путем приписывания эмоционального человеческого качества морю (*зигардула* «стонешь») приводит к персонификации моря, что приводит к усилению эмоционального воздействия на читателя.

В отдельных сравнениях использована символика. Так, существительное *чирахъ* «светильник» переносно использовано как символ света, радости на душе (в сердце) человека:

Мун йик1ана ***чирахълъун****,*

Гьаб дир каранда бараб.

Ты была **светильником**

В моем сердце.

(Из поэмы «Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Степень эмоциональности данного сравнения усиливается тем, что источником света, радости для поэта является его родная мать, самый близкий в его жизни человек.

Во многих характеризуемых сравнениях распространителями выступают прилагательные (***борхатаб*** *гъвет1* «**высокое** дерево»), причастные обороты (***ахаде бортараб*** *гьоколъун* «словно **покатившаяся вниз арба**»), слова с темпоральным значением (***радал – къасиялде*** **«утром – к вечеру**»), основным назначением которых является аргументация, мотивация сравнений, имеющих как индивидуально-авторскую, так и национально-культурную специфику, создаваемую разными факторами (употреблением ассоциативно интерпретируемых слов, наименований национально-культурных реалий и т.д.). В семантико-стилистическом плане такие сравнения представляют значительный интерес, поскольку они определяют специфические черты языковой личности Р. Гамзатова.

2.6.5. Устойчивые компаративные структуры как элементы идиостиля

Устойчивые сочетания компаративного характера в текстах Р. Гамзатова воспроизводятся довольно часто. Соотносительность компаративных структур с разными кодами культуры (антропным, зооморфным, растительным, природным и т.д.) позволяет использовать их в разных семантико-стилистических целях. Кроме того, характеризуемые структуры представляют интерес и в гендерном аспекте: лексико-семантический состав рассматриваемых компаративных устойчивых сочетаний может определяться их гендерной соотносительностью с лицами мужского или женского пола.

Анализ соответствующего материала показал, что компаративные структуры используются в разных целях:

а) для описания внешнего вида человека или предмета:

Цояв документал гьикъулев вугев,

Полицияв г1адин, балагьула дихъ.

Цогияв бит1ахъе ***бугъайин ккола,***

Багъизе къач1араб…

Один спрашивает документы,

Словно полицейский, смотрит на меня.

Другой кажется **бугаем, готовым бодаться...**

(«Наралъул рит1уч1ал» – «Олени наров»)

Къуларай гьай йорхана,

Бигьародул гъвет1 г1адин*.*

Согнувшаяся она выпрямилась,

Словно дерево - тополь.

(«Маг1арул къиса» – «Аварская повесть»)

Гьале гьеб мехалда цо маг1арулав

Цеве эхетана, ***бог1ол гул г1адин****.*

В этот момент один горец

Встал впереди, **словно сноп ячменя**.

(«Араб риидала» – «Прошлым летом»)

Росу маг1алалда буго школа,

Боржине къач1араб ***х1анч1ида релълъун****.*

На краю села школа,

Подобная птице, собирающейся взлететь.

(«Маг1аруласул ват1ан» – «Родина горца»)

б) для выражения внутренних состояний человека, характеристики его поведения, ситуаций, в которых оказывается человек:

Минуталъ цебе ц1аял кунч1ун рук1ана,

Гьанже дун ***бесдаласул гьансито г1адин*** *вуго.*

Минуту назад светились огни,

Теперь же я – **словно очаг сироты**.

(«Ц1ияб соналъ сардилъ хъварал куч1дул» – «Стихи, написанные в новогоднюю ночь»)

Миллат Сибиралде бит1араб мехалъ.

Дун росулъ хут1арав цо херав вуго.

*Дун, **апараг г1адин**, раг1алда вуго.*

Когда нацию сослали в Сибирь,

Я, старик, остался один.

Я, **как пришелец**, одинок.

(«Дун цох1о хут1аравго» – «Когда я остался один»)

Бищун гъира-шавкъалда

Шиг1ру ц1алулуеб мехалъ,

***Бекараб ч1алу г1адин**,*

Ч1варкьан г1одов реч1ч1ана.

Когда со всей страстью

Читал стихи,

Словно сломанное бревно,

Рухнул вниз на землю.

(«Гьаб ккараб иш буго, ургъараб гуро» – «Это быль, а не выдумка»)

*Жийгоги, **борохь г1адин**,*

Берцинго к1ич1ардула.

Сама, **как змея**,

Красиво изгибается,

(«Ч1ег1ераб кар, гьелда т1ад…» – «Черные волосы, над ними….»)

В приведенных примерах отдельные компаративные структуры представляют собой результат редукции паремических единиц: так, сравнение *апараг г1адин* (раг1алда вуго) представляет собой часть паремиологической единицы *Апарагасул рукъ – росу раг1алда, хоб – хабазул раг1алда* «Пришельца (пришлого, не своего, из другой местности) дом – на

краю села, могила – на краю кладбища». Сравнение использовано для обозначения внутренних переживаний человека, оставшегося в одиночестве.

Интересен также пример, где используется сравнение *борохь г1адин* (*к1ич1ардизе*) «как змея (извиваться/изгибаться)». Компаративная структура, соотносительная с зооморфным кодом культуры, использована в сочетании с наречием *берцинго* «красиво», выражающим положительную коннотацию. Такое сочетание *борохь г1адин, берцинго к1ич1ардула* «как змея, красиво извивается» имеет гендерный характер и использовано в значении «кокетничать, кривляться»: сочетание структур с положительной и отрицательной коннотацией создает иронию, саркастический оттенок при описании поведения женщины.

в) устойчивые сравнения используются и для характеристики отвлеченно-абстрактных понятий, философского осмысления, интерпретации жизненных ситуаций:

Багьараб таргьиниб бараб ***г1еч г1адин****,*
Г1одор хьан ратана гьел сухъмахъазда.
Как яблоки, насыпанные в дырявую торбу,
Они [годы] оказались разбросанными на дорогах жизни.

В лингвокультурологическом плане сравнение *багьараб таргьиниб бараб г1еч г1адин* «словно яблоки в дырявой торбе» интересно тем, что оно построено на принципе алогизма (*насыпать яблоки в дырявую торбу*), бессмысленности и бесполезности предпринятого действия.

Рокьуй г1иллаби гьеч1о,
Гьарун, ах1ун, щоларо.
Гьикъич1ого бач1уна,
Бадибе маг1у г1адин*.*
Нет для любви причины,
Не приходит она по просьбе-мольбе.
Не спрашивая, приходит,
Как слезы в глаза.

(«Рокьул планал гьеч1о» – «У любви нет планов»)

*Чияс **т1инч1 бикъараб бац1ил бер** г1адин,*
Бихьула балагьун бач1анщинаб къо.
***Бац1алъ лъимер араб эбел** кинигин,*
Инагьдилеб буго халатаб сордо.

Как глаза волка, у которого человек **забрал детеныша**,
Вижу каждый наступивший день.
Как будто волк стащил дорогое **дитя**,
Стонет-страдает длинная ночь.

(«Улка» – «Страна»)

В данном случае актуализированы сравнения, соотносительные с антропным и зооморфным кодами культуры. Стилистический эффект при этом усиливается использованием метафоры *инагьдилеб буго халатаб сордо* «стонет-страдает длинная ночь», имеющей целью одушевление, персонификацию ночи как явления природы.

Устойчивые сравнения, соотносительные с антропным кодом культуры, у Р. Гамзатова применяются достаточно продуктивно, что связано с актуализацией концепта «Человек». Зооморфный код культуры при этом создает ассоциативную образность, актуализирует элементы жизненной философии.

С назидательным характером поэтического произведения может быть связано применение констативной формы глагола, обозначающей вневременное действие или состояние, или форм различных наклонений глагола, актуализирующих в ряде случаев причинно-следственные и условно-следственные отношения:

***Бекерулеб г1анк1 г1адин**,*
Г1едег1уге мун, инсан, –
Г1анк1ил кинабго г1умру
К1иго-лъабго сон буго.

Как бегущий заяц,

Не торопись ты, человек, –

У зайца вся жизнь –

Всего два-три года.

(Из восьмистиший)

Берталъ лъимал г1адин*, цеве к1анц1ани,*

Цо заманалдасан нахъе гъела дун.

Если я, **как дети на свадьбе**, высунусь вперед,

Через некоторое время отгонят назад.

(«Кагътие жаваб» – «Ответ письму»)

Стилистический эффект в данном случае усиливается антонимическим противопоставлением философски интерпретируемых понятий *цеве* «вперед» – *нахъе* «назад», (цеве) *к1анц1изе* «*высунуться* (вперед)» – (нахъе) *гъезе* «отогнать (назад)» соотносительных с метафорически осмысленным пространственным кодом культуры.

Зах1матал ургъелал, унтарал къасдал,

Гьелгун цадахъ вуго цого хут1ун дун.

Пашманаб дуниял, ***бец1аб хоб г1адин****,*

Хал гьабун буго дихъ, киве щваниги.

Трудные заботы, больные мечты,

С ними остался я в одиночестве.

Печальная жизнь, **как темная могила**,

Смотрит на меня, куда бы я ни ступал.

(«Стансал» – «Стансы»)

Пример интересен тем, что отвлеченным понятиям посредством включения эпитетов-прилагательных приписываются человеческие качества, что приводит к формированию интересных в лингвокультурологическом плане символических олицетворений и персонификации абстрактно-отвлеченных понятий: *унтарал къасдал* «больные мечты», ***пашманаб дуниял****… хал гьабун буго дихъ* «**печальная жизнь** смотрит на меня». С

актуализацией концептуально важного компонента *пашманаб* «печальный» связано употребление сравнения *бец1аб хоб г1адин* «как темная могила».

Отдельные устойчивые сравнения, соотносительные с антропным кодом культуры, имеют национально-культурный характер, создающийся использованием гендерных символов как культурных знаков языка: *кьуру* «утес, скала» (символ твердости, достоинства, стойкости лиц мужского пола), *т1агъур* «папаха» (символ достоинства настоящего мужчины) и т.д.

Цо борхалъиялда ***кьуру кинигин****,*
Кьурич1о кидаго дир бот1рода гьеб.

Словно утес (скала) в вышине,
Стойко держалась она (папаха) на моей голове.
(«Дагъистаналъул ц1ва» – «Звезда Дагестана»)

Многие сравнения, использованные в текстах Р. Гамзатова, имеют не только национально-культурный и индивидуально-авторский характер как фрагменты языковой картины мира, но и гендерный, с чем связаны особенности их лексико-семантического и символического наполнения.

2.7. Структура, экспрессивно-оценочный потенциал и дискурсивные функции надписей в дискурсе Р. Гамзатова [9]

Жанр надписей отличается своими языковыми особенностями, характером функционирования грамматических форм различных частей речи, своеобразной метафоричностью и т.д.

По лингвокультурологической значимости текст надписей напоминает паремические единицы, в которых отражается менталитет народа, его история, материальная и духовная культура, опыт носителей аварского языка, мудрость народа.

Часть надписей, как и паремические единицы, носит назидательный характер, обобщенно обращена в прошлое, настоящее и будущее людей.

[9] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С. О некоторых особенностях языка и стиля жанра надписей Расула Гамзатова // Гуманитарные и социальные науки. 2017).

Этим, на наш взгляд, объясняется продуктивное употребление в надписях так называемых констативных форм глагола, обозначающих вневременные (постоянные, регулярно повторяющиеся) действия или состояния. Такая специфика сближает надписи с аварскими паремическими единицами, являющимися достаточно яркими фрагментами национальной языковой картины мира [Абдуразакова, 2010: 103-105].

Констативные формы глаголов употребляются в надписях, сделанных на дверях и воротах, на камине, кинжале, бурке, на пандуре и бокалах. Надписи такого характера имеют морально-нравственный (воспитательный) характер, отражают в своей информации вечные человеческие ценности, чем, в первую очередь, объясняется употребление констативных форм индикатива, специфических для аварского и ряда других дагестанских языков.

1) **из надписей на бокале**:

Гьаб [*бокал*] *гьекъарав чи* ***хола,*** Выпивший его (бокал) **умирает,**
Гьаб гьекъеч1евги ***хола.*** Не выпивший тоже **умирает**.

Гьаб [*бокал*] *гьекъон,* ***кеп гьабула***, Выпивший его **наслаждается**,
Гьаб гьекъон маг1у ***т1ола.*** Выпив его, слезы **льют**.

Гьалъ (*бокалалъ) чангиял* ***рорхула***, Он (бокал) многих **поднимает**,
Гьалъ чангиял ***рехула.*** Он и многих **губит**.

2) **из надписей на камине и бурке**:

Квасул бук1аниги щиб, Пусть она [бурка] и из шерсти,
Рак1 чармилаз ***рет1ула.*** **Одевают** ее те, у кого стальное сердце.

Гьаниб г1одор ч1арабго, Когда сидишь у нее (у камина)
Г1исинаб жо ***к1очона***. Все мелочное **забывается**.

Г1одор ч1аразул гьумер Лица, сидящих у нее (у камина)
Гьаниб ц1аялъ ***кунч1ула.*** Здесь огнем **светятся**.

3) **из надписей на пандуре**:

Гьалъ пашманлъи ***хъамула***, Он (пандур) печали **отгоняет**,
Гьалъ пашманлъи ***ах1ула***. Он печали **вызывает.**

Гьаб хъвалелъул т1олабго Когда играют на нем,
Т1абиг1ат ***берцинлъула.*** Вся природа **радуется**.

4) **из надписей на седле и кинжале**:

Чияр чода рек1арв Кто сел на чужого коня,
Чодул малакье ***ккола***. Тот по его копыта **попадает**.

Хиянат гьабурав чи Того, кто подлости делает,
Гьалъ хеккого ***рехула.*** Оно (седло) быстро **сбрасывает**.

Гьалда би ***бакъваларо***, На нем (на кинжале) кровь **не высыхает**,
Киг1ан бакъ бух1аниги. Сколько бы солнце ни грело.

Следует обратить внимание на репрезентацию в приведенных примерах узуальных и контекстуальных антонимических противопоставлений, отражающих положительное и отрицательное в реальной жизни, в объективной действительности:

пашманлъи ***хъамула*** – *пашманлъи* ***ах1ула*** «грусть/печаль **отгоняет** – грусть/печаль **вызывает** (о пандуре), ***гьекъаравги*** *хола* – ***гьекъеч1евги*** *хола* «**выпивший** (его) умирает – **не выпивший** тоже умирает (о бокале), *гьаб угьдула* ***ч1варахъги, ч1вач1ого*** *рорч1арахъги* «он (кинжал) вздыхает по **убитым** и по **неубитым** тоже», *к1иго ч1ва буго гьалда,* ***пашманабгин рохалил*** «две струны на нем – **грусти и радости**» (надпись на пандуре), *гьаб*

гьекъон ***къочардула****, гьаб гьекъон* ***къацандула*** «выпив его, **целуются**, выпив его, ***ссорятся***» (надпись на роге-бокале),

Иногда применение антонимических противопоставлений мотивируется соответствующим по содержанию контекстом:

гьанив бах1арчи гьеч1о, гьанив х1инкъарав гьеч1о, гьаниб щибго лъалареб лъимер буго гьит1инаб ««здесь нет смельчака, здесь нет труса, здесь [лишь] малыш, которому ничего не ведомо»;

эркенлъи – гьалъул закон, зулму – гьалъие тушман «свобода для него – закон, насилие – для него враг»;

дунгун рекъараб мехалъ, рукъ-хъизангун вагъула, хъизангун рекъаравго, дидаса барщун ч1ола «когда со мной дружит, с семьей ссорится, как только мирится с семьей, со мной не общается» (надпись на роге-бокале) и др.

Такого типа антонимические противопоставления встречаются и в других надписях:

рагьизе *лъа,* ***къазе*** *лъа,* ***вач1ине*** *лъа,* ***ине*** *лъа* «умей **открывать**, умей **закрывать**, знай, как **приходить**, и знай, как **уходить**» (надпись на дверях);

салам кьун, ***жанив лъугьа****, баркала кьун,* ***къват1ив а*** «с приветом **заходи**, с благодарностью **выходи**» (надпись на дверях) и др.

Отдельные противопоставления носят явно контекстуальный характер. Как правило, такие противопоставления носят метафорический и отчасти компаративный характер:

Ругънал гьалъул г1емерал, Ран на нем много,
Г1умру гьалъул халатаб. Жизнь у него долгая.

(Надпись на скале)

Мекълъигун, т1екълъигун гьав Со злом и неправдой
Т1олго соназ вагъана. Всю жизнь он воевал.
Мекълъи ***ч1аго хут1ана***, Зло **осталось в живых**,
Гьав ч1ван ***хабалъ вукъана***. Его убитым **похоронили**.

(Надпись на надгробном камне)

Гьаб, бицунеб заманалъ, Когда его пьешь,

Гьоц1о *г1адин бук1уна,* **Меду** он подобен.

Гьекъон хадусала гьаб А как выпьешь его,

Загьро *г1адин бук1уна*. **Яду** подобен.

(Надпись на роге-бокале)

Продуктивное употребление императивных форм глагола в разных надписях связано с их назидательно-поучительной (инструктивной) функцией, аналогичной функциям паремиологических единиц:

Цо вук1а, нусго вук1а, Один ли, двое ли (неважно)

Рак1 рагьараца ***рагье***. С открытым сердцем **открывайте**.

(Надпись на дверях)

Гьоболлъун ***жанив вач1а***, Гостем **заходи**,

Гьудуллъун ***къват1иве а***. Другом **уходи**.

(Надпись на дверях)

Гьаб ц1адул хинлъи дуца, Этого огня тепло

Хвезег1ан цадахъ ***босе*** До смерти с собой **носи**.

(Надпись на камине)

Бах1аразе кеч1 ***ах1е,*** Невесту и жениха песней **(славьте)**

Кини к1ик1улел чаг1аз. Кто качает люльку.

(Надпись на люльке)

В некоторых случаях включение императивных форм мотивируется, обосновывается частью текста, идущей за императивными назиданиями:

Гьанив ***лъалхъе, г1одов ч1а,*** Здесь **остановись, присядь**.

Г1умрудул ***пикру гьабе***. **Поразмысли** о жизни.

Гьеб мехалъ ***лъала*** *дуда* Тогда ты **поймешь то**,

Цебехун лъач1еб асар. Что до этого не понял.

Рагье *пикру бихьизе,* **Открой**, чтобы мысли увидеть,

Рагье *гьунар бихьизе,* **Открой**, чтобы подвиги увидеть,

Рагье *гьит1инав инсан* **Открой**, чтобы маленький малыш,

Гьаб ц1алун ***к1одолъизе***. Читая ее, **стал большим**.

Иногда мотивационная часть в виде ремы предшествует императиву в назидательной функции (теме). В этом случае создается стилистически окрашенная (экспрессивная) синтаксическая конструкция, и категоричность целевого значения усиливается:

Гьалда г1уж гьабун, г1езе По отметинам на нем (на опорном столбе дома)

Г1емер лъимал ***гьареги***. Чтобы росли, **пусть** много детей **родится**.

В целях актуализации позитивного содержания (символически и ментально важной информации) императив сопровождается присоединением эементов гиперболизации, актуализацией национально-культурных коннотаций:

Гьабг1ан божарав *гьудул* **Надежнее, чем она**, друга

Дуда ватизе гьеч1о. Ты не найдешь (никогда).

(Надпись на книге)

Гьаб ц1адул хинлъи дуца Тепло этого огня

Хвезег1ан *цадахъ босе.* **До смерти** с собой возьми.

(Надпись на камине)

Къоло ункъго саг1аталъ **Двадцать четыре часа**

Бокьараб мехалъ рагье. В любое время открой.

(Надпись на дверях)

Гьабг1ан г1емер *Мах1мудихъ* **Так много**, как он по Махмуду,

Цох1о *г1адан г1одич1о* **Ни один** человек не плакал.

(Надпись на пандуре)

Собственно императивное значение глагольных форм может быть осложнено значением пожелания. В таких случаях к обычной императивной форме глагола присоединяется формант *-ги*, выражающий в текстах некоторых специальных жанров (благопожеланиях, тостах, молитвах)

значение пожелания: ср. *гьаве-ги* «пусть родится», *щва-ги* «пусть достанется», *хур ц1ун* ***бач1а-ги «*****пусть** урожай полный **уродится**».

Обычно в таких дискурсах обозначается то, что не зависит от человека, но что может принести человеку благополучие и удовлетворение. Такие строки звучат как молитвенное обращение к Всевышнему, как эмоциональная просьба к судьбе и жизни человека:

Гьаб х1обол борхалъуда
Х1анч1ица бусен ***лъе-ги.***
Пусть на этом опорном столбе (дома)
Птица сделает гнездо (символ благополучия).
(Надпись на опорном столбе дома)

Г1емер лъимал ***гьаре-ги.*** **Пусть** много детей **родится.**
(Надпись на опорном столбе дома)

К1алалъе ***гьуинлъа-ги***, **Пусть** для рта **будет сладким**,
Рак1алъе ***бигьалъа-ги***. И для сердца **будет легким пусть**.
(Надпись на роге-бокале)

Гьаниб ц1а ***камуге-ги*** **Пусть** здесь огонь **не погаснет**
Кидаго дур г1умруялъ. Всю твою жизнь.
(Надпись на камине)

Макьаби ***гьуинлъа-ги***, **Пусть** сны **будут сладкими**,
Гьел киналго ***т1урай-ги***, **Пусть** они все **исполнятся.**
(Надпись на люльке)

Обычно такие формы пожелания используются в надписях на предметах (реалиях), традиционно и символически связанных с этикетным выражением благополучия в жизни, в делах, начинаниях человека.

У Р. Гамзатова это прежде всего надписи на опорных столбах дома (символ надежной опоры дома, семьи), на дверях и воротах дома (символ гостеприимства), роге-бокале (символ тоста), на кинжале (символ защиты и мужского достоинства, доблести), на камине (символ домашнего уюта), на люльке (символ начала жизни).

Императивные формы в надписях Р. Гамзатова употребляются и в отрицательной (запретительной) форме. Такие формы выражают семантику запрета, связанную с ограничением необдуманных, плохих (нежелательных) действий со стороны людей. Часть таких надписей приобретает характер предостережений, предупреждений:

Кьвагьдоге *дунялалда*, **Не стреляйте** на земле,
Х1инкъизабуге *лъимер*. **Не пугайте** ребенка

(Надпись на люльке)

Г1акълу кьун, ***босуге*** *гьаб*, Взамен ума **не поднимай** его,
Сахлъи кьун, ***гьекъоге*** *гьаб*. Взамен здоровья **не пей** его.

(Надпись на роге-бокале)

Цогиял гьекъезарун, Других напоив,
Гьезда т1ад ***велъанхъуге***. Над ними **не смейся**.

(Надпись на роге-бокале)

Гьаб рагьун щварав гьобол, Гостя, открывшего ее,
Щив-кисаян ***гьикъуге***. Кто и откуда, – **не спрашивай**.

(Надпись на дверях)

Лъик1ав гьеч1ев ватани, Если ты плохой (человек),
Вач1унге *мун к1ут1унги*. **Не заходи**, даже постучав (в дверь).

(Надпись на дверях)

В отдельных надписях используются узуальные или же контекстуальные синонимы. Они выполняют функцию актуализации утверждения и его коннотативного усиления. Чаще в такой функции выступают глагольные лексемы и отглагольные субстантивы, создающие соответствующее семантическое пространство:

Ц1адакьа ***х1инкъуларо,*** Дождя **не боится,**

Бакъукь ***кьеруларо.*** От солнца **не прячется**.

(Надпись на бурке)

Гьаниса нахъе уна, Отсюда уходят

Ургъалида, пикрабалъ. В **раздумьях и в мыслях**.

(Надпись на надгробном камне)

Чанги ***рагъизе*** *ккана*, Сколько **ссориться** пришлось,

Чанги ***какдезе*** *ккана* Сколько **браниться** пришлось.

(Надпись на надгробном камне)

Х1алихьатал, гьерсилал. **Подлым и лгунам,**

Намус гьеч1ел *чаг1азе* Людям **без совести**

Гьанибе нух къосаги. Пусть будет закрыта сюда дорога**.**

(Надпись на дверях)

Как синонимы, так и антонимы в текстах надписей Р. Гамзатова применяются для усиления как денотативного, так и коннотативного содержания. Они имеют целью выражение авторского (позитивного или, напротив, негативного) отношения к обозначаемому.

Таким образом, имеет место некоторая специфика использования глагольных форм в текстах надписей Р. Гамзатова. Продуктивное использование специфической для аварского языка формы констатива имеет свое обоснование: такая форма обозначает вневременные (регулярно повторяющиеся) действия или состояния, что соответствует духу и характеру

надписей. Такая же форма, как уже отмечалось, употребляется в паремических единицах, отражающих не связанную с каким-либо конкретно временем ментально-культурную информацию.

По причине сходства назидательной (инструктивной) функции паремий и надписей Р. Гамзатова здесь также продуктивно используются собственно императивные формы глагола (в том числе и отрицательные со значением запрета, ограничения). Императивные формы с позитивным назиданием могут быть осложнены формантом *-ги* со значением пожелания. Обычно такие формы употребляются в благопожеланиях, молитвах, обобщенно-адресатных благопожеланиях.

В ряде случаев императивы в надписях сопровождаются элементами гиперболизации, усиления национально-культурных коннотаций.

Одной из особенностей языка и стиля надписей является употребление узуальных и контекстуальных синонимов и антонимов. В основном такие средства используются для актуализации денотативного и коннотативного содержания информации, отраженной в надписях.

2.8. Повторы как образно-усилительные средства в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова

2.8.1. Субстантивные повторы

Идентификаторами языковой личности Р. Гамзатова в поэтических текстах (в восьмистишиях, сонетах, элегиях, стихотворениях, поэмах) выступают повторы разных типов. В большинстве случаев они выполняют образно-оценочную усилительную функцию, выражают индивидуально-авторские коннотации, отношение к любви, к красоте, окружающему миру, морально-нравственным ценностям и т.д.

В разных поэтических текстах повторы носят лексический, морфологический, лексико-морфологический и синтаксический характер. Но

все эти повторы имеют общее свойство: они являются достаточно значимыми компонентами образно-эмоциональной основы презентации языковой личности Р. Гамзатова, свидетельствуют об особенностях образно-эмоционального и интеллектуального освоения того, что окружает в жизни поэта – любовь и ненависть, дружба и предательство, зло и добро, морально-нравственные ценности и жизненная суета, отношение к женщине и красоте и т.д.

Довольно продуктивны повторы существительных – одних и тех же или семантически сближенных в том или ином поэтическом тексте.

Бищунго бокьулеб ***мех****, бищунго квешаб* ***заман***.

Самое любимое **время**, самое плохое **время.**

(«Дуца гьикъулеб буго» – «Ты спрашиваешь»)

Амма буго добго ***рак1****,* Но **сердце** то же,
Амма буго добго ***ракь*** И **земля** та же,
Амма гьадалго ***ц1ваби****,* И те же **звезды**,
Амма гьадалго ***ц1аял***. И те же **огни**.

(«Дун ракьалде вач1ана» – «Я вернулся на землю»)

Использование союза *амма* «но» не в значении противопоставления, а в значении соединительного усиления, не характерного обычно данному союзу, связано с тем, что в стихотворении автор описывает ситуацию, которую он видит после многих лет его отсутствия (ср. название стихотворения «*Дун ракьалде вач1ана*» – «Я вернулся на землю»).

Автор противопоставляет ирреальную (образно представляемую, выдуманную им ситуация своего отсутствия в течение долгого времени) и реальную картину мира. Повторы в данном стихотворении путем деактуализации того, что в жизни не имеет особого смысла, какой-либо значимости, актуализируют вечные ценности в окружающем мире и в жизни человека – способное любить сердце, земля и звезды, огни в прямом и переносном (метафорическом) значениях и т.д.

Повторы существительных встречаются в текстах сонетов, посвященных любви, жене, красивой женщине

Буго ***гъугъадиги****, буго* ***пириги****,*

Гьимиги, маг1уги*, нилъер* ***даг1баги****.*

Есть **гром**, есть **молния**,

И **улыбка,** и **слезы,** и наша **ссора**.

Использование повторов семантически сближенных или, напротив, противопоставленных существительных создает экспрессию, выразительность, образность описываемых ситуаций, внутренне актуализирующих отношения близких людей – мужа (автора) и его жены.

Такое антонимическое противопоставление повторяющихся субстантивов приводит к актуализации одного жизненного понятия путем деактуализации другого:

Гьересидуй *бак1 гьеч1о,*

Цо ***г1ишкъу, г1ишкъу, г1ишкъу****.*

Нет места **обману**,

Одна **любовь, любовь, любовь**.

В сонетах в основном повторяются существительные, представляющие одно культурно-смысловое пространство. В таких повторах актуализируется вечный мир (действительность), в котором живет поэт, и окружающие его жизненные ценности, чувства, желания и мечты:

Буго ***хвел*** *г1емерал, г1емерал соназ,*

Руго ***г1адамалги****, буго* ***г1умроги****.*

Есть **смерть** многие, многие годы,

Есть и **люди**, есть и **жизнь**.

Представляет несомненный интерес, что утвердительное слово *буго* «есть, имеется» часто используется при повторах, оно усиливает категоричность утверждения, делает утверждение философски значимым, так как часто сопутствует словам-повторам, обозначающим не сменяющиеся, вечные реалии материального и духовного мира.

Ср. также другие примеры такого характера из сонетов Р. Гамзатова:

Дир ***сонал, сонал, сонал****,*

Дир риял, дир ихал.

Мои **года, года, года**,

Мои вёсны, мои лета.

***

Дир ***х1анч1и, х1анч1и, х1анч1и****,*

Дир куч1дул, дир саринал.

Мои **птицы, птицы, птицы**,

Мои стихи, мои песни.

***

Дир хиялал, дир бакънал,

Дир ***г1ишкъу, г1ишкъу, г1ишкъу***.

Мои мечты, мои мелодии,

Моя **любовь, любовь, любовь**.

***

Дир ***сонал, сонал, сонал****,*

Дир куч1дул, дир саринал.

Мои **года, года, года**,

Мои стихи, мои песни.

Не случайно то, что повторяется личное (авторские) местоимение *дун* «я», *дир* «мой»: поэт эмоционально утверждает и усиливает таким образом то, что ему дорого, что составляет его внутреннюю суть, его мечты и желания, его думы и мысли, эксплицируемые при помощи соответствующих субстантивных повторов. Причем актуализируется не «эгоистическая» форма местоимения *дун* «я», а форма со значением принадлежности *дир* «мой» (*дир г1ишкъу, дир куч1дул, дир хьулал, дир саринал* «моя любовь», «мои стихи», «мои надежды», мои песни»).

Употребление местоименного компонента и того, что говорит о себе поэт, в ряде сонетов и других поэтических текстов находит причинную мотивировку при помощи синтаксических конструкций со значением

1) причинного обоснования или (и)

2) дополнительного пояснения указанием ключевых в смысловом плане слов:

1. ***Дий*** *Петрарка вокьана,* **Я** полюбил Петрарку,
   Дие *Пушкин вокьана,* **Я** полюбил Пушкина,
   Дие *Хlапиз вокьана,* **Я** полюбил Хапиза,
   Нилъер рокьул бицарал. Писавших о любви нашей.

***

2. ***Дун*** *гlураб ракь, дир гlорхъи* Земля, где **я** вырос, мои границы,
   Гlораз, мугlруз бицуна. Об этом скажут реки и горы.

(«Дун гьавураб Дагъистан» – «Мой Дагестан»)

Р. Гамзатов при помощи повторов выражает негативное отношение к злу, подлости, предательству, лжи в нашей жизни, которые морально и физически убивают человека. В таких повторах обычно представлены слова, являющиеся носителями негативных коннотаций. Категоричность утверждения усиливается при этом употреблением фразы *Дида бичlчlула, битlараб буго* «Я знаю/понимаю, что это правда»:

Гьеб дида бичlчlула, битlараб буго –
Гьерсица, мацlица *ва хехаб* ***цциналъ,***
Хвалчаца, хонжроца, гулбуца, цlаялъ
Гlадан лъукъулевги, гlадан чlвалевги.

Я это понимаю, это правда (что),
Ложь, сплетни, и необузданный **гнев,**
Сабля, кинжал, пули и **огонь**
Ранят человека, убивают человека.

В данном тексте имплицитно сравниваются и сопоставляются два ряда существительных-повторов, обозначающих то, что физически уничтожает

человека (*сабля, кинжал, пули*) и морально убивает его (*ложь, гнев, сплетни*). Такие повторяющиеся ряды конкретных по значению существительных и отвлеченных понятий, характеризующихся негативной коннотацией, выполняют усилительные функции, делают тексты эмоционально насыщенными и стилистически окрашенными.

Повторы существительных могут сопровождаться повторами глагольных лексем, актуализирующих единое смысловое пространство, в котором представлено и хорошее, и плохое, что окружает автора и из чего всегда он выбирает как единственно важное чувство и состояние любовь (*рокьи, г1ишкъу*):

Дида ***лъана пашманлъи,*** Я **познал печаль**,
Лъана рохи, лъана кеп. **Познал радость, познал удовольствие**.

***

Рокьул ***талих1ги*** *буго,* В любви и **счастье** есть,
Рокьул ***г1азабги*** *буго.* В любви и **муки** есть.

Особо значимые эмоционально-смысловые функции выполняют повторы существительных в поэтических текстах, посвященных матери, так как для поэта дороги и слезы матери, и ее слова, и ее имя, которые защищали и берегли незащищенного поэта в этом сложном мире:

Дур т1инк1улеб ***маг1уялъ***, Твои капающие **слезы**,
Дур абулеб ***маг1иялъ,*** Твои (мудрые) **слова**,
Дуца ах1улеб ***ц1аралъ***, Тобой произносимое **имя** (мое)
Ц1унана *дун ракьалда*. **Берегли** меня в этом мире.

(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Такие же эмоционально значимые субстантивные повторы мы находим и в текстах автора, посвященных жене. Для поэта дороги, значимы не только счастливые минуты их совместной жизни, но и даже то, что несколько «портит» их отношения и чувства:

Рокъоб ***къец, даг1ба, гаргар*** Дома **споры, ссоры, разговоры**,
Къват1ире рахъунелъул. Когда выходить собираемся (из дома).

Употребляя выражение *къват1ире рахъунелъул* «когда собираемся выходить (из дома)», поэт демонстрирует то, что ссоры и споры возникают не в семье (они не могут быть там, где поэт ценит и любит свою семью, о чем написано множество стихов), а в суетливой спешке, составляющей только миг семейной жизни. Поэтому использование автором при повторах эмоционально-негативных существительных способствует усилению в тексте их конкретной смысловой роли, снижает и снимает категоричность оценки.

Лексические повторы могут быть актуализированы и употреблены в контексте сравнений, усиливающих эмоционально-смысловое содержание повтора:

***Улбул, улбул, улбул**, релълъарал руго,* **Матери, матери, матери,** похожи
Ралъадал киниги, киса-кирего. Как моря, везде и всюду.
(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Трехкратный символический повтор существительного *улбул* «матери» в форме множественного числа усиливает количественное значение и мысль, дальше выраженную наречием со значением всеобщности *киса-кирего* «везде и всюду». Эмоциональное усиление достигается также употреблением компаративного слова *релълъарал руго* «похожи» и аллитерацией звука [лъ]: *ралъадал киниги релълъарал руго* «похожи, как моря».

Функцию количественного усиления, сопровождающегося образно-эмоциональной оценкой изображаемого, субстантивные повторы выполняют и в других поэтических текстах:

***Аскарал, аскарал**…сапаразул **х1ур**,* **Войска, войска… пыль** дорог
*Сверухъе кисанго **к1к1уй**…* Всюду вокруг **дым**…

В данном тексте значение интенсивности (количественная семантика) усиливается не только повтором существительных, выражающих значение множественности (*аскарал, к1к1уй, х1ур* «войска, дым, пыль»), но и тем, что дополнительно такое значение актуализируется лексико-синтаксическим языковым средством *сверухъе кисанго* «везде вокруг».

Формы существительных множественного числа выполняют усилительные функции и в следующих примерах:

Нилъер ***къоял****, нилъер* ***къоял****,* Наши **дни**, наши **дни**,

Бакъулалгин ц1адалал. Солнечные и дождливые.

Иногда количественная семантика усиливается употреблением при повторяющихся субстантивах количественных числительных (количественное числительное может быть употреблено даже при несчетных существительных):

Микьго *мухъ –* ***микьго*** *рокьи,* **Восемь** строк – **восемь** любовей,

Ракьалда тиризе а. По земле идите путешествовать.

***

Нилъер ***лъабайго*** *яс* - ***лъеберго*** *килищ,*

Нилъер ***лъабайго*** *яс* - ***лъабнусго*** *аницц.*

Все наши **три** дочери – **тридцать** пальцев,

Все наши **три** дочери – **триста** мечт.

Поскольку многие тексты Р. Гамзатова посвящены женщине, красоте, любви, то они носят гендерный характер, поэтому противопоставление местоименных компонентов адресантного и адресатного характера при субстантивных повторах вполне очевидно и создает образно-оценочный фон пропозитивного (диктумного) содержания:

Г1ундузда ***дур*** *к1илк1ал – к1иябго ц1умур,*

К1иго ц1олбол горо – ***дур*** *гьумералда.*

На ушах **твои** серьги, словно два колокольчика,

Две виноградинки – на **твоем** лице.

***

Дида *рек1елъ руго гьадал сардазда*

Дур *гьумер,* ***дур*** *берал, щибаб* ***г1аламат****.*

Я помню в те (красивые) ночи

Твой лик, **твои** глаза, каждый чудесный **миг.**

Субстантивные повторы в ряде текстов носят метафорический характер, усиливающий философское содержание текстов и символику используемых понятий.

При таких субстантивных повторах могут быть употреблены также определительные компоненты, формирующие культурно-семантическое символическое пространство обозначаемых реалий:

Замана – хехаб ***поезд****,* *Время – скорый поезд,*

Г1умру – хехаб ***самолет****,* *Жизнь – скорый* ***самолет****,*

Гьал сонал – хехаб ***гама****.* *Годы жизни – скорый* ***корабль****.*

Все строки, в которых использована языковая символика, носят компаративный характер: (ср. *время – поезд, жизнь – самолет, годы – корабль*). Быстротечность жизни и времени актуализируется употреблением не только слов, обозначающих средства транспорта, но и соответствующего эпитета-прилагательного *хехаб* «скорый», употребленного одновременно в прямом значении при названиях транспортных средств и в переносном – при отвлеченных временных понятиях.

2.8.2. Глагольные повторы

Глагольные повторы в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова выполняют различные семантико-стилистические функции**.** Повторяющимися могут быть как различные по семантической структуре глаголы, так и один и тот же глагол в различных видо-временных формах.

Повтор одного и того же глагола функционирует часто как усилительный прием, актуализирующий обозначаемые глагольными компонентами ситуации, сопровождаемые соответствующими имплицированными или эксплицированными коннотациями. Об этом свидетельствуют примеры из текстов сонетов Гамзатова:

Я дур ***г1одила*** *эбел,*

Я дир ***г1одила*** *эбел,*

Или твоя мать **заплачет**,

Или моя мать **заплачет**.
(Из поэмы о Хочбаре)

Чанги сапаралда сверизе ккана,
Маг1ардеги ***щвана****, г1одойги* ***щвана.***
Много раз приходилось путешествовать,
И в горах ***бывал***, и на равнине **бывал**.

Усилительная функция повторяющегося глагола *щвана* в данном тексте поддерживается словом количественной семантики *чанги* «много раз; не раз». Такие случаи лексической и лексико-синтаксической эксплицированной поддержки усилительной функции глагольных повторов и коннотаций имеют место в разных поэтических текстах Р. Гамзатова. Кроме того, в приведенной строфе использовано символическое противопоставление *вверх* (в горы) – *вниз* (на равнину), выражающее и усиливающее символический смысл «везде и всюду».

Такое оппозитивное противопоставление используется в усилительной функции и в других текстах, например, в тексте, посвященном историческому сражению у горы Ахульго:

Шли сверху вниз каленые кинжалы,
Шли снизу вверх хваленые штыки.
(«Ахульго»)

Ср. другие примеры употребления глагольных повторов:

Дица хъвалеб буго дуе расписка,
Босе гьеб кодобе, ц1але ракьалъе:
*«****Йокьула, йокьула, йокьизе йиго****»*
Я пишу для тебя расписку,
Возьми ее в руки, прочитай всему миру:
«**Люблю, люблю, буду любить**».

Лексико-семантическим средством усиления повтора в данном контексте служит сочетание *ц1але ракьалъе* «прочитай всему миру» с имплицированным смысловым компонентом «чтоб все знали, все услышали

о любви». Усилительная функция глагола *йокьула* «люблю» поддерживается также повтором разных по семантике форм императива *босе* (кодобе) «возьми (в руки)», *ц1але* «прочитай». Не случайно здесь использовано и существительное *расписка*, содержащее в семантической структуре сему *доказательство истинности*.

Императивные повторы в усилительной функции используются в текстах сонетов, элегий и в обычных поэтических текстах Р. Гамзатова о любви:

Йилълъа (имп.)*, лъарал рахун,* ***йилълъа*** *г1ор къот1ун,*

Г1урччинал рохьазул расалъаби ч1ван.

Йилълъа*, къункърабазул къукъагун цолъун,*

Къасдазул х1асратал куркьбалги рорхун.

Пойдем через речки, **пойдем** через реку,

Через долины зеленых лесов пройдем.

Пойдем, слившись с журавлиной стаей,

Подняв страстные крылья мечты.

(Из сонетов)

Рокьуда дуца ***гьикъе***

Къурабазул борхалъи,

Рокьуда дуца ***гьикъе***

Гучаб ралъдал гъварилъи.

У любви ты **спроси**

О высоких скалах,

У любви ты **спроси**

О морской глубине.

(Из восьмистиший)

Усилительная функция императива *гьикъе* «спроси» поддерживается использованием местоимения второго лица *дуца* (эрг.) «ты», в употреблении которого в логико-семантическом плане не было необходимости, но оно дает возможность вступить автору в диалог с представляемым мысленно

собеседником, что облегчает реализацию авторского коммуникативного намерения. Кроме того, здесь также в усилительной функции использовано символическое противопоставление *вверх* (высокие скалы) – *вниз* (морские глубины) в значении «везде и всюду».

Усилительные функции выполняют глагольные повторы императива и в следующем примере:

Бицунге, бицунге, бицунге *дида,*
Берцинал ясазул гурони хабар.
Ах1уге, ах1уге, ах1уге *дие*
Дунялалъул сарин, цо рокьул гуреб.

Не говори, не говори, не говори мне ничего,
Только о красивых женщинах (говори),
Не пой, не пой, не пой мне (другие) песни,
Кроме одной песни о любви.

Иногда глагольные повторы в форме констатива, обозначающего вневременные действия и состояния, употребляются для интерпретации вечности любви, жизни, ее морально-нравственных установок и ценностей. Такие повторы нередко встречаются в метафорической форме, придающей тексту философское осмысление образов:

Дунял буго гьаб борхатаб мали,
Вахуна, вахуна *дун гьеб молоде.*

Земля (мир) – это высокая лестница,
Поднимаюсь, поднимаюсь я по этой лестнице.
(Из коротких стихов)

Цо-цоязе, дунял, мун хъарпуз буго –
Хъамула, къот1ула, куна, гьекъола.
Цо-цоязе, дунял, мун торг1о буго –
Кьабг1ула, бухула, рехула, ккола.

Для одних, жизнь, ты – что арбуз (круглый)–
Крадут, режут, едят и пьют.

Для других, жизнь, ты – что мяч (круглый) –

Ударяют, бьют, бросают и ловят.

(Из восьмистиший)

Божула, божула, божула *даим,*

Рокьи, рокьи, рокьи, ***божула*** *дуда.*

Верю, верю, верю всегда

Любовь, любовь, любовь**, верю** я тебе.

(«Гугуш»)

Гьаб сценаялда артистал ***хола****,*

Амма г1умруялда г1адамал ***хола****.*

На этой сцене артисты **умирают**,

Но в жизни люди **умирают**.

(Из сонетов)

Хъудула, хъудула *хъулухъалъул культ,*

Хъулух араб мехалъ, уна гьеб нахъе.

Гремит, гремит культ должности,

Как уходит должность, уходит и он.

(Из сонетов)

Вач1уна *дун духъе,* ***щола*** *дур к1алт1е,*

К1ут1илин, бухилин рахараб нуц1а.

Прихожу я к тебе, **дохожу** до дома твоего,

Думая, буду стучать, бить по закрытой двери.

(«Вач1уна духъе дун…» - «Прихожу я к тебе»)

Бищун божарав гьудул Самый надежный друг

Гьикъич1ого вач1уна, Не спрашивая приходит,

Гьес нуц1а ***бухуларо****,* Он **не бьет** по воротам,

Гьев ах1изе ***кколаро*** Его звать **не приходится**.

(Из восьмистиший)

Не случайно в двух последних текстах переносно использованы повторяющийся глагол *хъудула* «гремит» в констативной форме и глагол *бухизе* «бить сильно, ударять неоднократно», выражающие усилительную степень обозначаемого действия (сильно шумит), что приводит к формированию оценочного коннотативного компонента.

Ср. другие примеры:

Гьекъолезги ***гьекъола,***
Гьукъаразги ***гьекъола,***
Гьекъогеян г1акълаби
Кьолецаги ***гьекъола.***

И пьющие **пьют**,
И те, кому запрещено, **пьют**,
Наставляющие не пить,
Тоже **пьют**.
(Из надписей на бокалах)

Х1анч1аз ***ц1унула*** *куркьбал,*
Куркьбаз ***ц1унула*** *х1анч1и.*

Птицы **берегут** крылья,
Крылья **берегут** птенцов.
(Из элегий)

В данном контексте, где выражаются причинно-следственные смысловые отношения, объединяющим субстантивным компонентом выступает слово *куркьбал* «крылья», соединяющий символически использованные названия *птиц* и их *птенцов*.

В целях актуализации причинно-следственных отношений вводятся, прежде всего, индикативные формы повторяющихся глаголов:

Умумул ***мекъи ккеч1о,***
Г1адамал ***мекъи ккеч1о:***
Унеб буго гьаб г1умру,
Г1олел руго гьал лъимал.

Предки (наши) **не ошиблись**,

Люди **не ошиблись**:

Проходит эта жизнь,

Растут наши дети.

(Из элегий)

При реализации причинно-следственных отношений, актуализируемых соответствующими коннотациями, могут быть соединены семантически разные глаголы, обозначающие в причинно-следственной цепи последовательные действия, обозначенные формами аориста или футурума глаголов:

Дица бак1аб гъец1алъ гьелда ***кьабг1ана****:*

Кьижарал ***рорч1ана****, ч1варал* ***рахъана****.*

Я ломом железным **ударил** по нему (по колоколу):

Спящие **проснулись**, убитые **встали**.

(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Я **потерялся** в этом мире,

И **потерял** навек покой.

(«Я потерялся…)

Рилълъина *к1иялго,* ***к1алъала*** *хадур,*

Хабар гьеб мехалда бит1ун ***чвахила****.*

Пойдем вдвоем, **поговорим** потом,

И разговор тогда (рекой) **потечет**.

(Из сонетов)

Хисана *дир сапар,* ***хисана*** *дунго:*

Дунялалда цоги замана ***щвана****.*

Изменился мой маршрут (жизни), **изменился** и я:

В мир **пришел** иной порядок жизни.

(Из сонетов)

Причинно-следственные отношения, оформленные соответствующими коннотациями, могут быть выражены и посредством употребления императивных форм глаголов, обозначающих последовательные действия:

Босе *дуца ц1алк1у,* ***ц1алк1е*** *дир г1умру,*

Босе *дуца ц1алк1у,* ***ц1алк1е*** *ц1идасан*

Дир ихал, дир мехал, дир гьаркьал, кверал.

Возьми ты сито, **просей** мою жизнь,

Возьми ты сито, **просей** повторно

Мои вёсны, мои годы, мои голоса и руки.

***

Дуца дарманалъе дий ***гьекъезе кье***

Кьунсрузулъ к1иго бер, къеч буссунареб.

Гьеб мехалъ ***сахлъила, саламалъила,***

Ты для исцеления дай мне **выпить,**

Два глаза меж бровей: жаждой я томим.

Вот тогда я **исцелюсь, выздоровею**.

(Из сонетов)

В некоторых примерах повторяющиеся глаголы (или причастия) усилительного характера или глагольные фразеологизированные сочетания вступают в контекстуально-синонимические отношения, взаимно дополняя друг друга как в семантическом плане (выражают оттенки одного значения), так и в эмоционально-оценочном:

В день, когда **притихли** горы,

Приумолк сражений шквал.

(«О бурных днях Кавказа»)

Руго дурги дирги цо-цо саг1атал,

Цоцада ***к1алъач1ел, г1енеккун ч1арал***.

Есть у тебя и у меня часы,

Когда **не говорим** друг с другом и **молчим**.

(Из сонетов)

Мун ***йич1ч1изе, лъазе*** *кин дида к1велеб?*

Тебя **понять, узнать** как же я смогу?

(Из сонетов)

Заклеймим его **позором**,

Строгий **выговор влеплю**.

(«Песня взяточника»)

Ах1ила *дуе кеч1,* ***бицина*** *хабар,*

Хвасар гьайила мун ч1алг1еналдаса.

Спою для тебя песню, **поговорю** с тобой,

Спасу тебя от (томительной) скуки.

(«Ах1ила дуе кеч1» – «Спою для тебя песню»).

Гьавуравго ***г1одана***,

Холелъул ***зигардана***.

Как родился – **плакал**,

Как умирал – **стонал**.

(Из надписей на надгробиях)

Дица хурдул ***т1уна****, т1угьдул* ***рет1ана****,*

Дун т1ураниги, ц1ад дида къочана.

Я **собирал** травы, **собирал** цветы,

От дождя убегал я, но дождь меня обнимал.

(Из сонетов)

Эмоционально-оценочный компонент может быть реализован и при участии глагольных повторов контекстуально антонимического характера. Такие антонимические повторы в поэтических текстах Р. Гамзатова используются продуктивно:

Дудехун ццин бугей гьагъай цоялда

Цо-цо дун ***велъула****, цо-цо* ***гурх1ула***.

Над женщиной, озлобленной на тебя,

То я **смеюсь**, то ее **жалею**.

(Из сонетов)

Ралъад к1алъазе биччай,

Мун ***к1алъаге, г1енекке***.

Пусть говорит море,

Ты **не говори, молчи**.

(Из восьмистиший)

Гьаб театралъул пардавал, гьудул,

Азарц1ул ***рагьула****, азарц1ул* ***къала****.*

Амма г1умруялъул пардав абуни,

Гьеб цох1о ***рагьула****, гьеб цох1о* ***къала****.*

Этого театра занавес, друг,

Тысячу раз **открывают**, тысячу раз **закрывают**.

А занавес жизни этой,

Один раз **открывается** и один раз **закрывается**.

(Из сонетов)

Рагьизе *лъа,* ***къазе*** *лъа,*

Вач1ине *лъа,* ***ине*** *лъа.*

Знай, как **открыть**, знай, как **закрыть**,

Знай как **приходить**, знай как **уходить**.

(Из надписей на дверях)

Салам кьун, ***жанив лъугьа****,*

Баркала кьун, ***къват1ив а.***

С приветом **заходи,**

С благодарностью **выходи**.

(Из надписей на дверях)

Гьаб гьекъон, ***къацандула****,*

Гьаб гьекъон, ***къочардула****.*

Выпив его, **ссорятся**,

Выпив его **целуются**.

(Из надписей на бокалах)

Особенно продуктивно такие повторы употребляются, как свидетельствуют примеры, в текстах надписей Гамзатова:

Гьаб (бокал) *гьекъон,* ***кеп гьабула,***

Гьаб гьекъон ***маг1у т1ола.***

Выпив его, **веселятся**,

Выпив его, **слезы льют**.

(Из надписей на бокалах)

Гьалъ (бокалалъ) чангиял ***рорхула,***

Гьалъ чангиял ***рехула.***

Он многих **поднимает,**

Он многих **сбрасывает**.

(Из надписей на бокалах)

Усилительные антонимические глагольные повторы встречаются часто в тексте поэмы Р. Гамзатова «Песня о матери». Особым эмоциональным накалом характеризуются такие повторы в лирических стихотворениях и в эпизодах поэмы «Песня о матери», посвященных смерти отца и матери:

Дида г1айиб ч1ваге, дун ***г1едег1ана,***

Дида г1айиб ч1ваге, дун ***кват1ун ккана.***

Не вини меня, что я **поспешил**,

Не вини меня, что я **опоздал**.

***

Балагьана къват1ив: къо бач1ун буго,

Рорч1ана *г1адамал,* ***ворч1ич1о*** *эмен.*

Посмотрел на улицу: наступил день,

Проснулись люди, **не проснулся** отец.

(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Эмоционально-оценочный компонент усиливается переносным употреблением отрицательной формы глагола *ворч1ич1о* «не проснулся» (в значении «умер») и с намеренно коммуникативным противопоставлением

при антонимах номинаций субъектов: *г1адамал* (рорч1ана) «люди (проснулись)» – *эмен* «(только) отец (не проснулся)».

В текстах о любви и в поэме «Песня о матери» часто повторяется глагол *ц1унизе* «сберечь, защитить», ставший в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова, как и слово *гьари* «просьба» (беречь), одним из ключевых слов-символов.

Мун йиго ***ц1унейин*** *дицаго дунго,*
Дунго ***ц1унанани****, мун кин* ***ц1унилей****?*
Ты говоришь, **береги** себя,
Если я **сберегу** себя, как **беречь** тебя.
(«Мун йиго абулей…» – «Ты говоришь…»)

Дица мун ***ц1унана*** *кьурул раг1алда,*
Ц1унич1о *дидаса лъик1ал цогияз.*
Я тебя **сберег** на краю скалы (у опасной черты),
Не сберег (тебя) лучше меня никто.
(Из сонетов)

Мун жаний щвелалде, гъасда ц1а бакун,
Ц1унила *дица мун квачаялдаса.*
Дуе бакъ баккила, ц1ваби раккила,
Ц1унила *дица мун бец1лъиялдаса.*
Ожидая тебя, зажгу огонь в камине,
И **сберегу** тебя от холода.
Солнце и звезды зажгу для тебя,
Сберегу я тебя от темноты (в небе).
(«Дица мун ц1унила…» – «Я тебя сберегу»)

Эбел ***ц1унейилан****, г1умру* ***ц1унеян****,*
Балеб буго г1азу, щвараб их буго.

Береги мать, **береги** жизнь,

Говорят падающий снег и наступившая весна.

(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Символика глагола *ц1унизе* «беречь» в данном контексте усиливается приемом персонификации явлений природы, которым приписываются человеческие способности путем имплицированного употребления глагола говорения.

Ср. также другой пример с такой же символикой:

*Мун **гьардолей** йиго, мунго **ц1унеян**,*

*Лъимал **ц1унейила** ц1адудасайин.*

Ты **просишь**, чтоб я **берег** себя,

И от огня (опасности) **сберег** детей.

(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Одной из особенностей употребления усилительных глагольных повторов, относящихся к одному слову или разным словам, является сопутствующая мотивация, особенно актуальная при повторах императивных форм глаголов. Чаще всего в таких примерах (текстах) выражается 1) причинная, 2) целевая или 3) условная мотивация:

1) ***Рихьея** дур берал – гьениб дир дунял,*

***Рихьея** дур кверал – дир куркьби, г1умру.*

Покажи твои глаза – это мой мир,

Покажи твои руки – это мои крылья, моя жизнь.

(Из сонетов)

Дун ц1акъ рик1к1аде ккана,	Я оказался очень далеко,
***Кват1ана, кват1ана** дун.*	**Опоздал, опоздал** (не успел) я.
Рат1алъулеб мехалда	**Не успел** проститься,
Квер босизе щвеч1о.	**Не успел** руку пожать.

(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Мун гьоболлъун яч1унге, Ты как гостья не **приходи**,

Гьалбал рач1уна, уна. Гости **приходят**, уходят.

(«Мун гьоболлъун яч1унге» – «Ты как гостья не приходи»)

2) *Дур куч1дузухъ **г1енеккизе**,* **Чтобы** твои стихи **слушать**,

*Дур харбахъ **г1енеккизе*** **Чтобы** твои беседы **слушать**,

Рач1унаан г1адамал Приходили люди

Кидаго духъе, эмен. Всегда к тебе, отец.

(Из восьмистиший)

Гьудул камуна дие, **Друга потерял я,**

Гьудул камуна дие. **Друга потерял я**.

Квер бегьула бадибе Руку подношу к глазам,

*Маг1ил горо **бац1ц1ине.*** **Чтобы вытереть** слезу.

***

3) *Абуге яч1унарин, **яч1инч1они**, дун хвела.*

***Яч1инч1они** г1аламалъ дуде г1айиб гьабила.*

Не говори, что не придешь, если **не придешь**, я умру,

Если **не придешь**, весь мир тебя обвинит.

(«Абуге я1инарин» – «Не говори, что не придешь»)

*Рокьи **бокьанани,** лъик1лъи **бокьани**,*

Лъихъего инаро, духъе вач1ина.

Если любви **захочу, захочу** тепла,

Ни к кому не пойду, приду я к тебе.

(Из сонетов)

*Мун **йик1инч1ейани**, бук1инаандай,*

Гьаб бакъги, гьаб рукъги, хъах1аб сордоги,

Вук1инандай дун, дуниял, г1умру?

Если бы не было тебя, были ли бы

Это солнце, этот дом и белая ночь,

Были ли бы я сам, мир этот и жизнь эта?
(Из сонетов)

*Хварал **рахъине** гьеч1о,* Умершие **не встанут**,

*Амма **рахъине** щвани,* Но если бы **встали,**

Нахъеги гьенир ина. Обратно бы ушли.
(Из надписей на надгробиях)

*Дица гьеб цебеккун **абич1о** дуда,*

*Гьанжеги кидаго **абилароан**.*

*Жакъа гьел дур т1елхал **т1урк1ич1елани**.*

Я раньше об этом тебе не говорил,

И сейчас бы ни за что не сказал,

Если бы не вздрогнули твои ресницы.

(Дица гьеб цебеккун абич1о дуда» –

«Я раньше об этом тебе не говорил»)

Нередко в таких примерах используется запретительная императивная форма глагола, причинно мотивируемая во второй части стихотворного текста. Обычно это тексты, посвященные женщине, где автор вступает с нею в воображаемый диалог:

***К1оларилан** абуге* (дандч1вазе):

К1олин рек1ей бокьани.

Бокьун гьеч1ин абуге:

Дун гьелда божуларо.

Не говори, что не можешь (прийти на свидание):

Сможешь, если сердце захочет.

Не говори, что не хочешь:

Я этому не поверю.
(«Рач1а къаси дандч1вазе» – «Давай вечером встретимся»)

*Рос вугилан **абуге**,* **Не говори**, что есть муж,

*Вас вугилан **абуге**:* **Не говори**, что есть сын,

Гьел киг1ан ругониги, Пусть они и есть,

Кват1ич1ого яч1а мун. Не опоздай, приходи ты.

(«Рач1а къаси дандч1вазе» – «Давай вечером встретимся»)

Частотны глагольные повторы в текстах лирических произведений, посвященных женщине и поэтически возвышающих женщину. Такие повторы, в частности, наблюдаются в экспрессивных вопросительно-утвердительных предложениях, имеющих характер риторических вопросов:

*Лъиде Пушкиница шиг1раби **хъварал**?*

*Шамил сундуй г1оло, унго, **вагъарав**?*

*Кин рогьел **бач1унеб**, мун йорч1ич1ого,*

Ихдалил нур г1адай, мун яч1инч1ого?

Кому Пушкин **посвящал** стихи?

Шамиль ради кого **сражался**?

Как может наступить утро,

Если ты **не проснулась**?

Подобная весеннему свету,

Если ты **не вернулась**? (Из сонетов)

Смысловую структуру этих строк можно представить в следующей интерпретации: *разве Пушкин не тебе посвящал стихи?, разве Шамил не ради тебя сражался?, разве может наступить утро, подобное весеннему свету, пока ты не проснешься?* Во всех этих случаях содержится эмоционально окрашенный положительный ответ.

В отдельных случаях при глагольных повторах используются антонимические противопоставления усилительного характера. В таких примерах контекстуально усиливается противопоставление того, что кажется, и того, что есть на самом деле. Особенно эффективно такой прием используется при выражении отрицательного отношения к мужчинам,

которые казались поэту достойными людьми, а на самом деле оказались совсем не такими (достойными):

Дида ккун бук1ана мун ***гьудулилан****,*

Гьерсихъан *ватана, мунго хирияв.*

Дида ккун бук1ана мун ***тушманилан****,*

Тухьули *ватана унго-унгояв.*

Мне ты казался **другом**,

Вруном оказался самовлюбленным,

Мне ты казался **врагом (**достойным),

Трусом оказался настоящим.

(Из восьмистиший)

Глагольные повторы могут сопровождаться деепричастными повторами, выполняющими пояснительно-мотивирующую функцию.

Дур берал цере ч1ун (деепр.)*, сурат цебе ч1ун (*деепр.),

*Сири бан (*деепр.) *черхалда вуссуна духъе.*

Вспомнив твои глаза, вспомнив твой облик,

Дрожа (с дрожью в теле), возвращаюсь к тебе.

(Из сонетов)

Бице *гьел кверазул ва гьелъул гьурмал,*

Гьоркьоб жо теч1ого, кинабго ***бице.***

Расскажи об этих руках и ее лице,

Не пропустив ничего, обо всем **расскажи.**

(Из сонетов)

Все отмеченное свидетельствует о том, что повторы чаще всего встречаются в эмоционально насыщенных текстах, посвященных женщинам, цене дружбы, философской интерпретации жизненных морально-нравственных ценностей и т.д.

Усилительные функции глагольных повторов поддерживаются повторами синонимических структур, антонимическими (узуальными и контекстуальными) противопоставлениями, фразеологизированными

выражениями. Особый эмоциональный накал глагольные повторы приобретают в экспрессивных вопросительно-утвердительных предложениях риторического характера.

2.9. Языковая личность Р. Гамзатова в символической проекции

Языковая символика, как известно, имеет национально-культурный характер. В художественных текстах к тому же символика приобретает авторскую интерпретацию. Так, например, у С. Есенина *жемчуг* символически используется для актуализации *печали, горя, слез* [Образцова, 1973: 45]. В данном случае имеет место влияние русского фольклора на языковую личность С. Есенина, где языковой образ «слеза-жемчуг» выступает в качестве одного из традиционных образов народной поэзии:

Плачет Маша, крепнет стужа,
Злится дедушка-мороз,
А из глаз ее, как жемчуг,
Вытекают капли слез.
(«Сиротка»)

В данном поэтическом контексте метафора-символ имеет компаративный характер. Прием распространения метафор сравнительными конструкциями, как известно, широко представлено в текстах русской литературы. Например, у А.П. Чехова: *сухой и жесткий, как переплет* (ветер); *тяжелые, как булыжни, фразы* и др.

Для сравнения следует отметить, что вербализация символического образа жемчуга (*маргъал/жавгьар*) встречается и в песенных текстах аварского фольклора. Часто *жемчуг* выступает как символ женской красоты, изящества:

ср. *маргъалул черх* «жемчужное тело»; *килищ-квер жавгьаралъул* «пальцы рук из жемчуга», *къимат т1адег1анаб жавгьарул хоно* (о единственном сыне) «мой единственный жемчуг, драгоценное жемчужное яичко»; *дуниял т1ад бараб меседил ч1алу, ч1алуда гъоркь ч1валеб жавгьарул*

х1уби («Плач по сыну Шамиля Газимагомеду) «золотая балка, куда опирается небо, жемчужный столб, куда опирается балка», *маргъалул маг1ил гарал* «жемчужные слезинки» и др.

Символика, заимствованная из фольклора, характерна и для поэтического дискурса Р. Гамзатова. Так, например, автор слово *туман* использует как символ тяжелого, мрачного настроения, *солнце* у него символизирует радость, веселье.

Символические языковые знаки, актуализируемые в поэтических текстах, могут соотноситься с разными кодами культуры. Например, в текстах русской поэзии часто используется языковая символика, соотносительная с растительным кодом культуры: *лавр* – символ славы, *кипарис* – символ смерти и скорби, *мирт* – символ любви и т.д. [Панькин, Филиппов, 1978: 34-35]. Языковые символы, соотносительные с растительным кодом культуры, находим и в текстах Р. Гамзатова (особенно в сравнениях). Говоря об этом, С.М. Магомедова отмечает: «Нередко в поэзии Расула Гамзатова используются сравнения с растительным кодом культуры. Такая особенность отчасти определяется тем, что растительный мир в поэзии чаще всего связан с женской стихией» [Магомедова, 2014: 118]: ср., например, частое применение в его текстах лирических стихотворений, посвященных женщинам, женской красоте, таких слов, как: *розаби* «розы», *т1угьдул* «цветы», *микьир* «персик». Женщина-жена у Р. Гамзатова ассоциируется с символическими словами *лекарство* (символ исцеляющей силы), *талисман* (символ оберегающей силы) [Там же].

Для текстов, посвященных теме любви, воспеванию женщины, естественно, типична лексика феминнной символики. В таких поэтических текстах слова-символы (прежде всего – существительные) получают гендерную интерпретацию. Так, например, выражая свое отношение к женщине и её красоте, Р. Гамзатов включает существительные, оценочно характеризуемые определительными компонентами: (мун – дир) *лъуг1и гьеч1еб кеч1, рокьул шиг1ру, т1ок1к1араб ицц, т1адег1анаб ц1ва, лъалареб*

х1инч1 «(ты для меня) вечная (*букв.* «нескончаемая») песня, песня любви, чистый (прозрачный) родник, высокая звезда, дивная птица» и т.д.

Часть символических языковых средств в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова связана с актуализацией обрядов и обычаев аварцев. Так, в сонетах символическими языковыми средствами актуализируются свадебные обряды:

Гьеб махсара, г1адат: г1олохъабаца,
Бах1арай унелъул, къот1ноб г1ер ккола.
Это веселье, обряд: молодежь
Невесте шестом дорогу закрывают.

Слово *г1ер* «шест, длинная деревянная палка» в этом случае воспринимается как символический компонент традиционно принятого обряда выкупа за невесту. Здесь мы видим особенности взаимодействия народной культуры и языковых символических средств.

Слово *гьоц1о* «мед» также используется в символическом значении, актуализирующем пожелание невесте сладкой жизни в доме жениха:

Бах1арай щварайго, кавудул к1алт1а
К1ут1бузда т1ад хъвала гьуинаб ***гьоц1о****.*
При встрече невесты у порога дверей
Медом сладким почтят её непременно.

Говоря о таких символических традициях в свадебном обряде, М.Р. Халидова отмечает: «Значительным событием в дагестанском селении была свадьба, которая обставлялась строго установившимися обрядовыми и игровыми действиями, символизирующими рождение новой семьи» [Халидова, 2004: 251].

Языковая символика частотна в текстах надписей Р. Гамзатова, а также в текстах коротких стихов и восьмистишей. Так, например, символическую функцию выполняют *струны пандура* (музыкального инструмента): одна из двух струн (*ч1ва*) символизирует радость, веселье, другая – печаль:

К1иго ***ч1ва*** *буго гьалда –*

Пашманабгин рохалил.

Две **струны** на нем (на пандуре) –

Печали и радости.

(Надпись на пандуре)

Да и сам пандур в целом символизирует течение жизни, где одинаково имеют место и радость, и печаль:

Гьалъ пашманлъи хъамула,

Гьалъ пашманлъи ах1ула.

Он и отгоняет печаль,

Он и поет о печали.

(Надпись на пандуре)

Пандур символизирует связь поколений, соблюдение молодыми традиций отцов, песни и мелодии предков.

Дихъе кье инсул ***т1амур****,*

Дица т1амила ***бакъан****.*

Дайте мне отца **пандур**,

Я сыграю (старинную) **мелодию**.

(Из восьмистиший)

На пандуре издревле пели и песни о любви, и песни героические. Р. Гамзатов как бы напоминает молодому поколению об этом, употребляя символическое слово *пандур*.

Мускулинным символом отваги, боевого духа и смелости горца выступает языковая символическая интерпретация кинжала (*ханжар*). Так образуется символическая оппозиция *рокьи – пандур* «любовь – пандур», «*кьал – ханжар* «вражда – кинжал»:

Рокьул кеч1 ах1изе ***пандур*** *буго дир,*

Кьалул кеч1 ах1изе ***ханжар*** *буго дир*.

У меня есть **пандур** для песен о любви,

У меня есть **кинжал** для песни о вражде.

(Из восьмистиший)

В ассоциативно-образном плане в качестве символов любви употребляются получившие в языковом сознании аварцев слова,

эмоционально выражающие внутренние чувства и состояния влюбленного мужчины. В качестве таких коннотативно маркированных символов можно отметить слова *ц1ва* «звезда», *гарац1* «узел» (символ крепкой любви), *кици* «легенда, предание» (символ вечности любви), *куркьби* «крылья» (символизируют полет любви), *ц1а* «огонь» (символ страсти, силы любви), *нус* «нож» (символ остроты любви), *гъвет1* «дерево» (с крепкими корнями): *дир куркьби – дир рокьи, х1асрат – каранлъ бугеб ц1а, т1адег1анаб ц1ва – гьеб дир рокьи* «мои крылья – моя любовь, страсть – огонь в моей груди, высокая звезда – это моя любовь»; *рокьи – гьаб дир рек1елъ бугеб гъвет1* «любовь – это дерево в моем сердце».

Любовь – это строки песен (восьмистиший) о любви, как и струны пандура, поющие о любви:

Микьго мухъ – микьго рокьи,
Ракьалда тиризе а.
Восемь строк – восемь любовей,
Пусть гуляют по всему миру.
(Из восьмистиший)

В качестве символов любви автор включает слова, соотносительные с растительным, зооморфным и природным кодами культуры. При этом используются эстетически значимые для языкового сознания аварцев слова-символы: *рокьи – берцинаб микки, рокьи – т1адагьаб мокъокъ, рокьи – г1урдал берцинаб т1егь* «любовь – красивая голубь, любовь – изящная куропатка (восточный образ, символизирующий изящество женщины), любовь – красивый луговой цветок».

Рокьи канаб ***ц1ва*** *буго:*
Гьединаб ц1ва зобазда
Дир беразе кунч1ич1о.
Любовь – яркая **звезда**:
Такая звезда в небе
Для меня не сверкала.

(Из элегий)

Йилълъа маг1арулай, нилъер рокьигун
Ракьалда свердизе к1иялго цадахъ,
Къасдазул х1асратал ***куркьбалги рорхун***.

Пойдем, горянка, с нашей любовью
Объездим мир мы вдвоем,
Мечты страстные **крылья расправив**.

Для эмоционально-образного усиления чувств любви молодого юноши реализованы такие символы, как *ц1а* «огонь» и *нус* «нож»:

- Щиб жо г1олиласул рак1?
- Гьеб ***рек1араб ц1а*** *буго.*
- Щиб жо г1олиласул рак1?
- Гьеб ***рек1араб нус*** *буго.*

- Что оно, сердце юноши?
- Это **горящий огонь**.
- Что оно, сердце юноши?
- Оно, что **острый нож**.

(Из восьмистиший)

Индивидуально-авторским, символическим языковым образом является вербализация образа знамени (*байрахъ*) любви, всегда развевающегося (трепещущего) и разноцветного. У Р. Гамзатова есть государство любви (*рокьул х1укумат*) и знамя этого государства любви:

Амма байрахъ ани гьаб рокьиялъе,
Кибго парпадулеб, нусго кьер бугеб.

Знамя бы для этой любви,
Везде трепещущее и стоцветное.

Всем цветам (цветообозначениям) противопоставляется *черный* (*ч1ег1ераб*) цвет как символ всего плохого, нежелательного для человека: это символ скорби, печали; предательства, обмана, коварства; смерти, страданий:

ч1ег1ераб гьереси «черная, наглая ложь», *ч1ег1ераб борохь* «черная змея» (символ коварства), *ч1ег1ераб к1аз* «черный платок» (символ скорби, печали, траура), *ч1ег1ераб цер* «черная лиса» (символ коварной хитрости), *ч1ег1ерал сонал* «черные годы» (символ страданий в период войны), *ч1ег1ерал къасдал* «черные намерения, мысли», *ч1ег1ерал пикраби* «черные мысли», *ч1ег1ераб къо* «черный день» и др.

Гьанже хъах1лъарай лъади
Ч1ег1ераб рат1лилъ йиго.
Теперь поседевшая жена
В черном трауре (*букв*. «одежде») она.
(Из восьмистиший.)

Ч1ег1ерал к1азазул руччаби рихьун,
Бихьиназул бут1рул далулел руго.
Увидев женщин в черных платках,
Мужчины склоняют головы свои.
(«Эбелалхъе кеч1» – «Песня о матери»)

И в черный день
Измена друга
И неискупленность вины.
(«Что сокращает наши годы»?)

В связи с символикой черного цвета в текстах Р. Гамзатова, С.М. Магомедова отмечает: «Символ черного платка настолько значим, что местами в поэме Расула Гамзатова «Эбелалъухъе кеч1» («Песня о матери») повествование ведется от имени одушевленного черного платка, к которому обращается поэт и с которым ведет диалог, т.е. черный платок выполняет роль живого персонажа» [Магомедова, 2012: 81].

Символика, как известно, имеет не только национально-культурный, но и гендерный характер. Особенно такая дифференциация языковой символики

характерна для поэтического дискурса Р. Гамзатова. Так, например, отличается своеобразием мужская языковая символика. Наше внимание в данном случае к исключительно мужской символике объясняется тем, что женская символика на материале текстов Р. Гамзатова рассмотрена в кандидатской диссертации С.М. Магомедовой [Магомедова, 2016].

Обычно в мужчине, по традициям дагестанского менталитета, актуализируются такие качества, как смелость, отвага, преданность данному слову, отношение к женщине, преданность своей родине и клятве мужской. Многие из таких качеств воплощены в образе Хочбара в соответствующей поэме о Хочбаре. Настоящий мужчина оценивается путем его метафорического сравнения с оружием, явлениями природы, огнем, с данной клятвой: *гулла* «пуля», *хеч* «сабля», *ц1а* «огонь», *пири* «молния», *гьа* «клятва», *ханжар* «кинжал», *т1агъур* «папаха» (символ мужского достоинства и чести)», *буртина* «бурка», *ц1ум* «орел» (символ свободы, независимости), *бац1* «волк» (символ отваги), *кьуру* «скала» (символ стойкости), *маг1* «гвоздь» (символ крепкости, стойкости, несгибаемости), *налъи* «долг»:

Цоги рахъалъ гьидалъев –
Гьав – гулла, хеч, ц1а, пири.
С другой же стороны гидатлинец (Хочбар) –
Он – пуля, сабля, огонь, молния.
(Из поэмы о Хочбаре)

Дун хун гьеч1о, хун гьеч1о,
Ханжар дир хъатикь буго.
Не погиб я, не погиб,
Кинжал (пока) у меня в руках.
(«Х1ажимурадил кеч1» – «Песня Хаджимурата»)

Рокьул кеч1 ах1изе ***пандур*** *буго дир,*
Кьалул кеч1 ах1изе ***ханжар*** *буго дир*.

У меня есть **пандур** для песен о любви,

У меня есть **кинжал** для песен героических.

(Из восьмистиший)

Дун вач1ана гьаниве

***Гьедун**, хонжрода квер лъун.*

Я прибыл сюда,

Поклявшись на кинжале.

(из поэмы о Хочбаре)

Особую коннотативную значимость приобретает символика, связанная с клятвой мужчины, произнесенной не только положив руку на кинжале, но и связанной с родной землей, высоким небом, дороже и священнее чего ничего быть не может:

Гьедулъги гьа буго, гьедун хадуса,

Гьаб ракьалъул рахъалъ, зобазул рахъалъ.

И в клятве есть клятва, если ты поклялся

Именем земли, именем небес (высоких).

(«Гьадаб зобалх1аги зоб-ракьалх1аги» – «Именем небес и земель»)

Ср. другие примеры с мужской символикой:

*Ват1ангун **т1агъур** ц1уни – гьеб т1адаб **налъи** буго.*

Родину и **папаху** защищать – это святой **долг** мужчины.

(Из поэмы о Хочбаре)

Гьал дир маг1аби гуро, Это не просто слова,

***Маг1ал** руго кьабг1арал.* Это **гвозди** вбитые (в стену).

(Из поэмы о Хочбаре)

***Дир маг1и** буго…*

Маг1арулас кьураб маг1аруласе.

К1иабилеб маг1и дир бук1унаро,

К1ийихъе бакьулъа дун къот1аниги.

Мое слово –
Это слово, данное аварцем аварцу,
Второго слова у меня не бывает,
Если даже пополам меня разрубят.
(Из поэмы о Хочбаре)

- *Щай г1енеккун ч1арав, Хочбар?*
- *Дур маг1ида бан бугеб*
Дир ***буртинаялда*** *гьикъе.*
- Почему молчишь Хочбар?
- На гвозде висящей,
У **бурки** моей спроси (кто я?).
(Из поэмы о Хочбаре)

Последний фрагмент, представляющий собой диалог Казикумухского хана и Хочбара, попавшего в его засаду, свидетельствует о том, с какой гордостью и достоинством Хочбар (народный герой) оценивает свою бурку, которая является свидетелем многих его героических поступков и храбрости.

Наряду с буркой символический смысл в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова приобретает слово *чу* «конь» (символ настоящего джигита на коне). Данный символ широко репрезентирован в текстах аварских народных героических песен в качестве украшающего символа, поэтому его Р. Гамзатов задействовал далеко не случайно. Символ *коня* используется в разных поэтических текстах Р. Гамзатова, в том числе в текстах надписей (на седле):

Хиянат гьабурав чи Кто подло поступил,
Гьалъ хеккого рехула. Того он быстро сбрасывает.
(Надпись на седле)

Чияр ***чода*** *рек1арав* Кто сел на чужого **коня**,
Чодул малакье ккола. По его копыта попадает.

(Надпись на седле)

Легендарный Хочбар, прощаясь со своим конем как с самым дорогим существом, перед трагической смертью благодарит его как преданного друга:

Къо-мех лъик1, хирияб чу, Прощай, дорогой конь,

Чанги черхги, бет1ерги Сколько тел и голов

Мерхьана тушбабазул. Растоптал ты врагов.

Ср. также другие примеры из поэмы о Хочбаре с мужской языковой символикой:

Доба дагьабго т1ад ***ц1умаз*** *абуна,*

Жидер ***ц1ар*** *лъейила гьав Хочбарида*.

Там, немного выше, **орлы** сказали,

Чтоб их **именем** нарекли Хочбара.

(Из поэмы о Хочбаре)

Чанги бет1ер къот1ана (хонжроца)

Къадарал г1адамазул.

Много голов недостойных людей

Отрубил **кинжал**.

(из поэмы о Хочбаре)

Къоринибе жибго ***бац1***

К1анц1иялъул маг1на щиб?

Как понять, что сам **волк** (Хочбар)

Прыгнул в устроенную засаду?

(Из поэмы о Хочбаре)

В тексте поэмы о Хочбаре для сопоставительной актуализации чести и мужества легендарного народного героя Хочбара приводится и другая языковая символика, характеризующая трусливых и подлых мужчин: *нису квараб* ***кето «кот*** (украдкой), съевший творог», *г1анк1у* «курица» и т.д. На вопрос о том, не испугался ли он (Хочбар), когда попал в засаду, Хочбар отвечает казикумухскому хану:

Цох1о мах1ги х1инкъич1о,
Дур рокъоб нису квараб
Кетойищ дун дуй кколев.
Нисколько не испугался,
В доме твоем на съевшего творог
Кота я разве похож?
(из поэмы о Хочбаре)

Хочбар, попавший в засаду, устроенную Казикумухским ханом и стоящий перед ним со связанными руками, противопоставляя свое достоинство трусливости нукеров хана, уничижительно и оскорбительно называет их курицами.

Цо-к1иго ***г1анк1у*** *буго* Несколько **куриц**
Ч1ух1ун сверухъ тирулеб. Вокруг с гордостью ходят.

В стилистическом плане представляет интерес то, что здесь сталкиваются два слова – *г1анк1у* «курица» (с уничижительно-оскорбительной символикой) и наречие *ч1ух1ун* «гордо», в контексте употребленное с подчеркнуто ироническим оттенком. Такое «столкновение» слов с разными коннотациями приводит к формированию и усилению отрицательной оценки недостойных, трусливых мужчин.

Трусость как недостойное качество настоящего мужчины в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова символически противопоставляется доблести мужской:

Х1инкъиг1ан *къабих1аб жо* Недостойнее **трусости**
Жеги дида дандч1вач1о. Я ничего не встречал.
(Из восьмистиший)

Трусость характеризуется автором как позор, поэтому он мысленно обращается к мужчинам в императивно-поучительной форме, чтобы они избавлялись этого совершенно недостойного мужчины унизительного качества:

Рогьоги г1ураб буго, Позора достаточно (в жизни)

Г1емерлъизе гьабуге. Не приумножайте его.

В качестве символа слабого существа, которую никогда не обидит, не тронет настоящий, смелый и доблестный мужчина, используется номинация маленькой птички: *Лебалав бах1арчияс х1инч1 ч1валаро кидаго* «Отважный мужчина никогда не убьет птички».

Особую смысловую значимость в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова приобретает языковая символика, связанная с репрезентацией отношения мужчины к женщине, которое оценивается как мерило его достоинства, мужской чести. В этом плане символами, актуализирующими благородство и честь мужчины становятся слова *ях1* «честь», *намус* «совесть», *лебаллъи* «мужество, живость»:

Лебаллъи *чиясул сунца борцунеб?*
Ч1ужуг1аданалде бугеб балаялъ,
Намус, ях1 *чиясул сунца борцунеб?*
Ч1ужуг1аданалде бугеб балаялъ.

Чем измеряется **мужество** мужчины?
Отношением к женщине.
Чем измеряется **честь и совесть** мужчины?
Отношением к женщине.

(Из восьмистиший)

Р. Гамзатов оценочно разделяет людей на хороших, достойных и плохих, недостойных, символически называя их *орлами* и *змеями*.

Индияз абула дуниялалда,
щибго бач1иналде, ***борхьал*** *рач1анин.*
Маг1арухъ абула дуниялалда,
щибго бач1иналде, ***ц1умал*** *рач1анин.*
Ва хадур ***борхьазде*** *цоял сверанин,*
Цогиял сверанин муг1рул ***ц1умазде.***

Индусы говорят, что на свете
сначала появились **змеи.**

В горах же говорят, что на свете

Сначала появились **орлы**.

Потом одни превратились в **змеи**,

Другие превратились в **горных орлов**.

(Из восьмистиший)

Достаточно характерна лексика, связанная с рекой (*г1ор*), символизирующей течение времени, жизни:

Гьаниса гъваридаб, гъоба г1ат1идаб,

Г1умруги хиялги бикьун унеб ***г1ор.***

Здесь она глубокая, там она широкая,

Река, разделяющая жизнь и мечты.

(«Хиялги г1умруги» – «Жизнь и мечты»)

Заман унеб буго, ***хехаб г1ор*** *г1адин.*

Проходит время, как **быстрая река**.

(Из четверостиший)

В качестве компаративных символов жизни, прожитых лет, течения времени, судеб людей Р. Гамзатов использует как существительные, так и глаголы, содержащие сему «движение»: *алпинист* «альпинист» (поднимающийся в горы), *гьоко* «арба» (катящаяся а ущелье), *гамач1* «камень» (катящийся по склону горы вниз в ущелье), движущийся *поезд* и т.д.

Маг1арде вахунев ***алпинист г1адин,***

Унеб буго *г1умру соналъ сон хисун.*

Как альпинист, поднимающийся в горы,

Проходит жизнь год за годом наша.

(Из восьмистиший)

Унеб буго дунял,

К1к1алахъе ***гьоко г1адин.***

Катится жизнь,

Как арба в ущелье.

(Из восьмистиший)

Унеб буго *гьаб дир кеч1,*

К1к1алахъе ***гамач1 г1адин****.*

Проходит моя песня (жизни),

Словно камень катится в ущелье.

(Из восьмистиший)

Чаг1и руго ***поездал****,*

Гьел рач1уна, гьел уна.

Люди – это **поезда**,

Они приходят и уходят.

(Из восьмистиший)

Еще одним символом жизни, его мудрости, радостей жизни, или, напротив, жизненных испытаний, изменчивости жизни для Р. Гамзатова является *гъветI* «дерево».

Дир ***гъвет1*** *– гъал-гъалараб, дир г1умру г1адин,*

Г1аркьел *– гьет1-гьет1араб, дир сонал г1адин.*

Мое дерево – как моя жизнь с опавшими листьями,

Ветка – согнувшаяся, как мои годы жизни.

(«Дир гъвет1» – «Мое дерево»)

Гъот1ол г1аркьел *бук1ана*

Г1ансалъун т1иллъун дуе.

Ветка дерева была

Посохом, опорой для тебя.

(«Твардовскиясул ц1аял» – «Огни Твардовского»)

Г1умрудул дир ***гъот1ол*** *к1иябго г1аркьел*

Г1урччинабги буго, хъах1абги буго.

Обе ветки **дерева** жизни моей
И зеленой бывает, и белой бывает.
(«Дир гъвет1» – «Мое дерево»)

Сонал гъутIби ратани, Если годы – это **деревья,**
***Ах** буго нилъер гIумру.* То **сад** – это наша жизнь.
(Из восьмистиший)

Символом благополучия в каких-либо начинаниях у автора выступает кувшин, наполненный водой. Такая народная символика использована в элегиях:

Рагlун букlана дида, Слышал я,
Радал къватlив вахъингун, Когда утром на улицу выходишь,
*Къотlноб лъел **гlеретl** цlурай* Женщину с **кувшином воды**
ЧlужугIадан дандчlвани, Если встретишь,
Дуе нухги битlулин, Будет удача в пути,
Дуе къоги лъикlлъулин. Будет день хорошим.

Общеизвестна числовая символика, характерная для разных национальных языковых картин мира. Такая языковая символика присутствует в поэтических текстах и Р. Гамзатова. Особенно символично числительное *лъабго* «три» как репрезентация некоего совершенства, целостности, совокупности ценностей жизни:

***Лъабго** гуреб **кечl** гьечlо кучlдузул дунялалда*:
Tlоцебесеб ахlула эбелалъ лъималазе.
Кlиабилеб ахlула эбелалъ вас гьавигун.
Лъабабилеб кечl буго кинабго хутlанщинаб.

Только **три песни** в этом мире песенном:
Первую поет мать для детей,
Вторую поет мать, когда рождается сын.
Третья же песня – это все отальное.

В песне Хаджимурата «*Щуго килищ – щуго кеч1*» – «Пять пальцев – пять песен» **пять пальцев руки** символизируют пять песен, интерпретируемых Р. Гамзатовым в образно-философском плане:

Т1оцебесеб (*кеч1) ах1ула х1айранай эбелалъе,*
К1иабилеб кеч1 буго хирияб т1алъиялъе
Лъабабилеб кеч1 буго берцинал руччабазе,
Ункъабилеб кеч1 буго дир камилав васасе,
Щуабилеб кеч1 буго киналго тушбабазе.

Первую песню поют для родной матери,
Вторая песня – для родной земли-родины,
Третья песня – для красивых женщин,
Четвертая песня – для сына достойного,
Пятая песня – это песня для врагов.

Числовая символика, характерная для текстов аварского устного народного творчества и аварской фразеологии, в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова получает авторское осмысление и образно-поэтическую интерпретацию, что способствует формированию языковых особенностей авторской языковой картины мира, индивидуально-авторскому использованию компонентов народно-поэтического стиля произведений.

ВЫВОДЫ

1. В трансляции особенностей языковой личности Р. Гамзатова участвуют эпитеты-прилагательные в прямых и переносных значениях, с помощью которых создаются словесные образы национально-культурного, индивидуально-авторского и символического характера. Использование метафорических эпитетов-прилагательных приводит к усилению национально-культурных и авторских коннотаций. Представляют интерес случаи семантической несовместимости эпитетов и определяемых ими слов, носящих индивидуально-авторский характер.

2. В идиостиле Р. Гамзатова особый интерес представляют гиперболы, создаваемые посредством числовых обозначений. В таких фрагментах (особенно в любовной лирике) используется местоименная оппозиция «*мун*» – «*дун*» – «ты» – «я», позволяющая автору возвеличивать женщину и ее красоту, актуализировать ее достоинство и благородство. Для ряда гипербол, выполняющих эмоционально-усилительные функции, характерны фольклорные смыслы.

3. В репрезентации языковой личности Р. Гамзатова особая роль принадлежит субстантивным метафорам, которые в основном строятся по двум моделям – генитивной и номинативной. Метафора нередко поддерживается словами, обозначающими эстетически значимые реалии действительности, в связи с чем для части метафор характерна символика.

Номинативная модель имеет идентифицирующий характер, что свойственно текстам аварского фольклора. Субстантивные метафорические образы экспрессивно-оценочного характера причинно обосновываются и поддерживаются лексико-синтаксическими средствами. Усилительную роль при метафорах играют и различного рода повторы. В текстах эпиграмм часты зооморфные метафоры, которые, наряду со сравнениями, ФЕ и повторами, выступают в качестве средств негативной оценки человека.

4. На основе метафор-олицетворений строится прием персонификации отвлеченных понятий и природных явлений, с которыми автор вступает в диалог, чем объясняется употребление глаголов речи, приписывающих человеческие способности говорить и мыслить природным явлениям. Часто в такой функции реализуются императивные формы глаголов со значением просьбы, формирующие антропоцентрическое культурно-семантическое пространство.

Персонифицируются слова, соотносительные с разными кодами культуры, но в качестве ядерных выступают природный код культуры (в текстах любовной лирики) и темпоральный код культуры (в текстах философской лирики).

5. В трансляции авторской языковой личности особую роль играют сравнения, в составе которых нередко используются символические слова, соотносящиеся с разными кодами культуры, имеющие специфику гендерной интерпретации. В сравнениях функционируют и семантически несовместимые сочетания образно-эмоционального, и экспрессивно-оценочного характера. Семантика сравнения может быть усилена путем употребления отрицательных и утвердительных форм глаголов, формирующих антитезу. Отдельные компаративные национально-культурные структуры являются результатом редукции паремических единиц.

6. В текстах надписей для языка Гамзатова характерно частое использование экспрессивно-оценочных языковых средств. Назидательным характером некоторых надписей объясняется частое употребление императива и констативной формы глагола, обозначающей вневременные действия и состояния. В надписях для актуализации положительного и деактуализации негативного в жизни человека включаются узуальные и контекстуальные антонимические противопоставления.

7. Лексические повторы в поэтическом дискурсе выполняют различные семантико-стилистические функции и выступают в качестве семантически и стилистически значимых компонентов образно-эмоциональной основы идиостиля Р. Гамзатова. Повторы свидетельствуют об особенностях вербализации образно-ассоциативного и интеллектуально-оценочного осмысления всего того, что окружает автора в жизни – дружбы и предательства, любви и ненависти, добра и зла, морально-нравственных качеств человека и духовных ценностей и т.д.

8. Лексико-морфологические и синтаксические символические языковые средства имеют национально-культурный и индивидуально-авторский характер. В текстовом воплощении типично использование той или иной языковой символики, в том числе фольклорной, диктуется тематикой поэтических текстов и коммуникативными намерениями автора.

Для языковой личности Р. Гамзатова характерны приемы сочетания этнонациональных символов с индивидуальными знаками, позволяющими ему ярко и образно репрезентировать эмоции и чувства. Примечательны и авторские символы, созданные на основе коннотативных значений слов, а также индивидуально маркированными являются образы, созданные с опорой на разные коды культуры.

ГЛАВА 3. МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕКОНСТРУКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

3.1. Функциональные особенности утверждения и отрицания в текстах эпиграмм Р. Гамзатова

При выстраивании модели языковой личности Р. Гамзатова представляется целесообразным изучать его тексты на разных уровнях языковой системы. В рамках данной главы мы обратимся к морфологическим и синтаксическим особенностям его языкового портрета. Употребление различных коммуникативных типов предложений в художественной речи имеет свои особенности, определяемые семантическими и стилистическими задачами автора (поэта), его коммуникативными намерениями. Такая проблема на материале художественных текстов дагестанских авторов специально не рассматривалась, чем определяется актуальность проблемы, посвященной исследованию особенностей функционирования утвердительных и отрицательных предложений в эпиграммах Р. Гамзатова.

Известно, что «в предложении реализуются фундаментальные (коммуникативная и логическая) и частные функции языка. Логическая и коммуникативная функции языка определяют содержание, структуру и прагматический компонент предложения: именно посредством предложения говорящий выражает свои мысли об окружающей его действительности и воздействует на адресат» [Синтаксис современного русского языка, 2008: 76].

Функция воздействия на адресата особо актуальна для поэтической речи, где не только дается констатация ситуаций (актуализируется денотативное содержание), но и вербализуется авторское отношение к изображаемым фактам. В этом смысле изучение особенностей использования различных коммуникативных типов предложений в поэтической речи имеет

особую актуальность и, как нам представляется, эпиграммы Р. Гамзатова в рассматриваемом аспекте представляют определенный интерес.

В ряде анализируемых нами текстов эпиграмм утвердительные и отрицательные предложения употребляются в одном и том же контексте. При этом отрицание выполняет усилительную функцию, сопровождая утверждение и формируя противительно-уступительные смысловые отношения:

Гьанже ***г1енеккун йиго*** Теперь **слушаю**
Васас хъварал куч1дузухъ, Написанные сыном стихи,
Кинго ***лъазе к1оларо*** Никак не **могу понять**
Гьесие бокьараб жо. Что он хочет (сказать).

(«Цо поэтасул х1акъалъулъ гьесул эбелалъ абун буго» –
«Об одном поэте его мать сказала»)

Усилительная функция отрицания в данном тексте поддерживается лексическим компонентом *кинго* «никак», семантически предсказывающим употребление глагольного отрицания. Такие усилительные отрицательные конструкции употребляются и в других эпиграммах Р. Гамзатова.

Лермонтов Мартыновас Что Лермонтова Мартынов
Ч1ванин ***рагlун букlана,*** Убил, (я) **слышал,**
Амма магlарулазе Но для аварцев
Дуца гурони ***ч1вач1о***. Никто его, кроме тебя, **не убил**.

(«Лермонтовасул асарал магlарул мацlалде руссинарурасде» – «О переводчике произведений Лермонтова на аварский язык»).

В данном случае автор противопоставляет физическую смерть (гибель) известного поэта с плохими переводами его произведений на аварский язык, что для Р. Гамзатова равноценно «смерти» духовного наследия Лермонтова.

В таком же ироническом контексте сталкиваются утверждение и отрицание в тексте эпиграммы «Радиоялъ жиндирго куч1дул ах1ун вещцарулесде» – «Тому, кто по радио хвалит свои песни»:

Дида ***рагlун букlана*** Я **слышал**,

Радиоялъ бицунеб Как по радио говорили

Картошка бекьулеб куц, - О том, как картошку сажают, –

Гьеб дур кеч1 бук1ин ***лъач1о.*** Что это твоя песня, **не знал**.

Плохие стихи (песни) Р. Гамзатов сравнивает с процессом посадки картошки. Такая образно-ассоциативная компаративность усиливает функцию отрицания, создает иронически-сатирический стилистический оттенок.

Утвердительно-отрицательные противопоставления типа *слышал – не слышал, знал – не знал* повторяются в разных эпиграммах Р. Гамзатова. Например, в эпиграмме «Къвек1аб ц1ум» абураб т1ехьалъул авторасде» – «Автору книги стихов «Отважный орел»:

Чанги куч1дул ***рук1ана*** Много **было** стихов

Къвек1ал ц1умазул рахъалъ, Об отважных орлах,

Гьадинаб къадкил ч1ич1и Такого пения воробья

Киданиги ***раг1ич1о***. Никогда **не слышал**.

В данном поэтическом тексте для усиления отрицания также включено сравнение, соотносительное с зооморфным кодом культуры, в котором значительность *орла* актуализируется путем отрицательного усиления незначительности *воробья*.

Образно-ассоциативная компаративность характерна для ряда текстов эпиграмм Р. Гамзатова. Так, в эпиграмме «Дида жеги бихьич1еб жиндирго кеч1 бахъеян кагъат хъварасде» – «Тому, кто просил опубликовать стихи, еще не прочитанные мною» использовано сравнение, имеющее национально-культурный характер:

Йихьич1ого яс аби – Сватать неувиденную девушку –

Нек1сияб г1адат ***бугo,*** Это (**есть**) старинный обычай,

Дуца г1айиб гьабуге, Ты не вини меня

Дида гьедин ***к1оларо***. Я так **не могу**.

Использование отрицания *к1оларо* «не могу» (отрицательного ответа автору стихов) Р. Гамзатов в образной форме мотивирует при помощи

лексических и морфолого-синтаксических средств (к примеру, в синтаксической конструкции использованы запретительная форма императива и глагол *хъатч1вазе* «аплодировать» в переносном значении «опубликовать»): *Дида раг1ич1еб коч1ой хъатч1вазе дун т1амуге* «Не заставляй меня аплодировать стихам, не услышанным мною».

Иронический смысл незаслуженных аплодисментов звучит и в другой эпиграмме «Цебе артист вук1арав цо поэтасде» – «Артисту, прежде бывшему поэтом»:

Дуцаг1ан гьунаралда С таким мастерством, как ты
Поэтасул роль х1ач1о. **Роль поэта никто не сыграл**.
Браво, браво, ч1ахъа! Браво, браво, да здравствуй!
Ч1вазе те дун дуе хъат. **Дай мне аплодировать тебе**.

Имеют место случаи, когда отрицание функционирует как мотивационная база для утверждения. Однако явный иронический оттенок такой «обосновывающей» содержание отрицательной конструкции формируется в результате «столкновения» ложной, мнимой причины и не имеющего логического обоснования результата.

*Цо дуда релълъарав чи **лъала** дида,*
Лъаг1а-лъаг1алида лъудби хисулев.
Г1илла гьикъарабго, гьес абулаан,
*Лъимер **гьабуларин** пуналалъилан.*

Знаю похожего на тебя человека,
Каждый год менявшего жен.
Причину называл он спросившим,
Что детей они **не рожала** – мол, дело в том.

(«Г1емерал темаби, жанрал хисулев поэтасде» – «Поэту, часто меняющему темы, жанры»)

Отрицание может быть употреблено и для усиления имплицитно (формально) не выраженного компаративного утверждения:

Дида данде ч1вана цо х1икматаб т1егь,

Т1егь гуро, т1убараб квац1и буго гьеб.

Я встретил удивительный цветок,

Это не цветок, а целый букет цветов.

(Из восьмистиший)

Усилительная отрицательная конструкция может проявляться как некое оправдание тому, что автор не может позволить себе в силу конкретной причины. Такая функциональная особенность реализована в тексте эпиграммы Р. Гамзатова «Жиндие т1ехь гьарарав цо «гьудуласде» – «Попросившему книгу (поэта) «другу»:

Дуй т1ехьни дица кьела, Тебе книгу бы я подарил,

*Т1ад хъвазе жо **лъаларо.*** **Не знаю**, какую надпись сделать.

Т1амуге Аллагьасда Не заставляй перед Аллахом,

Цебе гьерсал рицине. Неправду говорить (писать).

Использование кавычек в слове *гьудул* «друг» уже свидетельствует о нежелании автора подарить ему книгу своих стихов и готовит читателя к иронически-отрицательной интерпретации семантики формы глагола будущего времени *кьела* «подарю» (в значении «нет смысла подарить», так как было бы обманом, лукавством со стороны поэта сделать на своей книге надпись (автограф), подаренной «другу»).

Отсутствие желания подарить книгу незаслуживающего этого человеку («другу») является причиной употребления в приведенном поэтическом тексте и запретительной формы императива *т1амуге* «не заставляй», в имплицитной форме причинно обосновываемой автором (потому что нет желания подарить).

Усиление отрицания может быть достигнуто так называемым принципом алогизма (указанием на «небывальщину»):

*Китаялда **рагІана*** **Услышал** в Китае я,

Цо г1адан йигин абун. Что есть женщина одна,

Г1ундуз т1ахьал ц1алулей, - Ушами книги читающая,

*Гьелда **х1икмалъиларо**.* Этому я **не удивлюсь**.

Гьале къоябго соналъ Вот уже двадцать лет
Цо г1адан йиго нижер, Одна женщина у нас
Г1ундуца т1ахьал ***хъвалей,*** Ушами книги **пишет**,
Т1ок1аб щибниги ***гьеч1ей.*** И другого (таланта) **нет**.

(«Г1ундуз хъвалел т1ахьал» – «Ушами сочиняемые стихи»)

Одновременное соединение в текстах эпиграмм Р. Гамзатова усилительного отрицания, имеющего контекстуальную лексическую поддержку, и утверждения, приводящего к реализации противительно-уступительных смысловых отношений, может быть логически обосновано и мотивировано употреблением изъяснительной конструкции. Такой прием, например, использован в тексте эпиграммы «Цо художникасул выставкаялда» – «На выставке одного художника»:

Дур выставкаялде ккезег1ан дида
Кидаго ***бич1ч1ич1о****. Гьанже* ***бич1ч1ана****:*
Щайзе г1адамасул сурат гьабизе
Гьукъулеб бук1араб бусурман диналъ.

Прежде чем попасть на твою выставку,
Я никогда **не понимал**. Теперь **понял**:
Почему рисовать портрет человека
Запрещалось мусульманской религией.

Для усиления противительно-уступительных отношений в данном случае использован прием парцелляции: *Кидаго бич1ч1ич1о. Гьанже бич1ч1ана* «Я никогда не понимал. Теперь понял», который позволяет путем усилительного отрицания первой части, лексически поддерживаемого наречием *кидаго* «никогда», актуализировать утверждение, содержащееся во второй части парцеллируемой конструкции.

В функции утверждения и отрицания в текстах отдельных эпиграмм используется узуальное или контекстуальное антонимическое противопоставление, приобретающее стилистическую окраску категоричности, антитезности, поддерживаемое местоименной оппозицией

дун – мун «я – ты». В таких дискурсах реализуются и усиливаются не только противительно-уступительные смысловые отношения, о которых говорилось выше, но и сопоставительные:

***Дун** балъгояб, бахчараб*	**Я** тайное, скрытое
*Бакъалда **т1обит1улев**,*	На солнце **выставляю**,
***Мун** т1олго гьеб бак1арун,*	**Ты** все это собираешь
*Къвач1азул к1ал **бухьунев**.*	И в мешок завязываешь (**прячешь**).

***

***Дун** гордалги нуц1биги –*	**Я** окна и двери
*К1иялго **рагьейилан**,*	Прошу **открыть**.
***Мун** к1иялго **къалилан**,*	**Ты**, и те, и другие чтобы **закрыть**,
К1алт1а эхетун вуго.	Стоишь у входа.

В текстах эпиграмм Р. Гамзатова представляют интерес случаи включения вопросительных конструкций в синкретичном значении долженствования-недолженствования и желательности-нежелательности. Такие экспрессивные конструкции отличаются стилистической окраской, поскольку они выполняют не столько собственно вопросительные функции, сколько употребляются в указанном долженствовательно-желательном или, напротив, недолженствовательно-нежелательном значении. Пример, взятый из эпиграммы «К1ал букъарай Мариниде пьеса хъварасде» – «Написавшему пьесу о Марин, которой зашили рот», свидетельствует о сказанном:

Халкъалъ абулеб буго,	Народ говорит,
Наибасул мекълъиян.	Как жесток был наиб.
Дур букъич1еб щай гьес к1ал,	Почему он не зашил тебе рот,
Маринил букъич1ого.	Не зашив Марин.

В данном случае речь идет об аварской певице Анхил Марин, которой, согласно сказанию, наиб зашил рот, чтобы она не могла петь песни, неудобные ему. Р. Гамзатов, как бы обращаясь к автору пьесы об Анхил Марин, эмоционально вопрошает: *Дур букъич1еб щай гьес к1ал*? – «Почему же он тебе не зашил рот?!» (в значении «должен был/следовало» + «было бы

желательно»), усиливая противительно-сопоставительную грамматическую семантику последующей строкой: *Маринил букъич1ого* – «Не зашив (рот) Марин». Непосредственное обращение к адресату (автору пьесы) *дур* «тебе» усиливает категоричность и эмоционально-экспрессивный оттенок содержания текста.

Аналогичная ситуация имеет место и в эпиграмме «Цин бакъан хъван, кеч1 гьабулев композиторасде» – «Сначала написав музыку, потом пишущему стихи композитору»:

Дуца бах1арай абун, Ты, называя невестой,
Ч1ух1араб рат1лид къач1ан, Нарядив в красивую одежду,
Гьай херай къоролай щай Почему старую вдову
Росасе кьолей йигей? Выдаешь замуж?

В данном тексте в значении «не следовало» использована вопросительная конструкция: «Почему старую вдову выдаешь замуж?», выполняющая образно-усилительную функцию. Компаративный образно-ассоциативный аспект актуализируется использованием метафоры *херай къоролай* «старая вдова» в метафорическом значении «бездарные/бесполезные стихи».

Обращение к конкретному адресату с вопросом, выражающим негативную коннотацию, имеет место и в тексте эпиграммы «Рахьдал мац1алдаса перевод цебе кколев коч1охъанасде» – «Поэту, у которого переводы публикуются раньше, чем на родном языке», в которой сравнительно-сопоставительная семантика усиливается опять-таки использованием метафоры:

Жеги г1ураб ракьалда На родной земле
Гъот1ода т1егь балелде, Прежде чем деревья зацветут,
Москваялда кинан дур Как же в Москве твой
Курак барщараб бице? Абрикос созрел, скажи?

Переводы стихов, еще не опубликованных на родном языке, поэт уничижительно и метафорически называет словом *курак* «абрикос».

Использование вопросительной экспрессивно-эмоциональной конструкции в данном тексте приводит к формированию грамматической семантики «не следовало» (опубликовать переводы). Иронический оттенок (отрицательная коннотация) актуализируется с помощью адвербиального компонента *кинан* «как же» (мог)?

Экспрессивная вопросительная конструкция использована также в эпиграмме «Г1умрудул багьа» абураб т1ехьалъул авторасде» – «Автору книги «Цена жизни»:

Г1умру г1адин бигьаяб	Не такая легкая
Гьеч1о дунялалда.	Жизнь на этой земле,
Амма щай гьелъул рахъалъ	Но почему же от стихов,
Хъварал дур куч1дуздаса,	Написанных тобой о жизни,
Киг1ан учуз кьуниги,	Как бы дешево не продавались,
Кьурун руссунел чаг1и?	Так отворачиваются люди?

Противительно-уступительные отношения, реализующиеся в данном контексте, поддерживаются, усиливаются и осложняются вопросом, ответ на который, в принципе, известен Р. Гамзатову, но при этом с этим вопросом он иронически обращается к автору книги «Цена жизни». Имплицированный смысл «стихи плохие, поэтому книгу никто не покупает» составляет основную идею эпиграммы.

Вопросительные предложения в текстах эпиграмм могут содержать отрицательное значение. Эмоционально-экспрессивный фон таких конструкций способствует функционированию подобных структур в роли риторического вопроса:

Дуца гьабураб щиб?	Что же ты наделал?
Гьаб Кавказалда	На Кавказе
Дур коч1ол бицунев	О твоих стихах говорящего
Цо хут1ич1о чи.	Ни одного не осталось человека.
Цо вук1арав мунги	И ты единственный
Рик1к1аде ана,	Далеко уехал.

Дур асарал гьанже Твои стихи теперь

Лъица рецциле? Кто же будет хвалить?!

Иронию, заключенную в тексте эпиграммы, можно понять и интерпретировать по названию эпиграммы «Г1емер живго жинцаго вещцулев поэт Дагъистаналдаса Москваялде вахъараб мехалъ» – «Часто себя хвалящий поэт из Дагестана в Москву, когда перебрался». Плохие стихи нескромно хвалящего себя поэта в унисон его самовосхвалению Р. Гамзатов называет иронически-пафосным (в данном контексте) словом *асарал* «произведения/сочинения». Соответствующая риторика текста поддерживается экспрессивной вопросительно-отрицательной конструкцией: *Дур асарал гьанже лъица рецциле?* – «Твои стихи теперь кто же будет хвалить»? (Никто не будет хвалить).

Вопросительные предложения в отрицательном значении в текстах отдельных эпиграмм (например, в эпиграмме «Цо поэтасул т1ехь ц1алараб мехалъ» – «Когда прочитал книгу одного поэта») вводятся с причинной мотивировкой:

Дун дуда бахиллъана: Я тебе позавидовал:

Дуй ц1огьол х1инкъи гьеч1о. Ты воровства (плагиата) не боишься.

Лъицаха гьеб бикъилеб? Кто же его украдет?

Гьадин х1алакъаб пикру? Такую худую мысль?

Обращаясь к поэту-плагиату, Р. Гамзатов вопросительно отрицает возможность использования мыслей этого поэта в силу их непригодности, ненужности ни для кого. Метафорическое использование прилагательного *х1алакъаб* «худой» в сочетании с существительным *пикру* «мысль, содержание» делает отрицание образно-эмоциональным и стилистически окрашенным.

В текстах ряда эпиграмм коммуникативные функции утвердительных предложений актуализируются в целях формирования причинно-следственных отношений (при актуализации такого коммуникативного

намерения автора первое утверждение выступает в качестве причины, второе обозначает результат произошедшего):

Гьес анц1абго соналъ ц1акъ махщалида

Министрасул роль ***гьабулеб буго.***

Бищун т1адег1анаб категорияхъ

Кьолеб харж цебего ***босулеб буго.***

Он все десять лет очень талантливо

Роль министра **играет**.

По самой высокой категории

И зарплату (тоже) **получает.**

(«Дагъистаналъул цо министрасул лъабкъого сон т1убаялда бан» – «В связи с шестидесятилетием одного дагестанского министра»)

Знаменательно употребление образной структуры *роль х1алеб буго* «играет роль», характеризующей корыстную деятельность министра ради получения высокой зарплаты. При этом примечателен глагол *босулеб буго* «берет», имеющий определенный имплицированный смысловой намек на коррупционную составляющую (ср. *ц1акъ* ***махщалида*** *роль гьабулеб буго* «очень **талантливо** роль играет»).

Такой же прием использован и в тексте эпиграммы «Цо ч1амуч1ав коч1охъанасухъ г1енеккараб мехалъ» – «Когда слушал одного нудного поэта»:

Г1енекке кутакалин, Считая, что они талантливые,

Куч1дул дуца ***ц1алигун,*** Стихи, когда ты **читал**,

Кинабго черх мич1ч1ица Все тело будто крапивой

Бухулеб бугин ккана. Хлестали, казалось.

Актуализируя наступившее после чтения плохих стихов бесталанного поэта собственного физического состояния, Р. Гамзатов посредством употребления компаративной фразеологической единицы *мич1ч1ица черх буххулеб бугин ккана* «будто тело крапивой хлестали» усиливает

коннотативный аспект национально-культурного отрицательного компонента.

Компаративность характерна и для других эпиграмм, в текстах которых отрицание поддерживается и актуализируется путем использования не только фразеологических, но и наречно-адъективных средств со значением интенсивности:

Амма мун кинигин, Однако, так, как у тебя,
Киналго *г1унгут1аби* **Все** недостатки,
Куч1дузулъ данделъарав В стихах чтобы встречались,
Къанаг1ат данде ч1вач1о. Такого читать **редко приходилось**.

(«Цо къанаг1атав коч1охъанасде» – «Одному редкому поэтому»)

***

Х1амицацин абич1ищ, Разве осел не сказал,
К1артилг1ан лъик1аб *гьаракь* Что голоса **лучше, чем у осленка.**
Гьаваялда боржунеб Даже в небе летающего
Булбул х1анч1илцин ***гьеч1ин***. Соловья, мол, **нет.**

(«Жиндирго васасул куч1дул реццун к1алъазе вахъарав инсуде» – «Отцу, хвалящему стихи своего сына»)

Актуальное членение предложения имеет особую значимость для поэтического дискурса. Известно, что «каждое предложение, обладая определенной синтаксической структурой, является средством общения, коммуникации, в процессе которой говорящий по-разному эшелонирует фрагменты передаваемой информации в зависимости от собственных интересов и знаний собеседника, т.е. определенную ее часть делает актуальной» [Синтаксис современного русского языка, 2008: 190].

Обычно при обозначении причинно-следственных отношений причина предшествует следствию. Такой порядок логически оправдан. Однако при актуальном членении в поэтическом дискурсе результат (как следствие определенной причины) может быть вынесен в начало предложения. В этом случае в определенных семантико-стилистических целях на структурно-

синтаксическом и коммуникативном уровнях нарушается порядок следования линейной последовательности коммуникативных компонентов предложения (текста).

О.Б. Йокояма определяет порядок слов, исходя из характеристики денотативного и коннотативного знания говорящего (пишущего) [Йокояма 2005], что имеет особое значение для поэтического дискурса. Так, например, в эпиграмме Р. Гамзатова «Их» абураб т1ехьалъул авторасде» – «Автору книги «Весна»» причина события (сложившейся ситуации) следует за следствием.

Сверухъ нак1к1ал, г1азу, х1арщ, Вокруг туман, снег, грязь,
Г1унулев вуго ц1орон. Съеживаюсь от холода.
Гьадинаб квачараб их Такой холодной весны
Киданиги бихьич1о. Никогда не видел.

Такой прием служит средством актуализации того, что обозначено как следствие, причинно обосновываемое как неординарное, необычное посредством употребления отрицательного глагола *бихьич1о* «не видел», контекстуально поддерживаемого наречием *киданиги* в значении «никогда».

В таких поэтических текстах средством образного усиления актуального членения коммуникативной структуры предложения могут выступать, как уже отмечалось, фразеологические единицы, оценочно характеризующие результат определенной причины:

Гьез (критиказ) ***к1алдиб лъим босана***, Они (критики) **набрали в рот воды**,
Дур коч1ол лъик1лъи гуреб, Когда говорили не о хорошем
Квешлъиялъул бицунеб А о плохом в твоих стихах,
Цебе замана – гьайда. То время уже – айда (прошло).

Аналогичная лингвистическая ситуация причинного обоснования препозитивного следствия имеет место и в эпиграмме «Г1емер к1алъалев поэтасул зонода» – «На надгробном камне одного болтливого поэта»:

К1алъарабги хъварабги Все, о чем говорил и писал
Гьасул хехго к1очана. Он, быстро забылось.

Рак1алде щвезе г1адаб, Такого, чтобы (вс)помнить,
Щибниги жо гьас теч1ин. Ничего он не оставил.

Актуализация причинного утверждения может быть достигнута и употреблением в обозначающей следствие части текста запретительной формы императива:

Бет1ер унтун бугилан, Что, мол, голова болит,
Зигардуге, дир пулан, Не капризничай, мой друг,
Дур бет1ер сах гьеч1олъи О том, что голова твоя не здорова,
Дур сариназ бицунин. Твои стихи говорят.

В данном контексте в усилительной функции включен прием персонификации, сопровождающий актуализацию следствия, причинно обосновываемого во второй части текста.

Инструктивно-поучительную функцию в ряде дискурсов выполняют ряды утвердительных конструкций, связанных противительно-уступительными смысловыми отношениями:

Дур г1и-боц1улъ рихьула В твоем стаде (поэзии) вижу
Чанго сахал чахъаби, Не одну здоровую овцу (стихи),
Амма дида гьел цере Но я и прежде их
Цоги рехъалъ дандч1ана. В другом стаде (у другого поэта) встречал.

(«Чияр мухъал хъамал гьарулесде» – «Ворующему чужие мысли»

***

Амма куч1дул ц1алараз Но прочитавшие (твои) стихи
Х1исаб гьабулеб буго, Думают, что
Гьеб х1алт1и думалъ тани, Работу эту если ты навсегда оставишь,
Дуца лъик1 бук1инаан. Было бы лучше.

В имплицированной форме поучительная мысль о том, что было бы лучше не писать плохие стихи бесталанным поэтам, повторяется в текстах разных эпиграмм Р. Гамзатова:

Дуца цаби гьеч1ого, Ты, не имея зубов,
Х1анч1улеб буго, гьудул, (Пытаешься) кусаться.

Кверал бохдул гьеч1ого, Не имея рук и ног,

Харулев вуго кьурде. Взобраться хочешь на скалу.

В этом тексте, в котором отрицание актуализируется в качестве поучительного запрета в индикативной форме, применяется языковая символика, создающая национально-культурную специфику: *цаби гьеч1о* «нет зубов» (нет таланта), *кьуру* «скала (высокая)» (высокая поэзия), *х1анч1изе* «кусаться» (оказать сильное воздействие силой поэзии). Такая символика усиливает образно-оценочный компонент поэтического текста.

Функциональные возможности коммуникативных типов предложений в текстах эпиграмм Р. Гамзатова указанными особенностями не ограничиваются. Многоаспектный анализ текстов всего корпуса эпиграмм позволит в перспективе продемонстрировать в специальной работе и другие особенности семантического, прагматического и стилистического своеобразия языковой личности автора.

3.2. Индикативные формы глаголов в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова [10]

Особенности употребления глагольной лексики частично рассмотрены в статье С.М. Магомедовой, посвященной лингвокультурологическому описанию образа женщины в поэзии Р. Гамзатова [Магомедова, 2010: 136-142]. В целом же семантико-стилистические функции глагольных форм в поэтических текстах Р. Гамзатова не исследованы. Прежде всего этим определяется актуальность поднимаемой в данном разделе диссертации проблемы.

Анализ материала показывает, что глагольная лексика в текстах занимает особое место. Даже в текстах лирических произведений глаголов

[10] Содержание данного параграфа отражено в статьях автора (Омарова З.С. Глагольная лексика в поэтических произведениях Расула Гамзатова // Modern Humanities Success. 2021; Омарова З.С. Сравнения и языковая символика в поэме Расула Гамзатова «Кумухский хан, хунзахский нуцал, гидатлинский Хочбар, кумыкский шамхал и его сын» // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2022; Омарова З.С. Индикативные формы глаголов в поэзии Р. Гамзатова // Мир науки, культуры, образования. 2024).

используется больше, чем адъективной лексики, что объясняется разными причинами.

В поэтическом дискурсе Р. Гамзатова глаголы используются не только в своем типичном значении, но и в переносных значениях. В текстах поэм, в которых описываются события, имевшие место в прошлом, употребляются не только синтетические и аналитические формы прошедшего времени, но и формы констатива, настоящего времени и реже формы футурума.

Имеет место также использование отдельных форм глагольных наклонений, например, со значением желательности. Так, в тексте поэмы Р. Гамзатова «Кумухский хан, хунзахский нуцал, гидатлинский Хочбар, кумыкский шамхал и его сын» кумухский хан, обращаясь к легендарному народному герою Хочбару из Гидатля говорит:

Мун г1адинасухъ дица За таких, как ты,
Анц1-анц1гоял ***кьелаан***, Десятерых **отдал бы** я.
Анц1го мун г1адинасухъ За десятерых, подобных тебе,
Дир нусгоял ***кьелаан***. Сотню **отдал бы** я.

В данном поэтическом тексте использованы формы желательного наклонения, образованные от формы глагола будущего времени присоединением аффикса *-ан* (*кьела* + *ан* «отдал бы»). Причем, значение желательности здесь усиливается использованием элемента имплицированной гиперболизации: *за такого* (очень смелого) *как ты, я бы десятерых отдал.*

Элементы гиперболизации использованы и в тексте поэмы «Эбелалъе кеч1» – «Песня для матери». Так, при аористе и формах настоящего времени глагола включается числовая символика *азарго* «тысяча», характерная для аварской языковой картины мира и выполняющая усилительную функцию:

Эбел, дуца ***азарго***
Кеч1 ах1ана *васасе.*
Мама, ты **тысячу песен**
Спела для сына.

***

Дир эмен вук1ана маг1арул шаг1ир.
Досул маг1ул къимат лъала росабалъ.
***Азарго кеч1 хъвана** дос г1умруялда.*
Мой отец был аварским поэтом,
Его стихов цену знают в селах.
Тысячу стихов написал он в жизни.

*Чорхол оркестралъ **азарго гьаракь***
Зобазде ракьазде бикьулеб буго.
Оркестр тела **тысячу голосов**
С небом и землей делит.

Использование числовой символики в усилительной функции имеет место как в текстах поэм, так и в текстах стихотворений Р. Гамзатова. Так, в стихотворении «Ц1адастан», посвященном родному селу, для эмоционально-оценочного усиления его значимости он пишет:

Нусго ц1араки гуро,
***Нусго миллион** буго.*
Не тысяча дворов (в селе),
А **сто миллионов**.

В тексте поэмы «Кумухский хан, хунзахский нуцал, гидатлинский Хочбар, кумыкский шамхал и его сын» в эпизодах, описывающих отношения кумухского и хунзахского ханов, «достоверность» описываемых событий усиливается формами глаголов настоящего времени. Читатель при этом как бы становится участником событий, зримо представляя себе происходящее (создается «эффект кино»):

Цин нуцалихъ гьоболлъухъ	То в гостях у нуцала
*Гъумекдерил хан **вуго**.*	Кумухский хан **(есть).**
Хундерил авлахъалда	На хунзахском плато
*Риччалел чуял **вуго**.*	Скачки лошадей **(есть).**

Цинги хундерил нуцал То хунзахский нуцал

*Гъумекив **унев вуго**.* **Едет** (*букв*. «едущий есть») в Кумух.

Для обозначения повторяющихся действий в прошлом в данной тексте использованы формы констатива, обычно обозначающие вневременные, часто повторяющиеся действия:

Гьабиги цере риччан, Пустив вперед собак,

*Чанаре цадахъ **уна**,* На охоту вместе **отправляются**,

Чундулги гъуждузда ран, Накинув на плечи убитую дичь,

*Гьенисан нахъ **руссуна**.* **Возвращаются** с охоты назад.

В тексте поэмы «Песня о матери» в ряде примеров одновременно соединяются разные формы времени (аориста и настоящего времени), что объясняется конкретными семантико-стилистическими целями. Такие строки использованы, например, в описании эпизода смерти отца, где словами умирающего отца, обращенными к жене, эмоционально противопоставляются прошлое в жизни отца и последние минуты жизни:

*Гьалеха, Хъандулай, **лъуг1ана** къиса,*

*Къаси ахираб мухъ **хъвалев вуго** дун.*

Вот, Хандулай, **закончилась** повесть (жизни)

Сегодня **пишу** я последнюю строчку.

Параллельные формы аориста и настоящего времени приводят в ряде примеров к выражению причинно-следственных отношений. При этом следствие изображается так, что читатель становится как бы участником происходящего:

*Гьале бигьа гьабун **рагьана*** (аор.) *нуц1а.*

Валагьана (аор.). *Эбел **эхетун йиго*** (наст. вр.).

*Гьей **к1алъалей йиго*** (наст. вр.) *жийго жиндаго.*

Вот тихо **открыл** дверь.

Посмотрел. Мать **стоит**.

Она **говорит** сама с собой.

***

Балагьана *къват1ив, къо* ***бач1ун буго.***

Рорч1ана *г1адамал,* ***ворч1ич1о*** *эмен.*

Выглянул на улицу, **наступил** (*букв*. «наступивший есть») день.

Проснулись люди. Не проснулся отец.

Констативные формы в данном фрагменте текста поэмы используются для обозначения повторяющихся действий, вечных морально-нравственных ценностей жизни, долга сыновей перед матерями:

Дида ***к1очон толаро*** (конст.) Я **не забываю**

Дуца гьабураб калам. Твои (матери) слова.

***

Гьединан ***раг1ула*** (конст.) Такую **слышу**

Лъуг1и гьеч1еб кеч1. Вечную песню (матери).

Особо знаменателен в плане функционирования повторяющихся форм констатива в эмоционально-усилительной функции текст стихотворения «Твой портрет» («Дур сурат»), посвященное жене поэта. Использование форм констатива здесь имеет свое обоснование: автор воспевает жену, говорит о своем постоянном, не меняющемся чувстве любви к ней:

Хириял, дур сураталъухъ Любимая, на твой портрет

Дун соназ ***валагьула***. Годами я **смотрю**.

Дун вохула, ***ворхула,*** Я радуюсь, **возвышаюсь**,

Дун виххула, ***х1инкъула***, Я теряюсь и **боюсь**,

Х1икмалъула, ***ч1ух1ула***, Удивляюсь и **горжусь,**

Г1емераб ***к1очон тола***, Многое **забываю**,

К1очон тола *кинабго* **Забываю** все (на свете).

(«Дур сурат» – «Твой портрет»)

Формы констатива в данном поэтическом тексте имеют лексико-синтаксическую поддержку: сочетание ***соназ*** *валагьула* «**годами** смотрю» предполагает длительность, вневременность, повторяемость действий и вызываемых ими внутренних состояний, обозначенных констативами.

Имеют место семантически мотивируемые (причинно обосновываемые) повторы констативных форм одного и того же глагола в эмоционально-усилительной функции. Такие структуры представляют интерес для экспрессивного синтаксиса:

Сордо араб мехалъ, къоги бач1уна,

Къоги ***ч1ег1ерлъула****, чи хвараб мехалъ.*

Г1азу ***ч1ег1ерлъула****, би т1олеб мехалъ,*

Т1угьдул ***ч1ег1ерлъула****, чи холеб мехалъ.*

Когда уходит ночь, наступает день,

И день **чернеет,** когда умирает человек.

Снег **чернеет** от пролитой крови,

Цветы **чернеют**, когда умирает человек.

Повторяемость констативных или других временных форм разных глаголов может иметь причинно-следственный характер: один глагол в таких текстах обозначает действие, а другой – его результат (или его отсутствие):

Цох1о пандур ***буго*** *дие* ***хут1араб****,*

Дица гьеб ***к1ут1ула*** (конст), ***раг1ула*** (конст.) *гьаракь*.

Один пандур **достался** (*букв*. «оставшийся есть») мне.

Я **играю** на нем, **слышу** мелодию.

***

Дунги дир саринги ***г1енеккун руго*** (перф.)

Г1агарай, дур гьаракь ***раг1ула*** (конст.)] *дида*.

Я и моя песня **слушаем** (тебя),

Дорогая, твой голос **слышу** я.

В ряде примеров, где используются глагольные повторы, реализуются противительно-уступительные смысловые отношения. Результат таких повторяющихся действий может быть негативным (нежелательным) или, напротив, позитивным:

Эбелалъ ***ах1ула*** *(*конст.), *эбел* ***гьардола*** (конст.),

Амма гьелъул гьаракь ***раг1улеб гьеч1о*** (перф.)

Мать **кричит**, мать **просит**,

Но никто её **не слышит.**

***

Чвахана *ц1ад,* ***бана*** *ц1ад,*

Ц1ороч1о, квачач1о *дун.*

Пролил дождь, **пошел** дождь,

Не замерз, не промок я.

(«Ц1адастан» – «Цадастан»)

Повторы целевых форм глаголов с оттенком желательного значения создают эффект молитвы матери, ее мольбы, связанной с судьбой и благосостоянием сыновей:

Биччайила дир васал ***сахал рук1ине****,*

Сапаралда гьезий ***нухал рит1изе****.*

Биччайила гьел хехго ***к1удиял г1езе****,*

Г1адамал киналго лъик1ал ***дандч1вазе****.*

Пусть мои сыновья **будут достойными.**

Пусть дорога их **будет счастливой**.

Пусть они быстрее **вырастут,**

И с людьми хорошими **встретятся.**

Повторы глагольных форм в тексте поэмы «Песня для матери» в ряде случаев сопровождаются персонификацией явлений природы, их очеловечиванием, приписыванием им при помощи глаголов со значением говорения человеческих качеств:

Эбел ц1унейилан, г1умру ц1унеян,

Балеб ***г1азу буго****, щвараб* ***их буго****.*

Г1емераб мех барал муг1рузул ***ц1умал***

Ц1уне эбелилан ***гьардолел руго****.*

Берегите мать, берегите жизнь,

Говорят падающий **снег** и наступившая **весна**.

Много лет прожившие горные **орлы**

Берегите мать, – **просят** (нас).

***

Гьей йихьараб мехалъ, ***хурцин гьардана:***

Гьаб пашманаб къоялъ дуй х1алт1и щайин.

Увидев ее (мать), даже **поле умоляло**:

Зачем тебе в такой печальный день работа?!

При инверсивном порядке слов предложения с повторяющимися констативными или другими временными формами глаголов становятся стилистически окрашенными, экспрессивными:

Рач1уна *(*конст.*) г1аздаца рахчарал т1угьдул,*

Рач1уна нак1к1азулъ т1упарал сиял,

Рач1уна ц1ер ч1варал лъаралгун г1орал.

Приходят покрытые снегом цветы,

Приходят покрытые туманом утесы,

Приходят покрытые льдом реки и ручейки.

***

Кват1ана *(*аор.*) милъиршаби,*

Кват1ана г1урччинаб их.

Опоздали ласточки,

Опоздала зеленая весна.

Глагольные компоненты (составляющие ремы) выносятся в начало предложения в целях стилизации, создания экспрессивности не только в текстах поэм, но и в текстах стихотворений Р. Гамзатова:

Руго *данделъун чаг1и,*

Диваналда кинигин.

Собрались (*букв.* «**есть** собравшись) люди,

Словно на суде.

(«Даимаб г1олохъанлъи» – «Вечная молодость»)

Хисана *дуниял,* ***хисана*** *дунго,*

Хисич1о *кидаги духъ ккараб рокьи.*

Изменился мир, **изменился** и я,

Не изменилась никак любовь к тебе.

(«Духъ ккараб рокьи» – «Любовь к тебе»)

К1очон тана *чанги цебехун ккараб,*

К1очон тана *чанги хадуб бук1араб.*

Амма ***к1очонаро*** *рокьул байбихьи.*

Забыл много того, что прежде было,

Забыл много того, что потом было.

Но **не забуду** любви начало.

(«Анц1ила микьида…» – «В восемнадцать лет…»)

В эмоционально-усилительной функции в текстах лирических стихотворений, затрагивающих тему любви, употребляются повторяющиеся формы императива и футурума, при этом глагольные формы символически повторяются два или три раза (трехкратный повтор обычно в аварской языковой картине мира используется в благопожеланиях и просьбах):

Бицунге, бицунге, бицунге дида

Берцинал ясазул гурони хабар.

Не говорите, не говорите, не говорите мне (ничего),

Говорите только о красивых девушках.

(«Бицунге» – «Не говорите»)

Ах1уге, ах1уге, ах1уге дие

Дунялалда сарин цо рокьул гуреб.

Не пой, не пой, не пой для меня

На этом свете песню не о любви.

(«Бицунге» – «Не говорите»)

Хабазе берцинаб гьумер къулани,

Гьениса вахъина, жеги ах1ила.

Если склонишь голову над могилой (моей),

Из нее встану, и еще раз спою.

(«Бицунге» – «Не говорите»)

Автор в своих текстах часто мысленно общается с отцом, с матерью, как бы вступает в диалог со своими воспоминаниями, поэтому в таких поэтических текстах используются специальные формы вопросительного наклонения глагола. Такие формы нередко употребляются в инверсивных синтаксических конструкциях. Особенно в образно-ассоциативном плане интересны эпизоды персонификации платка матери, эмоционального общения поэта с материнской шалью:

Бице, ч1ег1ераб к1аз, ...
Хъах1аб ***бук1анищ*** *мун дир эбелалъе?*
Бице, ч1ег1ераб к1аз, ...
Хъах1илаб ***бук1анищ*** *мун дир эбелалъе?*

Скажи, черный платок,…
Белого цвета **был ли** ты у матери?
Скажи, черный платок,…
Голубого цвета **был ли** ты у матери?

(«Эбелалъе кеч1» – «Песня для матери»)

Все отмеченное относительно особенностей включения глагольных форм в поэтических текстах Р. Гамзатова позволяет сформулировать несколько обобщений.

Глаголы вводятся как в прямых (типовых) временных значениях, основанных на отношениях одновременности, предшествования и следования моменту речи, так и в переносных значениях. Такое переносное употребление глагольных временных форм в конкретном поэтическом тексте не всегда согласуется с их первичным значением.

В текстах поэм Р. Гамзатова, описывающих события прошлого, формы констатива, футурума и особенно настоящего времени делают читателя участником события, зримо представляющим себе в ассоциациях происходившие события, т.е. как бы реальным участником этих событий. Характерно также прямое и переносное употребление форм наклонений

глаголов (например, желательного, вопросительного), в ряде случаев сопровождаемое элементами гиперболизации.

Употребление повторяющихся глагольных форм с разными временными значениями объясняется конкретными семантико-стилистическими целями, необходимостью подсказанного контекстом выражения причинно-следственных отношений или эмоциональной оценки. При сопоставленном использовании форм прошедшего времени и перфекта имеет место эмоционально и философски осмысленное противопоставление прошлого в судьбе человека и конечного результата (того, к чему пришел человек).

Констативные формы, в своем первичном значении обозначающие регулярно повторяющиеся, вневременные действия, в текстах лирических стихотворений Р. Гамзатова используются для оценки морально-нравственных (вечных) ценностей, выражения глубоких чувств к красивой женщине или конкретно к жене. Такое присутствие констативных форм, поддерживаемое лексико-синтаксическими средствами, приводит к выполнению ими определительно-предикативных функций.

Глагольная лексика в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова может сопровождаться числовой символикой, имеющей национально-культурный характер и соответственно выражающей национально-культурные коннотации.

Повторяющееся употребление глаголов в усилительной функции на денотативном и коннотативном уровне поддерживается приемом персонификации, приписыванием природным явлениям и предметам при помощи глаголов речи человеческих качеств.

3.3. Императивные формы глаголов в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова [11]

Основной целью в данном разделе диссертации является анализ функционально-семантических особенностей императивных форм глаголов в лирических поэтических текстах Р. Гамзатова. Функционально-стилистические функции глаголов с опорой на тексты Р. Гамзатова, как уже отмечалось, изучены недостаточно. Один из разделов кандидатской диссертации С.М. Магомедовой посвящен анализу функций глагольных лексических компонентов при создании образа женщины в поэзии Р. Гамзатова [Магомедова, 2016]. В ее же статье рассматриваются особенности использования глаголов в качестве средств создания образа женщины в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова [Магомедова, 2010: 136-142].

Особенности семантико-стилистического функционирования императивных форм глаголов в лирических поэтических текстах Р. Гамзатова также специально не исследовались. В связи с этим в данном разделе в основном использован материал текстов сонетов, восьмистиший и отдельных лирических стихотворений, посвященных теме любви и единственности и неповторимости красоты женщины.

Исследуемый материал свидетельствует о том, что в лирических поэтических текстах Р. Гамзатова используются как собственно императивные формы с типичным значением повеления, просьбы, так и формы со значением запрета.

Прежде всего отметим, что в ряде императивных форм реализуется значение просьбы, обращенной к красивой женщине или конкретно к жене поэта. В таких текстах имеет место выражение деликатно-рыцарского отношения к женщине, чувства вины поэта перед ней, если даже такая вина нереальна (поэт как бы сам ощущает себя виновным). Обычно в таких случаях используются причинно обосновываемые императивные формы

[11] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С. Императивные формы глаголов в лирических поэтических произведениях Расула Гамзатова // Мир науки, культуры, образования. 2019).

глаголов со значением запрета (при этом реализуются причинно-следственные отношения):

*Дида **г1айиб ч1ваге**, мун кьижарайго,*

Кьурун чирахъ дица свине гьабич1о.

Не вини меня, как только ты заснула,

Не выключил я (сразу) светильник.

Автор употреблением слова *чирахъ* «светильник, старинная лампада» придает тексту национально-культурный характер, поэтому при этом существительном употребляется глагол *свинабизе* «погасить» в сочетании с деепричастием *кьурун* «покрутив», указывающим на способ действия.

В ряде других примеров с императивами со значением запрета также содержится обоснование отрицания, просьбы не делать что-либо: если прямая императивная форма глагола предполагает выражение семантики «делай, чтобы…», то запретительные формы используются в значении «не делай, так как…»:

Рахчуге, хирияй, гьел хъах1ал расал,

Хасалилги бугин г1ураб берцинлъи.

Не прячь, дорогая, эти седые волосы,

И у зимы (так как) есть достаточно красоты.

***

***Бицунге** гьединан, дидаг1ан г1емер,*

Дунялалъул лъик1лъи дуда раг1ич1о.

Не говори так, столько, сколько я,

О хорошем в жизни не слышала ты.

(Из восьмистиший)

Автор не запрещает, а просит, поэтому естественно использование в текстах существительного *гьари* «просьба» или глагола *гьаризе* «просить».

Дица хъвалеб буго дуе расписка,

*Босе гьеб кодобе, **гьарула** ц1але:*

«Йокьула, йокьула, йокьизе йиго».

Я пишу тебе расписку,
Возьми ее в руки, прочитай **прошу**:
«Люблю, люблю, буду любить».

Сила вечной и не имеющей предела любви поэта к женщине подчеркивается специфическим для аварского языка констативными формой глагола (*йокьула* «люблю»), обозначающих вневременные состояния, (или действия) и формы будущего времени, в данном случае напоминающей в силу цепочечного повтора клятву поэта вечно любить женщину.

Репрезентация просьбы часто повторяется. Иногда в сочетании со словом *гьари* «просьба» присоединяется усилительное числительное *цох1о* (ср. *цо* «один») со значением «только одна/единственная» (просьба). Тем более, что такая просьба обозначена как обращенная к редкой (*къанаг1атай*), единственной женщине:

Цох1о гьари буго, мун пашманлъуге,
Дир лъик1ай, дир сахай, дир къанаг1атай.
Одна только просьба – ты не печалься,
Моя хорошая, моя надежная и редкая.

В отдельных ститхотворных текстах для усиления просьбы включается также местоименное отрицание *щибниги* «ничего» (кроме просьбы), интересно, что в таких примерах не обозначен адресат (к кому обращена просьба), потому она приобретает характер молитвы, мольбы к Всевышнему, что в текстах, посвященных женщине, достаточно характерно для поэтического дискурса Р. Гамзатова:

Бат1ияб щибниги гьарулеб гьеч1о,
Дур гьими ц1унизе кье дие дару.
Другого ничего не прошу,
Только лекарство, чтобы сохранить улыбку твою.
(«Дур сурат гьабизе сородула квер» –
«Дрожит рука, рисуя твой портрет»)

Отрицательные (запретительные) формы императива встречаются и в других поэтических текстах с их причинным обоснованием. В отдельных случаях может показаться, что между запретом и причинным обоснованием имеет место алогизм (семантический «конфликт»). Но, в действительности, здесь мы имеем дело с приемом эмоционального усиления отношения автора к красоте и достоинству женщины:

Йик1унге гьедиг1ан лъик1ай ракьалда,
Дун г1адада хвела дур хиялазда.

Не будь такой хорошей на земле (этой)?
Я просто умру от переживаний.

***

Дихъ ч1ух1ун балагьуге,
Дунго ч1ух1арав вуго.

Не смотри на меня надменно,
У меня тоже своя гордость.

Смыслы нетерпеливого ожидания, встреч, свиданий с любимой достаточно характерны для текстов лирических произведений Р. Гамзатова. Поэт в ряде стихов, обращаясь в женщине, просит встретиться с ним, не откладывать встречу, в связи с чем здесь также употребляются причинно обосновываемые отрицательные (иногда усилительно повторяющиеся) формы императива:

*Рос вугилан **абуге**,* **Не говори**, что (у тебя) есть муж,
*Вас вугилан **абуге**,* **Не говори**, что (у тебя) есть сын,
Гьел киг1ан ругониги, Пусть это и так,
Кват1ич1ого яч1а мун. Без опоздания спеши ко мне.

(«Рач1а къаси дандч1вазе» – «Давай вечером встретимся»)

***

***Абуге** яч1унарин*, **Не говори**, что не придешь,
*Яч1инч1они, **дун хвела***. Если не придешь – **я умру**.

(«Рач1а къаси дандч1вазе» – «Давай вечером встретимся»)

***

Мун дихъ ***ялагьуге****, дир г1айиб гьеч1о,*

Гьикъе дуца щибаб карачелалда.

Гьикъе киг1ан г1емер дицаги гьезги

Полоп к1ут1бузда бан, дур ц1ар рехсараб?

Ты на меня **не смотри**, нет моей вины,

Спроси ты у каждой морской волны,

Спроси, сколько раз я и они

С пеной на губах произносили имя твое.

(«Мун яч1араб мехалъ» – «Когда ты пришла»)

В отдельных контекстах намеренно нарушается порядок следования следствия и причины (причинное обоснование выносится в начало), что имеет отношение к задачам актуального членения информационного пространства поэтического текста.

К1удияб хазина буго гьудуллъи,

Гьелде квер хьваг1изе ***г1едег1уге****, вац.*

Большое сокровище – дружба,

Не спеши, брат, на неё махнуть рукой.

(«Ц1уне гьудулзаби» – «Берегите друзей»)

Просьба (*гьари*) беречь друзей, истинную дружбу поэт актуализирует, употребив значимое и в денотативном, и в коннотативном плане слово *вац* «брат». Такая доверительность имеет эмоционально-оценочную основу. И далее автор усиливает и обосновывает просьбу беречь друзей: ***ц1уне*** *гьудулзаби – гьел г1емер гьеч1о* «**берегите** друзей – их не так уж много».

Нарушение порядка следования причины и следствия в стилистических целях имеет место и в следующем примере:

Дун пашманав чи гуро, Я не печальный человек,

Дуца ***пашман гьавуге****.* **Не печаль** и ты меня.

В текстах стихотворений используется усилительный повтор отрицательных форм императива. Цепочка двойного отрицания приводит к реализации значения эмоционально усиленного утверждения:

Ах1уге, ах1уге, ах1уге дие Не пой, не пой, не пой мне
Дунялалда сарин цо рокьул гуреб На земле песен не о любви,
Цогидал саринал маргьаби руго. Другие песни – просто сказки.

(«Бицунге» – «Не говори»)

Императивные формы повелительного наклонения в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова особенно характерны для текстов такого жанра, как надписи (на кинжале, камине, дверях и т.д.):

Кьижа*, гьалмагъ, хеккого Хадув дунги вач1инин* «**Спи**, друг, скоро и я вслед приду» (надпись на надгробии); *Бокьанищ – жанив* ***вач1а****, Бокьич1ищ –* ***къват1иве а*** «Если хочешь – **заходи**, если не хочешь – **выходи**» (надпись на дверях); ***Рагье*** *пикру бихьизе,* ***Рагье*** *гьунар бихьизе* «**Открой**, чтобы найти мудрости, **Открой,** чтобы услышать о подвигах» (надпись на книге) и т.д.

Такая особенность функционирования императива в текстах надписей может сопровождаться персонификацией предметов, когда неодушевленные предметы в роли человека дают мудрые жизненные советы: *Дир гьудул, дуца дие бокьараб хабар* ***бице*** «Мой друг, ты со мной на любую тему **поговори**» (надпись на надгробии); *Лъик1ав гьудул ватани,* ***вач1а*** *мун к1ут1ич1ого* «Если ты хороший друг, то **заходи** без стука» (надпись на дверях). Такие особенности употребления императива как приема персонификации могут стать предметом специального исследования.

Обобщая отмеченное выше, можно заключить, что в языковом пространстве Р. Гамзатова чаще используются отрицательные (запретительные) формы императива, которые в контексте актуализации образа женщины находит причинную мотивировку. Такое употребление императива подчинено цели актуализации красоты и достоинства женщины, её значимости в жизни поэта, выражению позитивного авторского «эго» в текстах лирических произведений.

Нередко в анализируемых текстах используются субстантивы и императивы со значением персонифицированной (обращенной к женщине) и не персонифицированной просьбы (*гьари* «просьба», *гьаризе* «просить»); путем противопоставления *мун* «ты» – *дун* «я» актуализируется идея вины поэта перед женщиной, сопровождающаяся просьбой простить (*m1aca лъугьа*), или единственной «вины» женщины, что она так прекрасна и что навсегда нарушила душевный покой поэта.

Имеет место использование субстантивных метафор, лексико-синтаксических повторов, инверсии и т.д., усиливающих эмоционально-оценочную основу лирических поэтических текстов разных жанров (элегий, сонетов, восьмистиший, обычных стихотворений о любви). На денотативном и коннотативном уровнях в ряде случаев достаточно очевидна как национально-культурная, так и индивидуально-авторская специфика анализируемых текстов.

3.4. Синтаксические особенности в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова [12]

Одной из характерных синтаксических особенностей поэтического дискурса Р. Гамзатова является инверсия. Инверсией обычно называют перестановку, нарушение стилистически нейтрального порядка слов. При инверсии синтаксическое членение приходит в противоречие с актуальным членением высказывания. Инверсия часто используется в разговорной речи и в поэтическом тексте, где порядок слов отличается большей свободой и субъективностью. Чаще всего при инверсии рема или часть темы предшествует теме, что приводит к семантическим, интонационным и стилистическим изменением высказывания.

В аварском литературном языке, как и в ряде других дагестанских языков, обычной позицией предиката-сказуемого, выраженного глагольными

[12] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С. К вопросу о синтаксических особенностях поэтических произведений Расула Гамзатова. Махачкала, 2019).

или именными компонентами, является стилистически нейтральная конечная позиция. В поэтических текстах Р. Гамзатова такой порядок нередко нарушается в семантико-стилистических целях.

Так, например, в конечной позиции может оказаться определение, важное в смысловом отношении, являющееся в этом плане ключевым. При этом определение может занимать как контактную, так и дистантную позицию по отношению к определяемому слову:

Гьединан вуссана сапаралдаса,

Сапаралъ** ун йиго эбел **даимаб.

Так, вернулся (я) из поездки,

В **путь** (последний) отправилась мама **вечный.**

(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

Для актуализации содержания, смыслового подчеркивания и выражения коннотации глагольный компонент может быть вынесен в начало предложения:

***Кват1ана** милъиршаби,*

***Кват1ич1о** г1урччинаб их, -*

Г1едег1ун ана эбел,

Г1едег1ун ана эбел,

Опоздали ласточки,

Не опоздала зеленая весна,

Второпях ушла мама,

Второпях ушла мама.

(«Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»)

В данном примере выражению переживаний поэта по поводу утраты матери и формированию соответствующих коннотаций способствует не только инверсия, но и повтор, поддерживающий стилистическую окраску экспрессивных синтаксических конструкций.

Стилистическая окраска может быть создана и необычным употреблением вспомогательных глаголов *буго* «есть, имеется», *гьеч1о* «нет, не имеется» составного глагольного сказуемого перед темой сообщения:

Г1азизаб зодихъ ***гьеч1о*** В дорогом небе **нет** (не видно)

Цониги нак1к1 ***бихьулеб.*** Ни одного облачка **видимого**.

(Из восьмистиший)

Стилистическая окраска предложения, его эмоциональные возможности могут быть поддержаны при авторской инверсии лексическими средствами, актуализирующими на денотативном и коннотативном уровнях то, что обозначено предикатом-сказуемым, занимающим начальную позицию (в связи с инверсией) в структуре предложения:

Эбел, дида кколаан,
Кидагоцин хвеларин,
Хут1илин *мун думалъго*
Дуниялалъул рокъой.

Мама, мне казалось,
Что никогда не умрешь,
Что **останешься** ты навечно,
В мире этом.

Эмоциональный контекст в данном случае поддерживается не только «умышленным» нарушением порядка следования *темы* и *ремы*, но и использованием фразеологической единицы *дунялалъул рукъ* «мир земной» (*букв*. «дом мира (земного)»), обычно противопоставляемой фразеологизму *ахираталъул рукъ* «загробный мир» (ср. *ахираталде ине* «умереть, уйти из жизни, оправиться в вечность» – дунялалъул рукъ «жизнь» – буква. «дом мира» [Магомедханов, 1993: 22, 127].

Эмоционально-оценочный фон может быть поддержан и усилен при инверсии переносным употреблением слов или фразеологизированных выражений, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры:

Чан ах1и бахъараб, щибниги ккеч1о,

Щулияб гъансиниб буго гьаб месед.

Сколько было тревог забито, и ничего не случилось,

В надежном сундуке находится это золото.

(Из поэмы о Хочбаре)

Под *золотом* (*месед*) в приведенной строфе имеется в виду похищенная Хочбаром дочь хунзахского нуцала (хана), а надежным сундуком (*щулияб гъамас – букв*. «крепкий сундук») поэт называет дом Хочбара, где «пленница» была надежно защищена.

Название драгоценностей для характеристики дочери хунзахского нуцала используется и в другой части текста поэмы о Хочбаре:

Гьалбадерида гьорлъ бищун хирияб

Хазина бач1арав чапар кив вугев?

Среди гостей, кто самую дорогую

Драгоценность доставил, который гонец?

Ср. также другие примеры с инверсией:

Букъизе заман щвана

Хабалъ нилъер тушманлъи.

Похоронить время настало

В землю нашу вражду.

(Из поэмы о Хочбаре)

Здесь использовано фразеологизированное поэтическое выражение *тушманлъи хабалъ букъизе* «похоронить в земле вражду» (закончить с враждой», противопоставляемое антонимическому выражению *тушманлъи ц1и гьабизе* «вновь начинать вражду» [Магомедханов, 1993: 311].

Случаев вынесения в начальную позицию предложений глагольных компонентов достаточно много в тексте поэмы Р. Гамзатова о народном герое Хочбаре. Это объясняется тем, что автор при помощи глаголов актуализирует различные героические поступки и действия Хочбара, репрезентирует его образ как храброго, мужественного народного заступника. Самооценка Хочбара также выражается глагольными

компонентами. Так, например, перед смертью, прощаясь с любимым конем, Хочбар говорит:

Къо-мех лъик1, хирияб чу,

Чанги черхги бет1ерги

Мерхьана тушбабазул.

Прощай, дорогой конь,

Сколько тел, сколько голов

Растоптал врагов.

Начальная позиция актуализируемого глагольного компонента характерна и для других поэтических текстов Р. Гамзатова:

Чвахана ц1ад, бана ц1ер –

Ц1ороч1о, квачач1о дун.

Пошел дождь, выпал град –

Не замерз я, не замерз.

(«Ц1адастан» – «Цадастан»)

Гьеч1о *къо, рокьи гьеч1еб,*

Йокьулелда къвал бач1еб.

Нет (не есть) дня, чтоб не было любви,

Чтоб не обнял бы любимую.

(«Къо гьеч1о…» – «Нет дня..»)

(Из сонетов)

Ах1ана *г1одов ч1езе*

Г1умар гьоболлъухъ рокъов.

Позвал чтоб посидеть, поесть

Омара в гости домой.

(«Ца х1ущала, ца нущала»).

Г1едег1ун ***х1алт1улеб*** *куц,*

Йокьулейгун дандч1вайгун.

Как быстро **работают** (часы),

С любимой когда встречаюсь.

(«Саг1ат» – «Часы»)

В целях актуального членения предложения в начальную позицию или в препозицию перед субъектом выносятся не только глагольные компоненты, но и важные в смысловом отношении именные (с объектным значением):

Рогьо - гьеб бац1ц1унаро, мац1 бахъун ч1ик1аниги,
Бит1ун абулеб гьеч1ищ, гъумекдерил хан дица?
Позор – его не смоешь, если даже языком оближешь,
Разве неправду говорю я, хан кумухский?
(Из поэмы о Хочбаре)

*Чанги **бет1ер** къот1ана*
Къадарал г1адамазул.
Сколько **голов** отрубил,
Подлых людей (я).
(Из поэмы о Хочбаре)

***Гьел** дица кир ралагьилел?*
Кирго гьеч1о ратулел.
Их я где найду?
Нигде не могу найти.
(«Литинституталда рук1аразе» – «Однокурсникам по литинституту»)

Гьаб г1умруялъ киналго	В этой жизни сколько
Раг1аралщинал куч1дул	Услышал песен я,
Дие дур гьаракь буго,	Для меня это твой голос
Гьеб гуреб цоги гьеч1о.	Нет другого такого.

(Из элегий)

Другой синтаксической особенностью поэтических текстов Р. Гамзатова является использование в самостоятельной предикативно характеризующей функции инфинитных форм глагола (деепричастий и причастий), что не характерно для узуса, но может быть характерно для текстов разных жанров аварского устного народного творчества:

Добе ***гьимулеб*** (прич.) *гьумер*, Туда **улыбается** лицо,

Гьанир ***кьуркьулел*** **(**прич.) *берал*. Сюда **строятся** глазки.

(«Огь, руччаби, руччаби!» – «Ох, женщины, женщины!)

Амма гьедин нахъе йиччазе гуро

Гьидерица бика ***хъамун йик1арай*** *(*прич.),

Хъамун хадусала ***ц1унунги йигей*** *(*прич.).

Но не для того, чтобы отпустить

Гидатлинцы дочку нуцала **похищали**,

И после похищения не для этого **бережем**.

(Из поэмы о Хочбаре)

Нилъ г1адада гьеч1о гьанире ***рач1ун*** (деепр.),

Цо къвариг1ел буго, бициниц, Хочбар?

Но не просто так мы сюда **приехали**,

Есть одно дело, сказать об этом Хочбар?

(Из поэмы о Хочбаре)

Гьезда вихьана дун далун бет1ергун

Бух1араб салуда дур сурат ***хъвалев*** (прич.).

Они увидели, как я с опущенной головой,

На горячем песке портрет твой **рисовал**.

(«Ралъадги дунги» – «Море и я»)

Причастные формы, употребленные в предикативно (синтаксически) и одновременно определительно характеризующей (по семантическому признаку) функции, могут выполнять причинно обосновывающую функцию:

Дие х1анч1и рокьана,

Рокьул бицун ***ах1долел***.

Я понравились птицы,

О любви **поющие** (так как пели о любви).

(Из элегий)

Причастные формы, используемые в роли предиката, как и в узусе, могут быть осложнены причинными формантами, обосновывающими содержание обращения поэта к любимой жене в императивной форме со значением просьбы:

К1удияй судияй, дур суалазе

Жаваб ***ургъич1елъул*** (прич.), ***ч1а*** *цодагьалъги.*

Высокая (*букв*. «большая») судья, для твоих вопросов

Ответы так как не готовы, **потерпи** немного.

(Из восьмистиший)

Деепричастные формы предикатов в отдельных случаях приобретают значение условия, осложненного оттенком темпоральной семантики (если + когда), что приводит к формированию у деепричастия синкретичного значения:

Коч1ое къимат кьоге, Не оценивай стихи,

Коч1ол раг1аби дуда Пока (+если) песен слова

Раг1ун, рич1ч1ун *гурони*. Ты не **слышал**, не **понял**.

(Из восьмистиший)

У деепричастных форм в новых синтаксических условиях функционирования в предикативной функции может быть реализовано и дополнительное причинное значение:

Лъик1 хьаг ***гьалунин*** *абун,* **Оттого, что** хорошо кастрюля **кипела**,

Квание къимат кьоге, Не спеши оценивать еду,

Хьагиниса бахъун, гьан Пока вытащенное из кастрюли мясо

Духъе квине щвеч1ого. Поесть тебе не досталось.

В предикативной функции в отдельных случаях используется прилагательное (именной компонент сказуемого) без вспомогательного глагола (происходит полная редукция вспомогательного глагола *бук1ине* «быть, являться», что приводит к усилению категоричности сообщения):

Кват1ун ккараб рокьул У поздней любви

*Кьибил **г1ат1идаб.*** Корни **широкие** (бывают).

Такая форма выражения предиката для узуса не характерна, здесь сказывается влияние аварского устного народного творчества – народных песен.

Инфинитные (причастные) формы предикатов функционируют и в экспрессивных вопросительно-утвердительных предложениях, достаточно продуктивно использованных в тексте поэмы о Хочбаре:

Гьадал муг1рул ругила,

*Г1ият лъица **хъамарал**?*(прич.)

Вот видны те горы,

Кто (оттуда) стада баранов **угнал**?

***

Гьадал авлахъаздаса

*Чуял лъица **рачарал*** (прич.)*?*

С тех пастбищ

Коней кто **угнал**?

Причастные формы, совмещающие в себе определительно и предикативно характеризующие функции, встречаются не только в текстах поэм, но и в текстах стихотворений Р. Гамзатова:

*Гьал жалго **ц1унарал**, жалго **ц1унарал** (*прич.),

Жидерго чвантил чи, чорхолги лагъзал.

Эти, себя **берегущие, берегущие** себя,

Люди своего кармана, рабы своего тела.

***

*Гьал жалго **ц1унараз*** **(**прич.)*, «ц1акъго ц1одораз»,*

Ц1унуларо раг1и, г1агараб улка.

Эти, себя кто **бережет**, кто «себе на уме»,

Не держат слово, не защищают родину.

(«Жалго ц1унарал» – «Себя берегущие»)

Гьикъе киг1ан г1емер дицаги гьезги

Полоп к1ут1бузда бан дур ц1ар ***рехсараб*** (прич.)*?!*

Спроси, как много я и они

С пеной у рта твое имя **произносили**?!

(«Мун яч1араб мехалъ» – «Когда ты пришла»)

Цо къвариг1араб раг1и

Къалмикьа ***борч1улеб*** (прич.) *куц!*

Нужное одно слово

Как из-под пера **выходит**!

(Из восьмистиший)

Цояв хвалчен ***рек1арав*** *(*прич),

Цояв г1акълу ***бергьарав*** *(*прич).

У одного кинжал **острый**,

У другого ум **превосходящий**.

(Из восьмистиший)

В поэтических текстах, оценочно характеризующих ценности жизни и содержащих философское осмысление жизненных явлений, морально-нравственные установки, употребляются отрицательные конструкции, сопровождаемые структурами со значением условия. Формула смысловой структуры таких высказываний может быть представлена в виде: «если не…, то не…»:

Росу росу гуро, зурма гьеч1они,

Боги гьеб бо гуро, зурма гьеч1они.

Село – не село, если там не (поет) зурна,

И войско не войско, если нет зурны.

(«Маг1арул зурма» – «Горская зурна»)

Бертин бертин гуро, зурма гьеч1они,

Рагъги гьеб рагъ гуро, зурма гьеч1они.

Свадьба – не свадьба, если нет там зурны.

И битва не битва, если нет там зурны.

(«Маг1арул зурма» – «Горская зурна»)

Нередко в текстах Р. Гамзатова используются бессоюзные синтаксические конструкции с причинным пояснением, где первая часть выражает значения: а) вопроса, б) отрицания или в) запрета, мотивируемые второй пояснительной частью:

а) *Гьадал зобазе щайзе*
Дунги, гьал цогиялги?
Амма мун гьеч1онани,
Гьениб ц1ва кунч1иларо.

Для чего этим небесам
Я и другие (как я)?
Если бы там (в небесах) не было тебя,
Звезды бы не сверкали.

(Из сонетов)

б) *Дир ракьалда кьалда г1адан холаро:*
Хваразул ц1ар лъола ц1и гьаруразда.

На моей земле никто не умирает:
Именами умерших называют вновь рожденных.

(Из восьмистиший)

в) *Дихъ ч1ух1ун ялагьуге*: Не смотри на меня надменно:
Дунго ч1ух1арав вуго. Я сам имею свою гордость.

(«Дихъ ч1ух1ун балагьуге» – «Не смори на меня надменно»)

*Дида **г1айиб ч1ваге**: мун кьижарайго,*
Кьурун дица чирахъ свине гьабич1о.
*Дида **г1айиб ч1ваге**: дун г1едег1ана,*
Дида г1айиб ч1ваге: дун кват1ун ккана.

Не вини меня: как только ты заснула,

Я не выключил света.

Не вини меня: я поторопился,

Не вини меня: я поспешил.

(«Дида г1айиб ч1ваге» – «Не вини меня»)

*Мун дихъ **балагьуге:** дир г1айиб гьеч1о,*

Гьикъе дуца щибаб карачелалда.

Ты не смотри (с укором) на меня: нет моей вины,

Спроси ты у каждой волны.

(«Руччабазул сон» – «Год женщин»)

Имеет место употребление и собственно пояснительных бессоюзных сложных конструкций:

К1иябго бадисан дир к1аркьабазде

К1иго маг1ил горо гир-гирун ана:

Цо къварилъиялъул, цо рохелалъул,

Цояб рокьиялъул, цояб цциналъул.

Из двух глаз на мои щеки

Скатились две слезинки:

Одна горести (слезинка), другая – радости,

Одна – любви (слезинка), другая – злости.

***

Бах1аралъ цодагьалъ пардав рагьана:

Гьумер чурун буго, лъадаца гуро.

Невеста немного приоткрыла лицо:

Лицо вымыто, но не водой (а слезами).

(Из поэмы о Хочбаре)

Особенностью данной конструкции является употребление одновременно утверждения (*буго*) и отрицания (*гуро*), что приводит к осложнению пояснительных отношений противительно-уступительными.

Случаи соединения в одном контексте утверждения и отрицания в поэтических текстах Р. Гамзатова не единичны, нередко такой прием способствует усилению коммуникативного намерения автора и формированию противительно-уступительных или причинных смысловых отношений:

Чанги хвалчен хьваг1ана,
Нагагь г1ужда кьабич1о.
Кьвагьдезе г1емер ккана,
Рагъухъан вахъинч1о дир.

Сколько раз махал кинжалом,
Редко попадал в цель,
Стреляться пришлось много раз,
Воина не вышло из меня.
(«Азарц1ул кеч1 гьабуна» – «Тысячу раз сочинял стихи»)

Дун хун гьеч1о, хун гьеч1о:
Хвалчен дир хъатикь буго.

Я не погиб, не погиб:
Кинжал (ещё) в моих руках.
(«Х1ажимурадил кеч1» – «Песня Хаджимурата»)

Дун тарулев гьеч1о: дун ч1аго вуго,
Хун гьеч1о дилъ жеги нек1сияб рокьи,
Нек1оялде т1аде жегиги буго.

Я не шатаюсь: я еще живой,
Не погасла во мне старая любовь,
Её стало еще больше, чем было.
(«Дун ц1идасан гьанже…» – «Я теперь снова…»)

Дунни хут1ана, хут1ила,

Докторазц1унун гуро,

Гьезухъ дий дару гьеч1о,

Дир сахлъи рокьи буго

Я буду жить, буду жить,

Не стараниями докторов,

У них для меня нет лекарства,

Мое здоровье – моя любовь.

(Из элегий)

Дунго вокьун гуро дун,

Дагъистан бокьун буго

Не себя люблю я,

Люблю Дагестан.

(Из восьмистиший)

Вахъуна дун къват1иве

Шагьар бихьизе гуро.

Выхожу я из дому,

Но не чтоб на город смотреть.

(«Лъаларел шагьаразда» – «В незнакомых городах»)

В ряде текстов в отрицательно-утвердительных предложениях включается местоименное противопоставление *дун – мун* «я – ты», где актуализации женщины (*мун* «ты») достигается путем намеренной деактуализации мужчины (*дун* «я»), где поэт ставит женщину выше себя, возвеличивая ее достоинства:

Дол ралъадал т1урала,

Дунги гьавги гьеч1они,

*Амма **мун** гьеч1еб ралъад*

Гьадингояб х1ор буго.

Эти моря не пострадают

И без меня, и без другого,

Но без **тебя** море –

Это просто обычный пруд.

***

Дир к1ут1буца щурула,

Щоларин макьуйилан.

Мои губы шепчут,

Что (без тебя) нет сна.

(«Саг1тилгун гаргар» – «Разговор с часами»)

В некоторых примерах отрицание сопровождается повелением, связанным с авторским коммуникативным намерением, которое носит поучительно-назидательный характер:

Бат1ияб щибг1аги гьарулеб гьеч1о,

Дур гьими ц1унизе кье дие дару

Ничего другого не прошу я,

Только лекарство, чтоб беречь твою улыбку.

(«Дур сурат» – «Твой портрет»)

Цо гуреб дару гьеч1о,

Г1олохъанлъи ц1унулеб

Ц1ороберал рач1ого,

Ралагье рокьул берал.

Нет лекарства, кроме одного,

Чтоб беречь молодость,

Не надев очки,

Пусть смотрят глаза любви.

(Из элегий)

Имеет место двойное отрицание, применяемое как компонент экспрессивного синтаксиса и приводящее к усилению утверждения:

Раг1аби дур рук1инч1о,

Маг1на гьеч1ел цониги.

Не было у тебя слов,

Чтобы у них не было смысла.

Такое двойное отрицание в качестве усилительно-экспрессивного утверждения, как свидетельствует пример, может быть поддержано контекстом (ср. употребление слова *цониги* «ни одного» (слова бессмысленного). Двойное отрицание в качестве усилительного утверждения может быть повторяющимся, эмоционально насыщенным:

Вас гьавич1еб къо гьеч1о,
Кеч1 гьабич1еб къо гьеч1о,
Ц1ад балареб къо гьеч1о,
Бакъ щолареб къо гьеч1о.

Нет дня, когда бы не родился сын,
Нет дня, когда бы не родилась песня,
Нет дня, когда бы не шел дождь,
Нет дня, когда бы не светило солнце.

Повторяющееся отрицание может быть использовано для противительного усиления утверждения, имеющего характер неожиданного, непредполагаемого из отрицания утвердительного результата с назиданием, выраженным императивной формой глагола:

Гьав багьадур вук1инч1о,
Гьунар дида лъаларо,
Амма гьав чи вук1ана,
Гьасда аск1орги лъалхъе.

Он не был героем,
Не знаю его подвигов,
Но он был человеком,
Остановись и почти его память.

(Из надписей на надгробиях)

В ряде случаев отрицание сопровождается 1) сравнительным или 2) количественно усиливаемым утверждением:

1) *Инсул гъаст1а кинигин,*
Кивго мун хинлъиларо.

Как у отцовского очага,

Нигде тебе не будет тепло (уютно).

(Из надписей на камине)

2) *Гьалда би бакъваларо,*

Киг1ан бакъ бух1аниги.

На нем кровь не высыхает,

Как бы ни грело солнце.

(Из надписей на кинжалах)

Отрицание и утверждение могут быть перечислительными и одновременно взаимно усиливаемыми. В таких стихах, где субстантивированное причастие употребляется для обозначения лица, используются смыслы поэзии Омара Хайяма:

Гьаб (бокал) *гьекъаравги хола,*

Гьаб гьекъеч1евги хола.

И тот, кто пьет его, умирает,

И тот, кто не пьет его, умирает.

(Из надписей на бокалах)

Гьаб угьдула ч1варахъги,

Ч1вач1ого рорч1арахъги.

Он плачет и по тем, кто убит,

Он плачет и по тем, кто не убит.

(Из надписей на кинжалах)

Субстантивированное причастие в значении лица может встречаться и в усилительно повторяющихся утверждениях (без отрицания):

Рукъ г1арцул ***ц1уразулги***

Г1умру хашаб бук1уна,

Ханжар ***рек1аразулги***

Рак1 х1инкъараб бук1уна.

И у тех, **у кого** дом **полон** денег,

Жизнь бывает несчастной,

И у тех, **кто носит** кинжал,

Сердце трусливое бывает.

(Из восьмистиший)

В целях усиления утверждения могут быть использованы не только причастные, но и повторяющиеся деепричастные форы глаголов:

Гьаб (бокал) ***гьекъон****, кеп гьабула,*

Гьаб ***гьекъон*** *маг1у т1ола.*

Выпив его, веселятся,

Выпив его, и слезы льют.

(Из надписей на бокалах)

Гьаб инсуца васасе,

Васият гьабун*, тола.*

Гьаб инсуца васасе,

Насих1ат гьабун*, тола.*

Его отец сыну,

Завещав (*букв*. «завещание сделав»), оставляет,

Его отец сыну,

Наставление **сделав**, оставляет.

(Надпись на кинжале)

Эмоционально-оценочный компонент формируется при контекстуальном использовании деепричастных форм в функции предиката односоставного обобщенно-личного предложения при повторяющихся императивах в предикативно-характеризующей роли. В таких синтаксических конструкциях семантически как деепричастные формы, так и императивы одинаково значимы при реализации коммуникативных намерений автора и обозначении его авторской оценочной позиции в текстах надписей, где императивы выполняют инструктивно-назидательную функцию:

Салам кьун, жанив лъугьа,

Баркала кьун, къват1ив а.

С приветствием (*букв*. «дав привет»), заходи,

С благодарностью (*букв*. «выразив благодарность»), выходи.

(Надпись на дверях)

В текстах надписей усилительные императивы применяются и при инфинитивах, обозначающих как бы (в устах автора) составляющие горского этикета, или же при компаративно-идентифицирующих формах субстантивов с формантом ***-лъун*** в значении «как, в качестве»:

Рагьизе лъа, къазе лъа,

Вач1ине лъа, ине лъа.

Знай, как открывать,

Знай, как закрывать.

***

Гьоболлъун жанив вач1а,

Гьудуллъун къват1иве а.

Заходи как гость,

Уходи как друг (став другом).

Усилительное утверждение не всегда сопровождается отрицанием. Оно может быть актуализировано экспрессивными повторами утвердительного компонента *буго* «есть» с сопроводительным использованием слов количественного значения: например, в этой функции нередко встречается слово *чанги* «(сколько, так) много», являющееся экспрессивно-оценочным синонимом стилистически нейтрального слова *г1емер(ал)* «много/многие».

***Чанги** рохелал **руго**,*

*Чанги талих1ал **руго**,*

*Чанги къварилъи **буго**,*

*Чанги г1акъуба **буго**.*

Сколько (так много) радостей **(есть)**,

Сколько счастья **(есть)**,

Сколько несчастий **(есть),**

Сколько трудностей **(есть).**

(Из элегий)

Гьалъ (бокалалъ) ***чангиял*** *рорхула,*

Гьалъ чангиял рехула.

Он (бокал) **многих** поднимает,

Он и многих сваливает.

(Из надписей на бокалах)

Гьелъул гордухъ ***чанги*** *чуял кьурдана,*

Чагъанаялъ ***чанги*** *бакънал рачана.*

У её окна **сколько** коней гарцевало,

Сколько песен чагана (скрипка) исполняла.

(Из поэмы о Хочбаре)

Синтаксических утвердительных конструкций, в которых используется слово *г1емер* «много» с количественной семантикой, меньше, и по экспрессивности они уступают примерам со словом «чанги»:

Хадуб гьаб г1умруялъ, г1адамаз кьурал,

Г1емер *ц1арал руго, бат1и-бат1иял.*

Много имен (есть) различных,

Которых дала эта жизнь, сами люди.

(«Нилъер ц1арал» – «Наши имена»)

Иногда глагольная форма *г1емерлъизе* «стать много» может сопровождаться синонимическим *ц1ик1к1ине* «стать много, увеличиваться», что приводит к формированию соответствующих коннотаций, особенно в тех случаях, когда конструкция носит экспрессивно-вопросительный характер. Такие синтаксические конструкции, например, используются в тексте поэмы «Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери»:

Гьаб ц1орой ***ц1ик1к1унищ****, ц1ад* ***г1емерлъунищ***

Дида мун ц1унизе х1ал к1веч1о, эбел?

Стало мороза **много** или дождей **стало много**,

Что я не смог спасти тебя, мама?

Синонимически контекстуально функционируют и адъективные компоненты *г1емерал* «много», *халатал* «длинные, долгие»:

Ругънал гьалъул ***г1емерал****,*
Г1умру гьалъул ***халатаб****.*
Ран у нее (у скалы) **много**,
Жизнь у нее **долгая.**
(Из надписей на скалах)

Достаточно часто в поэтических текстах Р. Гамзатова встречаются экспрессивные синтаксические конструкции с повторяющимися вопросительными словами типа *киб* «где»? *кинан* «как, каким образом»? *щиб* «что»? *киг1ан* «как, в какой степени»? *щай* «почему»? и т.д. Такие конструкции часто носят вопросительно-восклицательный характер: используется форма вопросительного предложения, не предполагающая ответа, но значимая в коннотативном плане.

Киб *бугеб нилъер гьаракь,* **Где** (теперь) наши голоса,
Нилъер гьалагаб релъи. Наш бурный смех,
Киб *бугеб нилъер даг1ба,* **Где** же наши споры,
Киб *хут1араб нилъер ццин?* **Где** остались наши ссоры?
(«Литинституталда рук1аразе» – «Однокурсникам по литинституту»)

Щиб *жо бах1арчилъи, ц1ар?* **Что** смелость, имя человека?
Щиб *жо х1инкъи гьеч1еб хвел?* **Что** бесстрашная смерть?
(Из элегий)

Ширазалда чвахулеб Речка весенняя, маленькая,
Ихдалил т1еренаб лъар, Что течет в Ширазе,
Дур бугеб машгьурлъи ***щиб****?* **Что** за красота у тебя?
(Из цикла персидских стихов)

Дуца дир бахъизе гьабун тараб ццин!
Кинав *ах1макъ гьаний мун ячарав дун.*

Как же ты меня разозлила!

Какой я глупый, что привел тебя сюда!

***

Берзул пашманлъиго ***щиб***?

Что за печаль в глазах (твоих)?

(Из жанра коротких стихов)

Киг1ан *гъваридаб бугеб*	**Какое** же глубокое
Гьаб рокьиялъул т1ину?	Любви этой дно?
	(Из элегий)

Гьудулалъул рокьул ц1а	Подруги моей огонь любви
Дир рек1елъ ***щай*** *сунареб?*	**Почему** в моем сердце не гаснет?

У вопросительного слова *щиб* «что» в сочетании с формой уступительного наклонения глагола ослабляется функция вопросительности: в этом случае оно используется для усиления условно-уступительного значения:

Квасул бук1аниги ***щиб,***	**Пусть даже (что,** если даже) она из шерсти,
Рак1 чармилаз рет1ула.	(Но) надевают ее у кого стальное сердце.

(Надпись на бурке)

Противительно-уступительное значение в данном контексте дополнительно поддерживается и усиливается употреблением антонимического противопоставления *квасул* «шерстяная» (бурка) – *чармил* «стальное» (сердце»).

В редких случаях вопросительность в текстах Р. Гамзатова передается вопросительной интонацией без вопросительных слов типа *щиб* «что»? кинал «какие»? без изменения лексико-грамматического состава предложений, что в принципе не характерно для аварского языка, но может быть объяснено как влияние русского языка.

Например, много таких предложений употреблено в тексте стихотворения «Ц1адастаналдаса г1адатав чи» – «Простой человек из Цадастана», написанном в форме вопросов и ответов, носящих анкетный характер:

– *Дур миллат, мацI, цIар, улка?*
– *Гьудулзаби, гIагарлъи?*
– *Дуе рокьулел кучIдул?*
– *Цо рокьул, рокьул, рокьул.*

– Твоя национальность, язык, имя, страна?
– Друзья, родственники?
– Твои любимые стихи?
– Только о любви, о любви, о любви.

Экспрессивность синтаксических конструкций создается употреблением междометий и усилительных слов междометного характера, контекстуально выполняющих функции выражения чувств и эмоций автора в поэтическом дискурсе:

АхIулеб буго кечI, хъвалеб музыка,
***Огь**, персазул ханум, хвезавуге дун.*

Поют песни, музыка звучит,
Ох, красавица Персии, не волнуй меня.

(«Гугуш»)

Дида бихьана цо гъветI,
Гъарим жибго хутIараб,
Хабада бугеб гIадин,
*Гьелъул къварилъи **унго***!
*ГIемер мех балелде гьеб бакъвараб **куц***!

Я видел одно дерево,
Оставшееся одиноким,
Будто оно на кладбище,
Как печально оно!

Как оно быстро высохло оно!

(Из сонетов)

Нередко в поэтических текстах Р. Гамзатова, особенно в текстах надписей, обнаруживаются сочетания количественных слов (количественных числительных и слов с количественно-предельной семантикой) с императивными формами глагола, способствующие формированию соответствующих коннотативных значений. В контекстуальных условиях у числительных происходит ослабление семантики конкретного количества и развивается значение «всеобщности», общей количественной семантики:

Цо *вук1а,* ***к1иго*** *вук1а,*

Рак1 рагьараца ***рагье.***

Один ли (*букв*. «пусть один»), много ли (*букв*. «пусть **двое**»),

Пусть откроют те, у кого сердце открыто.

(Надпись на дверях)

Гьаб ц1адул хинлъи дуца

Хвезег1ан цадахъ ***босе!***

Этого огня тепло

До смерти **пусть будет** с тобой!

(Надпись на камине)

***

Къоло ункъго *саг1аталъ*

Бокьараб мехалъ ***рагье.***

Цо *вук1а,* ***нусго*** *вук1а,*

Рак1 бац1ц1адаца ***рагье.***

Двадцать четыре часа

В любое время **откройте**,

Один ли, **сто** ли человек,

Пусть откроют те, у кого сердца чисты.

(Надпись на дверях)

Значение форм повелительного наклонения глагола в текстах надписей может быть осложнено (усилено) значением пожелания, что приводит к формированию синкретичного значения. В таких случаях к собственно императивной форме глагола присоединяется формант *-ги*, выражающий в текстах таких жанров, как благопожелания, тосты, молитвенные тексты, значение пожелания (ср. *вас гьаве-ги* «пусть сын родится», *ц1ад бай-ги* «пусть пойдет дождь»). Пожелания в текстах надписей обращены к каждому и ко всем, что приводит к выражению всеобщего пожелания, напоминающего некую молитвенную просьбу с оценочно-пожелательной позиции автора:

*Макьаби гьуинлъа**ги**,*
*Гьел киналго т1урай**ги**,*
Пусть сладкими станут сны,
Пусть исполнятся все они.
(Надпись на колыбели)

Гьаниб ц1а ***камугеги***
Кидаго дур г1умруялъ.
Пусть здесь огонь **не погаснет**,
Пока ты живешь на свете.
(Надпись на очаге)

Кьвагьдогеги *ракьалда,*
Х1инкъугеги *гьаб лъимер*.
Пусть не будет стрельбы на земле,
Пусть не дрогнет вот этот ребенок.
(Надпись на камине)

Все отмеченное относительно морфолого-синтаксических и синтаксических особенностей поэтических текстов Р. Гамзатова свидетельствует об их семантико-стилистической нагруженности и концептуальной значимости.

3.5. Синтаксические средства выражения иронии и юмора в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова

Н.С. Маниева отмечает, что при исследовании особенностей художественной речи, языка художественных произведений одной из целей является показ лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений [Маниева, 2007: 11]. В понятие эмоционального содержания, на наш взгляд, входит и юмор. Средства выражения юмора могут быть различными, соответственно в поэтических текстах используются единицы языка разных уровней – лексические, лексико-синтаксические, морфолого-синтаксические и т.д. Именно в художественных текстах, в том числе в поэтической речи, стилистически нейтральные слова, благодаря конкретному образно-ассоциативному контексту, приобретают эмоционально-оценочные оттенки.

Одним из средств выражения юмора в текстах Р. Гамзатова служит сравнение. Такие сравнения используются поэтом в поэтических текстах, посвященных жене Патимат. Так, например, брови жены поэт сравнивает с хитрыми лисицами. Данный образ, вербализуемый в тексте стихотворения «Брови», носит достаточно яркий и индивидуально-авторский характер.

Хитрее их нет никого на свете,
Таких лисиц попробуй обмани.

Ср. также:

Лежат всю жизнь (брови) **как две черные лисицы**,
Как будто яростный **живой узор**.

По движениям ресниц поэт определяет внутреннее состояние жены, ее мысли, раздумья, переживания, соответственно, такие внешние проявления настроения жены волнуют поэта, заставляют его реагировать эмоционально:

Услышав музыку, лисицы вздрогнут,
Притворщицы не могут устоять....
О, как они взмывают откровенно,

Лукавинкой зазывною дразня.
И как они изогнуты надменно,
Когда рассердишься ты на меня.
О, как они на ласку намекают,
Вздувая пламя у меня в груди.

Если выстроить ряд средств, использованных в тексте данного стихотворения для выражения теплого юмора по отношению к дорогому для поэта человеку (жене), то такой ряд будет выглядеть следующим образом: *брови – хитрые лисицы* (использована зооморфная метафора с юмористической окраской)*; лежат они как две черные лисицы; притворщицы; они взмывают откровенно; дразнят лукавинкой; изогнуты надменно* и т.д. В основном используются субстантивные и глагольные лексические единицы, сочетающиеся с адъективными (определительными) и адвербиальными компонентами.

Иронически оценивает Р. Гамзатов поведение жены своей, которая, разозлившись на него из-за ревности, не очень тепло проводила гостей. Ирония создается тем, что в тексте соответствующего сонета использовано усилительное по форме утверждение, являющееся, по сути, ироническим упреком в адрес жены:

Дуца ц1акъ бит1араб гьабуна, гьудул,
Нилъер гьалбал нуха рег1улеб мехалъ:
Дида бахъараб ццин цогидаздаги,
Цо дие теч1ого, т1убан бец1ана.

Ты так правильно поступила, подруга,
Провожая наших гостей:
Вспышку гнева в мой личный адрес,
Без остатка направила на всех.

(«Дуца цакъ бит1араб гьабуна, гьудул» –
«Ты правильно поступила, подруга»)

С этой же тематикой перекликаются и другие иронические языковые единицы, в которых содержится легкий упрек в адрес жены за то, что иногда она «не любит» его «друзей» – женщин или друзей стола. В таких стихах используются вопросительно-утвердительные или вопросительно-отрицательные конструкции, создающие иронический оттенок:

Мун яч1уна, киналго Ты приходишь, и друзья мои
Дир гьудулзаби уна. Разом вместе уходят.
Гьедиг1ан ц1акъ дудаса И так сильно тебя
Щибизе гьел х1инкъулел? Почему они боятся?

***

Унел ругел лъабалго Едем мы втроем
Цадахъ машинаялда, В машине вместе,
Цоцада к1алъач1ого, Не общаясь друг с другом,
Велъулев лъида шофер? Так над кем же смеется водитель?

Интересны случаи выражения иронического отношения автора к самому себе, некоторой игривости. Так, например, поэт слегка иронизирует над собой, называя себя подхалимом: «Патимат, я очень известный тебе **подхалим**» (обращение к жене), «руки всегда перед тобой поднимаю, считая себя побежденным», «мы (поэт и его стихи) льстили лишь тебе и лишь твоему подчинялись приказу» и т.д.

Номинации типа «подхалим», «твой приказ», имеющие негативный оттенок по отношению к лицам мужского пола в соответствии с национальным менталитетом и выражающие отрицательные коннотации, в данном контексте приобретают характер теплого, легкого юмора, свойственного сильному, талантливому человеку, по-настоящему любящему и высоко уважающему свою жену.

Дело в том, что традиционный дагестанский менталитет мужчины не позволяет так выражать свои мысли перед женой. Но юмор здесь использован тонкий, не задевающий, а, напротив, возвышающий поэта и одновременно демонстрирующий искренне уважительное отношение к жене:

эмоционально-оценочный ряд «известный подхалим», «руки поднимаю», «мои слова льстили тебе», «подчинялись приказу твоему» в иронической форме подчеркивает и теплое отношение поэта к жене, и ее женскую оберегающую мудрость.

Юмористический характер носит и другой текст Р. Гамзатова «Женскому совету».

Хватит с нас! Тысячелетья
Мы сносили произвол,
Пусть теперь за все в ответе,
Непрекрасный будет пол.

В данном поэтическом тексте по отношению к сочетанию «прекрасный пол» антонимически употреблено сочетание «непрекрасный пол» (о мужчинах, против которых в форме «женсовета» объединились женщины).

Фразеологизированное выражение «сносить произвол», обычно имеющее негативный оттенок, в данном случае использовано юмористически, поэтому, обращаясь к мужчинам, Р. Гамзатов советует: «Принимайтесь за труды» (в значении «помогайте женщинам в их труде»).

Антонимические и семантически несовместимые языковые средства также используются для иронически-философского осмысления того, что происходит в наше время, когда каждый (пусть даже малочисленный) народ и далеко не образованные и не сведущие в собственной истории представители этих народов пытаются возвеличивать свою (пусть даже мнимую) значимость и говорят:

Что у лезгинов в реках **голубая кровь**,
А у ногайцев **синяя вода**.
(«Надпись на сборнике стихов дагестанских поэтов»)

Сочетания с семантически несовместимыми словами как средства выражения иронии встречаются в разных текстах Р. Гамзатова:

Спасибо, друг мой, за **сладостную ложь**,
Она меня обрадовала очень.

(«Спасибо, друг мой, за сладостную ложь»)

Г1умру какулезеги И те, кто жизнь **критикует**,
Киназего бокьула, Все ее **любят**.
Дицаги мун какула, И я тебя **критикую**.
Кутакалда йокьиялъ. Так как сильно тебя **люблю.**

(Из восьмистиший)

Такая конкретно-предметная образность, основанная на неожиданных сопоставлениях, нередко создает юмористическую окраску поэтических текстов Р. Гамзатова.

В плане определения языковых средств создания юмора в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова интересны не только тексты стихотворений, но и названия самих стихотворений: «Молитва карьериста», «Выступление на сборище воров», «Песня взяточника», «Страдальцы поэты в бедности жили», «Автору бессмысленных стихов», «Меркантильному поэту» и т.д., в которых юмор переходит в прямой укор, иногда в злую иронию, сарказм.

В некоторых случаях средством создания юмора служат слова-компоненты, употребленные в индивидуально-авторских словосочетаниях; в такого типа примерах названий стихотворений комический эффект создается «столкновением» слов высокого стиля, выражающих положительно-оценочные коннотации, и, напротив, слов с негативной коннотацией (ср. «Молитва карьериста»», «Песня взяточника»).

В подобных поэтических текстах используются соответствующие языковые средства выражения юмора. Так, например, в тексте стихотворения «Молитва карьериста» используются лексико-синтаксические средства, обозначающие пожелания карьериста, обращенные к Всевышнему в виде его молитв-просьб. Поскольку они произносятся не по причине искренней любви к Всевышнему, а с корыстной целью, то такие «молитвы» звучат как «попрошайничество»: *пусть меня вознесут выше служебные ступени; нужна должность, но ничего при этом не делать; чтобы не сходил с доски почета; не урезай права мои* и т.д.

Ярким в плане выражения юмора можно назвать текст стихотворения Р. Гамзатова «Выступление на сборище воров», в самом названии которого уже выражено оценочное отношение автора к ворам (ср. сочетание «сборище воров»). Поэт здесь использует сравнения, в которых выражается злой юмор: «И стали бы (воры) известней во сто крат тех гангстеров, что банки потрошат». «Когда бы перебрались вы в Сицилию, венчали бы вас там лаврами почетными, а мафиози стали бы безработными». Столкновение в синтаксических структурах слов, выражающих позитивную и негативную коннотации (*почетные лавры, мафиози, гангстеры* и т.д.), приводит к формированию экспрессивных синтаксических конструкций при выражении иронии. Ср. также в этом плане: «По части **ограбления** казны Ваш **опыт не ведет цены**». В этом стихотворении применяется также языковая символика (Сицилия), указывающая на «родину» сицилийской мафии.

Иронизируя над взяточниками, автор называет взяточничество «тонкой наукой», которая дилетантам не с руки. Поэт от имени взяточника говорит о том, **что** будет с теми, кто ищет правду и не собирается ему давать взятку. Для обозначения возможных при этом последствий автор использует формы глаголов будущего времени, обозначающие предполагаемое наказание со стороны обозленного чиновника-взяточника: ***заклеймлю*** *позором, дела* ***запрячу*** *под зеленое сукно,* ***подточу*** *стальные нервы всем побрезговавшим мной* и т.д. Далее в стихотворении изображаются действия тех, кто испугался наказания чиновника. Интересно то, что эти действия опять же обозначаются словами самого взяточника (так, как предполагает он): *сверток в скомканной газете незаметно поднесут*. Свои действия взяточник обосновывает тем, что ему надо угодить жене, домашним, выражающим недовольство его малыми «доходами»: *даже собственные дети с грубостью* ***бурчат****; законная жена* ***смотрит*** *с яростью кошачьей* (использовано экспрессивное сочетание), *я был их заклятый враг: от аванса до зарплаты пробивался кое-как*.

Использование числительных в текстах стихотворений связано с необходимостью обозначения материального интереса взяточника:

Что поделать, взятки гладки,
Коль умеючи их брать,
Потому в моей тетрадке
Дважды два – сегодня пять.

По мнению автора, где взятка чиновника, там нет логики (или же, точнее сказать, есть собственная логика), поэтому там и «дважды два – сегодня (когда выгодно чиновнику) пять», а не четыре. Характерно юмористическое использование слов, обозначающих материальный достаток семьи взяточника:

Сыновья мои в **дубленках**,
В **соболях** моя жена,
Даже правнуки в **пеленках**
Из заморского сукна.

В плане выражения юмора интересен текст стихотворения, обращенного к собратьям-поэтам, недовольным своим материальным достатком и ставящим материальные интересы выше, чем достоинство своих поэтических текстов. Автор иронически называет их страдальцами, используя выражения «поэтов-страдальцев» типа «ни гроша не платили».

Страдальцы поэты, вы в бедности жили,
И вам за стихи ни гроша не платили.

Нередко юмор Р. Гамзатова переходит в злую иронию. В таких случаях автор, обращаясь к критикуемому лицу, вводит формы повелительного наклонения глаголов, как, например, в стихотворении «Совет молодому поэту»:

Послушай, друг мой, дельного мужчину,
И, словно саблей, росчерком пера,
Сам **отсеки** пустую половину
От тех стихов, что сочинил вчера.
Ты **вспомни**, как повисла от раненья
У Алибека храброго рука,

И он её отсек в пылу сраженья,
Чтоб не мешала, молнией клинка.

В тексте стихотворения использованы эксплицированные и имплицированные сравнения, наполненные ироническими негативными коннотациями.

В другом поэтическом тексте «Неудачливому стихотворцу» автор иронически обращается к стихотворцу словами «друг мой»:

Со многими такое
Случается, **друг мой**,
Да, так порой бывает,
Признаться, и со мной,
Что в августе – папаха,
А кепочка – зимой.

В тексте стихотворения как способ создания иронии использован прием алогизма: в *августе – папаха, а кепочка – зимой*. При этом, чтобы неудачливый стихотворец не обиделся, автор с иронией говорит и о себе, что у него тоже бывают промахи (да с кем не бывает!). Вместе с тем такой, казалось бы, мягкий юмор в конце текста переходит в жесткую иронию, в запрет писать плохие стихи, позорящие достоинство поэта:

Чем песню петь, играя
На прерванной струне,
Поразмышлять бы молча
В беззвучной тишине.

Р.Гамзатов часто иронизирует над поэтами-неудачниками, считающими себя известными поэтами. Так, в тексте стихотворения «Поэту, подарившему мне свою книгу с автографом «Мои стихи – мои дети», Гамзатов пишет:

Итак, ты лучше выдумать не мог,
Когда свои стихи детьми нарек,
Прими же, брат, сочувствие скорей

По поводу кончины малышей.

Даже одно словосочетание «кончина малышей», в котором использован антропно-зооморфный код культуры, создает в этом тексте образ неудачных стихов, которые, не успев родиться, перестали существовать:

Одни умолкли в люльке навсегда,
Других настигла в яселькаx беда,
Каким же, ты, приятель, был отцом,
Коль загубил беспомощных птенцов.

Злая ирония звучит в названиях некоторых поэтических текстов. В этом плане можно назвать текст стихотворения «Автору бессмысленных стихов», в котором Р. Гамзатов выражает в отрицательных языковых формах свое негативное отношение к поэтам, считающим себя звездными, но никто, даже собственные жены, не понимают смысла этих стихов:

Звезда удачи над тобой повисла,
И должен ты ценить благодать,
Что верная жена **не может смысла**
В твоих стихах поныне **отыскать.**

***

Когда бы поняла во цвете лет
Она одну простую аксиому,
Что смысла в них **не было и нет**,
То от тебя сбежала бы к другому.

Юмор звучит не только по поводу плохих, неудачных стихов, но и в адрес тех поэтов, которые воруют чужие стихии, чужие мысли. Образная метафоричность в таких текстах достаточно очевидна:

Являя рукотворный пыл,
Познав тщеславную надежду,
Из строк ворованных ты сшил
Себе печатную одежду.

Под «печатной одеждой» имеются в виду стихи, составленные из ворованных у других поэтов строк. Далее Гамзатов пишет:

Но если краденое вдруг
Вернуть придется,
Вдоволь срама
Познаешь пред людьми вокруг
В одежде грешного Адама.

Юмор опять переходит в обличение, злую иронию. Р. Гамзатов говорит о тех последствиях, которые могут быть, когда воруют чужие поэтические мысли: *украдешь – познаешь позор*. Такая злая ирония звучит и в тексте эпиграммы «Цо поэтасде» – «Одному поэту», чьи стихи и чей талант заслуживают быть похороненными еще при жизни:

Хвараб ц1ар-гьунаралъе	Плохому таланту и имени,
Занаби ч1валелани,	Если бы ставили надгробия,
Ч1аго вук1аго дуда	Чтоб ещё в жизни ты
Вукъараб хоб бихьизе.	Свою могилу мог увидеть.

Зло иронизирует автор над женами поэтов, для которых ценность представляют не талантливые стихи мужей-поэтов, а их сберкнижки:

Поэтасул т1олго т1ахьазда гьоркьоб
Т1аса бищула гьалъ сберкнижка.

Среди всех книг поэта
Выбирает она сберкнижку.

(«Цо хъвадарухъанасул ч1ужуялде» – «Жене одного писателя»)

В тексте стихотворения «Поэту, который просил меня написать предисловие к его стихам», Р. Гамзатов пишет, что не к лицу ему, известному поэту, написать предисловие, так как от этого стихи лучше не станут. Но эту мысль автор выразил с юмором, характеризующимся национально-культурной спецификой: *И капелька смолы от слова «Бисмиллах» Не станет никогда янтарным медом.*

Для формирования столкновения «возвышенного» (мнимого) и низменного, недостойного (реального) у Р. Гамзатова используются экспрессивные лексико-синтаксические средства. Так, в тексте поэмы «Ахирияб багьа» – «Последняя цена» использован прием языковой игры, построенной на многозначности слова *багьа* «цена» («стоимость товара в деньгах» ↔ *перен*. «достоинство, честь человека, человеческой жизни, морали»), иронически используются также оценочные слова типа *гьедизе* «клясться» (символ лукавства), *къацандизе* «спорить», *намус* «совесть», *иях1* «честь», *базар* «рынок» (в контексте слов в прямом и переносном значениях» - продавать; быть продажным), *гьереси* «ложь, обман», *ч1ух1и* «гордость, достоинство», *бах1арчилъи* «мужество, честь мужчины», *берцинлъи* «красота», а также экспрессивно-оценочные ФЕ (*къуръаналда кверги лъун* <гьедизе> «<покляться> положив руку на Коране», *Аллагьасул ц1ар бахъун* <гьедизе> «именем Аллаха» <поклясться>, *кверал х1анч1изе* «кусать руки» (сильно сожалеть) и экспрессивные синтаксические конструкции, построенные на основе эмоционально-оценочного слова характера *куц* «как», употребляемого в роли усилительной частицы. В таких случаях юмор переходит в злую иронию, своеобразный сарказм, изобличение:

Багьа гьимун толеб куц, О, как улыбается цена,
Гьелъул гьерсилаб релъи, Какой у нее лживый смех
Гьелъ кверал хьваг1улеб куц, Как она руками размахивает,
Гьелъ кверал х1анч1улеб куц! Как она руки кусает.

***

Багьа гьедарулеб куц, О, как цена клянется
Аллагьасул ц1ар бахъун! Именем Аллаха!
Багьа къацандулеб куц Как она спорит,
Къуръаналда кверги ч1ван! Руку положив на книгу Корана.

Иронически-комический оттенок в таких примерах создается и тем, что глаголы и прилагательные, обычно сочетающиеся с обозначениями лиц,

переносно используются в сочетании с неодушевленными существительными, что приводит к формированию приема персонификации: *багьа гьимун толеб куц* «о, как улыбается цена», б*агьа гьедарулеб куц* «о, как клянется цена», *багьа къацандулеб куц* «о, как спорит (торгуется) цена», *гьелъул гьерсилаб релъи* «её (цены) лживый смех» и т.д. В таких примерах происходит расширение валентности слов, метафоризация и юмористическая персонификация.

Оценивая безнравственность современного мира, отсутствие моральных ценностей, где **все продается** (*бичуларебги гьеч1о*) и **покупается** (*босуларебги гьеч1о*), Р. Гамзатов понятия «честь», «достоинство» и «чувство преданности дружбе некоторых людей» метафорически и иронически отождествляет с намеренно повторяющимся словом *базар* (где тоже все продается и покупается).

Бичуларебги гьеч1ин, Нет ничего, что бы не продавалось,
Босуларебги гьеч1ин, Нет ничего, что бы не покупалось,
Намус, ях1, гьудуллъи – Совесть, честь, дружба -
Гьеб бугин базар, базар. Это все базар, базар.

***

Кинабго – ургъараб жо, Все (нами) придумано,
Гьезегицин гьеч1еб жо: То, чего вовсе нет:
Гьудуллъи, иях1, ч1ух1и, Дружба, гордость и достоинство,
Бах1арчилъи, берцинлъи. Мужество и красота.

Далее используется «отчаянно» риторический вопрос:

Кире унел нилъ ругел? Куда же мы идем?
Кире щолел нилъ ругел? Куда мы дойдем?

Таким образом, юмор используется в поэтических текстах разной тематики – от текстов стихов, посвященных жене поэта, до текстов стихов, в которых высмеиваются неудачливые поэты. Для выражении юмора, порой переходящего в злую иронию, используются различные языковые средства: сравнительные конструкции; антонимы; эпитеты-прилагательные;

императивные формы глаголов; различные контекстуальные противопоставления; слова с переносными значениями; структуры, построенные на принципе алогизма и т.д. Языковые структуры, в обычном контексте выражающие положительную, или, напротив, отрицательную коннотацию, в таких поэтических текстах получают новую окраску, они полны юмора и иронии, неожиданных смысловых оттенков.

ВЫВОДЫ

1. В проекции языковой личности Р. Гамзатова актуализируются морфологические и синтаксические ресурсы языка. Авторская индивидуальность проявляется в особом сочетании слов и конструкций, в предпочтении определенных форм, необходимых ему для создания текста, соответстующего его замыслу, настроению и намерению. Поэт владеет мастерски всем языковым ресурсом и выбирает отдельные грамматические формы, выстраивает синтаксические конструкции, которые можно назвать чисто «гамзатовскими».

2. В текстах эпиграмм Р. Гамзатова важную функциональную нагрузку выполняют утверждение и отрицание. Нередко отрицание имеет усилительную функцию, сопровождая утверждение и формируя противительно-уступительные смысловые отношения. В утвердительных и отрицательных предложениях используются антонимические противопоставления с оттенком категоричности, поддерживаемые местоименной оппозицией *дун – мун* «я – ты». Актуализация причинно обосновываемого утверждения в текстах эпиграмм может быть достигнута употреблением запретительной формы императива.

3. Использование глагольных индикативных форм в прямых и переносных значениях способствует формированию гиперболизации с усилительной числовой символикой национально-культурного характера. Повторы целевых (инфинитивных) форм глаголов создают *эффект молитвенности, мольбы* матери, обращенной к судьбам сыновей. В текстах

любовной лирики в эмоционально-усилительной функции часто употребляются повторяющиеся формы императивов и футурума. В текстах, где автор как бы мысленно общается с отцом и матерью, используются формы вопросительного наклонения глагола, способствующие формированию диалога.

4. Для текстов лирических стихотворений характерны императивные формы глаголов со значением повеления и запрета, обращенных к женщинам и жене поэта и соответственно имеющих гендерный характер. Усилительные повторы отрицательных форм императива способствуют реализации значения эмоционально-усилительного утверждения. В текстах надписей императивные формы связаны с персонификацией предметов окружающей действительности.

5. Характерной синтаксической особенностью поэтических текстов Р. Гамзатова является инверсия, связанная с коммуникативными намерениями поэта и имеющая конкретные семантико-стилистические последствия. Часто инверсия создается путем вынесения в начало предложения глагольных компонентов ремы или слов с объектным значением. Эмоционально-оценочный фон при инверсии поддерживается также фразеологизированными выражениями. Другой синтаксической особенностью является употребление в собственно предикативной функции инфинитных форм глаголов (причастий и деепричастий), усиливающих авторские коннотации, что обычно свойственно текстам разных жанров аварского фольклора.

6. Для идиостиля Р. Гамзатова характерно использование бессоюзных синтаксических конструкций, где первые части представляют собой вопрос, отрицание или запрет, а вторые части носят причинно обосновывающий характер. Часто вводятся экспрессивные синтаксические конструкции с повторяющимися вопросительными словами, не предполагающими ответа, но значимые в коннотативном плане.

7. Концептуальную значимость имеют юмор и ирония, особо свойственные поэтическим текстам Р. Гамзатова и характерные для текстов эпиграмм, формируемые с помощью эмоционально-оценочных ФЕ, метафор и сравнений, различных авторских адъективно-субстантивных сочетаний образно-оценочного характера. Применяются также семантически несовместимые сочетания; различные средства персонификации; вопросительно-утвердительные и вопросительно-отрицательные предложения, являющиеся составляющими экспрессивного синтаксиса.

ГЛАВА 4. КОНЦЕПТОСФЕРА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

4.1. Концепт «Ват1ан» (Родина)[13]

В поэтических текстах Р. Гамзатова различными языковыми средствами актуализируются два понимания концепта «*Ват1ан*» (Родина): а) «*к1удияб Ват1ан*» (большая Родина – Советский Союз, Россия) и б) «*гьит1инаб Ват1ан*» (малая Родина – Дагестан).

В речи «Конституция горца» на конгрессе соотечественников Р. Гамзатов называет Дагестан родным и единым для всех дагестанцев домом. Он гордится Дагестаном и отмечает, что свое национальное, человеческое достоинство Дагестан пронес через туманы и ненастья веков благодаря своим прямодушным, но не равнодушным к добру и злу, к вражде и дружбе, предательству и верности воинам, землепашцам, чабанам, алимам, белобородым старцам, храбрым юношам и неотразимым красавицам, прославившим род и воспевшим новые и новые поколения.

Обращаясь к потомкам тех дагестанцев, которые были вынуждены по разным причинам покинуть родные горы, Р. Гамзатов говорил, что нет несчастья большего, чем потерять Родину, так как Родина, как и мать, дается только однажды. Поэт отмечает, что чувство Родины и национальное чувство не соперничают друг с другом, а соединены органически, взаимно обогащая и укрепляя друг друга [Расул Гамзатов..., URL: https://www.rasulgamzatov.ru/?ysclid=mhbwt7dzvg191172068].

Ключевыми компонентами концепта «Родина-Дагестан» в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова являются: *один общий очаг, ветви одного дерева* (родственные по происхождению дагестанские народы), *общий дагестанский годекан, мелодии дагестанских песен, слова заветных молитв, обращенных к Всевышнему, история дагестанских аулов* и др.

---

[13] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С., Самедов Дж.С. Концепт «родина» в поэзии Расула Гамзатова // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. 2018).

В тексте стихотворения «Дагъистан» («Дагестан») Р. Гамзатов образно-оценочными лексическими единицами «высокий», «родной» выражает свое эмоциональное отношение к Дагестану:

Т1адег1анаб, Высокая,
Т1адег1анаб, г1агараб, Высокая и родная
Маг1арулазул улка. Горцев страна.

Для вербализации значимости родного Дагестана автор использует лексические единицы с количественной семантикой. При этом поэт употребляет типичный для его поэтических текстов прием деактуализации отрицания для усиления утверждения (в данном случае значимости Дагестана).

Йохъ, цо миллион гуро дагъистаниял ругел,
Дунялалда г1агарлъи г1унги т1ок1 буго гьезул.
Нет, не один миллион дагестанцев,
На земле гораздо больше у них родственников.

***

Гуро, гьит1инаб гьеч1о, гьудулзаби, Дагъистан,
Гьелъул борхалъиялде раха гьедин абулел.
Нет, не маленький, друзья, Дагестан,
Пусть на его высоты поднимутся те, кто так говорит.

В тексте стихотворения «Дагестан» Р. Гамзатов применяет языковые средства, характеризующие отношение к Дагестану и являющиеся для поэта эмоционально-нравственными составляющими концепта «Родина-Дагестан», которые участвуют в формировании его ядра:

ахал т1огьода руго (цветущие сады), *т1огьал г1аздада руго* (покрытые снегом вершины гор), *г1ат1идаб Каспий* (широкий Каспий), *т1ок1к1арал ццал* (чистые/прозрачные родники), *бет1ер далич1о Дагъистаналъ лъиего* (ни перед кем не склонил головы Дагестан), *машгьураб би* (известная кровь), *кьварараб рак1* (суровое сердце) и т.д.

Понимание Родины у Р. Гамзатова неотделимо от родного языка, свидетельством чему служит текст стихотворения «Авар мац1» («Родной/аварский язык») – здесь выявляется ядерное расположение концепта «мац1» (язык) в структуре концепта «Ват1ан». Аварский язык автор называет родным (*г1агараб*), чистым (*бац1ц1адаб*), красивым (*камилаб*), исцеляющим раны (*лъик1лъана ругънал*). В экспрессивно-оценочной форме поэт восклицает:

Метер маг1арул мац1 хвезе батани,

Хваги дун жакъаго жаниб рак1 кьвагьун.

Если аварскому языку суждено умереть завтра,

Пусть сегодня же я умру от разрыва сердца.

Поэту не нужен такой Дагестан, если его голос (язык) отнимут у детей.

*Щай **дие** къвариг1ун бугеб Дагъистан,*

***Дир** гьаракь бахъани **дир** лъималахъа*?

Зачем **мне** нужен Дагестан,

Если **мой** голос (язык) отнимут у **моих** детей?

Как и в ряде других текстах о любви и родной земле, в усилительной функции используется местоименный повтор *дир…дие*…; ср. также в этой связи:

*Щай **дие** гьал муг1рул, г1урул раг1алда*

*Г1агараб маг1арул кеч1 **дий** раг1ич1они?*

Зачем **мне** эти горы, на берегу реки

Родную аварскую песню если **я** не услышу?

Песни на этом языке пели у колыбели, предки на этом языке желали друг другу удачи. Сам Р. Гамзатов на этом языке воспевал Родину, которую любил особой любовью (*бат1аго цоги рокьиялъ*), родную землю, где родился (*г1ураб ракь*), высоты ее гор (*муг1рузул т1алъи*). Поэт желает быть похороненным на этой земле (*амма хоб бокьила гьаниб бук1ине*).

Особое место в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова в плане исследуемого концепта «Ват1ан» занимает текст стихотворения

«*Ват1аналде*» («Родине»). Автор называет себя одним из сынов Дагестана, одним из его колоколов:

Дун дур ц1урмазда гъорлъ цо ***ц1умур*** *вуго,*
Дур ц1ар зваргъолеб куц каранда жаниб.
Гьеч1о дие гьаракь гьадин бокьулеб,
Гьеб гьаракь къот1ани, дун къаникь вуго.

Я **колокол** среди твоих колоколов,
Как (сладко) звенит твое имя в сердце моем.
Нет голоса для меня слаще,
Если прекратится этот голос, я буду в могиле.

В этом тексте автор называет себя орлом среди орлов Дагестана (использована национально-культурная языковая символика: ***орел*** – символ свободы, мужества), а имя Родины – крыльями орла (*Дур ц1ар буго дие к1иябго* ***кваркьи*** «Твое имя для меня – оба моих ***крыла***»), кинжалом, висящим на стене (использована мужская национально-культурная символика: ***кинжал*** – средство защиты чести и достоинства (*Дуца къеда бараб цо* ***ханжар*** *вуго дун, Къо ккараб мехалда, лъазабе дида* «Я **кинжал**, тобой на стену повешенный, В трудный час только сообщи мне»), **молитвой** песенной (символ оберега, защиты Свыше): *Дица дур каранда бан буго* ***сабаб*** «Я на твою грудь повесил молитвенный **оберег**»).

Имя Родины (Дагестана) очень дорого поэту и, как ребенок, который еще не научился говорить, шепчет/произносит слово Дагестан по слогам:

Жеги мац1 лъалареб лъимералъ г1адин,
Дица цо бат1аго, бут1а-бут1а ккун,
Щурула, абула, ах1ула дур ц1ар
Цин Дагъ-ан, цингиги Да-гъис-тан-илан.

Как ребенок, который еще не умеет говорить,
Я с особым чувством повторяю по слогам,
Шепчу, произношу, кричу твое имя,
То как Даг-, то как Да-гес-тан.

Глагольный цепочечный эмоционально нарастающий повтор *щурула, абула, ах1ула* (дур ц1ар) «шепчу, произношу, кричу (твое имя)» эксплицирует патриотическое отношение поэта к своей малой Родине.

Для актуализации выражения чувства отношения к Родине автор использует также компаративные структуры: например, поэт сравнивает Дагестан с большой по территории Индии (при этом употребляет одинаковые модели словообразования: *Дагъистан – Индустан*), со столицей Франции Париж (по красоте):

К1удиял, гьит1инал улкаби рук1а,
Амма гьанжелъаг1ан лъаларо дида,
Гьиндустанги мунги кинаб к1удияб,
Парижги Гъунибги кинаб гьайбатаб.

Пусть есть большие и малые страны,
Но до сих пор я не могу понять,
Индустан или ты величественнее,
Париж или Гуниб прекраснее.

Поэт настолько любит свою Родину, что он издалека прилетит к нему:

как птица (использован языковой символ птицы, прилетающей в свое гнездо): *Дур х1инч1, г1алах бахун, бач1ина духъе* «Твоя птица через все просторы прилетит к тебе»),

как конь (использована мужская языковая символика «конь»), который прискачет и перед «воротами» Дагестана, приветствуя, встанет на дыбы (*Дир чу дур кавабахъ квач1ида ч1ела*).

Автор сравнивает себя с преданной собакой (*мут1иг1аб гьве*), которая по одному только свисту прибежит и встанет у ворот:

*Дун дур **мут1иг1аб гьве**, пишт1е, бортила,*
Мун к1алъазег1ан, дун дур к1алт1а ч1ела.

Я **преданная** тебе **собака**, прискачу,
Раньше, чем ты успеешь сказать, и встану у твоих ворот.

***

Дагъистан, дун вуго Дагестан, я твоя

*Дур **мут1иг1аб гьве**.* **Преданная собака**.

Р. Гамзатов в своих поэтических текстах часто использует лексику, выражающую любовь и отношение к родной земле, к своей малой Родине, к Дагестану, к Кавказу, в связи с чем употребляет глаголы и эпитеты-прилагательные, выражающие отношение *бокьизе* «любить», *къиматаб* «высокого достоинства», «достойный», *г1агараб* «родной», *хирияб* (ракь) «родная, любимая» (земля), *хазина* «сокровище», *кунч1араб ц1ва* «сияющая звезда» (о Кавказе) т.д.:

Дунго вокьун гуро дун,

*Дагъистан **бокьун буго**.*

Не себя люблю я,

Я Дагестан **люблю**.

***

Огь, къиматаб дир Ват1ан,

Г1агарал дир кьураби!

О, достойный мой Дагестан,

Родные мои скалы!

(Из восьмистиший)

Вук1инаан кидаго, Кавказ, дур ц1аралдаса
Кунч1араб ц1ва г1адинан дун.

Был бы я, Кавказ, от твоего имени
Словно сияющая звезда.

(«Буго ракълил комитет» – «Есть комитет мира»)

Ракь! Маг1арулазул гьебг1ан хирияб,

Хазина кибниги гьеч1о, бук1инч1о.

Земля! У горцев дороже земли

Сокровища нигде нет, не будет.

(«Гьадаб зобалх1аги зоб-ракьалх1аги» – «Именем небес и земель»)

Одновременно вербализуется тема защиты родной земли, гордости за ее защитников – сыновей Дагестана, отдавших свою жизнь, защищая его достоинство и честь. Обращаясь к врагам Дагестана, посягавшим на его честь и свободу, Р. Гамзатов пишет:

Нужее ричизе, яги чучизе
Чаг1и рижун гьеч1ин Дагъистаналда.
Не продаваться вам, не сдаваться вам
Не родились мужчины в Дагестане.
(«Дагъистаналъул х1елеко» – «Дагестанский петух»)

Гьелъулъ журан руго азарил соназ
Аваразул рукьби, гьеб ц1унун хварал.
С ней (землей) смешались тысячами лет
Кости аварцев, погибших её защищая.
(«Гьадаб зобалх1аги зоб-ракьалх1аги» – «Именем небес и земель»)

Стихотворение «Ват1аналде» («Родине») – один из лучших поэтических текстов Р. Гамзатова по эмоциональному накалу и степени языкового выражения патриотических чувств к Родине. Здесь использованы ключевые слова, ставшие национально-культурными символами, выражающими патриотические чувства поэта и преданность Родине:

ц1умур «колокол», *ц1ум* «орел», *к1иябго кваркьи* «оба крыла», *ханжар* «кинжал», *хонжрол т1алъиялда хъвараб дур ц1ар* «твое имя, высеченное на лезвии кинжала», *сабаб* «молитва-оберег», *сарин* «песня о Родине», *дур кьураби* «твои скалы» (символ стойкости, вечности), *дур мут1иг1аб гьве* «преданная тебе собака» (использована символическая зооморфная метафора), *бух1араб х1асрат* «горячая любовь (к родной земле)», *х1асратаб коч1ое бакъан* «страстная мелодия для песни», *дур рак1* «твое сердце», *дир т1алъи* «моя земля», *г1агараб росу* «родное село», *росдал сухъмахъ* «сельская тропа», *маг1арул ищц* «горный родник» (символ чистоты, первозданности), *къиматаб алмаз* «бесценный алмаз», *чу* «конь», *дур х1инч1*

«твоя птица», *жегиги къач1ач1еб къиматаб алмаз* «нестраненый бесценный алмаз» и др.

Как свидетельствуют приведенные примеры, Р. Гамзатов в анализируемом тексте использует разные коды культуры – зооморфный (*х1инч1* «птица»), телесный (*рак1* «сердце»), религиозный (*сабаб* «таслисман»), природный (*кьураби* «скалы», *муг1рул ицц* «горный родник»), предметный (используются названия эстетически значимых предметов: *алмаз* «алмаз») и т.д. Многие из них носят компаративно-идентифицирующий характер, являются средствами выражения образно-эмоционального, глубоко патриотического отношения к Родине (Дагестану), к родной земле (*г1агараб ракь*).

Усилительный местоименный повтор, о котором говорилось выше, встречаются в разных текстах стихотворений Р. Гамзатова, посвященных теме Родины, в том числе в тексте стихотворения с символическим названием «Ц1адастан» («Цадастан»), в котором поэт воспевает свое родное село (символичность названия стихотворения состоит в его словообразовательной структуре: название села построено по модели названий стран (Ц1ада-**стан**: ср. Дагъи-стан «Дагестан», Узбеки-стан, Гуржи-стан (название Грузии, используемое в аварском фольклоре) и т.д.:

Дир *бусен,* ***дир*** *гъансито,*
Дир *х1асраталъул рогьел,*
Т1оцебе ***дий*** *ах1араб*
Ихдалил коч1ол гьулак.
Т1оцебе ***дий*** *чвахараб*
Ихдалил ццул бет1ер.

Мой дом (*букв*. «постель»), **мой** очаг,
Моей страсти рассвет,
Впервые **для меня** спетая
Моя колыбельная песня.
Впервые **для меня** журчавший

Весеннего источника исток.

Частотность местоимений, как нам представляется, определена тем, что концепт Концепт «Ват1ан» для автора не абстрактое понятие, а личностное, персонифицированное, он привязывает его не только к себе, но и ко всем соплеменникам как часть их сознания и бытия.

Для Р. Гамзатова родное село – это целая страна, маленькое – оно ему кажется большим, потому что оно очень дорого его сердцу, оно всегда с ним, куда бы он ни ездил и где бы он ни находился, поэтому он пишет:

Дир муг1рул т1алъидул гьит1инаб гордо
Г1ат1идаб ракьалде рагьараб буго.

Моей родной земли маленькое окно,
Для большого мира открыто.

(«Гьадаб зобалх1аги зоб-ракьалх1аги» – «Именем небес и земель»)

Здесь словосочетания *гьит1инаб гордо* «маленькое окно» и *г1ат1идаб ракь* «большая (*букв*. «широкая») земля» символизируют малую родину поэта и большой мир.

Ср. также далее:

Бичанте дунялги, дир Дагъистанги,
Цоцада рихьизе, цоцада лъазе.

Пусть весь мир и Дагестан мой
Увидят друг друга, узнают друг друга.

(Из восьмистиший)

Как и в ряде других поэтических текстов, в которых употребляются средства экспрессивного синтаксиса, здесь автор отрицание и элементы гиперболизации использует для актуализации утверждения:

Нусго ц1араки гуро, Не сто дворов (в селе)
Нусго миллион буго. А сто миллионов.

(«Ц1адастан» – «Цадастан»)

В другом тексте стихотворения «Дун гьавураб Дагъистан» («Дагестан, где я родился») поэт пишет:

Дие ирсалъе кьураб, В наследство мне данное,

Инсул т1алъи мун даим. Отцовская земля ты всегда.

Лексическая единица *даим* «всегда, вечно» здесь эксплицирует вечность чувства к Родине, отцовской земле: наполненное положительной коннотацией сочетание *инсул т1алъи* «отцовская земля» выступает в качестве национально-культурного символа вечной преданности, священности, бережного отношения, долга перед отцами.

Автор называет Дагестан страной любви (*рокьул улка*), он знает, как и от кого защищать родную землю, Родину: *Дир Ват1ан, дида лъала лъидасан кин ц1унилеб* «Моя Родина, я знаю, от кого и как защищать (тебя)».

В разных текстах Р. Гамзатова, посвященных Родине, используется национально-культурная символика, языковые знаки, получившие в сознании носителей аварского языка в течение веков своеобразную образно-оценочную интерпретацию. Часто это мускулинная символика, так как образ родины у автора ассоциируется с мужеством, стойкостью, твердостью духа.

Так, например, в тексте стихотворения «Мун киб бугеб, Дагъистан»? – «Где ты, Дагестан» автор, обращаясь как бы к персонифицированному (одушевленному) Дагестану, пишет:

- Эй, ты, Дагестан, где ты есть?
- Я здесь!

Я здесь, на этих **серых скалах**,
Свои **усы кручу**, как мне пристало.
Я здесь!

В данном тексте в связи с использованием приема персонификации в сравнениях употребляются как неодушевленные, так и одушевленные существительные:

Я в поле, **словно сноп пшеницы**!
(*Буго къараб гул г1адин*)
Я – и **олень, и водопой олений**.
Вот я какой!
(«Мун киб бугеб Дагъистан» – «Ты где, Дагестан?»).

Здесь особенно знаменательна и патриотически значима последняя строчка (экспрессивная синтаксическая конструкция), которая символизирует достоинство и гордость чувства к Родине, вложенные в уста Родины (Дагестана).

Концепт «Ват1ан» часто включает в себя образы Советского Союза и России, репрезентируемые в текстах Р. Гамзатова именами выдающихся поэтов, писателей, которым он посвятил свои поэтические тексты: А. Твардовского, А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Пастернака, М. Луконина, Д. Кугультинова, Н. Думбадзе, К. Кулиева и многих других. Талант, мудрость, честь и достоинство Родины у Р. Гамзатова ассоциируются с именами этих поэтов, с их талантом, мудростью, чувством дружбы и уважения друг к другу, с чувством справедливости и настоящей добротой.

В тексте стихотворения «Твардовскиясул ц1аял» – («Огни Твардовского») автор пишет:

Дур раг1аби рук1инч1о
Маг1на гьеч1ел цониги.

Не было у тебя слов,
Ни одного без смысла.

О достоинстве Родины, о его значимости говорится от имени своих друзей-поэтов, так как настоящая Родина состоит из таких настоящих людей, любящих Родину и болеющих за все, что происходит в общественной жизни, и живет ими:

Дуца бицунеб хабар	Твои беседы
Г1акълу, дарс кьезе гуро,	Не были навязчивы,
Даг1бадилев вук1ана	Боролся ты против
Гьереси, сих1ругун мун.	Лжи и коварства.

(«Твардовскиясул ц1аял» – «Огни Твардовского».)

Твардовского поэт называет воином, идущим в огонь для защиты своего достоинства, своего мнения в этом мире:

Дурго х1акъикъат ц1унун,

Ц1адав унев рагъухъан,

Гьабасаг1ат дур саг1тазухъ

Дица сонал кьелаан

Защищая свое достоинство,

В огонь идущий воин,

Сейчас за эти часы (бесед с Твардовским)

Я бы отдал годы жизни.

В тексте стихотворения «Когда умирают поэты» посвящается несколько строф А. Ахматовой и Б. Пастернаку, чьи имена связаны с трудными событиями в жизни Родины и чьи имена символизируют борьбу за морально-нравственную чистоту и правду:

От соблазнов духа проклятого

(Щедрым был на посулы дух)

Отвернулась гордо Ахматова

И замкнула руками слух.

(«Поэтал холеб мехалъ» - «Когда умирают поэты»)

***

Нет, не ставит на крыльях знака

Низкопробная клевета,

Осень чистая Пастернака –

Как была – чиста и светла.

(«Поэтал холеб мехалъ» - «Когда умирают поэты»)

Для Р. Гамзатова доброта и правда – составляющие морально-нравственной жизни Родины, поэтому, обращаясь к родной земле, поэт пишет:

Скажи, земля, оставила ли ты

Для доброты распаханное поле,

……..

Еще земля, прошу тебя, ответь:

Для правды поле у тебя найдется?

(«Скажи земля»)

Поэт страдает, переживает за тех, кто остался за пределами Родины, кто умирает не на своей земле:

Птицы, оперившись, улетают,
Прочь спешат из отчей стороны,
И порою люди умирают
Не на той земле, где рождены.
Так и умирают, словно птица,
Сердце надорвавши на лету.

(«Птицы, оперившись, улетают»)

Использование образа птицы в данном тексте не случайно, так как в текстах Р. Гамзатова *образ птицы* часто символизирует образ Родины и становится своего рода языковым символом птицы, прилетающей в свое родное гнездо.

Для автора без настоящей дружбы нет правды жизни, поэтому он так дорожит и гордится своими друзьями, своей большой Родиной, где живут такие настоящие люди:

И Курский суетный вокзал,
И наши дружеские споры,
Когда ты меня провожал,
В Махачкалу, на поезд скорый.

***

В Баку, Тбилиси, в Крыму
Тебя встречали будто друга,
И Дагестану моему
Всегда протягивал ты руку.

(«Михаилу Луконину»)

Концепт «Ват1ан» также пересекается с концептом большой многонациональной «семьи», которая называлась Советским Союзом, у

дружбы не было границ, не было национальностей, свидетельством чему является стихотворение Р. Гамзатова «Давиду Кугультинову»:

Вершин размыкаю я цепь,
И вдаль через Каспий летит
Посланье в калмыцкую степь
К тебе, Кугультинов Давид.
(«Давиду Кугультинову»)

Для поэта правда жизни в одном – в преданности и настоящей дружбе между народами Большой и Малой Родины. В годы Великой Отечественной войны лучшие сыны Родины сложили головы за достоинство и честь священной земли, за гордость Родины. Вся боль и чувство гордости за таких сыновей Великой Родины вложены в текст стихотворения «Журавли», переведенное на многие языки мира и ставшее своеобразной песней-плачем, лирическим гимном и священным памятником в честь не вернувшихся с войны молодых солдат.

Это величественный поэтичный и одновременно трагический текст, который занимает достойное место среди поэтических текстов Р. Гамзатова о Великой Отечественной войне. Текст песни «Журавли» как гимн, как поистине народный плач стал всенародным и бессмертным, как и образ воинов, погибших на полях сражений. Для всех народов Советского Союза, России текст песни «Журавли» стал частью судьбы, символом скорби и надежды на вечный мир на Земле. В актуализации концепта «Рагъ» (война) в поэзии Р. Гамзатова этот поэтический текст является одним из ключевых (см. об этом в разделе «Концепт «Рагъ» в поэтическом дискурсе Расула Гамзатова»).

Таким образом, базовыми репрезентантами макроконцепта «Ват1ан» можно выделить следующие концепты: «*к1удияб Ват1ан*» (большая Родина – в понимании автора приравнивается концепту «Советский Союз»), «*гьит1инаб Ват1ан*» (малая Родина – Дагестан), «*мац1*» (язык), «*кьураби*» (горы/скалы), «*Каспий*» (Каспий), «*ралъад*» (море), «*инсул т1алъи*»

(отцовская земля), «*г1агараб росу*» (родное село), «*г1адамал*» (люди), «*бах1арзал*» (защитники/ патриоты). Вокруг данных базовых концептов формируются перифирийные концепты, которые связаны с ними культурно-смысловыми, семиотическими и символическими компонентами.

4.2. Концепт «Гъансито» (родной очаг)

В языковой картине Р. Гамзатов образ родного дома, родного очага занимает особо значимое место. Очаг, родной дом выступают как символ вечной жизни, негаснущего огня, домашнего уюта, стен родного дома. Особую значимость приобретает при этом символ огня в очаге, актуализируемый различными языковыми средствами. Например, в текстах надписей используются формы повелительного наклонения, характерные для благопожеланий и молитв/просьб, обращенных к Всевышнему.

Гьаниб ц1а ***камугеги***	Здесь [в очаге] **пусть** огонь **не погаснет**
Кидаго дур г1умруялъ.	Всегда в твоей жизни.
Гьаб ц1адул хинлъи дуца	Этого огня тепло ты
Хвезег1ан цадахъ ***босе.***	До смерти с собой **носи.**
Гьадинан ***бакаги*** *ц1а,*	Так **пусть горит** огонь,
Бакани дунялалда.	Если загорится на земле.
Гьаниб хьаг хех ***гьалаги****,*	**Пусть** здесь кастрюля быстро **закипит**,
Гьеб гьанал ц1ун ***бач1аги***.	**Пусть** она полная **будет** мясом.

В таких надписях *ц1а* «огонь» символизирует тепло и уют родного дома, материальный достаток, продолжение и вечность жизни, в связи с чем употребляются соответствующие по значению слова и словосочетания, формирующие единое культурно-семантическое пространство:

ц1адул хинлъи «тепло огня», *гьанал хьаг гьалаги* «пусть с мясом кастрюля закипит», *кидаго г1умруялъ* «всегда в жизни», *хвезег1ан* «до смерти», *ц1а бакизе* «зажечь/развести огонь», *ц1а камугеги* «пусть не погаснет (*букв*. «не исчезнет») огонь» и т.д.

В качестве одного из составляющих компонентов концепта «Гъансито» (родной очаг) выступает слово *к1к1уй* «дым», символизирующее жизнь в доме. Не случайно, что среди аварских благопожеланий особой значимостью отличается выражение *Рокъоса к1к1уй т1аг1араб къо бихьугеги* «Пусть не исчезнет дым [домашнего очага] из дома». В текстах надписей Р. Гамзатова слово *к1к1уй* «дым» используется не в обобщенно-понятийном значении, а в конкретизированном значении «дым домашнего очага».

Г1анк1ил х1ухьел г1адинаб, Подобным дыханию зайца,
Т1еренаб ***к1к1уй*** *биччаге*; Слабым пусть не будет **дым**;
Рехарал т1агърал г1адин, Как брошенные [вверх] папахи,
Т1алайдухъан ***буре*** *гьеб*. **Пусть** из дымохода он **бурлит**.

Рик1к1аде сапар гьабун, Из далекой поездки
Рукъоре руссунелъул, Домой когда возвращаешься,
Гьенисан ***беролеб к1к1уй*** Увидев **бурлящий дым**,
Бихьун, рак1 бохулеб куц. Сердце как радуется.

В лингвокультурном аспекте представляют интерес индивидуально-авторские сравнения Гамзатова:

г1анк1ил х1ухьел г1адинаб, т1еренаб к1к1уй «слабый, как дыхание зайца, дым» (прилагательное *т1еренаб* «тонкий» образно использовано в значении «слабый»); *рехарал т1агърал г1адин* «как брошенные [вверх] папахи» (значимость символического слова *т1агъур* «папаха» сравнивается с бурлящим [из дымохода] дымом родного очага) [Омарова 2019].

В приведенных поэтических дискурсах символически значим ассоциативно-смысловой ряд *сапар* «поездка» – *рокъоре руссине* «возвращаться домой» - *т1ала* «дымоход» [родного дома] – *беролеб к1к1уй* «бурлящий дым» – *рак1 бохула* «сердце радуется». Образы возвращающегося из поездки человека (самого поэта также) и его родного дома занимают в поэтическом творчестве Р. Гамзатова особое место.

Огонь родного очага (*ц1а*) и сам очаг (*гъансито*) автор ассоциативно сравнивает с мыслями о жизни, о родине и родной земле, о людях. Такие надписи приобретают философское содержание, концептуальную значимость.

Гьаниб ц1адухъ балагьун, Здесь, смотря на огонь,
Ц1илъула дир пикраби. Новые мысли у меня возникают

***

Рагьде къват1ир унелги, Отправляющиеся на войну,
Ун нахъ руссаралги, И назад возвращающиеся
Ват1аналъул пикругин С мыслями о родине
Гьанир г1одор рук1уна. Здесь [у камина] садятся.

***

Гьанир г1одор ч1арабго, Здесь [у очага] когда садишься,
Г1исинаб жо к1очона. Все мелочное забывается.

***

Гьанир г1одор ч1аралги Те, кто здесь садится,
Г1емерал пикрабаца От разнообразия мыслей
Гьит1инал к1одолъула, Юные [мыслями] взрослеют,
К1удиял гьит1инлъула. И взрослые в детство возвращаются.

***

Гьанив г1одов ч1аравго, Как только садишься у здесь,
Г1умру, дунял бихьула. Чувствуешь жизнь, весь мир.

Как свидетельствуют приведенные примеры, ключевыми (смыслообразующими) символическими компонентами здесь выступают слова *пикраби* «мысли», *г1исинаб жо* «все мелочное [в жизни]», *ват1аналъул пикру* «мысли о родине», *г1емерал пикраби* «множество [разных] мыслей», *к1одолъула* «мудрыми становятся» (*букв*. «большими становятся»).

Повторяются образы возвращения домой (на свою родную землю) и тепла родного очага. В таких поэтических текстах слова приобретают новые смысловые оттенки, они вызывают у читателя соответствующие образные

ассоциации: например, слово *бихьизе* со значением «видеть» здесь употреблено в ассоциативном эмоционально-интеллектуальном значении «чувствовать» (о возникновении мыслей, ассоциаций); глагольно-субстантивное сочетание *ц1илъула пикраби* употреблено в значении *ц1иял пикраби* «новые мысли»; прилагательное *г1исинаб* «маленькое, мелкое» используется в философско-понятийном значении «[все] мелочное» (=жизненная суета) и т.д.

Очаг (*гъансито*) для Р. Гамзатова – это место вдохновения, творчества, поэтических мыслей, различных эмоциональных состояний человека. Соответственно для вербализации этих символических образов в отдельных надписях используются определительные компоненты, сравнения и значимые в коннотативном (=эмоционально-оценочном) плане существительные:

Гьанир рач1уна куч1дул, Здесь [у очага] приходят стихи,
Кабинетазда гуро. А не в кабинетах.

***

Гьанир рак1алде щола Здесь в сердце приходят
К1очон тарал саринал. Забытые песни.

***

Гьаниб ц1а свараб мина – Дом, в очаге которого погас огонь,
Жаниб рак1 гьеч1еб керен. Словно грудь без сердца.

***

Г1одор ч1аразул г1умер Лица, тех, кто сидит у очага,
Гьаниб ц1аялъ кунч1ула. От огня светятся.

***

Гьаниб ц1а гьеч1онани, Если здесь [в очаге] нет огня,
Пашманлъула гьинал рак1: Родное сердце печалится.
Гьанир рук1арал чаг1и Люди, здесь жившие,
Рик1к1ад ратизе руго. [Где-то] далеко находятся.

***

Инсул гъаст1а кинигин, Так, как у отцовского очага,

Кивго мун хинлъиларо. Нигде ты не согреешься.

Используемые в приведенных текстах надписей слова разных частей речи и словосочетания выступают носителями разных коннотативных значений, они отличаются образностью, оценочностью:

гьинал рак1 «родное сердце» (использовано характерное для народных песен прилагательное *гьинал*), *к1очон тарал саринал* «забытые песни», *пашманлъизе* «печалиться», *рак1алде рач1ине* «приходить в сердце» (=вспоминать, появляться в мыслях), *ц1а свараб мина* «дом, в котором погас огонь», *кенч1езе* «светиться» (о лице, глазах) и др. В ассоциативно-понятийном плане сочетание *инсул гъансито* «отцовский очаг» символизирует родительский дом, родительскую (отцовскую) заботу, защиту, опору для детей.

Все отмеченное позволяет подчеркнуть значимость самой главной и значимой надписи, сделанной в форме обобщенно-личного предложения (благопожелания), где местоимение *мун* (*дур*) «ты (твой») использовано в обобщающем значении: *Гьаниб ц1а* ***камугеги*** *Кидаго дур г1умруялъ* «Здесь пусть огонь не погаснет Всегда в твоей жизни».

Авторские образы играют важную роль при концептуализации понятия *гъансито* «очаг» и, как свидетельствуют приведенные примеры, соотносятся с разными кодами культур – с антропным (ср. *т1агъур* «папаха», *чаг1и* «люди»), зооморфным (ср. *г1анк1ил х1ухьел г1адинаб, т1еренаб* «слабый, как дыхание зайца [дым]»), телесным (ср. *рак1* «сердце») и др.

Характерно также использование фразеологических единиц (=фразеологизированных выражений), связанных с человеком, с его эмоциональными и интеллектуальными состояниями: *рак1 пашманлъизе* «печалиться» (*букв*. «сердцу печалиться»), *рак1алде бач1ине* «вспоминать, появляться в мыслях» (*букв*. «в сердце прийти»), *рак1 бохизе* «радоваться» (*букв*. «сердцу веселиться») и т.д.

Определенную долю в формирование эмоционально-образной основы актуализируемого концепта «*Гъансито»* вносят и экспрессивные синтаксические конструкции (ср. *Рак1 бохулеб куц*! «Как радуется сердце!»), утвердительно-отрицательные конструкции сопоставительного характера, в которых путем деактуализации отрицаемого, усиливается категоричность утверждаемого относительно символического концепта «Гъансито» (ср. *Гьанир рач1уна куч1дул, Кабинеталда гуро* «Здесь [у очага] приходят стихи, а не в кабинетах» – ср. противопоставление слов *гьанир – кабинетазда* «здесь [у домашнего очага] – в кабинетах», *рач1уна* «приходят» [утверждение] – [*кабинетазда*] *гуро* «не в кабинетах» [отрицание], повторы: ср. *Гьит1инал к1одолъула, к1удиял гьит1инлъула – букв*. «Маленькие большими [мудрыми] становятся, большие маленькими становятся» и т.д.

Символика и философичность понятий, вербализуемых в текстах надписей на камине/очаге (*гъанситоялда хъвай-хъваг1аял*), достаточно очевидны и значимы с точки зрения их национально-культурной специфики как на денотативном, так и на коннотативном уровнях.

4.3. Концепты «Г1умру», «Хвел» (жизнь, смерть)

Концепты «Г1умру», «Хвел» (жизнь, смерть) представляют собой фрагменты национальной аварской и индивидуально-авторской языковой картин мира. В языковых средствах, актуализирующих данные концепты, отражаются особенности, с одной стороны, народного менталитета, с другой же стороны, они свидетельствуют о характере авторского эмоционально-образного и интеллектуального осмысления окружающего мира и места самого человека в этом мире. В связи с тем, что индивидуальное определяется общими для народа национально-культурными ценностями, В.А. Маслова отмечает, что «определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов» [Маслова, 2004: 119-120].

Материал для анализа концептов «Г1умру», «Хвел» был собран из поэтических сборников Р. Гамзатова «Т1аса рищарал асарал» – «Избранное. Т II.» (1983) и «Ахирияб багьа» – «Последняя цена» (1976). В основном нами использованы тексты восьмистиший и надписей Р. Гамзатова, в которых в достаточном объеме представлен материал, отражающий рассматриваемые концепты.

В поэтических текстах Р. Гамзатова концепты нцепты «Г1умру», «Хвел» могут быть объединены в одно культурно-семантическое пространство. Смерть оценивается как конец жизни хороших людей, совершивших в жизни достойные поступки, так как достойные люди уходят из жизни физически, но остаются их доброе имя, их слава, их дела. Смерть в текстах автора репрезентируется как неизбежный конец жизни, к которому надо готовиться, совершая добрые и достойные дела:

Дунялалъул ахир Конец жизни (каким будет)
Гьанже дуда гьеб лъала: Ты теперь знаешь:
Ялъуни алжан буго, Или раем будет,
Ялъуни жужах1 буго. Или адом будет.

Нам представляется, что в данном контексте слова *алжан* «рай» и *жужах1* «ад» употреблены не в их первичном (прямом) значении, а как хороший и плохой конец жизни: хороший, если на земле совершены достойные поступки, плохой – если в жизни человека (людей) было много зла. Об этом свидетельствует следующее продолжение:

Жужах1 бук1ине буго, Будет ад,
Ракьалда кьвагьи ккани. Если на земле стрельбы будет много.

Время течет быстро, как река, но навсегда остается подвиг, совершенный в молодости:

Г1ор г1адин, чвахун уна
Г1олохъанаб замана.
Г1олохъанго гьабураб
Гьунар хут1ула даим.

Как река, проходит
Молодое время.
В молодости совершенный
Подвиг остается навсегда.

Для Р. Гамзатова характерно сравнение жизни с рекой (*г1ор г1адин* «как река»), соотносительное с природным кодом культуры. Такой образ повторяется в ряде текстов стихотворений и в отдельных текстах поэм. Автор подчеркнуто актуализирует молодость (молодое время в жизни человека), так как именно в молодости человек имеет возможность совершать достойные дела и подвиги, которые навсегда остаются и после смерти человека.

Данная мысль созвучна с тем, что отмечают в статье Д.С. Самедов и А.Н. Магомедова относительно концептуализации смерти в аварских паремических единицах: «В аварских паремиях часто утверждается мысль о том, что герой не умирает (не погибает), потому что даже после смерти остается его имя, которое он восславил в жизни: *Бах1арчиясе хвел бук1унареб* «Для героя (храброго человека) смерти не бывает» [Самедов, Магомедова, 2012: 34].

К тому же следует добавить, что слово *бах1арчи* «герой» восходит к прилагательному *бах1арав* «молодой». Актуализация молодости и в поэзии, и в паремиях достаточно очевидна, так как именно с молодостью связываются такие качества мужчины, как отвага, смелость, решительность. В таких поэтических текстах языковые средства носят часто гендерный характер (например, прилагательное *лебалав* «решительный», как правило, оценочно характеризует лиц мужского пола»).

Лебалал чаг1и хунин, Оттого, что умирают решительные люди,
Лебаллъи лъуг1унаро. Решительность не исчезает.
(«Надпись на надгробном камне»)

Такого же типа гендерная лексика (*хъачагъ* «бандит», *багьадур* «герой», *гьудулзаби* «друзья» (героя) использована и в следующем тексте:

Хъачагъ ч1вараб мехалда, Когда бандита убивают,

Ч1ег1ерал гъудуз куна. Черные вороны (его) съедают.

Багьадурин абуни, Героя же

Гьудулзабаз вукъула. Друзья хоронят.

В этом тексте знаменателен ряд узуальных и контекстуальных антонимических противопоставлений, где деактуализация плохого, недостойного способствует актуализации добрых дел и достойных для настоящего мужчины поступков: *хъачагъ* «бандит» – *багьадур* «герой», *ч1ег1ерал гъудул* «черные вороны» – *гьудулзаби* «друзья», *квине* «быть съеденным» (черными воронами) – *вукъизе* «быть похороненным (друзьями).

Добрая слава человека, его имя в поэзии Р. Гамзатова метафорически сравнивается с тяжелой болезнью: сохранить доброе имя, славу поступка так же трудно, как трудно лечить тяжелую болезнь:

Зах1матаб ***унти*** *буго* Тяжелая **болезнь** это –

Гьунаралъул ц1ар *ц1уни.* Сохранить **славу поступка.**

Концепт «Г1умру» включает в свое семантическое поле такие понятия, как ***радость*** и ***печаль***, которые присутствуют в достаточном объеме в бытийном аспекте. Рассуждая об этом, Р. Гамзатов пишет:

Пашманлъидалъ вохана,

Рохалилъ пашманлъана,

Гьезда гьоркьоб бат1алъи

Лъазе кинго к1оларо

В печали радовался,

В радости печалился,

Разницу между ними

Никак невозможно понять.

Текст надписи на надгробном камне устами поэта гласит:

Мекълъигун, т1екълъигун гьав

Т1олго соназ вагъана.

Мекълъи ч1аго хут1ана,

Гьав ч1ван хабалъ вукъана.

С неправдой и кривдой он

Все годы боролся,

Неправда осталась,

Он же, убитый, похоронен.

(«Надпись на надгробном камне»)

Здесь утверждается мысль, что жизнь трудна, борьба с несправедливостью может человеку стоить жизни. Но такая смерть достойна настоящего мужчины.

Человека морально и физически ранят и убивают не только оружие, но и все плохое, что может причинить вред человеку, что постоянно отравляет жизнь человека. Все ничтожное, печальное приближает смерть человека:

Дида гьеб бич1ч1ула, бит1араб буго –

Гьерсаца, мац1ица, цциналъ, загьруялъ,

Хвалчаца, хонжроца, гулбуца, ц1аялъ

Г1адан лъукъулевги, г1адан ч1валевги.

Я это понимаю, это правда,

(Что) **ложь, сплетни, яд гнева и зла,**

Сабля, кинжал, пули и огонь

Ранят человека, убивают человека.

(Из восьмистиший)

Таким образом в семантическое поле печали включены такие микроконцепты, как ложь, сплетни, гнев, зло, которые связаны с духовно-нравственными сторонами жизни, а также важное место занимают понятия военной сферы: сабля, кинжал, пуля.

Хорошие друзья даже после смерти остаются в сердце человека, а плохие же люди для сердца настоящего человека все равно, что мертвые. Для подчеркивания такой мысли используются контекстуальные противопоставления, дающие автору возможность актуализировать то, что для него существенно в репрезентации концептов «Г1умру», «Хвел»:

ч1варал гьудулзаби «убитые друзья» - *ч1аго вуго цо гьудул* «жив один друг (иронически использовано числительное *цо* «один», указывающее на некоего недостойного «друга»);

ч1аго вуго – цевего хвана (рек1елъ) «жив – (но) давно умер (в сердце),

ч1варал (гьудулзаби) – *ч1аголъула* (рек1елъ) «убитые (друзья) – оживают (в сердце)»:

Дир ч1варал гьудулзаби, Мои убитые друзья
Ч1аголъула дир рек1елъ. Оживают в моем сердце.
Ч1аго вуго цо гьудул, Жив еще один друг,
Цевего хвана рек1елъ. (Но) давно умер в сердце (моем).

В этих контекстах анализируемые концепты носят условный характер, т.е. можно иметь жизнь биологическую, но быть мертвым морально, наоборот, можно быть мертвым, но жить в сознании, памяти и душе людей. В этом можно увидеть глубокую авторскую философию понимания сущности жизни и смерти.

Важным компонентом структуры концепта «Г1умру» (жизнь) является *рек1елъ* «сердце», отражающееся во фразеологизированных выражениях типа *рек1елъ вук1ине* «помнить» (*букв*. «в сердце быть»), *рек1елъ ч1аголъизе* «оживать в сердце», *рек1елъ хут1изе* «помнить» (*букв*. «в сердце оставаться»). Особенность таких выражений состоит в том, что свойства, связанные с мыслительной деятельностью человека, приписываются сердцу – носителю эмоциональных состояний. Ср. также:

Ч1варазул канлъи, хинлъи Свет и тепло убитых
Хут1ана гьинал ***рек1елъ.*** Остались **в сердце** моем.

Р. Гамзатов приводит мысль, что в жизни достаточно быть хорошим человеком, не совершая подвигов, чтобы помнили имя человека и после смерти. Такая поэтическая мысль вербализуется в тексте надписи на надгробии употреблением императива, выполняющего поучительную функцию. Императив в этом случае получает звучание как просьба-обращение к людям:

Гьав багьадур вук1инч1о,

Гьунар дида лъаларо,

*Амма **гьав чи вук1ана**,*

*Гьасда аск1орги **лъалхъе**.*

Он не был героем,

И подвигов (его) я не знаю,

Но **он был человеком**,

Постойте около него.

(«Надпись на надгробном камне»)

Быть настоящим человеком на земле нелегко, как и оставаться хорошим человеком. Даже смерть глупца стоит сожаления, так как в каждом человеке есть что-либо человеческое, стоящее. Мудрые люди это хорошо понимают:

Г1абдал хвараб мехалъги,

Г1акъилзаби гурх1ула.

Цо г1адаллъи камурав

Г1адан къанаг1ат гьеч1о.

Даже когда глупец умирает,

Мудрецы сожалеют,

Редко найдешь человека,

В котором хоть одной глупости не было.

(«Надпись на надгробном камне»)

В жизни человек не всегда думает о последствиях своих поступков. Поэтому поэт в форме надписи на надгробии утверждает:

Щибго пикру гьеч1ого,

Гьанире рач1аралги

Гьаниса нахъе уна

Ургъалида, пикрабалъ.

Не думая ни о чем,

Кто приходит сюда,

Отсюда обратно уходит,
В мыслях и думах [о смерти].
(«Надпись на надгробном камне»)

Еще одна мысль, которую актуализирует Р. Гамзатов, связана с тем, что человек в тот (чистый) мир ничего с собой не уносит, поэтому по сравнению с морально-нравственными ценностями материальные ценности ничего не стоят:

Дир борхараб квер буго
Хабада ч1вараб зани,
Хал гьабе, дица гьаниб
Щибго цадахъ босиич1о
Моя поднятая рука –
Надгробие на могиле.
Посмотри, я сюда
С собой ничего не взял.
(«Надпись на надгробном камне»)

***

Гъуждузда раччула	На плечах несут
Хабалъе чаг1и.	На кладбище людей.
Хвараз баччуларо	Мертвые не несут
Щибниги цадахъ.	Ничего с собой.

Тексты надписей на надгробных камнях эксплицируют философски осмысленное автором содержание. По народной традиции и религиозным (мусульманским) предписаниям здесь (около кладбища), положено остановиться и молчать в знак уважения к душам умершим:

Гьанив лъалхъе, г1одов ч1а,
Г1умрудул пикру гьабе.
Гьеб мехалъ лъала дуда
Цебехун лъач1еб асар.

Здесь **остановись, посиди,**

Подумай о жизни,

Тогда ты почувствуешь то,

Что прежде не понимал

(«Надпись на надгробном камне»)

Цепочка императивных форм глаголов выполняет в данном тексте поучительно-назидательную функцию. Р. Гамзатов советует подумать о том, как следует жить, чтобы и после смерти оставалось живым имя человека. Если жизнь человека была достойной, его имя будет жить и после смерти. С физической смертью человека, если он жил достойно, имя его не умирает, оно остается в сердцах друзей, близких и всех достойных людей.

Р. Гамзатов переживает смерть (особенно убийство) близких людей, утрату хороших людей, поэтому с косвенным упреком в свой адрес автор пишет:

Г1емерал васал ч1вана,

Дун щай ч1аго хут1арав?

Хабада т1ад маг1арул

Коч1ол зани ч1вазейищ?

Многие мужчины убиты,

Почему я остался живой?

Не для того ли, чтобы на могилах

Стихов памятники ставить?

Поэт обращается к звездам, вступает с ними в диалог [достаточно характерный для поэзии Р. Гамзатова прием], чтобы они не теребили его душу, не приносили душевные муки разговорами об ушедших из жизни людей, которые были ему дороги. Использование императивных форм в приводимом ниже тексте объясняется нежеланием автора слушать неприятные для сердца и души разговоры об ушедших из жизни людей:

Г1агарал ц1ваби, т1ерхьа, Родные **звезды, уходите**,

Дие г1акъуба кьоге, **Не мучайте** меня,

Дуналалда хваразул Об умерших на земле,

Хабар дие бицунге. Мне **не рассказывайте**.

Прием персонификации использован еще в одном поэтическом тексте автора, в котором эксплицируется мысль о том, что человек не вечен на этой земле, вечными являются сама природа, время, жизнь и самое главное – Любовь, которую Р. Гамзатов ставит выше всего, так как без любви нет ничего на этой Земле:

*Дир **рокьиялъ абуна**,* Моя **любовь сказала**:

Дун дуе гьобол гурин, Я не гостья [на Земле].

Мун араб мехалъгицин, И даже когда ты уйдешь,

Жиб хут1изе бугилан. Я останусь [на Земле]

Любовь настолько значима для автора, что даже похороненному ему ничто не помешает подняться ради любви на этой Земле.

Огь, г1еларо, г1еларо,

Заниги т1ун вахъина:

Ц1акъ г1емер рокьи буго,

Гьаб ракьалда дир рек1ел.

Ох, мало, мало,

Сломав надгробие поднимусь:

Так много любви

На этой земле в моем сердце.

Любовь для автора – это полмира. Если положить на одну чашу весов любовь, то на другой чаше равноценным будет полмира. Так отвечает поэту человеческим голосом персонифицированное им время:

Векалъул ц1адираби, Весы века,

Щибжо ц1алел ругел нуж? Что вы взвешиваете?

- Цо рахъалъ – рокьи, х1асрат, - На одной стороне – любовь и страсть.

Цо рахъалъ – бащдаб дунял. – На другой – половина мира.

(Сонеты)

Несмотря на неминуемость смерти, по мысли Р. Гамзатова, жизнь прекрасна, так как человека окружает в жизни прекрасная вечная природа и вечная бесценная любовь:

Гьанже дун кеч1алда т1ад х1алт1иларо,
Кеч1 бук1инч1о, гьеч1о, бук1ине гьеч1о.
Буго бакъ, буго къо, буго къасимех,
Буго бекьулеб хур, балеб г1азу, ц1ад.

Теперь я перестану писать стихи,
Стихов не было, нет и не будет.
Есть солнце, есть день, есть вечернее время,
Есть пашни, идущие снег и дождь.

Цепочечные повторы глаголов (*бук1инч1о, гьеч1о, бук1ине гьеч1о* «не было, нет и не будет») и субстантивных компонентов, обозначающих то, из чего состоит природа и сама жизнь, выполняют усилительную функцию. Повтор утвердительного слова *буго* «есть» актуализирует жизнеутверждающее начало.

Такие повторы встречаются и в других стихотворениях:

Буго т1егьалебги, беч1ан унебги,
Буго хвел…г1емерал, г1емерал соназ,
Руго г1адамалги, буго г1умруги,
Гьелда киналдаго кеч1ин абула.

Есть то, что цветет и вянет,
Есть смерть… много, много лет,
Есть люди, есть жизнь,
Все это называется песней.

Неизбежность смерти здесь актуализируется употреблением повторов (*г1емерал, г1емерал соназ* «много, много лет»), смысловое многоточие после слова *хвел* «смерть» в качестве графического средства выражения имплицированной мысли также свидетельствует об этом.

Но поэт путем формально не выраженного использования конструкций с противительно-уступительными отношениями (ср. *буго хвел – руго г1адамалги, буго г1умруги* «[хотя] есть смерть, [но] есть люди, есть жизнь») утверждает значимость жизни на этой Земле, употребляя имплицитное идентифицирующее сравнение *гьелда киналдаго кеч1ин абула* «все это называется песней».

Красота жизни для автора несомненный факт. У человека есть начало и конец, но у жизни нет конца, предела:

Г1умру – гьеб ***борцунаро,*** Жизнь **не измеряется**,
Ц1адирабаз ***ц1аларо***. На весах **не взвешивается**.
Гьелъул ахир гьеч1елъул, Так как у него нет конца,
Ахираб багьа гьеч1о. Она [жизнь] и бесценна.

(«Ахирияб багьа» - «Последняя цена»)

Для поэта жизнь прекрасна тогда, когда в ней есть вечные духовные и морально-нравственные ценности: *г1ишкъу* «любовь», *лебаллъи* «решительность, смелость», *берцинлъи* «красота», *гьунар* «хороший поступок; подвиг», *пикру, г1акълу* «мысли, ум», *рах1му, гурх1ел* «пощада, жалость».

Это все то, что делает жизнь прекрасной и привлекательной. Если собрать ключевые мысли автора о жизни, вербализуемые в тексте его поэмы «*Ахирияб багьа*»/«Последняя цена», то их можно выстроить в следующий ряд:

Г1умру – гьеб г1ишкъу буго, Жизнь – это любовь,
Г1умру лебаллъи буго, Жизнь – это решительность,
Г1умру берцинлъи буго, Жизнь – это красота,
Г1умру – гьеб гьунар буго, Жизнь – это подвиг,
Г1умру – гьеб пикру, г1акълу, Жизнь – это мысли и ум.
Г1умру – рах1мугин гурх1ел. Жизнь – пощада и жалость.

(«Ахирияб багьа» - «Последняя цена»)

Сама жизнь и время нередко оцениваются компаративными структурами, имеющими философское содержание, в которых используются и фольклорные смыслы (национально-культурные компоненты паремиологических единиц). Так, например, люди сравниваются с их тенями. Как исчезают тени, так и люди по одному уходят из этой бренной жизни:

Г1адамал, нилъ раг1адал, Люди, мы – тени,

Т1аг1унел куц цо-цо ккун! Они по одному исчезают!

***

Унеб буго дуниял, Движется время,

Маг1арул гьоко г1адин, Словно аварская арба.

Цояца цебе къот1ун, Одни его погоняют,

Цогияца хадуб ц1ан. Другие за собой тянут.

Здесь подчеркнута мысль, что люди на земле ведут себя по-разному. У одних совести мало, поэтому пользуются временем и жизнью только для себя, а другие по совести «тянут жизнь за собой», на их плечах все трудности жизни. Как и в других приведенных выше примерах, здесь использовано не только сравнение, но и антонимические понятийные противопоставления фольклорного характера: *цоял* «одни» - *цогиял* «другие», *цебе* «впереди» - *хадуб* «сзади», *къот1изе* «погонять» - *хадуб ц1азе* «тащить за собой». Такие противопоставления приводят к формированию стилистических оттенков, экспрессивному противопоставлению смысловых компонентов «плохо» и «хорошо» (= «так не должно быть» - «так должно быть» в жизни).

В компаративных структурах жизнь символически сравнивается также с *мельницей* (*гьобо*) и *лестницей* (*мали*): налицо фольклорные знаки. И первое, и второе слово символизируют вечное движение жизни, поддерживаемое в контексте лексическим компонентом *даим* «вечно»:

Г1умру гьобо буго даим сверулеб,

Сонал мугьал руго гьенир хенолел.

Жизнь – это **мельница**, вечно крутящаяся,

Годы – это зерна, там смолотые.

***

Дунял буго гьаб борхатаб ***мали****,-*

Вахуна, вахуна дун гьеб молохъе.

Жизнь – это высокая **лестница**, -

Поднимаюсь и поднимаюсь я по этой лестнице.

Обращает на себя внимание введение при слове-символе *мали* «лестница» определительного компонента *борхатаб* «высокая», символизирующего бесконечность (продолжительность) жизни. Такая философская мысль поддерживается повторяющимися формами констатива (=форма глагола, обозначающая постоянно совершающиеся вневременные действия, не имеющие предела): *вахуна, вахуна дун гьеб молохъе* «поднимаюсь и поднимаюсь я по этой лестнице».

Время беспощадно, оно неумолимо, отсюда и сравнение *сонал – мугьал* «годы – зерна» (смолотые на мельнице). Употребление вспомогательных глаголов *буго, руго* «есть, являются» способствует актуализации категоричности утверждаемой мысли, поддерживаемой указательно-идентифицирующим словом *гьеб* (буго) «это (есть)». Такого типа предложения в семантическом синтаксисе называются предложениями со значением идентификации.

Концепты «Г1умру» (жизнь) и «Замана» (время) у Р. Гамзатова образуют одно смысловое пространство. Часто в его поэтических текстах слова *г1умру* «жизнь» и *замана* «время» выступают как синонимические концептуальные понятия, оцениваемые компаративно.

Замана – хехаб поезд,

Гьелъ цадахъ унебщинаб.

Г1умру – хехаб самолет,

Гьал санал – хехаб гама.

Время – скорый поезд

Сколько он[о] уносит с собой.

Жизнь – скорый самолет,

А годы – скорый корабль.

(«Замана – хехаб поезд» - «Время – скорый поезд»)

Быстротечность времени (*замана*), жизни (*г1умру*) здесь подчеркивается употреблением названий транспортных средств (*самолет, поезд, корабль*), определительно характеризуемых соответствующим по смысловому назначению прилагательным *хехаб* «скорый».

Характерно символическое сравнение молодости, молодого времени с рекой (*г1ор*): течение времени сравнивается с течением реки. Символична даже аллитерация согласного [г1] в словах река (*гIор*) и молодость (***гI****олохъанлъи*):

ГI*ор г1адин чвахун уна.* Как река, течет

ГI*олохъанаб замана.* Молодое время.

(«Замана – хехаб поезд» - «Время – скорый поезд»)

***

Заман унеб буго, хехаб ***гI****ор г1адин*.

Время уходит, как быстрая река.

Гамзатов в текстах стихотворений о жизни сравнивает молодое время (=молодость человека) и мудрую старость.

Г1олохъанаб замана,

Дур къоязе къимат кье.

- Мегеж хъах1лъигун вач1а,

Гьанже бич1ч1изе гьеч1о.

Молодое время,

Дай оценку своим дням.

Приходи, когда борода побелеет,

Сейчас вряд ли поймешь.

В данном контексте старость обозначена фигурально – использованием фразеологизированного выражения *мегеж хъах1лъараб мехалъ* «когда борода побелеет» в связи с чем усиливается образная оценочность и выразительность стиха. Использование приема

персонификации времени, с которым автор вступает в диалог, также поддерживает образно-эмоциональный фон стихов.

В жизни для автора самыми важными являются сами люди (=настоящие люди), цена данного слова (особенно – мужского), и любовь, без которой и жизни нет.

Дие бокьун буго гьаб дунялалда
Даим хиралъизе чиги, раг1иги.

Я хочу, чтобы на этой земле
Ценились всегда человек и [его] слово.

Именно человек для поэта является творцом жизни, настоящей ценностью на этой земле, поэтому в человеке – и начало жизни, и его конец.

Он, человек, единственный творец,
Своей судьбы и дня, который прожит.
Начало жизни в нем…
И в нем – конец.

(«Скажи земля, оставила ли ты…»).

Жизнь хороша с достойными людьми, а не с недостойными, поэтому Р. Гамзатов, используя в форме своеобразного тоста одно из фольклорно-народных выражений, пишет:

Сахал чаг1и сах тайги,
Квешал чаг1и квеш тайги.

Достойные люди пусть достойно живут,
Недостойные люди пусть недостойно живут.

(«Восьмистишия»)

Приведенные строки звучат как обращение к Всевышнему, как благопожелание (по отношению к достойным людям), поэтому здесь представлены императивные формы с желательным значением, характерные для текстов аварского устного народного творчества и молитвенных текстов, в которых содержатся обращения-просьбы к Всевышнему: *сах тайги* «пусть достойными останутся», *квеш тайги* «пусть недостойными останутся».

На земле, в жизни, много хорошего и немало плохого. Но все это жизнь, и человек сам выбирает свой путь. Такая мысль подчеркивается в стихотворении «Моя жизнь»:

Путь ли это – прямой и тернистый?
Это путь, это жизнь.
День ли это лучистый и мглистый?
Это день, это жизнь.
Дом ли это просторный и тесный?
Это дом, это жизнь.
Песня ль это – мотив неизвестный?
И – песня, и – жизнь.

(«Моя жизнь»)

Местоименное сочетание «моя жизнь» здесь реализует широкое, обобщенное значение, так как речь идет о жизни человека вообще, о её философской интерпретации.

4.4. Концепт «Бихьинчи» (мужчина) [14]

Концепт «Бихьинчи» (мужчина) на материале поэтических текстов Р. Гамзатова не был предметом специального исследования. При рассмотрении данного концепта «Бихьинчи» важно учесть то, что на гендерный аспект здесь накладывается и лингвокультурологический аспект, связанный со спецификой национальной языковой картины мира.

В дагестанской национальной языковой картине мира гендер имеет особое значение, так как речь идет о языковых средствах, актуализирующих внешнего и внутреннего человека в зависимости от признака биологического пола, так и о специфике «мужской» и «женской» речи. Это характерно и для узуса, и для художественных текстов и текстов устного народного творчества

[14] Содержание данного параграфа отражено в статьях автора (Омарова З.С. Национально-культурный компонент концепта «мужчина» в поэзии Расула Гамзатова. Грозный, 2024; Омарова З.С. Языковые средства, используемые для актуализации концепта «мужчина» в поэме Расула Гамзатова «Сказание о Хочбаре...» // Мир науки, культуры, образования. 2024).

(в том числе пословиц и поговорок). Например, в поэтических текстах мы наблюдаем достаточно очевидную разницу между такими языковыми средствами, характеризующими мужчин и женщин, как прилагательные-эпитеты, сравнительные конструкции [Гасанбекова, 2006], переносное (метафорическое) употребление слов, глагольная лексика, фразеологические единицы и т.д.

Следовательно, такие средства различаются не только на денотативном, но и коннотативном уровнях. Например, красочность и ассоциативно-образная оценочность, формируемые употреблением так называемых «женских» эпитетов, более характерно для поэтических текстов о женщине. В зависимости от гендера различаются и языковые символы, ставшие в аварском языке культурными знаками.

При языковой репрезентации концепта «Бихьинчи» основное внимание обращается на сугубо мужские качества, поступки и действия мужчины, на его честь, достоинство, цену его слова. Менее оцениваемы внешний облик мужчины, его портретная характеристика. При этом языковые средства, используемые для оценки внешнего облика и внутренних качеств мужчины, образуют как бы единое культурно-семантическое пространство, составляющими которого являются слова разных лексико-семантических групп. Такие языковые средства соотносятся с разными кодами культуры.

1. Слова, соотносительные с соматическим кодом культуры (названия частей тела человека), вводятся в сочетании со словами разных частей речи, в зависимости от чего выделяются конкретные подгруппы (примеры использованы из текстов Р. Гамзатова как на аварском языке, так и переводов):

а) адъективно-субстантивные сочетания: *правая рука, сильная рука, лучистые глаза, теплая рука, поющие уста; чармилаб рак1* «стальное сердце», *г1олиласул рак1* «сердце юноши» и т.д.

б) глагольно-субстантивные сочетания: *простирает руку, побелела голова, расправил плечи*; *крутить ус, покручивать усы* (=языковые жесты).

Глагольные компоненты, являющиеся грамматически главными, в таких сочетаниях обозначают внешний облик и физические состояния и действия героев-мужчин поэтических произведений.

2. Вторую группу образуют отвлеченно-оценочные понятия, обозначающие внутренние качества человека:

къадру «достоинство, *ц1ар* «имя, достоинство», *ях1* «честь», *намус* «совесть», *рит1ухълъи* «справедливость», *бихьинчилъи* «мужество», *гьа* «клятва», *рогьо* «позор», *лебаллъи* «смелость, решительность» и др.

3. Часть прилагательных (или/и причастий), характеризующих мужчин, также связана с обозначением внутренних положительных качеств человека: *къвак1арав* «стойкий», *къуркьич1ев* «не покорившийся», *бах1арчияв* «мужественный», *лебалав* «решительный, отважный» и др.

4. Некоторые субстантивы, применяемые в поэтических текстах Р. Гамзатова, как и в текстах устного народного творчества (например, в героических песнях), характеризуются мужской символикой: *т1агъур* «папаха», *буртина* «кинжал», *ханжар* «кинжал», *хвалчен* «сабля», *чу* «конь», *ц1а* «огонь», *чаран* «сталь», *айгъир* «конь» и т.д.

5. Для характеристики различных эмоциональных состояний героев используются слова *взор, улыбка, голос, взгляд* в сочетании с:

а) прилагательными: *жгучий взор, всевидящий взор, восторженный взор, орлиный взгляд, белозубая улыбка, голос живой* и др.,

б) глаголами: *голос твой стремится в живое кипенье мелькающих лет* («Как рано ты умер поэт»), *взгляд вспыхивал, как лезвие* («Горянка»).

Внешний облик мужчин в текстах Р. Гамзатова обычно актуализируется путем описания как лица в целом, так и частей лица (*лицо, борода, усы, глаза* и т.д.):

- *Седой, невысокий – таким его помню, - Глаза меж лучистых морщинок не гаснут* («Разговор с отцом»).
- *Украшали горца неспроста Пышные усы, с двумя снопами* («Неравный бой»).

- *Пусть гордо усы твои кверху глядят* («Дмитрию Гулиа»).
- *Борода его пышная окрашена хною, На папахе тугая белеет чалма* («В горах мое сердце»).

Введение соматизмов в поэтических текстах связано не только с описанием внешнего облика, но и необходимостью языковой актуализации внутренних состояний и морально-нравственных качеств мужских персонажей произведений. Соответственно в таких текстах употребляются языковые средства (чаще – адъективно-субстантивные сочетания), имеющие гендерный оттенок: *сильная рука, лучистые глаза, зоркие глаза, крутые плечи, бравая осанка, закрученные лихо усы* и др. Используемые в таких сочетаниях слова отличаются семантикой интенсивности, гендерно обусловленными коннотациями и эмоционально-оценочной экспрессивностью (ср. *крутые плечи, бравая осанка*):

- *и как на ягненка у волка,* ***глаза разгорелись*** *его* («Горянка»),
- ***насупивши брови****, Али его слушал* («Горянка»),
- *левой* ***сильной рукой*** *он придерживал саблю и оружие с правого боку носил* («В горах мое сердце»),
- *Не все те мужчины, кто лихо и браво* ***Закручивать могут усы*** *хоть куда* («Мужчины») и др.

Довольно часто в сочетании с соматизмами встречаются «мужские» эпитеты: *сильная рука, бравая осанка, тяжелый кулак, пышные усы, крутые плечи* и др. Все эти эпитеты-прилагательные содержат смысловой компонент «очень», что связано с характеристикой лиц мужского пола, с дагестанской ментальностью (в оценке мужских качеств), национальным осмыслением и интерпретацией образа настоящего мужчины, его достоинством и доблести.

Известный факт – употребление в поэтических текстах, в том числе в текстах Р. Гамзатова, цветовых прилагательных [Магомедова, 2013: 85-87]. Цвето- и светообозначения в текстах Р. Гамзатова используются в сочетании

с соматизмами, обозначающими в основном внешние части тела и иногда детали одежды:

бронзовый лик; светлые волосы; побелела голова; щеки заалели; были плечи у него белей, были волосы у него черней…; на папахе тугая белеет чалма; он был в шинели серой и ворсисто; волосы черные и др.

Прилагательные служат характеристикой внешних признаков частей тела, волосяного покрова, одежды, а также для выражения внутренних качеств и состояний: *пышные усы, густые усы, косматая папаха, старик седоголовый, шуба овчинная, белая борода*; *зоркие глаза, острый глаз, лучистые глаза, мудрые глаза* и др. Как свидетельствуют приведенные примеры, прилагательные в сочетании со словом *берал* «глаза» чаще всего характеризуют не внешность мужчины, а его моральные качества, что говорит о символике определительных компонентов: такие сочетания символизируют решительность, смелость и интеллектуальные способности лица мужского пола.

Довольно часто краткие и полные формы адъективов (прилагательных и причастий) привлекаются для характеристики внутренних состояний мужчин и их различных качеств в предикативно характеризующей функции: *задумчив он был и не весел* («Горянка»), *суров подтянутый всадник* («Горянка»), *командир безусый опечален* («Защитим Москву»), *Взбешен был Осман не на шутку* («Горянка»), *Али был безумен в обиде* (Горянка») и др.

В поэтических текстах Р. Гамзатова при описании внешнего облика и внутренних качеств героев-мужчин даются компаративные структуры, соотносительные с разными кодами культуры:

а) с соматическим: *глаза разгорелись, как у волка* (в дагестанской языковой картине мира слово *волк* используется как символ смелости и отваги),

б) растительным*: светлые волосы, словно льняные*;

в) природным: *крутые плечи, как скалы* (символ стойкости)*;*

г) зооморфным: *он стоит, как раненная птица* («Солдаты России»), *мужское сердце – это конь* («Прощай, Гуниб»), *в клетке ребер – сердце льва носит с молодых годов* («Четырехпалая рука»);

д) антропным: *белая, как совесть, борода* («Тень на снегу…»),

е) предметным: *сердце джигита – острый кинжал* («Сердце джигита – горящий костер»), *сердце мое, как светильник живой* («Горит мое сердце») и др.

Многие из таких компаративных структур отличаются национально-культурной спецификой, оказывают эмоциональное воздействие на читателя, создают особый экспрессивно-оценочный фон контекста:

Г1олохъанаб рак1, рек1араб ц1а г1адин, гьалдолеб буго «Молодое сердце, как горящий огонь, кипит» (Собр. соч., т.9, с.280).

Щиб жо г1олиласул рак1? Рек1араб нус…Квер хъваге «Что такое сердце юноши? Острый нож…Не трогайте руками» (из восьмистиший).

Дир маг1и маг1у гуро, Маг1 буго гьеб щулияб «Мое слово не плач, Это гвоздь крепкий» (из поэмы о Хочбаре»).

Ц1а буго гьеб лебалаб ц1ар, Гьеб хут1ула халкъалъе «Мужественное имя – это огонь, Оно остается в [сердцах] людей» (из поэмы о Хочбаре).

Атаев вук1ана рак1 чармилав чи «Атаев был человеком со стальным сердцем» («Маг1арул зурна»/«Горская зурна»).

Гьал дир маг1аби руго, Маг1ал руго кьабг1арал «Эти мои слова – [словно] гвозди вбитые» (из поэмы о Хочбаре).

В таких компаративных структурах выражается значение интенсивности. Смысловой компонент «очень» (*magn*) в глагольных структурах может иметь лексическую и лексико-синтаксическую поддержку: *шеи* [парней] *стали* ***вчетверо длинней****; насупивши брови* ***сурово****; усы* ***хоть куда; черней бурки*** *его глаза* («Горянка») и т.д. Иногда значение интенсивности выражается обозначением конкретных последствий физического воздействия (и как результат – в синтаксических структурах

реализуются причинно-следственные смысловые отношения): *Тяжел был кулак у Османа, И* ***рухнула*** *Ася* ***на снег*** («Горянка»).

Как уже отмечалось выше, мужчина в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова оценивается не только по внешнему (портретному) облику, но и по деталям мужской одежды. Такие слова в поэтических текстах имеют символический смысл: ср. *папаха* (символ мужского достоинства, чести): *аварская папаха* («Неравный бой»), *косматая папаха* («По горным дорогам»), *на папахе тугая белеет чалма* («В горах мое сердце»), *башлыки на всадниках сверкают* («Год моего рождения») и др.

Наиболее продуктивны слова с национально-культурными компонентами *папаха* и *бурка,* ставшие языковыми символами (эти слова в текстах стихотворений и поэм нередко персонифицируются): *черная папаха, большая папаха, простреленная папаха, папаха взлетает, взбил папаху, горские папахи; черная бурка, постелил себе бурку, накинул на плечи бурку, лохматая бурка, косматая бурка; лучшие бурки дарили, и лучших коней; скакал под буркой андийской, будто бы расправив два крыла* и т.д.

Для характеристики различных эмоциональных состояний героев в поэтических текстах Р. Гамзатова используются слова *взор, улыбка, голос, взгляд* в сочетании с: а) прилагательными: *жгучий взор, всевидящий взор, восторженный взор, орлиный взгляд, белозубая улыбка, голос живой* и др., б) глаголами: *голос твой стремится в живое кипенье мелькающих лет* («Как рано ты умер поэт»), *взгляд вспыхивал, как лезвие* («Горянка).

Национально-культурный компонент концепта «Бихьинчи» в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова создается и употреблением слов, не только обозначающих национально-культурные предметы, но и указывающих на национальность героя произведения или на его малую Родину:

- *тронув струны, хорошел аварец* («Неравный бой»),
- *заломил аварскую папаху и надел черкеску в газырях* (Н. Бой),

- *и взбив папаху, акушинец кидался в танец, как огонь* («Рождение песни»);
- *маг1арул зурна* «аварская зурна», *маг1арул гьеди* «аварская клятва».

Достоинство и честь настоящего мужчины в горах определяются его отношением к женщине, что нашло яркое отражение в ряде поэтических текстов Р. Гамзатова:

- *Ч1ужуг1адан ц1унич1ев Ц1ук1алъун тола нижехъ* «Того, кто не может защитить женщину, Трусом называют у нас» (из поэмы о Хочбаре).
- *Гьал муг1рул руччабазул Бац1ц1адаб намус буго. Гьелдехун гьесарав чи Дагъистаналъ теларо* «У горских женщин незапятнанная совесть, Кто не неё покушается, того Дагестан накажет» (из поэмы о Хочбаре).

Настоящий мужчина-горец свято держит свое слово: слишком высока цена мужского слова. Еще сильнее клятва мужчины, произнесенная с рукой на кинжале. Для актуализации этой мысли Р. Гамзатов применяет различные языковые средства (прилагательные-эпитеты, сравнения, метафоры):

- *Бищун чи гурев чи – раг1и гьеч1ев чи, Раг1абалъги раг1и – дир маг1арул гьа* «Не мужчина тот, у кого нет своего слова, Самое настоящее слово (*букв*. «слово среди слов») – моя аварская клятва» (из сонетов).
- *Дун вач1ана гьанив, **Гьедун**, хонжрода кверги лъун* «Я прибыл сюда, **поклявшись** на кинжале» (из поэмы о Хочбаре).
- *Дир раг1и буго…Маг1арулас кьураб маг1аруласе, К1иабилеб раг1и дир бук1инаро* «Есть мое слово… Аварцем данное аварцу, Второго слова у меня не будет» (из поэмы о Хочбаре).

Традиционно в горах существует культ (символика) *папахи* (символ мужского достоинства), культ *имени* (символ чести, доблести). Р. Гамзатов в своих поэтических текстах вербализует эти культовые понятия, противопоставляя их позору и бесчестию:

- *Гьаниб* ***къадруги ц1арги*** *ц1адирабаз ц1алареб, Гьаниб* ***ях1, бах1арчилъи*** *аршиназ борцуларе*б «Здесь достоинство и имя на весах не взвешивают, здесь честь и мужество аршинами не измеряют» (из поэмы о Хочбаре).
- ***Рогьо*** *гьеб бац1ц1унаро, Мац1 бахъун ч1ик1аниги* «**Позор** невозможно смыть, если даже языком оближешь».
- ***Рогьо*** *буго квешаб жо, Гьелдаса х1инкъула дун* «Быть в **позоре** слишком недостойно, его-то и боюсь я» (из поэмы о Хочбаре).
- *Ват1ангун т1агъур ц1уни, Гьеб т1адаб* ***налъи*** *буго* «Беречь папаху и Родину – это святой **долг** [мужчины]» (из поэмы о Хочбаре).

Слишком высока цена мужской дружбы, которую свято нужно беречь без клятв и «высоких» слов:

Есть друзья, что не клянутся в дружбе,
Но они с тобой в твой черный час.
Чувство дружбы свято, и не нужно
В верности божиться каждый раз.

(«Есть друзья, что не клянутся в дружбе»)

Маг1арул г1олохъабаз	Аварские юноши,
Гьудуллъи щулалъизе,	Чтобы крепить дружбу,
Буртинаги хвалченги	Бурками и кинжалами
Хисулаан цоцазе.	Обменивались друг с другом.

(Из восьмистиший)

Здесь эксплицируется мысль о том, что дружбу, как и клятву, нельзя предавать, что настоящий мужчина-друг должен быть рядом в трудный (*букв*. *ч1ег1ераб* «черный») час, что она для каждого человека должна быть святой. Народная символика, связанная с обменом бурками и кинжалами (такими же святыми для мужчины, как и его папаха), использована поэтом для усиления национально-культурной символики, связанной с мужской дружбой.

Мужество, доблесть мужчины в форме цены его имени (*ц1ар*) автор сравнивает с бесстрашием перед смертью. Компаративная семантика идентификации мужества и бесстрашия перед собственной смертью выражена в форме вопросительно-экспрессивных синтаксических конструкций:

Щиб жо бах1арчилъи, ц1ар?
Щиб жо х1инкъи гьеч1олъи?
Что такое мужество, имя?
Что такое отсутствие страха?
(Из элегий).

Мужество и честь мужчины заключаются и в его отношении к родной земле, к родине, оцениваются его готовностью защитить родину, бороться за свободу, выполняя долг, как перед собственной матерью. Такие смыслы, например, вербализуются в тексте поэмы «*Эбелалъе кеч1*»/«Песня о матери») и в текстах других стихотворений:

Хирияб улкаги, гьелъул байрахъги Родную страну и ее знамя
Гьаб дунялалда бац1ц1ад ц1унила. Достойно защитим в этом мире.
(«Маг1арул зурна»/«Аварская зурна»)

Отцы сражались за свободу, за свое человеческое достоинство. Такое морально-нравственное наследие отцов в тексте поэмы Р. Гамзатова о фольклорно-народном легендарном Хочбаре и его доблести репрезентируется в форме инфинитива как назидание следующим поколениям:

Хвалчен чу босулаан, Кинжал и коня покупали,
Хучбарица киниги, Как [это делал] Хочбар,
*Гьаб узденлъи **ц1унизе.*** **Чтобы защитить** свободу.
(из поэмы «Гъумекдерил ханги, хундерил нуцалги, гьидерил Хучбарги, лъараг1азул шамхалги, гьесул васги»)

В таких поэтических текстах на исторические темы языковыми символами мужества, доблести, свободолюбия мужчины-горца выступают

слова *ханжар* «кинжал», *чу* «конь», *буртина* «бурка», *ц1ар* «имя» (цена мужского имени), имеющие ярко выраженный национально-культурный и одновременно гендерный характер. Так, например, Хочбар (в обозначенной выше поэме), обращаясь к казикумухскому хану, чьи нукеры ему, сопровождающему и защищаемому чужую невесту, устроили подлую засаду, с гордостью обращается к хану, чтобы тот спросил у коня и бурки Хочбара, какой он джигит [они-то это хорошо знают]:

Учузаб ***рек1к1алдаса*** **Чем** дешевая **подлость**,
Рек1елъ къазе ***ханжар лъик1***. **Лучше кинжал** в грудь.

***

Дур азбаралда бугеб **Спроси** у моего **коня**,
Гъоб ***чуялда гьикъе***, Что стоит в твоем дворе.
Дур маг1ида бан бугеб **Спроси** у моей **бурки**,
Дир ***буртинаялда гьикъе***. Что висит на твоем гвозде.

***

Нилъер киназулго цо-цо ц1ар буго,
Ц1унизе умумуз нилъее кьураб.
У нас каждого свое имя,
Завещанное нам беречь отцами.

В таких поэтических контекстах происходит ассоциативное расширение семантики слов. Так, глагол *ц1унизе* со значением «беречь, защитить» в данном же контексте употреблен в значении «не позорить, не запятнать свою честь, честь имени».

В отдельных текстах в метафорической форме актуализируется мысль, что настоящий горец никогда не обидит человека, слабее себя, не поднимет руку на физически неравного человека: *Лебалав бах1арчияс Х1инч1 ч1валаро кидаго* «Настоящий герой птичку никогда не убьет» (положительная коннотация усиливается и поддерживается наречием *кидаго* «никогда»).

Но бесстрашный горец, не ведающий страха, наведет страх на любого врага, на любого хищного зверя, так как он смотрит смерти в глаза:

- *Этот горец,* ***не знавший страха****, недругу внушал немалый страх* («Неравный бой»).
- *И не* ***опускал*** *он глаз, видя смерть перед собой. Голыми руками мог он В скалах барса взять живым* («Четырехпалая рука»).

Гендерно маркированный символ *коня,* ассоциирующийся с доблестью горца, повторяется в текстах восьмистиший и в текстах других стихотворений Р. Гамзатова:

Бихьинчиясул *рек1елъ*
Бук1ине ккола ***айгъир****,*
Ч1ужуг1адан*, дур рек1елъ*
Бук1ине ккола ***кини.***

У **мужчины** в сердце
Должен быть **конь**.
Женщина, в твоем сердце
Должна быть **колыбель.**

В данном контексте сопоставляются два символа – мужской и женский: *айгъир* «конь и *кини* «колыбель» (женщина должна растить детей, а долг настоящего мужчины быть на коне и защищать родной дом, семью и родину). В качестве главных составляющих настоящего мужчины рассматриваются его честь, достоинство, цена мужского слова, значимость горских адатов, обычаев и традиций. Такая тема актуализируется в тексте поэмы Р. Гамзатова о легендарном народном герое Хочбаре. В связи с этим в сравнения входят лексические единицы, являющиеся носителями исторически сложившейся символики.

Рач1ана цоял ***рек1ун****,* Они появились **на конях**,
Нак1к1илъан ***ц1аял г1адин****.* **Как огни** из тумана.

Гьаб ***букъараб зар*** *г1адин,* **Как** этот **зажатый кулак**,
Рук1ине тушбабазе. Были бы для врагов.

Цох1о лъалиниб лъураб Как вставленные в одни ножны
К1иго ***хвалчен*** *киниги,* Два **кинжала**,
Хунзги гъумекги ч1езе. Стали бы [едины] хунзахцы и кумухцы.

Цинги х1исаб гьабуна, Подумал тогда [нуцал],
Гьав ц1огьорас жиндир яс, Как бы его дочь этот разбойник,
Ц1умалъ микки *киниги*, Как **орел голубя**,
Гьидалъе хъамич1они. Не забрал бы в Гидатль.

Приведенные примеры сравнений, соотносительных с разными кодами культуры (телесным, природным, зооморфным и предметным), содержат мужскую символику: *ц1а* «огонь» (символ проворства, решительности; ср. ФЕ *ц1а г1адинав* «решительный как огонь»), *букъараб зар* «зажатый кулак» (символ твердости, стойкости), *хвалчен* «кинжал» (символ мужества, готовности защищать достоинство, отстоять мужскую честь), *ц1ум* «орел» (символ свободы, мужества).

Сравнения с зооморфным кодом культуры обычно содержат названия сильных, решительных, хищных животных, которым уподобляется мужчина по своим мужским качествам и поступкам:

Байбихьана цинги рагъ Потом начались схватки,
Гъалбац1азул *г1адинаб* Подобные драке **львов**.

Ключевым смысловым компонентом поэмы о Хочбаре является честь мужчины, цена его слова. Поэтому наряду со сравнениями в поэме Р. Гамзатова используются другие языковые средства, символизирующие достоинство мужчины, его честь, преданность данному слову и т.д. В связи с этим употребление эмоционально-оценочных существительных и прилагательных-эпитетов символического характера вполне естественно.

Дица ***ц1адирабазда*** **На весах**
Ц1азе *кьун буго дуе* Тебе **взвесить** отдаю я
Дир бет1ерги, дир гьидги, Мою голову и мой народ,
Дир рогьоги, дир ***ях1ги.*** Мой позор и мою **честь.**

Легендарный Хочбар этими словами клянется хунзахскому нуцалу (несмотря на вражду между ними), защитить честь его дочери, не тронуть ее пальцем и доставить жениху – сыну кумыкского шамхала Улану, так как защита чести женщины – святой долг настоящего горца (ср. приведенный выше пример *ч1ужуг1адан ц1унич1ев ц1ук1алъун тола нижехъ* «кто не защитил женщину, того трусом считают у нас»). Знаменательно в этой связи символическое слово *ц1адираби* «весы», на которые ставит свою честь Хочбар, а также введение контекстуальных антонимов, формирующих антитезу: *дир бет1ер* «моя голова» - *дир гьид* «мой народ (гидатлинцы»): честь народа герой ставит выше своей головы (смерти); *дир рогьо* «мой позор» - *дир ях1* «моя честь».

Использование местоимений *дун* «я», *дир* «мой» в сочетании со словами, характеризующими качества мужчины, усиливает коннотации, делает синтаксические конструкции риторическими, экспрессивными, стилистически окрашенными. Имеет место также семантически имплицированное противопоставление *дун* «я» (отважный гидатлинец Хочбар) и *мун* «ты» (коварный хунзахский хан).

Эпитеты-прилагательные и уподобительно идентифицирующие эмоционально-оценочные существительные, определительно характеризующие нуцала и Хочбара, также имеют сравнительно-сопоставительный характер:

- *ч1ух1арав нуцал* «горделивый нуцал» - *гьидерил Хочбар, гулла, хеч, ц1а, пири г1адав* «гидатлинский Хочбар (народный герой пуле, штыку, огню, грому подобный»;

- *ханзабазул гьудуллъи – гьеб ихдалил гьава* «дружба ханов – [словно] ветер весенний [изменчива]» – *борхатаб кьуру* «высокая скала» (символ стойкости гидатлинского героя);

- *х1асратаб кеч1 х1асратаб рокьиялъул* «страстная песня [Хочбара] о страстной любви»; *чарамул хвалчен* «стальной кинжал»; *Хочбарил ццидалаб*

кьурди «гневный танец Хочбара» [как вызов предательству хунзахского нуцала];

- *бихьинаб х1ара* «храбрец, настоящий мужчина» (о Хочбаре) – *х1инкъарав нуцалил вас* «трусливый сын нуцала»;

- *х1иллаяв нуцал* «коварный нуцал»; *нуцалил рогьо* «позор нуцала»; *ц1уял нукарзаби* «трусливые нукеры»; *нахъег1анав нуцал* «подлый нуцал»; *х1алихьатаб гьведул х1алихьатаб таращ* «трусливой собаки трусливый щенок» (о сыне нуцала) и др.

При характеристике Хочбара автор прибегает к элементам гиперболизации, эксплицирующим образ народного героя. Особенно показателен в этом плане эпизод гибели Хочбара: перед сожжением на костре Хочбару дали возможность спеть песню и исполнить танец, и, когда Хочбар пел песню, казалось, что скалы бьются друг с другом:

Цинги гьаракь биччана
Гьидерил коч1охъанас,
Кибалиго кьураби
Кьабг1анин ккана цоцалъ.

Потом спел песню
Гидатлинский певец
И словно где-то
Скалы ударились друг о друга.

Когда же Хочбар исполнял танец, казалось, что гордо поднятые его руки поднимают хунзахское плато (*борхалъуда ккун бугин ккола*ан *сверухъ т1алъи*), а сжатые его кулаки (*рукъарал зараз*), казалось, душат, сжимая, все зло (*гъанкъулеб бугин абун ккола*ан *т1олго квешлъи*). На этом фоне подлость и коварство нуцала (хана) изображаются прилагательными-эпитетами, в которые автор вложил негативные коннотации.

Такая же гипербола использована при описании песни и танца Хочбара на свадьбе дочери нуцала и сына кумыкского шамхала: *зодор цунин ккола рорхарал кверал* «казалось, неба касались поднятые руки»; *бихкун анин ккола*

х1ам1азукь майдан «казалось, будто проваливается земля под ногами»; *Каспий ралъад лъалхъун ч1ана, х1икмалъун* «Каспийское море от удивления перестало двигаться».

Сравнения, эпитеты-прилагательные и другие языковые средства, используемые для характеристики дочери нуцала (*бика*), носят феминнный и символически-метафорический характер:

бикал кверал куркьби г1адин руго «руки бика, словно крылья [птицы]»; *к1иго ч1ег1ераб гъал* «две черные косы»; *бах1аралъул нек1сияб рет1ел* «старинный наряд невесты»; *микьир г1адай бика* «подобная персику бика» (использован восточный компаративный образ); *т1адмаг1арул х1инч1* «горная птица», *к1арчанаб микки* «изящный голубь»; *бах1аралъул хъах1аб шал* «белый платок невесты» (символ непорочности, чистоты) и т.д.

В поэме автор применяет ставшие символами языковые средства. Они выступают мерилами мужского достоинства, чести и стойкости. Вложенные поэтом в уста легендарного народного героя Хочбара, они выступают в качестве свидетельств морально-нравственных качеств мужчин, для которых дороже чести ничего не должно быть:

- *Дир раг1и маг1у гуро, Маг1 буго гьеб щулияб* «Мое слово не плач, оно словно твердый гвоздь» (ср. ФЕ *маг1 г1адин щулияв* «крепкий как гвоздь» - о мужчине);
- *борцина ях1 хвалчица* «измерю честь кинжалом»;
- *Хочбарил бераца жаваб гьабуна, жиндир къот1и бугин, гьеб биххиларин* «Глаза Хочбара ответили, что он дал слово и не изменит его» (ср. ФЕ *кьураб раг1и кквезе* «сдержать данное слово» - обычно о мужчинах);
- *Дир раг1и буго маг1арулас кьураб маг1арулась, К1иабилеб раг1и дир бук1унаро* «У меня слово, данное горцем горцу, Второго слова у меня не бывает»» [символизирует преданность традициям горцев и свое собственное достоинство: ср. *дир раг1и* «мое слово»];

В тексте поэмы народные традиции, отношение народа к таким понятиям, как честь, достоинство, настоящая мужская дружба, преданность данному слову, противопоставляются лицемерной дружбе ханов и нуцалов, для чего используются соответствующие идентифицирующие компаративные структуры символического характера:

Амма халкъалъ абула, Но в народе говорят,
Ханзабазул гьудуллъи – Дружба ханов -
Гьеб ***ихдалил гьавайин***, Это **весенняя погода**,
Гьеб ***шайт1ан гьурийилан***. Это **шайтан-ветер**.

Использование символов *ихдалил гьава* «весенняя погода, *шайт1ан гьури* «шайтан-ветер» не является случайным, так как эти понятия символизируют изменчивость, непостоянность.

Народная языковая символика в тексте поэмы используется продуктивно, что отчасти связано с тем, что в основу поэмы заложены события, изображенные в соответствующем произведении аварского устного народного творчества:

Тира-сверана гьобо, Крутилась мельница
Цин гьанибе, цин добе, То в эту сторону, то в другую,
Дуниял-г1алам г1адин. Как [крутится] весь мир.

В данном тексте слово *гьобо* «мельница» символизирует мир, жизнь, время, их изменчивость, быстротечность, непостоянность. Отсюда и употребление глагола *тира-сверизе* «крутиться», символизирующее движение.

Проведенный анализ свидетельствует о следующем.

Для языковой репрезентации концепта «Бихьинчи» Гамзатов применяет различные языковые средства – эпитеты-прилагательные, национально-культурные метафоры, сравнительные конструкции, глагольная лексика. Ряд языковых средств актуализации концепта «Бихьинчи» имеет гендерный и символический характер. В качестве мужских языковых символов используются слова типа *т1агъур* «папаха» (символ мужской

чести, достоинства), *ханжар* «кинжал» (символ доблести»), морально-нравственный символ *ц1ар* «имя» (символ чести), *маг1и* «[мужское] слово», *гьа* «клятва», *айгъир* «конь» и др.

В сравнениях имеет место метафорическое употребление слов разных семантических групп, ставших культурными знаками языка и соотносительных с различными кодами культуры. Такие языковые средства отличаются национально-культурными компонентами на денотативном и коннотативном уровнях.

Основными составляющими образа настоящего горца являются единицы *ях1* «честь», *намус* «совесть», *ц1ар* «имя», *лебаллъи, бах1арчилъи* «решительность, смелость», *х1инкъи гьеч1олъи* «отсутствие страха», *къвак1и* «стойкость, преданность слову и клятве, отношение к женщине и Родине. Все это образует внутренний морально-нравственный мир настоящего мужчины, его духовный и нравственный стержень.

4.5. Концепт «Рокьи» (любовь) [15]

Концепт «Рокьи» (любовь) в текстах Р. Гамзатова является одним из ключевых. Для репрезентации данного концепта используются различные языковые средства – глагольные и субстантивные метафоры, прилагательные-эпитеты, сравнительные конструкции, приемы персонификации, элементы гиперболизации, причастные обороты, выполняющие усилительные образно-оценочные функции, повторы разных типов, различные экспрессивные синтаксические конструкции и т.д.

Одним из продуктивных средств являются прилагательные-эпитеты (в прямом и переносном метафорическом значениях) и причастные обороты в определительно характеризующей функции:

панаяб рокьи «пленительная/безумная/страстная любовь», *сунареб рокьи* «не гаснущая любовь», *бух1араб рокьи* «горячая любовь»; *рокьи,*

[15] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С. Языковая символика как средство актуализации концепта «Любовь» в поэзии Расула Гамзатова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2019).

ракьагун гьан бух1улеб «кости и плоть сжигающая любовь», *панаяб рокьи* «безумная/страстная любовь» и др.

Бицун лъуг1уларо ***к1удияб*** *рокьул…*

Бесконечно можно говорить о **большой** любви…

***

Дица дуде бугеб ***панаяб рокьи***

Ракьалда бицана, балъго гьабич1о.

Я о **безумной** к тебе любви

Земле [всем] рассказал, не скрывал.

***

Кинабго ч1агояб унаро хвелалъ,

Хвелалъ гьоркьоб тола ***панаяб*** *рокьи.*

Не все живое забирает смерть,

Смерть обходит **страстную** любовь.

(из коротких стихов)

В первом тексте семантическая значимость прилагательного *большая* (любовь) поддерживается сочетанием фразеологизированного характера *бицун лъуг1уларо* (*букв*. «говоря не закончишь» = можно бесконечно говорить). Во втором тексте имплицированно подчеркивается мысль о том, что любви так много, она так безумна, что скрыть ее невозможно и не нужно.

Для Р. Гамзатова характерно подчеркивание бесконечности любви, отсутствия ее границ, так как без любви нет настоящей жизни:

Рокьул г1орхъабаздаса, Чем границы любви,

Г1орхъи *гьеч1еб рокьи лъик1* Лучше любовь, не имеющая **границ**.

(из сонетов)

***

Рокьи, ракь кинигин, У любви, как и у земли,

Бихьуларо ***г1орхъабаз.*** Не бывает **границ**.

(из сонетов)

***

Гьаб дир унтиялъул тарих ***халатаб.***

Этой моей болезни (=любви) жизнь долгая.

(из сонетов)

Имеет место не только подчеркивание безграничности, но и глубины любви:

Киг1ан гъваридаб бугеб Какое глубокое

Гьаб рокьиялъул т1ину?! Этой любви дно?!

В отдельных поэтических текстах определительные конструкции (прилагательные и причастные обороты) сопровождаются усилительными образно-оценочными символическими метафорами, имеющими индивидуально-авторский характер:

рокьи – ц1а, кор, ц1ва, бакъ, моц1, кьо, кьуру, дарман «любовь – это *огонь* [сверкает], *печь* (глиняная) [много жара], *звезда* [сияет], *солнце* [горячее, светлое, сияет], *луна* [дает свет, сияет], *мост* [надежен], *скала* [крепкая], *лекарство* [исцеляет]):

гьайбатаб рокьул кьо «прекрасной любви мост», *г1ашикъаб рокьи – гвангъараб моц1* «страстная любовь – сверкающая звезда», *г1ишкъу – баг1араб бакъ* «любовь – красное солнце», *г1ишкъу – дарман* «любовь – лекарство», *гьайбатаб г1ишкъул мег1ер* «прекрасной любви гора», *гучаб рокьиялъул ц1ад* «мощной любви дождь», *г1ишкъуялъул берцинаб бакъан* «любви красивая мелодия», *рокьи – рек1елъ бакараб ц1а* «любовь – зажженная в сердце огонь» и т.д.

Цо ***рокьул кьуру*** *буго,* Есть **скала любви,**

Кьуруларе6, щулияб. Не изменяющаяся, крепкая.

(из сонетов)

Рокьи кунч1араб ***ц1а*** *буго,* Любовь – сверкающий **огонь,**

Гьеб гвангъараб ***ц1ва*** *буго.* Она сияющая **звезда.**

(из сонетов)

Моц1алда г1умру гьеч1о, На луне нет жизни,

Моц1ан щайзе абураб Зачем луной называют

Берцинаб гьурмада. Красивое лицо?

(из сонетов)

Амма г1ишкъуялъ рарал Но любовью построены

Рорхатал кьоял руго. Высокие мосты.

(из элегий)

Дица гьаруна рукъзал Я построил дома

Гьалдолеб г1ишкъуялъул. Из кипящей страсти.

В поэтических текстах Гамзатова не только подчеркивается отсутствие границ любви (=любовь безгранична), но и употреблением глагола (или причастия) *ц1езе* (*ц1ураб*) «наполнить/наполниться» («наполненный; полный») подчеркивается мысль о наполненности чувством любви всего жизненного пространства вокруг, всей территории жизни: *рокьул ц1ураб рак1* «полное любви сердце», *г1ишкъул ц1ураб керен* «любви полная грудь», *ракь ц1ураб рокьи* «наполнившая землю любовь», *рокьиялъ керен ц1уна* «любовь наполнила грудь» (=сердце) и т.д.:

***Керен ц1ураб** рокьи –* **Заполнившая грудь** любовь –

Ракь ц1ураб хазина. Заполнившее землю сокровище.

(из сонетов)

Ц1еги, г1ураб ракь г1адин, Пусть наполнится, как и родная земля,

Рокьи гьаб дунялалда. Любовью этот мир.

(«Дун гьавураб Дагъистан»/ «Дагестан, где я родился»)

Рокьул куркьби г1ат1идал, У любви крылья широкие,

Г1ишкъу гьеч1еб бак1 гьеч1о. Нет места, где нет любви.

(из сонетов)

Любовь безгранична, глубока, она везде вокруг наполняет пространство жизни, она сильна и светла, но ее надо беречь (*ц1унизе*), сохранить и защитить, так как она так же уязвима, как и сильна. Приводимые ниже из текстов сонетов Р. Гамзатова строки свидетельствуют об этом:

Х1асрат – каранлъ бугеб ц1а, Любовь – огонь в сердце,

Нилъ цоцаца ***ц1унила.*** Мы друг друга **сбережем**.

***

Т1адег1анаб ц1ва рокьи Любовь – высокая звезда,

Нилъ цоцаца ***ц1унила.*** Мы друг друга **сбережем**.

***

Хабар, ц1а, ц1аралдаса От разговоров, огня и слухов,

Ц1унила *рокьул мина*. **Защитим** любви дом.

***

Ц1уне*, г1ураб ракь г1адин,* **Защити**, как земля родную,

Рокьи гьаб дунялалада. Любовь в этом мире.

В текстах разных сонетов Р. Гамзатова вербализуется мысль о том, что любовь – это не только светлое, сильное, глубокое, наполняющее все тело и сердце чувство, но и как нечто обжигающее, мучительное, доставляющее душевные страдания.

В таких поэтических текстах используются соответствующие языковые средства, формирующие семантическое поле «любовные страдания» (*рокьул ругъун* «рана любви», *рокьул г1азаб* «страдания любви». В отдельных случаях для актуализации мук любви используются контекстуальные антонимы.

К1очене рес гьеч1о [Никак] невозможно забыть

гьаб рокьул ругъун. Этой любви раны.

***

Рокьул ***г1азаб*** *г1асияб,* В любви **муки** сильные,

Рокьул ***талих1*** *к1удияб.* В любви и **счастье** большое.

***

Рокьул ***талих1ги*** *буго,* В любви и **счастье** есть,

Рокьул ***г1азабги*** *буго***.** В любви и **муки** есть.

К1иябго х1ехьоларез Кому не под силу это,

Х1исаб гьабуге гъелъул. Пусть не думает о любви.

(из элегий)

Рокьул талих1 *г1адинаб* [Сильнее] **счастья любви**

Талих1 лъаларо дида, Счастья я не знаю,

Г1ишкъул г1акъуба *г1адаб* [Сильнее] **мук любви**

*Къварилъи данде ч1вач1о***.** Несчастья я не встретил**.**

Для репрезентации концепта «Рокьи» Гамзатовым широко привлекаются метафоры, с помощью которых в образной форме оценивается значимость любви. Такие метафоры представляют для читателя эстетическую ценность. Речевая экспрессивность, художественная образность метафор создает национально-культурный оттенок символических образов концепта «Рокьи», многие из них представляют собой индивидуально-авторские образования в качестве фрагментов авторской языковой картины мира.

В таких метафорах даже обычные слова приобретают возвышенно-поэтический характер, оценивая силу и глубину любви, ее вечность и яркость (ср. символ *рокьи – пири* «любовь – молния»), миг счастья и муки любви.

Достаточно употребительна субстантивная метафора генитивно-номинативной модели. Ряд таких метафор заключает в себе символические смыслы, имеет национально-культурный и индивидуально-авторский характер: ср. *рокьул улка* «страна любви», *рокьул гьоко* «колесница (*букв*. «арба») любви», *рокьул аэродром* «аэродром любви», *рокьул азбука* «азбука любви», *рокьул кор* «любви жаровня» [глиняная печь, на стенках которого выпекают хлеб]*, рокьул имам* «имам любви» (о поэте-певце любви Махмуде из Кахаб-росо»), *г1ишкъул кооператив* «кооператив любви», *рокьул чу* «конь любви», *рокьул сариналъул бакъ* «солнце песен любви», *г1ишкъул гьоко* «колесница любви», *рокьул мугьал* «зерна любви» и т.д.

Такие субстантивные метафоры особенно продуктивны в текстах сонетов и элегий Р. Гамзатова:

Амма кир свераниги, Но где бы ни ходили,

Сордо т1аде щваниги, И как бы ночь ни наступила,

Т1аг1унаро берзукьа Не исчезает из глаз

*Дир **рокьул аэродром**.* Мой **аэродром любви.**

***

*Диени дир **азбука*** Для меня **азбукой**

Даим т1олго г1умруялъ Всю жизнь вечно

***Г1ишкъу** бук1ана цох1о.* Была одна **любовь,**

Цогияб бук1инаро. Другой не будет.

***

***Г1ишкъул кооператив** ракьалда гьабе,*

*Гьенир рекьизе те дир **рокьул мугьал**.*

Любви кооператив на земле создайте,

Пусть на ней засеют **зерна** моей **любви**.

***

*Дир **г1ишкъул гьоко** ана* **Колесница** моей **любви**

Г1асиял кьурабахъан, Двигалась по страшным скалам,

Гьалагал нухаздасан. По страшным дорогам.

***

Рач1а хъвазе къаси, г1одорги рук1ун,

***Г1ишкъул улкаялъе** конституция.*

Г1уц1илин х1укумат гьаб х1асраталъе,

Мун председателлъун, дун секретарлъун.

Давай посидим вечером и напишем

Конституцию для **страны любви**.

Создадим государство для нашей любви,

Председателем будешь ты, а я секретарем.

(из сонетов)

*Г1уц1ун буго дица дир **рокьул улка**.*

Создал я моей **любви государство**.

(«Дун ц1идасан гьанже…»/«Я теперь снова…»)

Другой разновидностью метафоры является номинативная модель в форме именительного образно идентифицирующего падежа:

Рокьуй судия гьеч1о, Для любви нет судьи,

*Жибго **судалъул намус**.* Она сама **суда совесть.**

*Гьеб – жибго **прокурор*** Она сама **прокурор**

Киналго г1айибазе. Для всех обвинений.

*Гьеб – жибго **адвокатги*** Она сама **адвокат**

Киналго такъсиразе. От всех преступлений.

(из сонетов)

*Рокьи – т1езе к1олареб **гарац1**…*

Любовь – **узел**, который невозможно развязать…

***

Рокьи, мун гьеч1они дун – Любовь, если тебя нет,

*Ханжар жаниб гьеч1еб **лъел**,* Я **ножны** без кинжала,

Лъарахъе рехула гьеб, В реку бросают его,

Ццин бахъун, бах1арзаца. Когда злятся юноши.

***

*Рогьалил харида хирияб **роса** –*

*Хеккого бакъвалеб **х1асрат** батана.*

На утренней траве дорогая **роса**

Быстро высыхающей **страстью** оказалась.

(из восьмистиший)

Высокая, возвышенная значимость любви в одном из текстов цикла персидских стихов Р. Гамзатова актуализируется употреблением номинативной метафоры, при помощи которой любовь образно идентифицируется с *шахиншахом* (главным шахом):

Дица жаваб гьабуна: Я же ответил,

*Дирги вугин **шагьиншагь**.* Что у меня тоже есть **шахиншах**.

Гьев щивилан гьикъана, Если же спросите, кто он,

*- Дир **рокьиян** абуна.* Отвечу, что это **любовь**.

(из цикла персидских стихов)

Если любовь поэт метафорически называет *шахиншахом*, то любимую женщину также оценивает метафорически, называя ее *царем* (=*царицей*), которого невозможно сбросить (убрать) с престола: *Пача мун, рехизе дида к1оларей* «Ты – царица, которую я не могу сбросить» («*Руччабазул сон*»/«Год женщин»).

В поэтических текстах Р. Гамзатова, актуализирующих концепт «Рокьи» (любовь), представлены не только субстантивные, но и глагольные метафоры, выраженные финитными или инфинитными формами глагола:

ср. *рокьуца мехтизе* «опьянеть от любви», *гъут1би, рокьул бицун, щурщудула* «деревья шепчут о любви», *лъукъараб рак1* «раненое сердце», *лъукъараб х1инч1*(=рокьи) «раненая птица (=любовь), *рокьи басандула* (дир чорхолъ) «любовь танцует (в моем теле)» и т.д.

Дие х1анч1и рокьана, Я полюбил птиц,
Рокьул бицун ***ах1долел,*** **Поющих** о любви,
Дие гъут1би рокьана, Я полюбил деревья,
Рокьул бицун ***шуршулел.*** **Шепчущих** о любви.

***

Ккун ч1олареб чу г1адин, Подобно ретивому коню
Бекерула *дир рокьи.* **Скачет** моя любовь.

***

Рокьи ц1адирабаз ***ц1аге,***
Берцинлъи нат1аз ***борцунге.***
Любовь на весах **не взвешивайте,**
Красоту метрами **не измеряйте**.

В различных поэтических текстах, актуализирующих концепт «Рокьи» (любовь), нами со всей очевидностью выявляется прием персонификации. Любви в диалогических формах поэтических текстов приписываются человеческие внешние и внутренние качества, чувства любви одушевляются.

- *Рокьи, бице дида дур* - Любовь, скажи мне,
Къайицадахъал кинал? Кто с тобой рядом?

- *Рит1ухълъи, божи, намус,*	- Справедливость, доверие, совесть
Хисулареб лебаллъи.	И неизменная отвага.

***

-*Рокьи, кинаб саг1ат дур*	-Любовь, что за часы у тебя
Г1ажаибго к1ет1олеб?	Удивительно стучат?
Г1едег1ун х1алт1улеб куц,	Как быстро они работают,
Йокьулейгун дандч1вайгун.	Когда встречаюсь с любимой.

***

*Дир **рокьиялъ абуна**,*	Моя **любовь сказала,**
Дун дуе гьобол гурин.	Что она для меня не гостья.

(из восьмистиший)

***

*Рокьуда дуца **гьикъе***	У любви ты **спроси**,
Кьурабазул борхалъи.	Как высоки скалы.

Для Р. Гамзатова нет ничего выше любви, даже в этот мир он явился, чтобы найти любовь (*Мун батизе гурищ дун дунялаладе вач1арав*? «Разве не для того, чтобы тебя найти, в этот мир я явился»?). Во многих поэтических текстах (сонетов, элегий, обычных лирических стихотворений) репрезентируется мысль о том, что любовь единственна в своем роде, она настолько прекрасна, что невозможно ее променять на что-либо, потому что нет ничего выше любви. На чашу весов вместе с любовью ставятся *хазина* «сокровища», *бечелъи* «богатство», но любовь перетягивает, да и писать и слушать поэт будет только песни о любви:

Дица т1ок1аб гьанже	Я теперь и впредь
Гьаб ракьалда т1ад	На этой земле,
Рокьул рахъалъ гуреб	Кроме как о любви,
Цо мухъ хъваларо.	Ни одной строчки не напишу.

(из сонетов)

Ах1уге, ах1уге, ах1уге дие
Дунялалда сарин цо рокьул гуреб.

Цогиял саринал маргьаби руго,

Маргьуцин лъик1 гуро, рокьи гьеч1они.

Не пойте, не пойте, не пойте мне,

Песен на земле, кроме как о любви.

Другие песни – это только сказки,

Даже сказки не нужны, если нет любви.

(«Бицунге…»/ «Не говори…»)

Дир т1олго хазинадахъ У меня на все сокровища

Хисулеб г1ишкъу гьеч1о. Не променяешь любви.

(из сонетов)

Киг1ан сонал кьуниги, Сколько бы лет судьба мне не отвела,

Цо саг1ат мунгун бараб, Один час, с тобой проведенный,

Дица гьезухъ кьеларо. Я на них не променяю.

(из сонетов)

Любовь у поэта символизирует весь мир, всю Вселенную, всю жизнь, которая была бы пуста и бесцветна без настоящей любви. Мир не мир, если здесь нет любви. Именно любовь делает мир прекрасным и желанным:

Г1орал, г1орал рокьана, Реки, реки полюбил,

Дир рокьи босун унел. Несущие мою любовь.

***

Дие дунял бокьана, Я полюбил этот мир,

Дие г1умру бокьана, И жизнь я полюбил,

Гьаб г1ишкъуялъ нилъее Этой любовью

Гьадинан берцинлъараб. Ставшая такой красивой.

(из сонетов)

***

Т1олго дунял кьуниги, На весь мир даже

Дица рокьи кьеларо Не променяю любовь.

(из сонетов)

-Бищунго гурх1илеб щиб? -Что можно больше всего жалеть?

-Бах1арлъи, рокьи гьеч1еб. -Молодость без любви.

-Жегиги гурх1илеб щиб? - Еще что можно пожалеть?

-Бах1арлъи гьеч1еб рокьи. -Любовь без молодости.

(из сонетов)

В любви не должно быть места предательству, измене, отсутствию достоинства, лжи, злому умыслу, отсутствию взаимности и т.д. Не уметь любить – это грех и наказание свыше.

Рокьулъ, ***гьереси*** *г1адаб,* Подобного **лжи** в любви

Такъсир дида лъаларо. Зла я не встречал.

(из элегий)

Чанги тамих1ал руго, Много есть наказаний,

Рокьуца рехунтейг1ан Но чем быть покинутым любовью,

Тамих1 дида лъаларо. Большего наказания не знаю.

(из сонетов)

Даже брак, без любви заключенный, - это не брак, а наказание и позор.

Рокьи ккеч1ого гьабураб Без любви заключенный,

Ригьин буго рогьояб. Брак – это позор и грех.

(из сонетов)

Рокьи хисараб ***ццинг1ан,*** Чем **зла**, заменившего любовь,

Х1алихьалъи *лъаларо.* Нет большего **предательства**.

(из сонетов)

В текстах стихотворений о любви встречается символ знамени: прекрасная, жизнеутверждающая, вечная любовь должна стать развевающимся везде знаменем (долженствовательное значение в поэтическом дискурсе может пересекаться со значением желательности). Использование субъективно-модальных слов и междометий в поэтических текстах приводит к усилению коннотативного значения:

Амма ***байрахъ*** *ани гьаб рокьиялъе,*

Кибго парпадулеб, нусго кьер бугеб.

Знамя бы, везде чтобы развевалось,

И имело бы сто цветов.

***

ГIишкъул полкалъулги букIуна байрахъ,

Огь, гьеб гвангъулеб куц, гьеб паркъолеб куц.

И у полка любви бывает знамя,

Ох, как оно сверкает, как развевается!

В поэтическом дискурсе Р. Гамзатова красной нитью проводится мысль о том, что все меняется в этом мире, все проходит, но не проходит и не меняется настоящая любовь, поэтому в поэтических текстах употребляется глагол *хисизе* «меняться, изменяться», символизирующий течение времени и все, что при этом происходит:

Хисана дуниял, хисана дунго,

ХисичIо кидаго *духъ ккараб рокьи***.**

Изменился мир, изменился и я,

Не изменится никогда любовь к тебе.

(«Духъ ккараб рокьи»/«Любовь к тебе»)

***

Гъунел руго тIанхал, щвана хаслихълъи,

ХутIана ихдада духъ ккараб рокьи.

Падают листья, наступила осень,

Осталась пришедшая весной любовь.

(«Духъ ккараб рокьи»/ «Любовь к тебе»)

***

Божула, божула, божула даим,

Рокьи, рокьи, рокьи, божула дуда.

Верю, верю, верю всегда

Любовь, любовь, любовь, верю тебе.

(«Гугуш»/«Гугуш»)

При всей красоте и яркости любви автор вербализует мысль о том, что жизнь, наполненная любовью, как и все яркое и приносимое безмерную радость, счастье и свет, коротка, она – как молния: сверкнула ярко и прекратилась:

Рокьи ккараб гIумру халатаб гьечIо,
Хекко пирхун уна гьеб пири–лахIзат.
КIинусго сон бараб гъеду бихьана,
Ва амма вихьичIо цониги Башир.

Жизнь у влюбленных коротка,
Сверкнув, прекращается этот яркий миг,
Видел ворона, прожившего двести лет,
Но не видел ни одного Башира.

(из сонетов)

В этом поэтическом тексте Р. Гамзатов обращается к легендарному красавцу-юноше Камалилу Баширу, в которого, согласно легенде, влюблялись все женщины и из-за чего по настойчивой просьбе джамаата и самого Башира собственный отец отрубил ему голову топором.

Авторы книги «Героические песни и баллады аварцев» отмечают, что «имя легендарного Камалила Башира стало символом мужской красоты в горах, точно так же, как, скажем, имя Меджуна (Кайса) из арабской поэзии стало синонимом безумного влюбленного. Мотив гибели юноши из-за его лучезарной красоты – редкий (если не единственный) в мировом фольклоре» [Героические песни…,2003: 339].

Для оценочного усиления образа Башира Р. Гамзатов использует контекстуальное противопоставление прожившего 200 лет ворона (отрицательный символ в аварском фольклоре) и воспетого в народных песнях легендарного юноши Башира, причиной гибели которого стали любовь и красота.

Такого типа контекстуальные антонимы находим и в других поэтических текстах: *ц1ороораб ханжар* «холодный кинжал» - *ц1а г1адай*

йокьулей «подобная огню любимая», *рокьул кеч1* «песня о любви» - *кьалул кеч1* «песня о ненависти», *пандур* «пандур» (национальный музыкальный инструмент, который в основном использовался при исполнении песен о любви) – *ханжар* «кинжал»:

Ц1ороараб хонжродаса Чем **холодный кинжал**,

Ц1а *г1адай йокьулей лъик1*. Лучше подобная **огню** любимая.

(из сонетов)

Рокьул кеч1 ах1изе ***пандур*** *буго дир,*

Кьалул кеч1 ах1изе ***ханжар*** *буго дир*.

Есть у меня **пандур** для песен о любви,

Есть у меня **кинжал** для песен о ненависти.

(из сонетов)

Такие противопоставления с контрастно-антонимическим (узуальным или контекстуальным) противопоставлением лексических компонентов, тем не менее, формируют единую целостную картину и могут носить метафорический характер.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что для метафор, символизирующих и актуализирующих любовь, характерно использование имен существительных в переносном значении в роли сказуемых-предикатов (в предикативно характеризующей роли). Метафорическая сущность существительных в таких случаях отчасти обусловлена такой специфической синтаксической позицией. На первый план при этом выступает элемент (компонент) эмоциональной оценки.

Метафоры-существительные в предикативно характеризующей роли дают возможность поэту в образно-оценочной форме выразить свое отношение к единственно важному в жизни в эмоциональном плане человеческому чувству любви. Особенно ярко такая оценка метафорой выражается, когда в роли субъекта (любви) используется местоименный компонент.

Такие местоименные компоненты служат для образной характеристики как развернутых, так и неразвернутых метафор:

ср. *гьаб рокьиялъул т1ину* «этой любви дно [глубина]», *гьеб* [рокьи] *гвангъараб ц1ва буго* «она [любовь] сверкающая звезда», *гьаб рокьул ругъун* «этой любви рана [муки]», *гьеб* [рокьи] *жибго прокурорги киналго г1айибазе* «она [любовь] прокурор для всех обвинений» и др.

Употребление указательных местоименных компонентов при метафорах приводит к формированию конкретности, предметной образности. Целям такой конкретизации образов, как свидетельствуют приведенные выше примеры, служат как субстантивные, так и глагольные метафоры, при помощи которых действия и свойства людей переносятся на мир неодушевленных предметов.

Р. Гамзатов подчеркивает, что любовь не нуждается в наградах, она – сама награда для человека, она делает его чище и выше, благороднее и эмоциональнее. Все влюбленные мира достойны того, чтобы провести парад любви, чтобы оценить это высокое чувство:

Дие бокьун буго парад гьабизе Я хочу провести парад
Гьаб дуниялалда рокьи ккаразул. Всех влюбленных в этом мире.

(из сонетов)

Кьолел шапакъатал г1емерлъун руго.
Амма г1ишкъуялъухъ гьел щолел гьеч1о.

Наград раздаваемых стало много,
Но за любовь их не дают.

(из сонетов)

Значительное место в поэтических текстах Гамзатова, актуализирующих концепт «Рокьи», занимает символика, в том числе привлекаются знаки аварского фольклора, элементы фольклорной обрядовости. Подобная символика носит в основном метафорический и индивидуально-авторский характер: *г1ишкъу – баг1араб бакъ* «любовь – красное солнце» [греет, сияет] *г1ишкъу – дарман* «любовь – лекарство

[исцеляет], *г1ишкъу – мег1ер* «любовь – гора» [символизирует возвышенность чувства любви] и т.д.

Ряд других символов любви можно интерпретировать, опираясь на приводимые ниже поэтические тексты.

1) Рокьи – гъвет1 «любовь – дерево» (использован растительный код культуры»):

Гьаб дир рек1елъ бугеб ***гъвет1****,* Это **дерево** в моем сердце
Чан хаслихълъи щваниги, Сколько бы осеней ни пришло,
Щибго т1огьиллъулареб, Никогда не желтеет,
Цо т1амах бортулареб. Ни один лист не опадает.
(из восьмистиший)

Буго цо к1удияб г1аламатаб ***гъвет1***
Г1аламалда цоги кибниги гьеч1еб.
Есть одно большое чудесное **дерево,**
Которого нигде больше и нет.
(из восьмистиший)

2) *Рокьи – кеч1, маргьу, сардилъ макьу, дир гьедиги дир какги* **«**любовь – песня, сказка, ночной сон, мои клятва и молитва:

Рокьи – рогьалилъ ах1улеб ***кеч1****,* Любовь – утренняя **песня**,
Къаси бицунеб ***маргьу,*** Вечером рассказываемая **сказка**,
Сардилъ бихьулеб ***макьу,*** **Сон**, который ночью снится,
Дир ***гьедиги****, дир* ***какги****.* Моя **клятва** и мои **молитвы**.

3) *Рокьи – хазина* «любовь – сокровище, богатство»:

Дир гъансиниб бугеб ***хазина*** *босе,*
Хвезег1ан кидаго гьеб дагьлъуларо.
Берите из моего сундука **сокровище**,
Его никогда не станет меньше.
(из восьмистиший)

4) *Рокьи – ц1а* **«**любовь – огонь, тепло» [греет, горит, обжигает, не гаснет]:

Дир каранда буго ***ц1а,*** В моей груди есть **огонь,**
Цо нухалда бакараб Один раз зажженный,
Киг1ан г1азу баниги, Сколько бы ни выпало снега,
Киданиги сунареб, Никогда не гаснущий.

***

Дица ц1унана гьеб Я сохранил его,
Г1ишкъуялъул ***ц1а.*** Любви и страсти **огонь.**

***

Рокьи бокьанани, ***хинлъи*** *бокьани,*
Лъихъего инаро, духъе вач1ина.
Если будет нужна любовь, захочется **тепла,**
Ни к кому не пойду, приду [только] к тебе.

***

Т1арамагъадисеб хазина г1адин,
Дица ц1унана гьеб ***г1ишкъуялъул ц1а.***
Как последнее сокровище,
Я сохранил этот **огонь любви.**

5) *Рокьи – берцинлъиги х1еренлъиги* **«**любовь – красота и нежность»:

Хабаде ***берцинаб*** *гьумер къулани,*
Гьениса вахъина, жеги ах1ила.
Если на могилу **красивое** склонишь лицо,
Встану из нее, еще раз спою [о любви].
(«Бицунге…»/ «Не говори…»)

Дилъ бугеб ***х1еренлъи*** *х1ажат батани,*
Щибизе гьеб бахчун, биччай босизе.
Если нужна **нежность**, имеющаяся во мне,
Зачем ее скрывать, пусть забирают.

***

Цояв хвана бахчараб

Гьумер бихьизе бокьун,

Цогияв пашманлъана,

Гьумер бихьун, канлъи ссун.

Один умер, закрытое [чадрой]

Лицо желая увидеть,

Другой сильно опечалился,

Ослепнув от [красоты] лица.

(«Персиялъул ханум»/«Красавица Персии»)

6) Слово *рукъзал* «дома», *шагьар* «город» в части анализируемых поэтических текстов Р. Гамзатова символизирует «дворцы любви», которые строил поэт:

Дица гьаруна ***рукъзал****,* Я построил **дома**

Гьалдолеб ***г1ишкъуялъул****.* Из кипящей **страсти**.

***

Дир хиял лъун буго ***шагьар*** *гьабизе,*

Гьудул, к1иязулго т1ок1ав чи гьеч1еб.

Гьеб шагьаралда ц1ар бук1ина «рокьи».

Я мечтаю построить **город**,

Подруга, только для нас с тобой,

И этот город будет называться «любовью».

(из сонетов)

Используется также ряд ключевых (в основном – метафорических) слов и сочетаний, символизирующих любовь как надежную опору, не гаснущую звезду, сжигающую кости и плоть силу (фольклорный образ, используемый в аварских народных лирических песнях), исцеляющий талисман, утренний (обязательный) намаз и т.д.:

рокьул чу «конь любви», *рокьул кьо* «мост любви», *сунареб ц1ва* «не гаснущая звезда», *рокьи, ракьагун гьан бух1улеб* «любовь, сжигающая кости и плоть», *радал балеб как* «утренний намаз (молитва), *талих1алъул лах1зат*

«миг счастья», *рокьул тамахаб квер* «любви нежная рука», *рокьул куркьби* «крылья любви», *рокьи – ихдалил т1егь* «любовь – весенний цветок», *рокьул гъамас* «сундук любви», *рокьул мугьал* «зерна любви», *лъукъараб чан* «раненая газель», *рокьул улка* «страна любви», *рокьул сарин* «песня любви», *рокьи ккарал х1анч1и* «влюбленные птицы», *рокьул берал* «глаза любви», *рокьул г1ашикъаб рак1* «любви страстное сердце», *рокьул нух* «любви дорога», *гьалдолеб рак1* «кипящее сердце», *рокьул х1икматаб т1егь* «любви чудесный цветок», *рокьул чирахъ* «светильник любви», *т1адег1анаб ц1ва – рокьи* «высокая звезда – любовь», *рокьул кьибил* «корни дерева» и др.

Приведенные ключевые символы соотносятся с разными кодами культуры – а) зооморфным, б) растительным в) антропным, г) телесным (=соматическим), д) религиозным, е) природным и т.д. Все эти символы подчинены одной цели – воспеванию любви и красоты.

4.6. Концепт «Ч1ужуг1адан» (женщина) [16]

С концептом «Рокьи» (любовь) тесно связан другой значимый для языковой личности Р. Гамзатова концепт «Ч1ужуг1адан» (женщина) рассматриваемый нами через местоименную оппозицию «*мун – дун»* – «ты – я». Материал анализа показывает, что основной функцией такой оппозиции является актуализация красоты женщины, ее достоинства путем «деактуализации» собственных качеств автора.

Автор транслирует мысли не о себе, а о женщине, для него важны самочувствие женщины, её красота, её достоинство. Во всех грехах поэт винит себя, потому что красивая женщина для него неповторима и единственна. Одним из ключевых смысловых компонентов выступает вербализация *чувства вины* за то, что не все поэт сделал, не все оценил.

Дие мун *йокьула г1унгут1и гьеч1ей,*

Дир *г1унгут1абаздаса т1аса лъугьа мун.*

[16] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С., Гасанова М.А. Местоименное противопоставление мун-дун «я-ты» как средство актуализации женщины в поэтических произведениях Расула Гамзатова // Мир науки, культуры, образования. 2017).

Я тебя люблю, у тебя нет недостатков,

Ты же прости мне мои недостатки.

***

*Сундулго **дир г1айиб**, амма г1енекке:*

Дурги буго г1айиб – дун г1ашикъ гьави.

Во всем **моя вина**, но все же послушай:

И твоя вина в том, что меня пленила.

***

Гьоркьобе г1азу бани,

*Гьеб – **дир г1айиб, дир г1айиб**.*

*Г1айиб **дур щибго гьеч1о**.*

Если холод между нами пробежит,

Это **моя вина**, [только] **моя вина,**

Ты ни в чем **не виновата**.

Поэт просит женщину/жену беречь себя, потому что других таких нет. Да и сам поэт готов беречь красивую женщину, а не себя. В таких текстах в желательно-императивной функции употребляется глагол *ц1унизе* «беречь»:

***Мун** йиго абулей **дунго ц1унеян**,*

***Дунго** ц1унанани, кин **мун** ц1унилей?*

Ты говоришь, **береги** себя,

Если беречь **себя**, как беречь **тебя**?

(«Мун йиго абулей, дунго ц1унеян»/ «Ты говоришь, береги себя»)

Мун жаний щвелалде, гъасда ц1а бакун

***Ц1унила дица мун** квачаялдаса.*

***Дуе** ц1а бакила, ц1ваби ракила,*

*Ц1унила **дица мун** бец1лъиялдаса.*

До прихода твоего разведу огонь в очаге,

И сберегу я тебя от холода.

Для тебя огонь разведу, и звездами тебя освещу,

Сберегу **я тебя** от темноты.

***

Ц1уне мунго *даим ургъелаздаса,*

Дица дуе *г1оло гьаб г1умру кьела*.

Береги себя всегда от переживаний,

Я ради **тебя** жизнь свою отдам.

***

Дунго ***ц1уни*** *щиб жо? Г1ела дие мун.*

Г1аздалъ къан вук1ина дуй бакъ босизе.

На что мне **беречь себя**? Одной **тебя** достаточно.

Застряну в сугробах, чтобы солнце для **тебя** достать.

В поэтических текстах, посвященных красивой женщине, автор использует метафоры, типичные для фольклорных текстов. При этом имплицированные сравнения носят идентифицирующий характер, отождествляющий женщину с самым дорогим и жизненно необходимым для человека: Женщина для поэта – *рогьалилъ ах1улеб кеч1* «утренняя песня», *къаси бицунеб маргьу* «вечерняя сказка», *сардилъ бихьулеб макьу* «ночной сон», *дир гьедиги, дир какги* «моя клятва и моя молитва».

В этой цепочке сравнений выявляются символические экспрессивно-оценочные субстантивные метафоры: *кеч1* «песня», *маргьу* «сказка», *макьу* «сон», *гьеди* «клятва», *как* «молитва, намаз». Женщина для автора – это целый праздник, который волнует его, поэтому он ждет встречи с этим «праздником» (поэт при этом употребляет синонимические слова *праздник* и *байрам*):

Мун дие *праздник! Дир рак1 гьалдола,*

Дуда данде ч1валеб къодахъ хал гьабун.

Ты для меня праздник! Мое сердце кипит,

Ожидая дня встречи с тобой.

***

Нус-нус ***байрам-къоял*** *гьаб дунялалда,*

Байрам-къо мун *йиго* ***дир*** *г1умруялда.*

Сотни **праздников** в этой жизни,

Праздник – это **ты в моей** жизни.

В отдельных примерах мы имеем дело с авторской метафорой, когда красота женщины вербализуется не путем её сравнения со звездами, с красивыми горами, а мотивируется сиянием и красотой звезд, освященных красотой женщины и созданных Всевышним для женщины:

Руго гьадал ц1ваби ***дуе*** *ракарал,*

Мун *гьеч1они, гьудул, гьел ц1ваби гуро.*

Звезды эти сверкают **для тебя**,

Если нет **тебя**, дорогая, это не звезды.

***

Гьал мугIрузе щиб ургъел, Переживут горы эти

Дунги гъовги гьечIони?! И без меня, и без других.

Амма ***мун гьеч1еб*** *мег1ер* Но **без тебя** эти горы,

Гьадингояб гохI буго. Просто холмы, а не горы.

Гамзатов символически идентифицирует себя в компаративной форме с *аптекой*, куда любимая женщина может прийти за исцеляющей силой любви. Для усиления этого образа, актуализируемого оппозицией «*дун – мун*» – «я – ты», приводятся слова с неограниченно количественно-временным значением *кидаго* «всегда», *киг1ан бокьаниги* «сколько хочешь; очень много»:

Яч1а мун ***кидаго*** *дир аптекалде*

Киг1ан бокьаниги *рокьи босизе.*

Приходи ты **всегда** в мою аптеку,

Сколько хочешь любви чтоб приобрести.

Автор использует местоименную оппозицию «*дун – мун*» – «я – ты», метафорически идентифицируя (сравнивая) женщину в форме именительного падежа субстантивов со звездами, с солнцем, с небесами.

Йокьулей ***дур бакъ*** *камун*, Любимая, без **твоего солнца**

Вакъван *холев вуго* ***дун.*** **Сохну** и гибну **я.**

Дир *каранда буго* ***ц1ва***, В **моей** груди – **звезда**

Дир *хириял, гьайбатай*. **Моя** любимая, прекрасная,

Гьеб ***мун*** *йиго,* ***мун*** *йиго*. Это **ты**, да это **ты**.

***

Гьадал зобазе щайзе Для чего этим небесам,

Дунги*, гьал цогиялги?* **Я** и другие.

Амма ***мун*** *гьеч1онани,* Но если не будет **тебя**,

Гьаниб ц1ва кунч1иларо. Там не зажгутся звезды.

(«Гьал муг1рузе щиб ургъел» - «Какая разница этим горам»)

В текстах некоторых сонетов вербализуются значения молитвы, мольбы поэта, обращенные, как бы к Всевышнему (употребляется глагол *гьаризе* «просить»):

Щибаб рогьалида ***дица гьарула***

Дуе *рохел, хинлъи, дуй сахлъи, сонал.*

Каждое утро **я прошу** [у Всевышнего]

Для тебя радости, тепла, здоровья, долгих лет.

Автор приводит местоименную оппозицию *дун – мун* «я – ты», метафорически идентифицируя (сравнивая) женщину в форме именительного падежа субстантивов со звездами, с солнцем, с небесами. В текстах многих лирических стихотворений, сонетов и элегий оппозиция *дун – мун* «я – ты» используется для актуализации субстантивных метафор, имеющих национально-культурный и индивидуально-авторский характер.

В этих целях, например, символически репрезентируются образы птицы (*х1инч1*), крыльев (*куркьби*), песни (*кеч1*), дерева (*гъвет1*), любви/страсти (*г1ишкъу*), меда (*гьоц1о* – символ сладкой любви)) и т.д.:

Мун *дир* ***куркьби*** *гуро****,*** **Ты** [не просто] **крылья** мои

Мун *жибго х1инч1ги йиго.* **Ты** – сама птица.

Мун *жибго кеч1ги йиго.* **Ты** – сама песня для меня.

(«Дица г1емер бицунищ» - «Я много рассказываю»)

Гьаб дир рек1елъ буго гъвет1, В моем сердце – дерево,

*Гьеб **мун** йиго, **мун** йиго,* Это **ты**, это **ты.**

(«Дир каранда буго ц1а» - «В моей груди огонь»)

Дун г1ашикъ ватани. Если я ашуг,

***Г1ишкъу** буго **дур ц1ар**.* **Любовь – твое имя,**

Дун шаг1ир ватани, Если я поэт,

***Шиг1ру** буго **дур ц1ар**.* **Песня – твое имя**.

(«Нилъер ц1арал»/ «Наши имена»)

*Амма **дур** к1ут1бузда бахараб гьац1ул*

Гьуинлъи кидаго хут1ана дие.

Но вкус меда на **твоих** губах,

Навсегда остался во **мне.**

Субстантивные метафоры вводятся и в тех случаях, когда поэт отождествляет себя с любимой женщиной как единое целое, когда они друг без друга не могли бы существовать, и в этом не было бы смысла жизни и поэзии любви. Соответственно, в таких примерах используются наполненные символическим содержанием слова *т1амур* «музыкальный инструмент», *к1иго ч1ва* «две струны» [музыкального инструмента – символ песни, музыки], *бакъан* «мелодия», *гьоко* «арба», *к1иго бер* «два колеса» (символы жизни):

Мунги дунги – к1иго ч1ва, **Ты и я – две струны**

Цох1ого т1амуралъул. Одного пандура.

Гьезул цояб т1унани, Если одна оборвется,

Т1армил бакъан къот1ула. Песня пандура прекратится.

***

***Мунги дунги** к1иялго –* **Ты и я** вдвоем

***К1иго бер** цо гьокодал:* **Два колеса** одной арбы,

Гьезул цояб бекани, Если сломается одно,

Гьоко цебе унаро. Арба перестанет двигаться.

(из элегии)

Актуализация идеи того, что «ты и я» – это одно целое, приводит к трансформации местоименного противопоставления в инклюзивное местоимение *нилъ* «мы» (вместе с любимой, в отличие от эсклюзивнного *ниж* «мы»):

Гьудул, ***нилъер г1ишкъу*** *гьит1инго ч1араб*

Берцинаб гъвет1 буго дица ц1унараб.

Любимая, **наша любовь** – посаженное еще в юности

Дерево красивое, мною сбереженное.

(из элегий)

Автор эксплицирует готовность делить переживания (*къварилъи*) и радости (*рохел*) с любимой, ее переживания доставляют ему страдания. Ему нужно слышать голос (*гьаракь*) любимой, её песни (*куч1дул, саринал*). Нигде нет таких песен, как её песни:

Мун г1одарал къоязул От слез твоих в дни переживаний

Къварилъи лъана дида. Я чувствовал тоску и страдания.

Йилъа дунгун, гьале дун, Пойдем со мной, вот и я.

Дуй кьела т1олго рохел. Отдам тебе всю радость.

(«Йилъа дунгун, дица мун…» - «Пойдем со мной, я тебя…»)

Гьаб дир гьаракь къот1ула, Голос мой пропадает,

Мун аск1ой гьеч1еб мехалъ, Когда рядом тебя нет.

(«Москва – гьит1инаб росу» - «Москва – маленькое село»)

Дица ах1улел руго **Я** пою песни,

Дуца ах1арал куч1дул. **Тобой** исполненные песни.

Кирго гьеч1о гьел г1адал, Нигде нет таких,

Кирго гьеч1о гьел г1адал. Нигде нет таких.

Вербализуется эволюция и значение песен автора. Песни, которые сочинял поэт до встречи с любимой женщиной, ничто по сравнению с новыми, исполненными для любимой. Для актуализации новых песен, на которые вдохновила поэта красивая женщина, автор использует

контекстуальные глагольные антонимы: *ах1ана* «пел» (до встречи с любимой) – *к1очана* «забыл» (после встречи с любимой, так как она стала для поэта основной песней):

Дир *рук1ана саринал,* **У меня** были песни,
Мун *щвелалде ах1арал.* Спетые до встречи **с тобой**.
Мун *лъарайго, киналго* После встречи **с тобой**
Рук1анщинал к1очана. Позабыл все, что были.

(«Дир рук1ана рохелал» - «У меня были радости»)

С помощью языковых средств автор сравнивает окружающий его мир, в котором нет красивой женщины (мир без Неё), и мир, в котором она живет (мир с Ней). Мир с любимой вербализуется путем деактуализации мира без любимой, поэтому в целях формирования антитезы антонимически используются сочетания (*мун*) *йигеб мехалъ* – (*мун*) *гьеч1еб мехалъ* «когда (ты) есть – когда (тебя) нет:

Москва – гьит1инаб росу, Москва – маленькое село,
Мун *гьений гьеч1еб мехалъ*. Когда там нет **тебя**.
Росу – Москвагин Париж, Деревни – Москва и Париж,
Мун *гьений йигеб мехалъ*. Когда ты там для **меня**.

(«Москва – гьит1инаб росу» - «Москва – маленькое село»)

Дун *– Пушкинги, Мах1мудги,* **Я** – и Пушкин, и Махмуд [поэт],
Мун *аск1ой йигеб мехалъ* Когда **ты** [есть] рядом.

(«Москва – гьит1инаб росу» - «Москва – маленькое село»)

В текстах Р. Гамзатова для создания образа женщины используются не столько прилагательные, сколько глаголы и причастия, выражающие отношение поэта к красоте, любви, его внутренние состояния, определяемые впечатлениями, связанными с красивой женщиной, ее внутренним миром.

При местоименной оппозиции *дун – мун* «я – ты» часто даются глаголы *дандч1вазе* «встретиться, *йихьизе* «увидеть». Такие глаголы выражают не столько действие, сколько внутреннее состояние поэта и его желание встретиться с красивой женщиной, увидеть ее и забыть все

остальное, потому что такая женщина единственна и все остальные не могут сравниться с нею.

*Амма **мун йихьигун**, рихьаралщинал,*

*Рихьич1ел киниги, к1очана **дида**.*

Увидев тебя, всех остальных,

Забываю я, будто и не видел.

Иногда смысл «видеть» [красивую женщину] представляет собой имплицированное звено семантической структуры текста. Данный смысловой компонент угадывается из контекста и частично эксплицируется сочетанием *мун йиго ракьалда* «ты есть на земле».

Мун йиго ракьалда, йокьулей гьудул,

Гьеб г1ола, хут1араб – гьадингояб жо.

Ты есть на земле, любимая подруга,

Этого достаточно, остальное [все] – пустое.

(«Мун йиго ракьалда, йокьулей гьудул» - «Ты есть на земле, любимая подруга»)

Контекстуальное противопоставление *йокьулей гьудул* «любимая подруга» и *хут1араб – гьадингояб жо* «остальное [все] – пустое» выполняет оценочно-усилительную функцию. Такая функция поддерживается противопоставлением анафорического местоимения *гьеб* «это» [то, что любимая есть на земле] и лексического адъективного компонента *хут1араб* «[все остальное] – *пустое* (=не заслуживающее внимания).

Наряду с глаголом *бихьизе* «видеть», в текстах, где используется местоименное сопоставление *дун – мун* «я – ты», употребляется и глагол *дандч1вазе* «встретить(ся)»: *дида мун дандч1вана* «я встретил тебя»; *рач1а къаси дандч1вазе* «давай вечером встретимся»:

Мун** г1адинай х1икмат дида **дандч1вач1о,

***Дида** мун кидаго к1очон теларо.*

Такого чуда, как **ты, я не встречал**,

Я тебя никогда не забуду.

(из сонетов)

Экспрессивность и оценочные значения синтаксических структур в анализируемых текстах создаются также различными повторами, цепочечным употреблением контекстуальных синонимов и инверсий: ср. *дир хирияй гьайбатай* «моя любимая, прекрасная»; *гьеб дир г1айиб, дир г1айиб* «это моя вина, моя вина»; часто в строфах повторяется *мун аск1ой гьеч1еб мехалъ* «когда тебя нет рядом»; *мун жибго х1инч1ги йиго, мун жибго кеч1ги йиго* «ты – сама птица, ты – сама песня»; *ц1унила дица мун квачаялдаса* «сберегу я тебя от холода» (в начало стиха выносится главный в смысловом отношении компонент ремы») и т.д.

Таким образом, Р. Гамзатов использует оппозицию *мун – дун* «ты – я» в текстах сонетов, элегий и стихов, посвященных жене, не столько как элемент, транслирующий взаимоотношения между мужчиной и женщиной, сколько как ключевую концептуальную составляющую авторской картины мира. Гендерные взаимоотношения проецируют не эгоцентризм, не мускулинность поэтического мировидения, а восхищенное отношение к женщине, ее обожествление, представление образа горянки как ядерного компонента в системе ценностей (авторской и этнокультурной). Поэтому в поэтическом дискурсе оппозиция строится не как «я и ты», а как «ты и я». Главной коммуникативной стратегией поэтических текстов, в которых используется оппозиция «*мун – дун*» – «ты – я», является эмоциональная актуализация всего, что связано с красивой женщиной, и деактуализация всего остального, включая и самого поэта, воспевающего красоту женщин.

4.7. Концепт «Гьари» (просьба-мольба)

В поэтических текстах Р. Гамзатов пользуется разными языковыми формами выражения просьбы. Прежде всего следует обратить внимание на использование формы императива, грамматически и семантически связанного с тем лицом, к которому автор обращается с той или иной просьбой. Такая форма, например, использована в текстах части

стихотворений, обращенных к жене (адресат при этом обозначается местоименным компонентом):

Аралдаса дагьаб хут1ана нилъей,
Хвезе бокьун буго дудаса цеве.
***Цох1о гьари** буго, мун **пашманлъуге**,*
Дир лъик1ай, дир сахай, дир къанаг1атай.

Осталось нам жить меньше, чем прожили,
Хочу умереть раньше тебя,
Одна только [эта] **просьба**, ты **не печалься**,
Моя хорошая, моя прекрасная, моя единственная.

(Из сонетов)

Просьба, обращенная к жене, усиливается употреблением формы числительного *цох1о* «только одна» с частицей *-х1о* (ср. *цо* «один»). В коннотативном аспекте следует обратить внимание на повтор числительного *дир* «моя» с определительно характеризуемыми компонентами, образующими цепочку усилительно нанизанных друг на друга, эмоционально наполненных компонентов. Экспрессивность синтаксической конструкции создается инверсией: содержание просьбы (=дай умереть раньше тебя) предшествует употреблению самого слова *гьари* «просьба».

Повтор смысловых компонентов в сочетании с местоимением *дуе* «тебе», усиливающий эмоциональный фон обращения-просьбы, использован и в другом поэтическом дискурсе, в котором также употреблена местоименная оппозиция *дун – мун* «я – ты»:

*Щибаб рогьалида **дица гьарула***
***Дуе** рохел, хинлъи, **дуй** сахлъи, сонал.*
***Гьарула ц1унейин** мун йигеб куцалъ,*
Квешлъи, унти, херлъи лъазе тогеян.

Каждое утро **я прошу**
Для тебя радости, тепла, **для тебя** здоровья и долгих лет.
Прошу [Всевышнего] **сохранить** тебя, как есть,

[Прошу] **уберечь** от зла, болезней и от старости.

(Из сонетов)

В данном контексте повтор глагола *гьарула* «прошу» выполняет усилительную функцию. Такой повтор глагола сопровождается употреблением двойной цепочки повторяющихся субстантивов, отражающих в своей семантической структуре содержание просьбы, ее цель. Такое перечисление пожеланий носит молитвенный характер, что мотивируется имплицированным обращением поэта к Всевышнему.

Императивная форма просьбы вводится при непосредственном обращении поэта к жене:

Дудейин абуни цо ***гьари*** *буго:*

Ц1уне мунго *даим ургъелаздасан,*

Дица дуе г1оло гьаб г1умру кьела.

К тебе же [у меня] одна **просьба**:

Береги себя всегда от переживаний,

Я [же] ради тебя свою жизнь отдам.

Употребление числительного *цо* «одна» (в значении «единственная») в сочетании с субстантивом *гьари* «просьба» становится характерным для текстов автора, посвященных жене. Противопоставляя при помощи местоимений *дун – мун* «я – ты» себя и жену, поэт актуализирует важность просьбы, о чем еще раз свидетельствуют приводимые ниже строчки:

Мун йиго абулей, дунго ***ц1унеян****,*

Дунго ***ц1унун*** *хадуб, мун кин* ***ц1унилей****?*

Ты говоришь [мне], **береги** себя,

Если я буду **беречь** себя, как тебя **беречь**?

Вопросительная форма обращения приводит к выражению экспрессивности, эмоциональности. Модальная база конструкции становится многослойной из-за накладывающихся друг на друга модально-смысловых оттенков. В конечном итоге ключевым становится эмоционально наполненный смысл «я хочу беречь тебя, а не себя».

Экспрессивно-эмоциональный фон стихов, посвященных жене, создается и употреблением отрицательных по форме, но утвердительных по содержанию синтаксических конструкций:

Бат1ияб щибниги ***гьарулеб гьеч1о****,*
Дур гьими ***ц1унизе*** *кье дие дару.*
Другого ничего **не прошу** [я],
Лекарство [только], чтобы **беречь** улыбку твою.
(«Дур сурат»/ «Твой портрет»)

Характерным становится употребление глагола *ц1унизе* «беречь», обозначающего цель просьбы, обращенной к Всевышнему или непосредственно к жене. Смысл просьбы особым образом репрезентируется в тексте поэмы «Песня о матери». Использование слова *как* «намаз» с религиозным кодом культуры и речевых жестов (ср. *кверал рорхизе* «поднять руки» – молитвенный жест) придает стихотворным текстам, изображающим мать в годы Великой Отечественной войны, молитвенную окраску:

Эбелалъул ***каказ, квералги рорхун****,*
Киг1ан ***гьараниги****, хвел ч1олеб гьеч1о.*
Намазы матери, **подняв руки**,
Сколько бы **ни просили**, смерти не прекращаются.
***

Эбелалъ ***ах1ула****, эбел* ***гьардола****,*
Амма гьелъул гьаракь раг1улеб гьеч1о.
Мать **кричит**, мать **умоляет**,
Но ее голос не слышен.

Усиление значимости *просьбы, мольбы* матери передается глагольными повторами (*ах1ула* «кричит», *гьардола* «просит/умоляет»). Следует обратить внимание и на констативную формы повторяющихся глаголов, обозначающих постоянное, вневременное действие в пределах синтаксической конструкции с противительно-уступительными отношениями.

Горе матери, получившей известие о смерти сына на войне, настолько тяжело, что даже природа сочувствует ей: родное поле обращается к ней с просьбой-мольбой (используется прием персонификации):

Гьей йихьараб мехалъ, хурцин гьардана,

Гьаб пашманаб къоялъ дуй х1алт1и щайин.

Увидев ее [страдания], даже поле умоляло:

В такой печальный день для чего тебе работа?!

Образберечь друзе матери в языковой картине Р. Гамзатова – это особо значимая тема. Поэтому значение просьбы, мольбы эксплицируется в тексте поэмы «Эбелалъе кеч1» – «Песня о матери» и становится одним из ключевых: молится, просит мать, чтобы дети были здоровы; просит мать сына беречь себя; просит отец сына беречь мать. Значение материнской просьбы-молитвы в тексте поэмы трансформируется в просьбу-молитву памятника девочке в городе Хиросима, где в годы войны произошла трагедия (происходит персонификация памятника, что приводит к усилению экспрессивно-эмоционального плана поэтического текста):

Гьай гьардолей йиго: гьаб атомалъул

Унтудаса дунял ***хвасар гьабеян***.

Хвалил бомбабазул загьруялдаса

Замана сахлъулеб сабаб батеян.

Она [памятник девочке] умоляет:

От атомной болезни чтоб мир **уберегли**.

От яда смертельных бомб

Чтоб для исцеления времени возможность нашли.

Значение мольбы репрезентируется как обращение ко всему человечеству от имени всех погибших на войне. Эмоциональность просьбы усиливается употреблением значимых в коннотативном аспекте слов и сочетаний типа *атомалъул хвел* «атомная смерть», *хвалил бомбаби* «смертельные бомбы», *бомбабазул загьру* «[смертельный] яд бомб».

Знаменательно то, что здесь поэт использует не форму *гьаризе* «просить», а форму со значением многократности *гьардезе* «умолять».

Прием персонификации Р. Гамзатов применяет не только в указанном тексте, но и в разных стихотворных текстах:

Стала музыка нашим подобием,
И ***слеза*** *посреди тишины*
Прошептала *над ранним надгробием:*
Только бы не было войны.

(«Только бы не было войны»)

Глагол *прошептала* в контексте сочетания «над ранним надгробием» символизирует молитвенную просьбу, переданную в персонифицированной (метафорической) форме (*слеза прошептала*).

Прием персонификации используется и в тексте стихотворения, посвященном дочери поэта:

Мун гьайигун, дир гъаст1а	Когда ты родилась, у моего очага
Маргьабаца гьарана:	**Сказки просили**:
Лебалайги лъугьайин,	Чтоб ты живая росла,
Ц1одорайги лъугьайин.	Чтоб ты умная росла.

***

Мун гьайигун дир рокъоб	Когда ты родилась,
Макьабаца гьарана,	В доме моем **сны просили**
Гьерсидаса ц1унеян,	Уберечь [тебя] от лжи,
Мац1идаса ц1унеян.	И от [злых] сплетен.

Одно из ключевых понятий в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова – это понятие настоящей мужской дружбы, преданности друзьям. Поэтому просьба беречь друзей, быть открытым для друзей нередко вербализуется в поэтических текстах, посвященных друзьям. Употребление императивных форм глаголов в таких текстах вполне естественно:

К1удияб хазина буго гьудуллъи,
Гьелде квер хьваг1изе ***г1едег1уге*** *мун.*

Дружба – большое сокровище,

И махнуть на нее рукой **не спеши**.

(«Гьудулзаби ц1уне»/«Берегите друзей»)

***

Г1адамал, нужеде гьари буго дир:

Панояб рек1ел ц1а ***ц1орозе тоге.***

Люди, у меня к вам одна просьба:

Не **дайте остыть** огню сердца.

(«Гьудулзаби ц1уне»/«Берегите друзей»)

Включение значимых в коннотативном аспекте экспрессивно-оценочных слов и сочетаний, имеющих метафорический характер, и императивов делает текст эмоционально насыщенным, стилистически возвышенным и несколько торжественно-приподнятым: *гьудуллъи – хазина* «дружба – сокровище», *панояб рек1ел ц1а* «пленительный огонь сердца», *ц1орозе тоге* «не дайте остыть» и т.д.

В тексте репрезентируется просьба автора дорожить друзьями, беречь друзей, обращается не только к людям, но и в метафорически-персонифицированной форме к дверям дома:

Нуц1бузда дун ***гьардола***, К дверям я **с просьбой обращаюсь**,

Гьудулзабаз рагьеян. Чтобы их друзья открывали.

(Из коротких стихов)

Поэтический текст «Хъулбузул х1акъалъулъ» («О крепостях») имеет метафорический характер: умирающий отец, обращаясь к сыну [поэту], друзей метафорически называет крепостями (*хъулби*), просит их беречь и не дать разрушиться. Такая просьба носит характер завещания отца сыну:

Абуна гьас [*инсуца*] *цо нухалъ*:

Цо гьари *бугин, васин.*

Гьал дица рарал ***хъулби***

Риххизе тогейилан.

Сказал он [отец] однажды:

Одна просьба, сын, к тебе
[Береги] построенные мною **крепости**
И разрушиться им не дай.

(«Хъулбузул х1акъалъулъ» - «О крепостях»)

Мать поэта, хорошо знавшая друзей своего мужа, объясняя метафорический смысл его слов, говорит, что в разных дагестанских селах у отца были кунаки и друзья, что в дни радости и в дни печали они бывали рядом с отцом, поэтому отец друзей и называет крепостями. Подчеркивается мысль, что без преданных, крепких друзей нет человека, поэтому их нужно ценить.

Осиротевший поэт, по-настоящему понявший смысл слов отца, свято бережет это завещание и каждый раз, возвращаясь из поездок по всему миру, обращается к портрету отца и благодарит его за этот бесценный жизненный урок. Развивая идею крепостей-друзей, с помощью метафорических существительных автор эксплицирует благодарность отцу за построенные им стены и башни крепостей (*баркала, эмен, дуца рарал къадазухъ, дуца рарал сиязухъ*). В связи с этим клятвенно звучат слова:

Щиб хазина кьуниги, Ни на какие сокровища
Дица гьел кьезе гьеч1о. Я их не променяю.

Следовать завещанию отца – святой долг сына, поэтому во второй части текста стихотворения, где автор вербализует свое отношение к друзьям (крепостям), используются стилистически окрашенные глагольные формы футурума: *ричиларо* «не продам», *хисиларо* «не променяю», *ц1унила хъулби* «сберегу крепости», *кьезе гьеч1о* «не отдам» (ни за какие сокровища) и др.

Завещание своего отца автор эксплицирует просьбой беречь друзей молодому поколению: *Дица гьарулеб буго, нужеца гьел* [хъулби] *ц1унейин, т1аде ц1иялги райин* «Я прошу вас беречь их [крепости] и построить новые». Поэт продолжает традиции куначества (ср. *гьоболлъиялъул хъулби* «крепости куначества») и дружбы (ср. *гьудуллъиялъул хъулби* «крепости дружбы») и как собственное завещание уже передает новому поколению, метафорически

названному поэтом *гьал дир г1олел т1анч1азда* «этим моим растущим птенцам».

4.8. Концепт «Рагъ» (война) [17]

В ценностной картине мира Р. Гамзатова одним из ключевых концептов является концепт «Рагъ» (война), актуализируемый автором в поэтических текстах. Достаточно ярко тема войны репрезентирована в тексте поэмы «Эбелалъе кеч1» («Песня для Матери»), где образы матерей-горянок, машущих платками, снятыми с головы (что делалось в исключительных случаях), со слезами на глазах провожая сыновей на Великую Отечественную войну, стали символическими и национально-культурными:

Кваранаб раг1алалъ квег1аб бадиса,
Маг1у бац1ц1улаго, хьваг1улел к1азал.

Правым краем [платка] с левого глаза,
Вытирая слезы, машут платками.

Эпитеты-прилагательные и сравнения, используемые в тексте поэмы для характеристики материнского платка (=шали), эксплицируют печаль и душевную тревогу: *пашманал берал* «печальные глаза», *пашманал к1азал* «печальные платки», *маккаллъун парпалел к1азал* «трепетные, как голуби, платки» (использована зооморфная символика голубя, связанная с религиозным кодом культуры: считается, что сизый цвет голубя появился после того, как его погладил Пророк):

Самолетазул хъуй, гъоркьан улбуца
Эхеде хьваг1улел пашманал к1азал.

Гул самолетов, и снизу матери,
Глядя вверх, пашут печальными платками.

[17] Содержание данного параграфа отражено в статье автора (Омарова З.С., Дибиров И.А. Средства актуализации концепта «война» в лирике Расула Гамзатова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024).

Эмоционально-оценочная лексика и экспрессивные синтаксические конструкции используются при описании платков матерей, встречающих вернувшихся с войны сыновей и мужей:

Бергьенлъиги босун, руссунел ругел
Васазде хьваг1ана улбуца к1азал.
Гьел парпадулел куц, гьел кенч1олел куц,
Кремлиялда т1ад байрахъ киниги.

Возвращающимся с победой сыновьям
Матери махали платками.
О, как они развевались, как сверкали,
Словно флаги над Кремлем.

С.М. Магомедова отмечает, что «Символ *черного платка* настолько значим, что местами в тексте поэмы Р. Гамзатова «Эбелалъе кеч1» - «Песня для матери» повествование ведется от имени одушевленного *черного платка*, к которому обращается автор и с которым ведет диалог, т.е. *черный платок* выполняет роль живого персонажа, происходит персонификация платка: *Дидаса пашманаб щибго бугодай*? «Есть ли что печальней меня»?! <> Во всех этих и других случаях *черный платок* выступает в качестве символа памяти, долга перед ушедшими, печали на листах календаря [Магомедова, 2012: 82].

Репрезентация матери поэта в тексте поэмы постепенно трансформируется в собирательную репрезентацию всех Матерей всей Земли:

Дида цее ч1ана т1охил раг1алда
***Т1олго дунялалъухъ** балагьун **эбел**.*

Передо мной предстала на краю крыши
Провожающая мать **всей Земли**.

Она везде, на всех просторах большой Родины, где была война, где погибали на полях сражений сыновья:

Мамаялъул гох1да, На Мамаевом кургане,

Волга г1оралда На реке Волге
Г1ебеде квер бит1ун, С вытянутой рукой
Дандч1вала мун. Встречаешься ты.

В рассматриваемом тексте актуализирован еще один культурно значимый символ войны, получивший у Р. Гамзатова авторскую интерпретацию и образно-оценочное осмысление, – это символика и соответствующие коннотации, связанные с колоколом (*ц1умур*). Данный языковой символ, связанный с темой войны, автор использует в той части текста, которая посвящена трагедии Хиросимы и Нагасаки в Великую Отечественную войну.

Февраль. Фудзияма даимаб г1аздалъ,
Г1агараб Казбекгун Эльбрус г1адинан,
Атомалъул унти къоябго соналъ
Къот1улареб зигар лъуг1улеб гьеч1о.

Февраль. Фудзияма в вечных снегах,
Словно горы родные Казбек и Эльбрус.
Боль и страдания атомной войны,
Никогда не прекратятся стоны и боль.

Боль и страдания японцев, пострадавших от атомной войны, автор репрезентирует как свою бесконечную боль, как проклятие войне. В этой связи далеко не случайно использовано сравнение горы Фудзияма с родными для Р. Гамзатова кавказскими горами Казбек и Эльбрус, т.е. в данном поэтическом тексте использованы элементы межкультурной значимости и коннотации, связанные с личными переживаниями автора, потерявшего двух братьев на войне.

В трансляции концепта участвуют эмоционально-усилительные конструкции, эксплицирующие внутреннее состояние поэта, стоящего у каменного памятника девочке, с белым журавлем в руках (отметим сразу, что знаменитое стихотворение Р. Гамзатова «Журавли» было написано после его возвращения из этой поездки по следам свежих впечатлений):

хваразул раг1адал «тени убитых»; *буго рух1аразул х1урги рохъоги* «есть дым и зола сожженных» [ударом атомной бомбы]; *даим ч1араб саг1ат* «навсегда остановившиеся часы»; *ч1унтун биххараб шагьар Хиросима* «разрушенный полностью город Хиросима».

Состояние поэта, его внутренние чувства и ощущения вербализуются через призму им увиденного:

Байдан бакьулъ буго к1удияб ц1умур,

Ц1унц1рахун уна черх гьеб бухулаго.

Балагьалъул гьаракь кибго раг1ула,

Керен кьват1ун уна гьелъул гьаркьица.

В центре площади – большой колокол,

Дрожь охватывает тело, слыша его звон.

Всюду слышен голос беды,

Сердце разрывается от его звона.

Для обозначения своих внутренних ощущений автор обращается к телесным кодам культуры: *ц1унц1рахунеб черх* «тело, охваченное дрожью», *кьват1ун унеб керен* «готовое разорваться сердце».

Автор вербализует свое состояние через звон колокола. Тревожно-печальный, трагический звон колокола так действует на поэта, что он продолжает стоять, и перед его взором мысленно встают миллионы убитых на войне солдат; не вернувшиеся с войны его братья; матери, машущие платками, провожая сыновей на войну; звон колоколов в многострадальной Белоруссии:

Гьединан вуго дун, бухула ц1умур,

Балагьун йиго яс ганч1ил гьайурай,

Гьелъул хъатикь буго дир хъах1аб къункъра.

Так я продолжаю стоять, и колокол звенит,

Смотрит на меня девочка-изваяние в камне,

В ее руках – мой белый журавль.

Далее мы слышим мольбу, которую автор транслирует от имени одушевленного памятника девочке с белым журавлем в руках, и кажется, что это голос живой девочки:

Гьай гьардолей йиго гьаб атомалъул
Унтудаса дунял хвасар гьабеян.
Хвалил бомбабазул загьруялдаса
Замана сахлъулеб сабаб батеян.

Она умоляет, чтоб этот мир,
От болезни атомной спасли,
От яда бомб смертельных
Исцеляющее время лекарство нашли.

Концептуальное слово *гьари* «просьба/мольба» в текстах Р. Гамзатова является одним из ключевых и символических. Оно проходит через его многие поэтические тексты: это – просьба беречь матерей, беречь друзей, спасти мир от войны, беречь и защищать свою родную землю, беречь мужскую честь и достоинство и т.д. Но именно здесь, в тексте поэмы, посвященной родной матери, *просьба-призыв* становится мощным голосом всех детей (в лице одушевленного памятника девочке), всех, кто помнит и знает, что такое война, что такое сожженные деревни и разрушенные города.

Употребленное в таком же контексте слово *ц1умур* «колокол» становится символом жизни и смерти, символом огромной человеческой трагедии и надежды на мир на Земле, на спасение человечества. Вот почему в уста одушевленного памятника поэт вкладывает слова, как бы одновременно обращенные к людям и Всевышнему: *хвасар гьабе дунял* «спасите мир» (от болезней атомной войны), *бате сабаб* «найдите средство» (исцеляющее больное время).

Тема войны репрезентируется в текстах ряда стихотворений Р. Гамзатова, в числе которых «Лъабго ругъун» («Три раны») перекликающийся с названной выше поэмой, посвященной матери поэта. Одной из своих сильных ран поэт называет японский город Хиросима. Слово

ругъун «рана» здесь символизирует боль и страдания народа, у которого еще не зажили раны войны:

Цоги сог1аб ругъун дир Хиросима,
Судула къаркъала дур къункърабаца.
Гьеб дуде рехараб бомбадул ругъун
Регъолеб гьеч1о дир. Пашманаб август.

Еще одна рана – моя Хиросима,
Болит душа моя от криков твоих журавлей.
Эта рана от брошенных на тебя бомб
Не заживает у меня. И август печален.

Символический образ белых журавлей повторяется в разных стихотворных текстах Р. Гамзатова. Так, в тексте стихотворения «Когда летят журавли» автор пишет:

Когда летят по небу журавли,
Я о погибших думаю, тоскуя.
Только б не было больше войны.

Последняя строчка повторяется в конце каждой строфы текста стихотворения как молитва поэта и всех людей на Земле, обращенная к Всевышнему. В пронзительном крике журавлей поэт как бы слышит голоса солдат, не вернувшихся с полей жестоких сражений и превратившихся в белых журавлей. И автор снова повторяет слова «Только б не было больше войны». Коннотативная значимость этих слов явственно ощущается на фоне употребления сравнительных форм прилагательных, рисующих изменяющийся с каждым годом к лучшему наш мир: *С каждым годом наш мир удивительней, С каждым годом невесты пленительней, Только б не было больше войны*.

Вся природа как бы повторяет эти слова, о чем свидетельствует использование в тексте приема персонификации, усиливающего авторские коннотации:

Песня древняя над колыбелями

Проплывает в подножье луны.

…….

Стала музыка нашим подобием,

И **слеза** среди тишины

Прошептала над ранним надгробием:

«Только б не было больше войны».

Эмоционально наполненные слова: «Только бы не было войны» – транслируют молитву матерей о благополучии детей и молитву детей о защите родителей от несчастий и бед. И *мольба слезы* среди тишины репрезентирует крик души, как самую дорогую молитву.

Образная репрезентация концепта «Рагъ» наблюдается в тексте стихотворения Р. Гамзатова «Песни военных годин». Автор здесь в усилительной функции использует прием персонификации, война представлена в образе солдат, обутых в сапоги и одетых в шинели:

Над бездной смертельной минуты

Встаете с отвагой в очах.

Еще в сапоги вы обуты,

Шинели на ваших плечах.

Хорошо понимая, что наибольшие тяготы в годы войны легли на плечи русского народа, автор в данном тексте использует такие структуры национально-культурного характера, как *березы над братской могилой, горькое пламя рябин* и др.

Выше отмечалось, что одним из культурно значимых символов в поэтических текстах Гамзатова, актуализирующих концепт «Рагъ», является символ белых журавлей, с помощью которого автор актуализирует голоса не вернувшихся с войны солдат.

Известны два текста под названием «Журавли». В первом из них мы читаем:

О павших в битве написал я сам,

О тех, что журавлями в небе стали,

Вот и сейчас они по небесам

Плывут, печально оглашая дали.

Здесь для актуализации темы войны используются те же ключевые слова, о которых говорилось выше: *небеса* (куда на гудящие самолеты смотрели матери*, печаль, павшие в битвах солдаты, плывущие в небе белые журавли, в которых превратились не вернувшиеся с войны солдаты Родины.*

Ко второму тексту «Журавли», ставшему известной всему миру песней, мы еще вернемся. Но до этого обратимся еще к одному поэтическому тексту «Мать погибшего солдата», в котором автор отмечает, что песня из строк, нанизанных матерью из горьких слез, стала молитвой по погибшим за Родину солдатам. Здесь антропный код культуры сливается с религиозным, отчего коннотативно-культурный компонент становится еще более очевидным, и усиливаются коннотации за счет употребления оценочных структур типа *строки песни, любовь, горькие слезы, молитва* и др.:

Строки песни нанизала мать

Из любви и горьких слез своих,

И молитве сделались под стать

Эти строки в устах людских.

Автор актуализирует воскрешающую силу материнской песни о погибшем солдате:

Зеленел на горном склоне лес,

Сбросив саван сумрачных снегов,

И солдат погибший вдруг воскрес

И сидел у горских очагов.

В тексте песни матери можно выделить ставшие привычными для темы Великой Отечественной войны слова *печаль, молитва, воскреснуть, небеса, милосердие, траур, помолиться, горькие слезы.* Песни матерей звучат как боль, как плач. Оружие же должно пребывать в ножнах, а орудия, созданные для боя гневом человека, должны молчать и не стрелять, так как сотни

матерей из-за них рыдали одиноко («Повесть об одном орудии»): *Оружие мило мне, когда оно Спокойно в ножнах пребывать должно.*

Торжественные раскаты орудия должны говорить о добром (объявляя праздничные даты), а не возвещать беды и подлую войну. Апофеозом текста всего стихотворения «Повесть об одном орудии» звучат строки:

И пусть о счастье и любви над нами
Царь-колокол звучит неутомимо.

В тексте стихотворения трансляторами концепта являются эмоционально-оценочные эпитеты-прилагательные, глаголы и наречия, усиливающие коннотативный компонент текста: *торжественные раскаты; звучит неутомимо (голос орудия); подлая война; былая слава; воля злая; гневный человек; рыдали матери одиноко; праздничные даты* и т.д.

Всему миру известно стихотворение Р. Гамзатова «Къункъраби» («Журавли»), посвященное солдатам, не вернувшимся с войны и превратившимся в белых журавлей. В данном поэтическом тексте использованы лексические и лексико-синтаксические компоненты, связанные с темой Великой Отечественной войны:

рагъда камурал васал «убитые на войне сыновья», *къанаби* «могилы», *хъах1ал къункъраби* «белые журавли», *пашманго бут1рулги къулун* «печально склонив головы», *хъах1илал зобал* «голубые небеса», *ч1варал гьудулзаби* «убитые друзья», *къункърабазул гьаркьал* «голоса журавлей» и др.

Р. Гамзатов в предисловии к первому изданию книги «Журавли Расула Гамзатова» отмечал, что читатели приняли самое активное участие в судьбе этой песни. Их отклики, их любовь сделали ее по-настоящему народной. По всей стране и за рубежом стали появляться памятники «Белым журавлям» [Журавли…, 2006: 4]. «Журавли» – величественная и одновременно трагическая песня, ставшая всенародной и бессмертной, как и образы воинов, погибших на полях сражений. Это стихотворение стало символом скорби и надежды на то, что люди планеты одумаются и станут жить в мире и согласии».

Как призыв к людям планеты помнить о трагедии войны и жить в мире во многих странах мира сооружено около ста памятников песне «Журавли», которая, как отмечает поэт и переводчик Марина Ахмедова, журавлиным клином перелетела границы и воплотилась в бронзе и граните. А автор этой знаменитой песни «Журавли» Р. Гамзатов писал: «Летит по небу усталый журавлиный клин. Я провожаю его глазами, пока он не скроется в туманном небе. Они не торопятся, эти птицы, повинующиеся вечному зову природы. А у нас времени очень мало. Если мы промедлим сегодня в вопросах войны и мира, не помогут никакие самые вдохновенные поэтические образы…. Я хотел бы, чтобы все люди доброй воли не переставали слышать щемящий крик журавлиной стаи, чтобы не изменяла им память о погибших, о пепле и страшных тенях на мостовых Хиросимы и Нагасаки» [Журавли…, 2006].

Замечательный перевод текста стихотворения «Журавли» на русский язык все же не всегда совпадает с оригиналом текста на аварском языке. Так, например, использованное в первой же строфе оригинала сочетание *камурал васал* переводится как «не пришедшие… солдаты» (вместо «сыновья»), вместо слова *рагъ* «война» использовано сочетание «кровавые поля», сочетание *къанабакь лъун гьеч1ин* «не похоронены в могилах» переводится «не в землю полегли» и т.д.

Чтобы иметь возможность сравнить литературный перевод текста стихотворения и его дословный перевод на русский язык и чтобы почувствовать национально-культурный, авторский компонент поэтического текста, мы даем оба варианта перевода:

Дида ккола рагъда камурал васал
Кирго рукъун гьеч1ин, къанабакь лъеч1ин,
Доба борхалъуда хъах1ил зобазда
Хъах1ал къункърабазде сверун ратилин.

Мне кажется, что сыновья, погибшие на войне,
Нигде не похоронены и в могилы не положены.
Там на высотах голубых небес

Превратились в белых журавлей.

В переводе Наума Гребнева:

Мне кажется, что солдаты,

С кровавых не пришедшие полей,

Не в землю полегли когда-то,

А превратились в белых журавлей.

Вторая строфа:

Гьел ихаз, хаселаз, халатал соназ

Нилъее салам кьун роржунел руго.

Гьелъин нилъ пашманго, бут1рулги рорхун,

Ралагьулел зодихъ щибаб нухалда.

Они весной, осенью и годами долгими

Летают, приветствуя нас.

И поэтому мы, печально головы подняв,

Смотрим в небеса каждый раз.

Для репрезентации вечности времени, вечности боли и трагедии войны, Р. Гамзатов берет формы множественного числа существительных *их* «весна» (*их-аз*), *хасел* (*хасел-аз*) «осень», *халатал сонал* (*сон-аз*) «долгие годы» в наречном (временном) значении.

Как свидетельствуют переводы, компоненты *хъах1илал зобал* «голубые небеса» и *хъах1ал къункъраби* «белые журавли», связанные с природным, зооморфным и религиозным кодами культуры, красной нитью проходит через текст всего стихотворения «Журавли». Синтез этих кодов культуры способствует усилению коннотативного компонента текста стихотворения.

В литературном переводе стихотворного текста, сделанном Наумом Гребневым, чтобы эксплицировать вечность полета журавлей, обозначенную в оригинале словами с темпоральным значением (*ихаз, хаселаз, халатал соназ* «весной [каждой], каждой осенью и долгими годами»), используется лексико-синтаксическая конструкция «они до сей поры со времен тех дальних», что создает синтаксическую синонимию.

Выявляются и другие особенности при сравнении дословного перевода текстов стихотворения и литературно обработанного. Например, имплицированный в аварском варианте смысловой компонент «замолкаем» [глядя в небеса (ср. ав. *зодихъ ралагьулел* «смотрим в небеса»)] в переводе Н. Гребнева эксплицируется употреблением соответствующего глагола «замолкать». Переводчик не только эксплицирует имплицированные смысловые компоненты стихотворения, но и использует синонимические конструкции. Например, вместо аварского варианта *хъах1ил зобазда* «в голубых небесах» в одной из строф использовано эмоционально-образное сочетание «в сизой мгле» или же вместо сочетания *гьелъул гьаркьидалъун* «его [журавля] голосом» употреблена конструкция «по птичьи окликая», создающая в тексте стихотворения эмоционально-оценочный фон [Омарова З. С., Омарова Л. Р., 2017с].

С клином журавлей Р. Гамзатов сравнивает *отряд* (*къокъа*) убитых друзей. Определяя символику *места* (*бак1*) в журавлином клине, обозначенном в переводе Гребнева сочетанием «промежуток малый», Р. Гамзатов использует экспрессивную вопросительно-утвердительную конструкцию *Дун вач1ине гьениб тарабцин гурищ*? «Не для того ли оставлено [место в журавлином клине], чтобы я пришел [=прилетел в небеса?]», где значение «не так ли» выражается вопросительной частицей *гурищ*.

Жестокий враг был разбит, побежден. И есть площадь, где прошли с победой в лад воска, «швырнув трофейные знамена к подножию принимавшего парад». Тем не менее, раны, нанесенные войной, не могут быть забыты. Это раны не только солдат, отдавших свои жизни, отстаивая честь и достоинство Родины, но и кровь и слезы людей, женщин, потерявших мужей, братьев, сыновей. Они дают о себе знать. Знаменательно то, что поэт, говоря о войне, обращается к земле как живому свидетелю этой великой трагедии, он одушевляет, персонифицирует землю:

- Скажи мне, все еще кровоточат

Войною нанесенные увечья?

- Им не зажить – покуда в мире

И кровь и слезы льются человечьи.

(«Скажи, земля»)

Великая Отечественная война не забыта и не может быть забыта, так как слишком много было потерь и страданий: *И, стоя над могилами в печали, Оплакиваю павших на войне.* («Люди и тени»). Форма глагола первого лица единственного числа (*оплакиваю*) здесь используется в обобщенном значении множественности, так как война коснулась каждой семьи, каждого человека, и далеко не случайно, что могилы называются братскими.

В поэтическом дискурсе Р. Гамзатова память о погибших солдатах, которую бережно и печально хранят живые на Земле, актуализируются различными языковыми средствами (лексическими, морфологическими, лексико-синтаксическими и т.д.). Многоплановые ресурсы языка выступают репрезентантами концепта «Рагъ», занимающему важное место как в языковой, так и в авторской картине мира.

ВЫВОДЫ

1. Авторская картина мира Р. Гамзатова проецируется через ключевые концепты «Ват1ан» (Родина), «Гъансито» (родной очаг), «Г1умру», «Хвел» (жизнь, смерть), «Бихьинчи» (мужчина), «Рокьи» (любовь), «Ч1ужуг1адан» (женщина), «Гъари» (просьба-мольба), «Рагъ» (война). Совокупность данных концептов образует концептосферу языковой личности, коррелирующую с аварской языковой картиной мира, уточняющую специфические культурные смыслы и расширяющую семантические поля базовых концептов этнокультурного сознания.

2. Репрезентантами концепта «Ват1ан» (Родина) выступают два ядерных концепта: «к1удияб Ват1ан» (большая Родина) и «гьит1инаб Ват1ан» (малая Родина). «К1удияб Ват1ан» (большая Родина) в авторском понимании – это СССР, выдающиеся люди, сограждане, в числе которых

особенно выделены известные российские поэты и писатели, которые занимают определенную нишу в гамзатовской системе ценностей. «Гьит1инаб Ват1ан» (малая Родина) – это Дагестан, представленная такими околоядерными понятиями, как «мац1» (язык), «инсул т1алъи» (отцовская земля), «г1агараб росу» (родное село), «кьураби» (скалы), «Каспий» (Каспий) / «ралъад» (море), «г1адамал» (люди), «бах1арзал» (защитники/ патриоты). Периферийными компонентами концепта выступают метафорические образы колокола, кинжала, орла, коня, птицы и н. др. В авторском понимании Родины актуализируются проблемы чести и достоинства Родины, ее защиты, свободы, патриотизма, любви к Отечеству.

3. С концептом «Ват1ан» (Родина) пересекается другой концепт «Гъансито» (родной очаг) как символ вечной жизни, негаснущего огня и домашнего уюта. Для оценочной актуализации данного концепта используются императивы, специфические для аварского языка формы выражения молитвенных пожеланий, языковые символы огня, тепла и дыма (в очаге); метафоры, сравнения и экспрессивно-оценочные средства, утверждающие мысли о жизни, о цене мудрости, о возвращении к родному (отчему) дому.

4. Концепты «Г1умру», «Хвел» (жизнь, смерть) у поэта образуют единое культурно-семантическое пространство. Смерть – это хороший конец жизни для того, кто оставил свой след, совершал в молодости поступки, равные по значимости подвигам. Время как вечное (*даимаб*) движение жизни неумолимо течет и движется (используются символы «река» (*гIор*) и «мельница» (*гьобо*)). Прожитые годы – это зерна, смолотые на мельнице. Жизнь и время у Гамзатова оцениваются компаративными структурами философского содержания. Для репрезентации концептов «Г1умру», «Хвел» используются различные языковые средства: языковые символы гендерного и национально-культурного характера, субстантивные и глагольные усилительные повторы, цепочки императивов с назидательными функциями, контекстуальные антонимические противопоставления, актуализирующие

добро и зло в жизни, экспрессивно-оценочные фразеологизмы. Главное в жизни – это высокие морально-нравственные качества людей и их достойные поступки. Вечная и бесценная любовь – это полмира в жизни человека. Мысли поэта, обращенные к Вселенной, сопряжены с персонификацией звезд, неба как символов вечности жизни.

5. При актуализации концепта «Бихьинчи» (мужчина) в качестве основных составляющих настоящего горца рассматриваются понятия *яхI* «честь», *намус* «совесть», *цIар* «имя», *лебаллъи, бахIарчилъи* «решительность, смелость», *хIинкъи гьечIолъи* «отсутствие страха», *къвакIи* «стойкость, преданность слову и клятве, отношение к женщине и Родине, образующие внутренний морально-нравственный мир настоящего мужчины и составляющие его духовный и нравственный стержень. Такие качества мужчины актуализируются употреблением национально-культурных маскулинных языковых символов, метафор и сравнений, антонимических противопоставлений, проецирующих хорошее и плохое в человеке; слов различных семантических групп, соотносительных с разными кодами культуры и передающих эмоциональные и интеллектуальные составляющие образа настоящего горца.

6. Ключевым для картины мира Р. Гамзатова является концепт «Рокьи» (любовь), который можно считать центрообразующим в концептосфере, поскольку авторское проецирование отличается особым эмоциональным проявлением чувства. В рамках данной ценности мировидение Гамзатова отличается от традиционного кавказского менталитета – эксплицированное выражение любви и привязанности является характерным признаком его поэтических текстов. Любовь проецируется как неизменное, константное явление, противопоставленное жизни, которая быстротечна, конечна. В поэтической картине мира «Рокьи» (любовь) репрезентирована следующими логемами: 1) *рокьи – гъветI* «любовь – дерево»; 2) *рокьи – кечI, маргьу, макьу, гьа, как* «любовь – песня, сказка, сон, клятва, молитва»; 3) *рокьи – хазина, бечелъи* «любовь – сокровище, богатство»; 4) *рокьи – цIа, хинлъи*

«любовь – огонь, тепло»; 5) *рокьи – берцинлъи, недегьлъи* «любовь – красота, нежность»; 6) *рокьи – к1алг1а, рукъ, шагьар* «любовь – дворец, дом, город».

7. Для текстов многих лирических стихотворений характерна местоименная оппозиция «*Мун» – «Дун»* – «Ты – Я», дающая возможность автору оценивающе актуализировать красоту и достоинство женщины путем «деактуализации» (намеренного преуменьшения) собственной значимости. Красивая женщина единственна и неповторима, поэтому ключевым становится репрезентация вины за то, что он не всё сделал, чтобы достойно воспеть её красоту и достоинство. Для выстраивания концептуальных составляющих женщины автор использует сравнения идентифицирующего характера, что женщина – это утренняя песня, вечерняя сказка, ночной сон, праздник, клятва поэта и его молитва. Особый смысл приобретает важное в коннотативном плане сравнение двух миров – мира, где нет красоты женщины (мир без Неё), и мира, в котором она живет (мир с Ней).

8. Жизненной философией наполнен концепт «Гьари» (просьба-мольба). Это просьба, обращенная к жене, друзьям, Всевышнему (молитвенная просьба), к Вселенной, Матери (просьба-мольба), просьба ко всему человечеству от имени погибших на войне солдат беречь мир от войн. Для репрезентации такого многозначного концепта используются императивы с назидательными функциями, местоименные, субстантивные и глагольные повторы усилительного характера, экспрессивно-оценочные слова, средства экспрессивного синтаксиса (особенно в стихотворениях, посвященных жене, и в поэме «Песня о Матери»), приемы персонификации явлений природы и т.д.

9. Важным в денотативном и в коннотативном аспектах является концепт «Рагъ» (война), занимающий особое место в концептосфере Гамзатова. Семантическое поле концепта представлено микроконцептами «къварилъи» (печаль), «хварал солдатал» (павшие солдаты), «ч1ег1ераб к1аз» (черный платок матери), «кьог1ал маг1аби» (горькие слезы), «ч1ег1ербай, тазият» (траур), «ц1умур» (колокол), «рах1ат хвараб зваргъи» (тревожный

звон), «къункъраби» (журавли). В репрезентации авторского понимания войны участвуют образы и символы, усиливающие воздействие на читателя и участвующие в адекватной проекции всех негативных эмоций, связанных с данным фактом, пережитым им непосредственно. В текстах используются также эмоционально-оценочные слова, эпитеты, метафоры и сравнения, экспрессивно передающие все смысловые составляющие данного концепта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном нами исследовании разработана комплексная модель анализа разноуровневых языковых средств, конституирующих ядро языковой личности Р. Гамзатова. Впервые в кавказоведении и аварском языкознании предложена концепция лингвоперсонологического анализа поэтической языковой личности этноспецифичного автора, проецирующего аксиологические и гносеологические представления своего народа в индивидуально-авторском преломлении. Исследование языковой личности Р. Гамзатова в аспекте лингвопрагматики продемонстрировало широкий диапазон языковых ресурсов аварского языка, его функциональные возможности в выражении и передаче разных смыслов и эмоций, структурную многоплановость уровней языка, их валентностные свойства, сложные синтагматические и парадигматические отношения.

Лингвокогнитивный, лингвокультурный и лингвопрагматический аспекты исследования языковой личности Р. Гамзатова в поэтическом дискурсе позволило доказать положение о том, что ментальная индивидуальность языковой личности Р. Гамзатова проявляется в особом подборе и комбинации лексем, устойчивых оборотов, синтаксических конструкций, совокупность которых определяет его уникальный идиостиль. Исследован многомерный языковой потенциал автора, его способность создавать индивидуальные неповторимые речевые конструкции, позволяющие резюмировать, что Р. Гамзатов является лингвокреативной языковой личностью, владеющей всеми формами национального языка и обладающий способностью непредсказуемой комбинаторики единиц с целью передачи определенного смысла.

Идиостиль Р. Гамзатова проявляется в уникальных паттернах использования языковых средств всех уровней (лексико-семантического, морфолого-синтаксического, стилистического), которые репрезентируют взаимодействие индивидуально-авторского мировидения с базовыми этнокультурными концептами аварской лингвокультуры.

Креативность языковой личности Р. Гамзатова прослеживается на разных уровнях и с различными интенциями, реализуемыми в определенных контекстах. Выявлены и описаны многочисленные авторские лингвокреативные конструкции, среди которых более показательными, на наш взгляд, можно считать следующие наблюдения.

В ходе исследования было обнаружено, что сугубо авторским и символическим для текстов любовной лирики являются некоторые прилагательные, как, например, *х1айранаб* «нежный». Р. Гамзатов путем расширения валентности данного прилагательного придает эпитету различные коннотативно-стилистические оттенки, например: *х1айранаб лах1зат* «нежный (=чудесный) миг/мгновение»), *х1айранай гьудул* «нежная подруга», *х1айранай эбел* «нежная, трогательная мама», *х1айранал т1угьдул* «нежно-трогательные цветы», *х1айранал иццал* «трогательно-красивые родники», *х1айранал бакънал* «нежные мелодии» и др. Можно утверждать, что данная трансформация значения характерна в передаче чувственного восприятия действительности в состоянии влюбленности или же проявлении определенного чувства (уважения, восхищения) к женщине.

Метафоры в поэтических текстах выполняют не только эмоционально-оценочные, но и символические функции. Например, в *к1иго ц1олбол горо* «две виноградинки» – это глаза черного [как виноград] цвета использован народный поэтический образ. Но рядом с метафорическим сочетанием *дур мат1у* «твое зеркало» (=твое лицо) стих приобретает индивидуально-авторский и одновременно национально-культурный характер.

Разновидностью персонификации является приписывание человеческих качеств любви, природе, последствиям эмоциональных состояний человека (например, слезам), частям тела человека и т.д. Использование приема персонификации придает поэтической речи Р. Гамзатова личностный характер, способствует созданию живых образов на основе авторских образных ассоциаций. В формировании приема персонификации принимают участие слова разных лексико-семантических

групп, и этот прием является достаточно характерным изобразительно-выразительным средством для стиля и языка поэтических текстов Р. Гамзатова.

Символические метафоры, использованные в присубстантивных сравнениях в поэтических текстах Р. Гамзатова, имеют гендерную специфику. Так, в сравнениях, характеризующих мужчин, чаще употребляются образы сильных зверей, актуализирующие такие мужские качества, как смелость, отвага, решительность. Сравнения с растительным миром чаще используются для характеристики женщин. В большинстве случаев такие сравнения, в которых употребляются культурно-символические названия цветов и деревьев, характеризуют внешний облик женщин. В основном присубстантивные сравнения в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова имеют распространенную форму, где распространители выполняют функцию аргументации сравнений, часто имеющих индивидуально-авторский, поэтому субъективно-оценочный характер.

Образные сравнения вербализуют особенности авторского эмоционально-образного и интеллектуального осмысления окружающего мира, поэтому элемент субъективности в таких сравнениях достаточно очевиден. Сравнения с уподобительно-идентифицирующей частицей *-лъун*, соотносительные со сравнениями, выражаемыми в русском языке так называемым сравнительным творительным, в поэтических произведениях Р. Гамзатова представлены непродуктивно. Многие характеризуемые в нашем исследовании сравнения носят индивидуально-авторский характер, они содержат в себе субъективно-ассоциативный компонент, определяемый особенностями эмоционально-образного и интеллектуального осмысления окружающего мира автором поэтических текстов. Названия сравниваемых объектов свидетельствует об этом: *дунял – гьоко* «мир – арба», *кеч1 – гамач1* «песня/стихи – камень», *рак1алде щвеял* – (х1анч1ил) *куркьбал* «воспоминания – (птицы) крылья» и т.д.

В отдельных сравнениях использована авторская символика. Так, существительное *чирахъ* «светильник» переносно использовано как символ света, радости на душе (в сердце) человека. Степень эмоциональности данного сравнения усиливается тем, что источником света, радости для поэта является его родная мать, самый близкий в его жизни человек.

Анализ морфолого-синтаксических средств в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова показывает, что глагольная лексика занимает особое место, даже в текстах лирических произведений глаголов используется больше адъективной лексики. В текстах поэм, описывающих различные события, глаголы используются не только в своем типичном значении, но и в переносных значениях. При описании событий, имевших место в прошлом, употребляются не только синтетические и аналитические формы прошедшего времени, но и формы констатива, настоящего времени и реже формы футурума. Имеет место также использование отдельных форм глагольных наклонений, например, со значением желательности. Тем самым доказывается, что языковой потенциал автора отличается многими морфологическими характеристиками.

Автор в своих текстах репрезентирует мысленный диалог с отцом, с матерью, как бы вступает в диалог со своими воспоминаниями, в таких поэтических текстах используются специальные формы вопросительного наклонения глагола. Такие формы нередко употребляются в инверсивных синтаксических конструкциях. Особенно в образно-ассоциативном плане интересна репрезентация персонификации платка матери, эмоционального общения поэта с материнской шалью. Нами также выявлено, что глагольная лексика в текстах Р. Гамзатова может сопровождаться числовой символикой, имеющей национально-культурный характер и соответственно выражающей национально-культурные коннотации. Эти особенности рассматриваются как индивидуально-авторские приемы, удачно вписываемые в контекст для передачи авторской интенции.

На синтаксическом уровне среди значимых особенностей языка писателя можно назвать инверсию. В аварском литературном языке, как и в ряде других дагестанских языков, обычной позицией предиката-сказуемого, выраженного глагольными или именными компонентами, является стилистически нейтральная конечная позиция. В поэтических текстах Р. Гамзатова такой порядок нередко нарушается в семантико-стилистических целях. Так, например, в конечной позиции может оказаться определение, важное в смысловом отношении, являющееся в этом плане ключевым, при этом определение может занимать как контактную, так и дистантную позицию по отношению к определяемому слову.

Другой синтаксической особенностью языковой личности Р. Гамзатова является использование в самостоятельной предикативно характеризующей функции инфинитных форм глагола (деепричастий и причастий), что не характерно для узуса, но может быть характерно для разных текстов аварского устного народного творчества.

В нашем исследовании выявлены характерные для Р. Гамзатова образные средства, метафорические приемы как символические элементы культурного кода, характеризующие индивидуально-авторское мировидение. Более частотными из них можно назвать бурку, которая является свидетелем многих героических поступков и храбрости, а также символический смысл приобретает слово *чу* «конь» (символ настоящего джигита на коне). Данный символ широко репрезентируется в текстах аварских народных героических песнях в качестве украшающего элемента, поэтому его использование в поэтическом дискурсе Р. Гамзатова демонстрирует влияние на ментальное представление автора фольклорных смыслов и народных традиций.

Особую смысловую значимость в языке Р. Гамзатова приобретает языковая символика, связанная с отношением мужчины к женщине, которое оценивается как мерило его достоинства, мужской чести. В этом плане символами, актуализирующими благородство и честь мужчины, используются слова *ях1* «честь», *намус* «совесть», *лебаллъи* «достоинство».

Р. Гамзатов оценочно разделяет людей на хороших, достойных и плохих, недостойных, символически называя их *орлами* и *змеями*. Также для поэтического дискурса Р. Гамзатова характерна символика, связанная с рекой (*г1ор*), реперезентирующая течение времени, жизни. Еще один символ жизни, его мудрости, радостей жизни, или, напротив, жизненных испытаний, изменчивости жизни для Р. Гамзатова эксплицирован лексической единицей *гъветI* «дерево». Языковая актуализация понятия благополучия в каких-либо начинаниях связано с выражением *кувшин, наполненный водой*. Такая народная символика гармонично вплетается в авторский текст и придает ему колоритность.

В характеристике языковой личности Р. Гамзатова отмечены средства создания юмора. Интересны случаи выражения иронического отношения поэта к самому себе, игривости, например, поэт называет себя подхалимом. Номинации типа «подхалим», «твой приказ», имеющие по отношению к лицам мужского пола в соответствии с национальным менталитетом негативный оттенок и выражающие отрицательные коннотации, в данном контексте приобретают характер теплого, легкого юмора, свойственного сильному, талантливому человеку, по-настоящему любящему и глубоко уважающему свою жену.

В плане определения языковых средств создания юмора в языке Р. Гамзатова интересны не только тексты стихотворений, но и названия самих стихотворений: «Молитва карьериста», «Выступление на сборище воров», «Песня взяточника», «Страдальцы поэты в бедности жили», «Автору бессмысленных стихов», «Меркантильному поэту» и т.д., в которых юмор переходит в прямой укор, иногда в злую иронию, сарказм. Для выражения юмора, порой переходящего в злую иронию, используются различные языковые средства: сравнительные конструкции; антонимы; эпитеты-прилагательные; императивные формы глаголов; различные контекстуальные противопоставления; слова с переносными значениями; структуры, построенные на принципе алогизма и т.д.

Концептуальный и лингвокультурологический анализ поэтических текстов Р. Гамзатова позволяет выявить следующее концептуальные константы его творчества: «Ват1ан» (Родина), «Гъансито» (родной очаг), «Г1умру» (жизнь), «Хвел» (смерть), «Бихьинчи» (мужчина), «Рокьи» (любовь), «Ч1ужуг1адан» (женщина), «Гьари» (просьба-мольба), «Рагъ» (война), которые являются составной частью его концептосферы. В авторской поэтической картине мира они являются ядерными, ключевыми, в их репрезентации участвуют национальные и индивидуальные образы и символы, которые создают многослойную структуру концепта и в совокупности выстраивают многранную систему идивидуально-авторской языковой картины мира. Вместе с тем хочется отметить, что в самом ядре концептосферы находится «Рокьи» (любовь). Понятия патриотизм, родной дом, борьба за жизнь, мирное существование имеют один исток – любовь, которая эксплицируется различными языковыми средствами в поэтических текстах Р. Гамзатова.

Таким образом, можно резюмировать, что языковая личность Р. Гамзатова эксплицируется многоуровневыми языковыми единицами, репрезентирующими его индивидуально-авторскую картину мира. Богатство его языка, неисчерпаемое в своем потенциале, обеспечивается элитарностью автора в плане языковой компетенции, его креативностью, умением гармонично соединять литературные формы языка с элементами фольклорных текстов. Ментальное пространство личности поэта многослойное: оно сформировано под влиянием родного языка, культурных ценностей дагестанцев, текстов устного народного творчества, которые значимы в сознании не только автора-Гамзатова, но и читателей. Существенным фактором в формировании личности Р. Гамзатова можно считать влияние родителей, их воспитание не только в плане поведенческом, бытовом, нравственном, но и литературном, культурном. Выросший в семье известного поэта Гамзата Цадасы, он изначально впитал в себя культуру поэтического творчества, которую ему удалось довести до высочайшего

общероссийского и мирового уровня. Его идиостиль узнаваем и близок всем, кто погружается в его тексты, приобщается к творчеству.

Решение поставленных в диссертации задач открывает **дальнейшие перспективы исследования,** которые видятся в следующем: 1) в исследовании фонетических особенностей аварского языка, выявлении роли и функций аллитераций, ассонанса в поэтических и прозаических текстах Р. Гамзатова; 2) в сопоставительном исследовании индивидуально-авторской и национально-культурной языковой символики, определении их общих и специфических черт; 3) в исследовании языковой личности Р. Гамзатова на материале прозаических текстов и установлении тождества поэтической и прозаической языковой личности; 4) в составлении авторского словаря символов, а также словаря тропов Р. Гамзатова; 5) в расширении когнитивного аспекта изучения текстов Р. Гамзатова с целью детального описания концептуальной картины мира автора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абачараева, М.М. Язык песенного фольклора лакцев : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02 / Абачараева Мадина Мусаевна. – Махачкала, 2013. – 22 с.

2. Абдуллаева, А.А. Контактный лексический повтор в современной кумыкской поэзии / А.А. Абдуллаева // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2012. – Вып. 3. – С. 84-87.

3. Абдуразакова, З.Г. Компаративные фразеологические единицы в аварском и русском языках: лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Абдуразакова Зарема Гасановна. – Махачкала, 2014. – 25 с.

4. Абдусаламова, А.З. Сравнительные конструкции в русских и аварских фольклорных текстах: структура, семантика и функционирование: монография / А. З. Абдусаламова. – Махачкала: ДГУ, 2016. – 152 с.

5. Абдусаламова, А.З. Сравнительные конструкции в русских и аварских фольклорных текстах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Абдусаламова Амина Зайнулабидовна. – Махачкала, 2016. – 18 с.

6. Аверинцев, С.С. Символ / С.С. Аверинцев // Литературный энциклопедический словарь. – Москва: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 378-379.

7. Азизова, Д.М. Художественное своеобразие лирики Багаутдина Аджиева: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Азизова Дина Магомедовна. – Махачкала, 2005. – 22 с.

8. Акимова, Г.Н. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса / Г. Н. Акимова // Вопросы языкознания. – 1977. – № 1. – С. 96-109.

9. Алафаева, В.А. Художественные истоки и формирование новой поэтики в литературах Северного Кавказа (на основе творчества А. Кешокова и К. Кулиева): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Алафаева Валерия Александровна. – Нальчик, 2007. – 23 с.

10. Алдаева, З.А. Видовременные формы глагола и темпоральные детерминанты как средство когезии текста / З.А. Алдаева // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2012. – Вып. 3. – С. 32-36.

11. Александрова, Д. И. Сравнение как способ создания художественного образа в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» / Д.И. Александрова // Русский язык в школе. – 2005. – № 3. – С. 54-57.

12. Алексеев, М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков / М.Е. Алексеев. – Москва : Наука, 1988. – 223 с.

13. Алексеев, М.Е. Аварский язык / М. Е. Алексеев, Б. М. Атаев. – Москва : Academia, 1998. – 143 с.

14. Алефиренко, Н.Ф. Текст и дискурс в фокусе языковой личности / Н. Ф. Алефиренко // Языковая личность. Текст. Дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы Международной научной конференции: в 2 частях. – Самара: Издательство Самарского университета, 2006. – Ч. 1. – С. 6-10.

15. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: учебное пособие для студентов филологических специальностей вузов / Н.Ф. Алефиренко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Академия, 2007. – 367 с.

16. Алигаджиева, А.Р. Лексико-грамматическая организация и синтаксические функции причастий аварского и немецкого языков: специальности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02, 10.02.20 / Алигаджиева Альфия Расуловна. – Махачкала, 2008. – 25 с.

17. Алиева, М.М. Структурно-семантические и функциональные особенности антропонимов в художественном тексте (на материале произведений М. А. Булгакова): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Алиева Маржанат Мусалимовна. – Махачкала, 2006. – 17 с.

18. Алиева, П. М. Лингвокультурология пожеланий в любви : на материале аварского языка / П.М. Алиева // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. – Махачкала, 2010. – Вып. 9. – С. 39-50.

19. Алиева, Х.М. Художественное своеобразие поэзии Расула Гамзатова: аспект национально-русского взаимодействия: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Алиева Хадижат Магомедовна. – Махачкала, 2012. – 22 с.

20. Алиханова, Л.Г. Числовая символика в аварских фразеологических и паремиологических единицах / Л.Г. Алиханова // Андийские языки среди языков народов Дагестана: материалы научно-практической конференции-презентации, Махачкала, 6-8 июня 2011 года / ответственный редактор П. А. Магомедова; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2011. – С. 34-37.

21. Алтабаева, Е.Б. Концепт «желание» как когнитивная основа категории оптативности / Е.Б. Алтабаева // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону – Адлер, 6-12 сентября 2003 г. – Ростов-на-Дону, 2003. – Вып. 2: История. Культура. Язык.

22. Амирова, П.Р. Безличные предложения с глаголами, выражающими различные психо-физические состояния человека / П.Р. Амирова // Вопросы типологии русского и дагестанских языков. – Махачкала, 2006. – Вып. 1.

23. Амичба, Х.Г. Цветовая метафора в абхазском, немецком и английском языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Амичба Хибла Георгиевна. – Москва, 1997. – 188 с.

24. Антопольский, Л.Б. У очага поэзии: очерк творчества Расула Гамзатова / Л. Б. Антопольский. – Москва: Советский писатель, 1972. – 312 с.

25. Анчек, С.Х. Адыгская языковая личность в поэтическом дискурсе / С.Х. Анчек // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-2(54).

26. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.

27. Артемова, А.В. Эмотивно-оценочная объективация концепта «женщина» в семантике фразеологических единиц: на материале английской и русской фразеологии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Артёмова Анна Вячеславовна. – Пятигорск, 2000. – 16 с.

28. Арутюнова, Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – Москва: Наука, 1979. – С. 147-173.

29. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник / под редакцией Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 5-32.

30. Арутюнова, Н.Д. Национальное сознание, язык, стиль / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: сборник тезисов конференции, Москва, 01-03 июня 1995 г. – Москва: Русская филология, 1995.

31. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.

32. Асаева, М.М. Словотворчество как компонент идиостиля писателя / М. М. Асаева // Иностранный язык в техническом вузе: материалы межвузовской региональной научно-практической конференции. – Махачкала, 2006. – С. 24-25.

33. Асаева, М.М. Метафорическая картина мира как составляющая идиостиля О. Э. Мандельштама / М.М. Асаева // Информационные технологии в экономике и управлении. – Махачкала, 2008. – С. 7-8.

34. Асаева, М.М. Речевые средства выразительности в автобиографической прозе О. Э. Мандельштама: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Асаева Марьям Моллаевна. – Махачкала, 2009. – 22 с.

35. Асхабалиева, К.З. Роль повтора в выражении степени интенсивности побуждения / К.З. Асхабалиева // Вопросы типологии русского и дагестанских языков: сборник статей. – Махачкала: Дагестанский гос. университет, 2006. – Вып. 1. – С. 36-38.

36. Атаев, Б.М. Проблемы этнокультурной жизни народов Дагестана / Б.М. Атаев // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии / под редакцией Г. Г. Гамзатова. – Махачкала: Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2008. – С.143-148.

37. Ахиджакова, М.П. Вербализация ментального пространства языковой личности автора в художественном тексте: на материале творчества Аскера Евтыха: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / Ахиджакова Марьет Пшимафовна. – Краснодар, 2007. – 51 с.

38. Ахиджакова, М.П. Когнитивная природа языкового сознания автора в художественном пространстве / М.П. Ахиджакова // Современная научная мысль. – 2014. – № 1. – С. 161-169.

39. Ашимова, А.Ф. Лексико-семантические блоки в прозе Б. Л. Пастернака / А.Ф. Ашимова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 4. – С. 57-59.

40. Ашимова, А.Ф. Лингвистические особенности индивидуально-авторского стиля Б. Пастернака в романе «Доктор Живаго»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Ашимова Анжела Фейзединовна. – Махачкала, 2010. – 24 с.

41. Баева, И.В. Коннотация и перенос / И.В. Баева, Ю.А. Левицкий // Проблемы межкультурной коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. – Пермь: Перм. ун-т, 1999. – С. 176-181.

42. Баишева, З.В. Языковая личность судебного оратора Анатолия Федоровича Кони: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 / Баишева Зиля Вагизовна. – Уфа, 2007. – 46 с.

43. Бакина, М.А. О некоторых особенностях современного поэтического словотворчества / М.А. Бакина // Русский язык в школе. – 1975. – № 3.

44. Бакина, М.А. Фразеологизмы в поэзии / М.А. Бакина // Русская речь. – 1980. – № 2. – С. 30-34.

45. Баккуева, Ж.Т. Художественная концепция личности женщины в творчестве К. Кулиева: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Баккуева Жамиля Татаркановна. – Нальчик, 2006. – 20 с.

46. Бакланская, А.А. Явление синонимии в аспекте современной научной парадигмы / А.А. Бакланская // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону – Адлер, 6-12 сентября 2003 г. – Ростов-на-Дону, 2003. – Вып. 2: История. Культура. Язык.

47. Бакушева, Е.М. Социолингвистика и анализ речевого поведения мужчины и женщины в современном обществе / Е.М. Бакушева. – Рязань: РГПИ, 1992. – 14 с.

48. Баранникова, Т.Б. Стилистическая синонимия в лексике разносистемных языков: лезгинского, русского, английского: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.20 / Баранникова Татьяна Борисовна. – Махачкала, 2006. – 38 с.

49. Бартенева, М.Ю. Синтаксические и семантико-стилистические средства организации текста современной художественной прозы: на материале произведений В. Токаревой и Т. Толстой: автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Бартенева Марина Юрьевна. – Махачкала, 2000. – 25 с.

50. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества: сборник избранных трудов / М.М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1979. – 423 с.

51. Баширова, Р.С. Аналитические конструкции глагола аварского литературного языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02 / Баширова Роза Саадулаевна. – Махачкала, 2008. – 23 с.

52. Беляева, Н.Д. Цвет в произведениях И. Ильфа и Н.Е. Петрова / Н. Д. Беляева // Русская речь. – 1983. – № 6. – С. 40-43.

53. Беляевская, Е.Г. Когнитивные параметры стиля / Е.Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – Вып. 1. – С. 22-29.

54. Берков, В.П. Семантика сравнения и типы ее выражения / В. П. Берков // Теория функциональной грамматики: качественность, количественноть / под редакцией А. В. Бондарко. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – С. 107-129.

55. Берневега, С.И. Лексический повтор в русской в русской лирической поэзии XIX века (В. Жуковский, Ф. Тютчев, Я.А. Полонский, А. Фет): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Берневега Светлана Ивановна. – Санкт-Петербург, 1995. – 20 с.

56. Бесолова, Е.Б. Лексикон произведений Коста Хетагурова как материал для создания тезауруса / Е. Б. Бесолова // Известия СОИГСИ. – 2010. – Вып. 4 (43). – С. 67-73.

57. Бесолова, Е.Б. Ономасиологический лексикон языка «Осетинской лиры» Коста Хетагурова / Е.Б. Бесолова. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2014. – 617 с.

58. Бижева, З.Х. Культурные концепты в адыгской языковой картине мира: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.09, 10.02.19 / Бижева Зара Хаджимуратовна. – Нальчик, 1999. – 38 с.

59. Бижева, З.Х. Адыгская языковая картина мира / З.Х. Бижева – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 122 с.

60. Бижоев, Б.Ч. Роль А.А. Шогенцукова в расширении семантики слов кабардино-черкесского языка / Б.Ч. Бижоев // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 7, ч. 2. – С. 200-204.

61. Богданов, В. В. Лингвистическая прагматика и её прикладные аспекты / В.В. Богданов // Прикладное языкознание: учебник / ответственный редактор А. С. Герд. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т, 1996. – С. 268-275.

62. Богин, Г.И. Современная лингводидактика / Г.И. Богин. – Калининград: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.

63. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / Богин Георгий Исаевич. – Ленинград, 1984. – 31 с.

64. Богин, Г.И. Типология понимания текста: учебное пособие / Г.И. Богин. – Калинин: КГУ, 1986. – 86 с.

65. Болдырев, Н.Н. Язык и структура сознания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXIV. – С. 35-48.

66. Бондарко, А.В. Некоторые случая переносного употребления времен / А.В. Бондарко // Русская речь. – 1967. – № 5. – С. 34-37.

67. Бублейник, Л.В. Синонимы в поэзии С. Есенина / Л.В. Бублейник // Русская речь. – 1978. – № 5. – С. 28-34.

68. Булыгина, Т.В. Оценочные речевые акты извне и изнутри / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – Москва: Наука, 1994. – С. 49-59.

69. Бутырина, Л.Н. К вопросу об изучении слова с переносным значением: на материале языка стихотворений А. Ахматовой / Л.Н. Бутырина // Язык писателя. Текст. Смысл: сборник научных трудов / под общей редакцией Л.В. Лисоченко. – Таганрог: Таганрог. гос. пед. ин-т, 1999.

70. Буянова, Л.Ю. Язык и ментальность: специфика взаимокорреляции / Л.Ю. Буянова // Язык и ментальность: сборник статей. Сер.: Славянский мир. – 2010. – Вып. 5. – С. 15-20.

71. Важева, С.В. Языковые средства экспрессии в поэзии И.С. Никитина: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Важева Софья Валентиновна. – Тамбов, 2000. – 20 с.

72. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа = Muttersprache und geistesbildung / Й.Л. Вайсгербер; перевод с немецкого О. А. Радченко. – 3-е изд. – Москва: URSS, 2004. – 229 с.

73. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: перевод с английского / А. Вежбицкая. – Москва: Рус. слов., 1996. – 411 с.

74. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Москва: Русский язык, 1980. – 320 с.

75. Виноградов, В.В. О художественной прозе / В.В. Виноградов. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1930. – 190 с.

76. Виноградов, В.В. Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. – Москва: Худ. Литература, 1961. – 617 с.

77. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – Москва: Высшая школа, 1971. – 240 с.

78. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – Москва: Наука, 1980. – 360 с.

79. Винокур, Г. О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика / Г. О. Винокур. – Москва: Наука, 1990. – 452 с.

80. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур; Рос. АН, Ин-т рус. яз. – Москва: Наука,, 1993. – 171 с.

81. Вольф, Е. М. Состояния и признаки. Оценки состояний / Е. М. Вольф // Семантические типы предикатов / Т.В. Бурлыгина, О.Н. Селиверстова, Н.А. Ишевская [и др.]. – Москва: Наука, 1982. – С. 325-326.

82. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки = Semantica funcional da valorizacao / Е.М. Вольф; ответственный редактор Г.В. Степанов. – Москва: Наука, 1985. – 228 с.

83. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

84. Воробьев, В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – Москва: РУДН, 2008. – 336 с.

85. Воробьев, В.В. Языковая личность в лингвокультурологии / В.В. Воробьев // Языковая личность: лингвистика, лингвокультурология, лингводидактика: материалы Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Уфа, 11 октября 2011 г. – Москва: РИЦ Мин обороны РФ, 2011. – С. 234-237.

86. Ворожбитова, А.А. "Языковая личность" и "литературная личность" как лингвориторические категории / А.А. Ворожбитова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвузовский сборник научных трудов / под редакцией А.А. Ворожбитовой. – Сочи: РИО СГУТ и КД, 2007. – С. 22-30

87. Гаджиалиева, М.Г. Прототипические ситуации в зложеланиях даргинского языка / М.Г. Гаджиалиева, А.Х. Рамазанова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – Вып. 3. – С. 181-185.

88. Гаджиахмедов, Н.Э. Язык как индикатор этнического менталитета: на материале русского и кумыкского языков / Н.Э. Гаджиахмедов // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2012. – Вып. 3. – С. 57-61.

89. Гаджиахмедова, М.Х. Стилевое своеобразие аварских народных героико-исторических песен о Кавказской войне / М.Х. Гаджиахмедова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2011. – Вып. 3. – С. 38-47.

90. Гаджиахмедова, М.Х. Некоторые черты поэтического стиля Алигаджи из Инхо: на материале философской лирики / М.Х. Гаджиахмедова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2014. – Вып. 3. – С. 65-72.

91. Гаджиева, А.А. К вопросу об эквивалентности перевода: на материале повести И. Казиева «Ротозей» / А.А. Гаджиева // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2012. – Вып. 3. – С. 166-169.

92. Гаджиева, А.А. Художественное своеобразие очерка И. Керимова «Мои земляки» / А.А. Гаджиева // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2013. – Вып. 3. – С. 99-101.

93. Гаджиева, З.З. Аварская элегическая лирика: национальные истоки, генезис и развитие жанров, поэтика, XIX в. / З.З. Гаджиева. – Махачкала, 1997. – 150 с.

94. Гаджиева, З.З. История аварской литературы: 1920-1950 гг. / З.З. Гаджиева, М.Х. Гаджиахмедова. – Махачкала: Ин-т ЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. – 330 с.

95. Гаджиева, М.М. Категория отрицания в аварском и русском языках в сопоставительном аспекте: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Гаджиева Марьям Магомедариповна. – Махачкала, 2015. – 24 с.

96. Гаджимурадова, Б.Н. Суффиксальные окказиональные существительные в современной поэзии / Б.Н. Гаджимурадова // Русский язык на Северном Кавказе: материалы Международной научно-практической конференции, 1 января – 31 декабря 2001 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – С. 86-87.

97. Гаджимурадова, Б.Н. Индивидуально-авторские неологизмы в современной поэзии (словообразовательная и семантико-стилистическая характеристика): автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук: 10.02.01 / Гаджимурадова Бэла Нурмагомедовна. – Махачкала, 2003. – 26 с.

98. Гаджимурадова, Б.Н. Некоторые семантические особенности авторских наречий / Б.Н. Гаджимурадова // Человек и Вселенная. – Санкт-Петербург, 2003. – Вып. 4 (25). – С. 61-64.

99. Гайдаров, Р.И. Язык поэтика Стальского / Р.И. Гайдаров. – Махачкала: Радуга-1, 1997. – 180 с.

100. Гак В.Г. Человек в языке / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / ответственные редакторы: Н.Д. Арутюнова И. Б. Левонтина. – Москва: Индрик, 1999.

101. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва: Наука, 1981. – 139 с.

102. Гамалей, Т.В. Эмоционально-оценочные экспрессивы в портретном описании / Т.В. Гамалей // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2012. – Вып. 6. – С. 146-150.

103. Гасанбекова, Э.С. К вопросу о способах включения сравнительных конструкций в поэтическую речь: на материале русских переводов произведений Ф. Алиевой / Э.С. Гасанбекова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2005. – С. 123-127.

104. Гасанбекова, Э.С. К вопросу об особенностях употребления сравнительных конструкций в художественной речи / Э.С. Гасанбекова // Изучение фольклора, литературы и языков народов Дагестана. Проблемы жанра в филологии Дагестана. – Махачкала, 2006. – Вып. 2. – С. 94-101.

105. Гасанова, Д.Г. Художественное своеобразие творчества Азиза Алема: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Гасанова Джамиля Гасановна. – Махачкала, 2006. – 21 с.

106. Гасанова, М.А. Концепт родина в русских и табасаранских пословицах и поговорках / М.А. Гасанова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2012. – Вып. 6. – С. 142-145.

107. Гасанова, М.А. Числовой код культуры в дагестанской языково картине мира: история вопроса и перспективы исследования / М.А. Гасанова // Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы XI Всероссийской конференции. – Махачкала, 2016. – Вып. 8. – С. 277-283.

108. Гасанова, С.Н. Лингвокультурологический анализ концепта «мужчина-женщина» в агульском языке / С.Н. Гасанова // Вопросы языков и фольклора малочисленных народов Дагестана. – Махачкала, 2004. – Вып. 2. – С. 27-31.

109. Гаспарян, С.К. Функционально-коммуникативный аспект изучения фигур сравнения / С.К. Гаспарян // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: сборник тезисов международной конференции, Москва, 01-03 июня 1995 г. – Москва: Русская филология, 1995. – Т. 1.

110. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций / Г.Д. Гачев. – Москва: Академия, 1998. – 432 с.

111. Гашарова, А.Р. Лирика Шах-Эмира Мурадова: художественный мир и поэтика: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Гашарова Аида Руслановна. – Махачкала, 2011. – 23 с.

112. Геляева, А.И. Человек в языковой картине мира / А.И. Геляева. – Нальчик: Кабардино-Балк. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова, 2002. – 177 с.

113. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург: Издательствово Санкт-Петербургского университета, 2005. – 456 с.

114. Героические песни и баллады аварцев = Аваразул кьалул кучідул ва балладаби: аваразул кьалул куч1дул ва балладаби: тексты, перевод, комментарии / составитель А. А. Ахлаков; под редакцией Г.Г. Гамзатова. – Махачкала: Институт яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы, 2003. – 379 с.

115. Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. – Санкт-Петербург: Фил. фак. СПбГУ, 2000. – 190 с.

116. Голев, Н.Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка / Н.Д. Голев // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, филология, философия и педагогика. – 2004. – № 4. – С. 41-45.

117. Голев, Н.Д. Развитие языковой личности в текстовой деятельности / Н.Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, Э.П. Хомич [и др.]. – Барнаул; Кемерово: [БГПУ], 2006. – С. 383-390.

118. Головачева, О.А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н.С. Лескова: язык публицистики 60-х годов XIX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 / Головачева Ольга Алексеевна. – Смоленск, 2016. – 38 с.

119. Голубина, К.В. Когнитивные основания эпитета в художественном тексте: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Голубина Ксения Владимировна. – Москва, 1998. – 25 с.

120. Гольдин В.Е. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. – 1993. – № 25. – С. 9-19.

121. Гольдин, В.Е. Языковое сознание. Речевая коммуникация: избранные труды / В. Е. Гольдин; составители: О.Ю. Крюкова, А.П. Сдобнова. – Саратов, 2020. – 496 с.

122. Горн, В.Ф. Живой язык Василия Шукшина / В. Ф. Горн // Русская речь. – 1977. – № 2. – С. 24-31.

123. Григорьева, О.Н. Синтетическая поэзия Б. Ахмадулиной / О.Н. Григорьева, Т.В. Тевалинская // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. – 1990. – № 4. – С. 12-19.

124. Гришунин, А.Л. Из наблюдений над словоупотреблением А. Блока / А.Л. Гришунин // Русская речь. – 1975. – № 2. – С. 19-24.

125. Громова, Н. М. Жизнь слова в поэзии Роберта Рождественского / Н. М. Громова // Русская речь. – 1975. – № 4. – С. 43-50.

126. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – Москва: Прогресс, 1984. – 400 с.

127. Гуревич, А.Г. Душевные переживания человека в семантической структуре концепта света и тьмы в русской языковой картине мира в сопоставлении с английской языковой картиной мира / А.Г. Гуревич // Актуальные проблемы языка и литературы. – Махачкала: ДГПУ, 2004. – Вып. 13. – С. 5-11.

128. Гуревич, А.Г. Концепт света и тьмы в русской и английской языковых картинах мира: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Гуревич Анна Геннадьевна. – Махачкала, 2005. – 24 с.

129. Гусейнова, Г.М. Символы света и цвета в системе средств художественной выразительности речи в рассказах Юрия Казакова / Г.М. Гусейнова // Вопросы филологии. – 2006. – Вып. 6. – С. 377-381.

130. Гусейнова, Г.М. Концепты «свет» и «цвет» в художественной картине мира Ю. П. Казакова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Гусейнова Галина Мустафаевна. – Махачкала, 2009. – 24 с.

131. Гюльмагомедов, А.Г. Гендерная лингвистика или лингвистическая гендерология / А.Г. Гюльмагомедов // Языкознание в Дагестане: лингвистический ежегодник. – Махачкала, 2004. – № 7. – С. 5-16.

132. Гюльмагомедов, А. Г. Женщина в лезгинском языке: опыт составления словаря концепта «женщина» / А.Г. Гюльмагомедов, Р.Ш. Магамдаров. – Махачкала: ДГУ, 1999. – 130 с.

133. Девлетмурзаева, У.Д. О концепте «конец» в аварской языковой картине мира / У.Д. Девлетмурзаева // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания: сборник докладов II Международной научно-практической конференции, 8 июля 2010 г. – Новосибирск, 2010. – № 2. – С. 231-234.

134. Девлетмурзаева, У.Д. Концепты «начало» и «конец» в аварской языковой картине мира: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02 / Девлетмурзаева Умият Дабиевна. – Махачкала, 2011. – 22 с.

135. Дементьев, В.В. Расул Гамзатов. Жизнь и творчество / В. В. Дементьев. – Москва: Советская Россия, 1984. – 160 с.

136. Дементьев, В.В. Кавказская тетрадь: [о К. Кулиеве, Р. Гамзатове, А. Кешокове] / В. В. Дементьев. – Москва: Современник, 1989. – 430 с.

137. Демешко, Н.В. Сравнительные конструкции в поэтическом языке Б. Пастернака / Н.В. Демешко // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2010. – Вып. 4. – С. 43-45.

138. Джамалов, К.Э. Сравнения как один из основных тропов в поэзии Р. Гамзатова / К.Э. Джамалов // Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы XI Всероссийской конференции. – Махачкала, 2016. – Вып. 8. – С. 307-310.

139. Джамалудинова, Х.Г. Жанрово-стилистические особенности трилогии Фазу Алиевой «Роса выпадает на каждую травинку»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Джамалудинова Хадижат Гамзатовна. – Махачкала, 2012. – 24 с.

140. Дзусова, Б.Т. Роль этнокультуроведческой лексики в формировании этноспецифики языкового сознания / Б.Т. Дзусова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону – Адлер, 6-12 сентября 2003 г. – Ростов-на-Дону, 2003. – Вып. 2: История. Культура. Язык.

141. Дибиров, И.А. Традиции перевода аварской литературы на русский язык / И. А. Дибиров, Х. М. Алиева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 5. – С. 118-122.

142. Дибиров, И.А. Социолингвистические факторы, влияющие на развитие аварского языка / И. А. Дибиров // Язык: история и современность. – 2022. – № 3(14). – С. 26-33.

143. Дибирова, Л.З. Средства выражения субъективной оценки в дагестанской русскоязычной прессе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Дибирова Лариса Зияуттиновна. – Махачкала, 2013. – 23 с.

144. Долинин, К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К.А. Долинин // Жанры речи: сборник статей. – Саратов: Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 7-13.

145. Дубов, И.Т. Феномен менталитета: психологический анализ / И.Т. Дубов // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 20-29.

146. Дьякова, Т.А. Фитонимы в лирике М. Матусовского как средство репрезентации языковой картины мира поэта / Т.А. Дьякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. – 2020. – № 2. – С. 19-20.

147. Дьякова, Т.А. Функционально-стилистические аспекты использования иноязычных топонимов в художественных текстах Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Филология и человек. – Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2022. – № 2. – С. 100–114. DOI 10.14258/filichel(2022)2–07

148. Дьякова, Т.А. Литературный интертекст как элемент идиолекта Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Омского государственного педагогического университета : Гуманитарные исследования. – 2022. – № 2 (35). – С. 76-82.

149. Женщина, гендер, культура / ответственные редакторы: З.А. Хоткина, Н.Л. Пушкарева, Е.И. Трофимова. – Москва: РЛШГИ, 1999. – 367 с.

150. Жинкин, Н.И. Язык – речь – творчество: исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике: избранные труды / Н.И. Жинкин. – Москва: Лабиринт, 1998. – 364 с.

151. Журавли Расула Гамзатова: альбом / автор проекта М. Ахмедова; составитель М. Ахмедов; администрация г. Махачкалы. – Махачкала; Москва: [б. и.], 2006. – 166 с.

152. Заверзина, Г.А. Цветовая палитра в политическом языке / Г.А. Заверзина // Русская речь. – 2008. – № 6. – С. 60-63.

153. Захарова, В.Е. Метафора в письмах Чехова / В.Е. Захарова // Русская речь. – 1976. – № 3. – С. 40-44.

154. Золотова, Г.А. Очерки функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – Москва: Наука, 1973. – 351 с.

155. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – Москва: Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 2004. – 540 с.

156. Зубова, Л.В. Поэзия М. Цветаевой: лингвистический аспект / Л.В. Зубова. – Ленинград: ЛГУ, 1989. – 262 с.

157. Ибрагимов, Л.М. Художественное воплощение национального менталитета в чеченской прозе XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Ибрагимов Лёма Махмудович. – Махачкала, 2011. – 23 с.

158. Ибрагимова, С.К. Сравнение в романах А.В. Амфитеатрова как средство выражения авторских интенций / С.К. Ибрагимова // Вестник ДГПУ. Актуальные вопросы науки и образования. – Махачкала: ДГПУ, 2006. – Вып. 4. – С. 75-79.

159. Ибрагимова, С.К. Метафора в экспрессивно-семантическом поле романов А.В. Амфитеатрова / С.К. Ибрагимова // Контенсивная типология естественных языков: материалы Международной научно-практической конференции языковедов, 26-27 апреля 2007. – Махачкала: ДГУ, 2007. – С. 163-166.

160. Ибрагимова, С.К. Эпитет как средство авторской прагматики в романе А. В. Амфитеатрова «Марья Лусьева» / С. К. Ибрагимова // Гуманитарные науки: новые технологии образования: материалы XI региональной научно-

практической конференции, 18-19 мая 2006 г. – Махачкала: ДГУ, 2006. – С. 184-189.

161. Ибрагимова, С.К. Языковые средства выражения индивидуально-авторской художественной системы (проза А.В. Амфитеатрова): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Ибрагимова Севиль Камиловна. – Махачкала, 2009. – 22 с.

162. Иванчикова, Е.А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения / Е.А. Иванчикова // Мысли о современном русском языке / под редакцией В.В. Виноградова. – Москва: Наука, 1969. – С. 126-139.

163. Изиева, З.К. Идейно-художественные особенности лирики Алим-Паши Салаватова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук 10.01.02 / Изиева Зарема Казбековна. – Махачкала, 2006. – 18 с.

164. Ильясов, Х.И. Роль метафоры в современной дагестанской русскоязычной литературе / Х.И. Ильясов // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2012. – Вып. 3. – С. 172-175.

165. Исаев, М.-Ш.А. Зооним бецI «волк» как компонент структуры ФЕ даргинского языка / М.-Ш.А. Исаев // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц: тематический сборник. – Махачкала: Даг. Фил. АН СССР, 1988. – С. 59-67.

166. Исаева, Э.М. Концепт «любовь» в аварской языковой картин мира / Э.М. Исаева // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2015. – Вып. 3. – С. 70-76.

167. Йокояма, О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов / О.Б. Йокояма. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 420 с.

168. Кадимов, Р.Г. Поэтический мир Етима Эмина / Р.Г. Кадимов. – Махачкала: Юпитер, 2001. – 503 с.

169. Кадымов, А.З. Поэтическое творчество Етима Эмина: традиции, жанровая структура: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Кадымов Алим Зурабекович. – Махачкала, 2009. – 23 с.

170. Казакмурзаева, Т.М. О некоторых идиостилевых особенностях функционирования эмоционально-экспрессивного модуса в поэзии В. Вишневского / Т.М. Казакмурзаева // Контенсивная типология естественных языков. – Махачкала: ДГУ, 2007. – С. 182-184.

171. Казакмурзаева, Т.М. Об одном аспекте выражения эмоционально-экспрессивного модуса в сатирических текстах (на материале поэтических произведений В. Вишневского) / Т.М. Казакмурзаева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – Санкт-Петербург, 2007. – Т. 12, № 33. – С. 109-112.

172. Казакмурзаева, Т.М. Эмоционально-экспрессивный модуль языковых единиц в современной сатирической поэзии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Казакмурзаева Тату Мурадовна. – Махачкала, 2007. – 25 с.

173. Казиев, Г.К. Лексика аварского языка / Г.К. Казиев. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1969. (На авар. яз.)

174. Карамурзова, З.С. Лирика А. Кешокова: своеобразие жанровой системы, мотивы и поэтика: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Карамурзова Зита Султановна. – Нальчик, 2009. – 23 с.

175. Карасев, Л.В. Символические схемы в художественном тексте: эстетико-герменевтический анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук: 09.00.04 / Карасев Леонид Владимирович. – Москва, 2007. – 55 с.

176. Карасик, В.И. Дискурсивная персонология / В.И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда: сборник научных трудов / научный редактор В.Б. Кашкина. – Воронеж: ВГУ, 2007. – Вып. 5. – С. 78-86.

177. Карасик, В.И. Языковое проявление личности: монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 450 с.

178. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2004. – 476 с.

179. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2009. – 406 с.

180. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – 7-е изд. – Москва: ЛКИ, 2010. – 264 с.

181. Картоева, М.М. Ингушский языковой пласт в творчестве русскоязычного писателя И. М. Базоркина: на материале романа «Из тьмы веков»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.09 / Картоева Марина Мухамедовна. – Нальчик, 1999. – 22 с.

182. Катермина, В.В. Языковая личность автора в художественном тексте / В.В. Катермина // Человек. Культура. Образование. – 2016. – №1 (19). – С. 205-213.

183. Кириленко, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кириленко. – Москва: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.

184. Коваленко, Е.Г. Опыт реконструкции образа русской национальной личности (на материале фразеологии сферы моральных качеств человека) / Е.Г. Коваленко // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону – Адлер, 6-12 сентября 2003 г. – Ростов-на-Дону, 2003. – Вып. 2: История. Культура. Язык.

185. Ковтунова, Е.С. Поэтический синтаксис / Е.С. Ковтунова. – Москва: Наука, 1986. – 205 с.

186. Кожевникова, Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н.А. Кожевникова. – Москва: Наука, 1986. – 256 с.

187. Кожевникова, Н. А. Метафора в поэтическом тексте / Н. А. Кожевникова // Метафора в языке и тексте / ответственный редактор В. Н. Телия. – Москва: Наука, 1988. – С. 145-165.

188. Козакова, А.А. Образование форм степеней сравнения от имен существительных в идиолекте М. Цветаевой / А.А. Козакова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, Адлер, 6-12 сентября 2003 г. – Ростов-на-Дону : РГУ, 2003. – Вып. 3: Семантика. Грамматика. Стиль. Текст. – С. 119-121.

189. Кокина, И.А. Средства выражения экспрессивности в рассказах А.П. Чехова о детях и для детей / И.А. Кокина // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, Адлер, 6-12 сентября 2003 г. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2003. – Вып. 3: Семантика. Грамматика. Стиль. Текст. – С. 121.

190. Комиссарова, Л.М. Методика лингвосоционического тестирования / Л.М. Комиссарова // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. – Барнаул; Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 85-98.

191. Корников, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корников. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: ЧеРо, 2003. – 347 с.

192. Кочеткова, Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 / Кочеткова Татьяна Васильевна. – Саратов, 1999. – 53 с.

193. Кочинева, О.К. О языковых средствах выражения сравнений, метафор, эпитетов / О.К. Кочинева // Русский язык в школе. – 1972. – № 2.

194. Красных, В.В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность? / В.В. Красных. – Москва: Гнозис, 2003. – 374 с.

195. Крейдлин, Г.Е. Национальное и универсальное в семантике жеста / Г.Е. Крейдлин // Логический анализ языка: Образ человека в языке и культуре: сборник статей. – Москва: Индрик, 1999. – С. 170-185.

196. Крейдлин, Г.Е. Языковая концептуализация частей тела в русском языке (на примере плеч) / Г.Е. Крейдлин, А.Б. Летучий // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сборник статей. – Москва: Языки славянских культур, 2004. – С. 128-137.

197. Кремшокалова, М.Ч. Когнитивно-дискурсивная парадигма благопожеланий и проклятий как малых жанров устной речи (на материале кабардино-черкесского языка): диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.02 / Кремшокалова Марина Чафленовна. – Нальчик, 2015. – 312 с.

198. Крылова, М.Н. Основные грамматические разновидности сравнения в языке современной художественной литературы / М.Н. Крылова // Русская литература в контексте мировой культуры: материалы X Международной конференции. – Ишим: ИГПИ им. П.П. Ершова, 2010. – С. 134-137.

199. Крылова, М.Н. Сравнительные конструкции в тексте современной песни / М.Н. Крылова // Вопросы филологии и журналистики. – Омск, 2012. – Вып. 6. – С. 75-83.

200. Крылова, М.Н. Сравнительная конструкция в пространстве современного художественного текста / М.Н. Крылова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 22. – С. 34-42.

201. Кубрякова, Е.С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека / Е.С. Кубрякова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.А. Яковлева. – 2003. – № 4. – С. 2-12.

202. Кузнецова, Н.Н. Метафора как одно их основных средств создания экспрессивности / Н.Н. Кузнецова // Филологические науки. – 2009. – № 1. – С. 101-108..

203. Курбанисмаилова, К.И. Эстетический концепт «женщина» (на материале фразеологических и паремиологических единиц даргинского и русского языков) / К.И. Курбанисмаилова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2012. – Вып. 6. – С. 175-181.

204. Кутьева, М.В. «Жизнь, как подстрелянная птица…» К образу птицы в русской поэзии / М.В. Кутьева // Русская речь. – 2008. – № 5. – С. 33-38.

205. Кушу, С.А. Лингвокультурные концепты как отражение языковой картины мира: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01, 10.02.19 / Кушу Сулета Ахировна. – Краснодар, 2004. – 21 с.

206. Лебедева, Н.Б. Речевая личность в структуре коммуникативной ситуации (на примере образов рассказа И. С. Тургенева «Певцы») / Н. Б. Лебедева // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 215-221.

207. Лебедева, Н.Б. Русская речевая личность и принципы ее типологизации и портретирования (на примере образов рассказа И.С. Тургенева «Хорь и Калиныч») / Н.Б. Лебедева // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 204-215.

208. Леонтьев, А.А. Национально-культурная специфика речевого поведения / А. А. Леонтьев. – Москва: Наука, 1977. – 352 с.

209. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учебное пособие / авторы-составители Н.Д. Голев [и др.]; научный редактор Н.В. Мельник; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово, 2009. – 384 с.

210. Лосев, А.Ф. Учение о стиле / А.Ф. Лосев; общая редакция А. А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. – 456 с.

211. Ляпон, М.В. Картина мира: языковое видение интроверта / М.В. Ляпон // Русский язык сегодня: сборник статей. – Москва: Азбуковник, 2000. – Вып. 1. – С. 199-207.

212. Магамдаров, Р.Ш. Лингвокультурологический анализ концепта «Фемина» в лезгинском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.09 / Магамдаров Румик Шихкеримович. – Махачкала, 1999. – 20 с.

213. Магамедова, М.М. Вопросы гендера в лезгинском фольклоре / М.М. Магамедова // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 1. – С. 76-82.

214. Магамедова, М.М. Сопоставительное исследование гендерной лексики и фразеологии лезгинского и русского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Магамедова Марина Маликовна. – Махачкала, 2006. – 26 с.

215. Магомедова, А.Н. Концепт «пьянство» в зеркале аварских паремиологических единиц / А.Н. Магомедова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – Махачкала, 2014. – Вып. 3. – С. 186-189.

216. Магомедова, П.А. Функционально-семантический анализ глаголов перемещения в аварском и русском языках: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.09, 10.02.01 / Магомедова Патимат Ариповна. – Махачкала, 1993. – 20 с.

217. Магомедова, С.М. Языковые средства создания концепта «красота» в поэзии Расула Гамзатова / С.М. Магомедова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник научных статей преподавателей и аспирантов – Махачкала: ДГУ, 2009. – Вып. 3. – С. 87-91.

218. Магомедова, С.М. Языковые средства создания образа жены в поэзии Расула Гамзатова / С.М. Магомедова // Контенсивная типология естественных языков: материалы II Международной конференции языковедов, Махачкала, 14-15 мая 2009 г. – Махачкала, 2009а. – С. 141-143.

219. Магомедова, С.М. Глагольная лексика как средство создания образа женщины в поэзии Расула Гамзатова / С.М. Магомедова // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. – Махачкала, 2010. – Вып. 9. – С. 136-142.

220. Магомедова, С.М. Образ материнской шали в поэзии Расула Гамзатова и Фазу Алиевой / С.М. Магомедова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2012. – Вып. 3. – С. 80-84.

221. Магомедова, С.М. Цветообозначения как средство создания образа женщины в поэзии Расула Гамзатова / С.М. Магомедова// Вопросы кавказского языкознания: материалы Международной конференции, проведенной под эгидой Евразийской Ассоциации университетов. – Махачкала, 2013. – Вып. 8. – С. 85-87.

222. Магомедова, С.М. Лексико-семантические и лингвокультурологические особенности сравнений как средства создания образа женщины в поэзии Р. Гамзатова / С.М. Магомедова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2014. – Вып. 3. – С. 115-119.

223. Магомедова, С.М. Концепт «женщина» в поэзии Расула Гамзатова и Фазу Алиевой (лингвистический и лингвокультурологический анализ): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02 / Магомедова Саният Магомаалиевна. – Махачкала, 2016. – 22 с.

224. Магомедова, Х.И. Проза Расула Гамзатова (жанровые особенности): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Магомедова Халимат Исламудиновна. – Махачкала, 2010. – 22 с.

225. Магомедханов, М.М. Очерки по фразеологии аварского языка / М.М. Магомедханов. – Махачкала, 1972. – 160 с.

226. Магомедханов, М.М. Проблемы национально-русской фразеографии / М. М. Магомедханов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1988. – 226 с.

227. Мадиева, Г.И. Морфология аварского литературного языка / Г.И. Мадиева. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1981. – 160 с.

228. Максимова, Е.В. К вопросу об особенностях метафорического употребления названий металлов и производных от них прилагательных в поэтической речи / Е.В. Максимова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник научных статей преподавателей и аспирантов. – Махачкала, 2005. – Вып. 2. – С. 127-135.

229. Малишевская, Д.Ч. Базовые концепты в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина») / Д.Ч. Малишевская // Фразеология в контексте культуры / ответственный редактор В. Н. Телия. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – С. 180-184.

230. Маллаева, З. М. Видо-временная система аварского языка: монография / З.М. Маллаева. – Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цасады Дагестанского научного центра РАН, 1998. – 154 с.

231. Маллаева, З.М. Грамматические категории аварского языка (модальность, залоговость): монография / З.М. Маллаева. – Махачкала: Юпитер, 2002. – 192 с.

232. Маниева, Н.С. Семантически несовместимые сочетания в современной поэтической речи / Н.С. Маниева // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2005.

233. Маниева, Н.С. Прилагательные-эпитеты в современной поэтической речи: лингвистический анализ: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Маниева Нина Сергеевна. – Махачкала, 2007. – 154 с.

234. Мартынов, В.В. Язык в пространстве и времени: к проблеме глоттогенеза славян / В.В. Мартынов. – Москва: УРСС, 2004. – 106 с.

235. Масик, В.И. О поэтической фразеологии И. Исаковского / В.И. Масик // Русская речь. – 1975. – № 5. – С. 63-67.

236. Маслова, В.А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале киргизского языка) / В.А. Маслова // Этнопсихолингвистика / ответственный редактор Ю.А. Сорокин. – Москва: Наука, 1988. – С. 116-120.

237. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие / В.А. Маслова. – Москва: Академия, 2004. – 202 с.

238. Мастерство Расула Гамзатова: сборник статей / составитель и ответственный редактор С.М. Хайбулаев. – Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1986. – 164 с.

239. Меджидов, М.Г. Категория множественности в аварском языке: 10.02.02: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Меджидов Магомед Гаджиевич. – Махачкала, 2004. – 20 с.

240. Мисиева, Л.А. Гендерная фразеология аварского языка в сопоставлении с английской: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02, 10.02.20 / Мисиева Луиза Ахмедовна. – Махачкала, 2008. – 26 с.

241. Мисиева, Л.А. Структурно-грамматическая характеристика гендерных фразеологических единиц в аварском языке / Л.А. Мисиева // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2011. – Вып. 3. – С. 66-69.

242. Михеев, М.Ю. Портрет человека у Андрея Платонова / М. Ю. Михеев // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – Москва: Индрик, 1999. – С. 356-366.

243. Мудунова, Г.А. Фольклорные мотивы в творчестве Щазы Курклинской / Г. А. Мудунова // Вестник ДГУ. Сер.: Филологические науки. – 2014. – Вып. 3. – С. 65-72.

244. Муртазанова, Х.М. Художественная концепция человека и истории в прозе Идриса Базоркина: автореферат диссертации на соискание ученой

степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Мартазанова Ханифа Магамедовна. – Нальчик, 2005. – 21 с.

245. Нагиев, Ф.Р. Поэтическое наследие Сулеймана Стальского: проблемы текстологии / Ф.Р. Нагиев. – Махачкала: Полиграф-сервис, 2003. – 314 с.

246. Нагиев, Ф.Р. Проблемы творческого наследия Етима Эмина и Сулеймана Стальского: текстология и поэтика в свете сравнительного изучения: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.08 / Нагиев Фейзудин Рамазанович. – Махачкала, 2011. – 39 с.

247. Нарушевич, А.Г. Образ смерти в русской языковой картине мира (на материале пословиц и поговорок) / А.Г. Нарушевич // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону – Адлер, 6-12 сентяюря 2003. – Ростов-на Дону: РГУ, 2003.

248. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сборник научных трудов. – Москва: Моск. гос. лингв. ун-т, 1996. – С. 112-116.

249. Нерознак, В.П. Языковая личность в гендерном измерении / В.П. Нерозняк // Гендер: язык, культура, коммуникация: материалы I Международной конференции. – Москва, 1999. – С. 70-71.

250. Нерознак, В.П. Языковая личность / В.П. Нерознак, И.И. Халеева // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / научный редактор М. И. Панова. – Москва: Олимп, 2005. – С. 587-591.

251. Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина. – Москва: Наука, 1993. – 187 с.

252. Николаев, Т.М. Качественные прилагательные и отражение «картины мира» / Т.М. Николаев // Славянское и балкарское языкознание. Проблемы лексикологии: сборник статей / ответственный редактор Л.Н. Смирнов. – Москва: Наука, 1983. – С. 235-244.

253. Образцова, В.В. Сравнения в поэзии С. Есенина / В.В. Образцова // Русская речь. – 1973. – № 5. – С. 45-51.

254. Огнев, В.Ф. Расул Гамзатов / В.Ф. Огнев. – Москва: Художественная литература, 1964. – 142 с.

255. Огольцев, В.М. Устойчивые сравнения русского языка / В.М. Огольцев. – Санкт-Петербург: Просвещение, 1992. – 176 с.

256. Оленёв, С.В. Моделирование динамики русской языковой личности : монография / С.В. Оленев. – Томск: ТГПУ, 2008. – 262 с.

257. Олифиренко, Л.В. О некоторых особенностях использования адъективной метафоры в поэзии А. Дементьева / Л.В. Олифиренко // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2012. – Вып. 6. – С. 151-156.

258. Олифиренко, Л.В. Особенности употребления сравнительных конструкций в поэзии А. Дементьева / Л.В. Олифиренко // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2012. – Вып. 6. – С. 156-168.

259. Олифиренко, Л.В. Функционально-семантическая характеристика сравнений в поэтической речи А. Дементьева / Л. В. Олифиренко // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Махачкала, 2014. – Вып. 3. – С. 145-149.

260. Омарова, З.С. Бессоюзные сравнения в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 4 (65). – С. 262-264.

261. Омарова, З.С. Местоименное противопоставление мун-дун «я-ты» как средство актуализации женщины в поэтических произведениях Расула Гамзатова / З.С. Омарова, М.А. Гасанова // Мир науки, культуры, образования. – 2017a. – №5 (66). – С. 344-346.

262. Омарова, З.С. Элементы гиперболизации в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Современный ученый. – 2017b. – №6. – С. 137-143.

263. Омарова, З.С. Перевод поэтического текста с позиций цветофоносемантического восприятия / З.С. Омарова, Л.Р. Омарова // Современный ученый. – 2017c. – № 5. – С. 173-177.

264. Омарова, З.С. Присубстантивные сравнительные конструкции в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Родные языки: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Махачкала, 2017d. – С. 36-40.

265. Омарова, З.С. О некоторых особенностях языка и стиля жанра надписей Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Гуманитарные и социальные науки. – 2017e. – № 4. – С. 158-168.

266. Омарова, З.С. Императивные формы глаголов в лирических поэтических произведениях Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования. – 2017f. – № 6. – С. 551-553.

267. Омарова, З.С. Концепт «родина» в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова, Дж.С. Самедов // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – Махачкала, 2018. – № 15. – С. 7-13.

268. Омарова, З.С. Индивидуально-авторские сравнения в поэтических произведениях Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2019. – № 3(242). – С. 43-48.

269. Омарова, З.С. К вопросу о синтаксических особенностях поэтических произведений Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Наука и образование: состояние, проблемы, перспективы развития: материалы ежегодной научной сессии профессорско-преподавательского состава Дагестанского государственного педагогического университета. – Махачкала: ДГПУ, 2019a. – С. 332-336.

270. Омарова, З.С. Приглагольные сравнения в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования». – 2019b. – №2 (75). – С. 372-374.

271. Омарова, З.С. Субстантивная метафора в элегиях и сонетах Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования». – 2019c. – №1 (74). – С. 450-452.

272. Омарова, З.С. Эпитеты-прилагательные в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – Махачкала, 2019d. – Т. 34, вып. 1 – С. 48-56.

273. Омарова, З.С. Языковая символика как средство актуализации концепта «Любовь» в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2019e. – Вып. 4(247). – С. 75-81.

274. Омарова, З.С. Глагольная лексика в поэтических произведениях Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Modern Humanities Success. – 2021. – № 1. – С. 182-188.

275. Омарова, З.С. Лингвокультурологический анализ изобразительно-выразительных средств в эпиграммах Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021a. – № 2(101). – С. 105-115.

276. Омарова, З.С. Сравнения и языковая символика в поэме Расула Гамзатова «Кумухский хан, хунзахский нуцал, гидатлинский Хочбар, кумыкский шамхал и его сын» / З.С. Омарова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 37, вып. 1. – С. 95-102.

277. Омарова, З.С. Индикативные формы глаголов в поэзии Р. Гамзатова / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – №3 (106). – С. 534-538.

278. Омарова, З.С. Национально-культурный компонент концепта «мужчина» в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Дешериевские чтения – 2024: материалы международной научной конференции. – Грозный, 2024a. – С. 175-181.

279. Омарова, З.С. Средства актуализации концепта «война» в лирике Расула Гамзатова / З.С. Омарова, И.А. Дибиров // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2024b. – № 4 (121). – С. 74-86.

280. Омарова, З.С. Языковые средства, используемые для актуализации концепта «мужчина» в поэме Расула Гамзатова «Сказание о Хочбаре...» / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования. – 2024c. – №6 (109). – С. 623-625.

281. Омарова, З.С. Особенности персонификации объектов неживого мира и отвлеченных понятий в поэзии Расула Гамзатова / З.С. Омарова // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – №1 (110). – С. 413-415.

282. Опарина, Е.О. Лексика, фразеология, текст. Лингвокультурологические компоненты / Е. О. Опарина // Язык и культура. – Москва: ИНИОН, 1999. – Вып. 2. – С. 5-26.

283. Островская, Т.А. Дискурс элиты: когнитивный, прагматический и семиотический аспекты: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / Островская Татьяна Александровна. – Майкоп, 2016. – 49 с.

284. Отарова, Ф.И. Поэзия Кайсына Кулиева (национально-эстетическое самовыражение): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Отарова Фарида Ильясовна.– Нальчик, 2008. – 20 с.

285. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса: материалы к трансформированной грамматике русского языка / Е.В. Падучева. – 3- е изд. – Москва: URSS, 2009. – 293 с.

286. Панькин, В.М. Слова-символы в русской поэзии / В.М. Панькин, А. В. Филиппов // Русская речь. – 1978. – №2. – С. 33-39.

287. Пахолок, З.А. Семантическая корреляция лексических повторов и редупликация / З.А. Пахолок // Семантика языковых единиц: материалы V международной конференции, Москва, 05-07 октября 1996 г. – Москва: МГОПУ, 1996.

288. Перцова, Н.Н. О славянских древностях у Вяч. Иванова и В. Хлебникова / Н. Н. Перцова, А.В. Рафаева // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / ответственные редакторы : Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва: Индрик, 1999. – С. 277-286.

289. Пилинова, М.В. Концепт как основная единица ментальности / М.В. Пилинова // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка, 18-21 марта 2004. – Москва: Издательство Московского университета, 2004.

290. Плотникова, С.Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство / С.Н. Плотникова // Вестник ИГЛУ. Сер.: Филология. – 2008. – № 4. – С. 131-136.

291. Погожева, О.В. Символический смысл художественного текста / О.В. Погожева // Сборник научных статей: приложение к журналу «Образование – Наука – Творчество» Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук. – Нальчик; Армавир, 2009. – Вып. 22. – С. 68-73.

292. Погожева, О.В. Способы репрезентации скрытых смыслов в структуре художественного текста: когнитивный аспект / О.В. Погожева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведения. – 2009. – Вып. 4. – С. 170-175.

293. Погожева, О.В. Прагматически аспект имплицитности как средство создания иронического смысла / О.В. Погожева // Межвузовский сборник. – Майкоп: АГУ, 2011. – № 7. – С. 120-123.

294. Погожева, О.В. Система характеристик имплицитности в рассказах А. П. Чехова и их роль в репрезентации иронии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / Погожева Ольга Владимировна. – Майкоп, 2012. – 26 с.

295. Полетаева, О.А. Национально-культурный компонент в тексте и языке / О.А. Полетаева, С.М. Прохорова // Русский язык за рубежом. – 2010. – № 1. – С. 126-128.

296. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 30 с.

297. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.

298. Прохоров, Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И. А. Стернин. – 4-е изд. – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 326 с.

299. Радина, Л.Б. Контактные, смежные, дистантные повторы в произведениях А. Кольцова / Л.Б. Радина // Язык и стиль произведений фольклора и литературы: межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: ВГУ, 1986. – С. 110-115.

300. Рамазанова, З.М. Особенности гендерной фразеологии лакского языка / З.М. Рамазанова // Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы XI Всероссийской конференции, Махачкала, 29 ноября 2016 г. – Махачкала: ДГУ, 2016. – Вып. 8. – С. 363-366.

301. Распопов, И.П. Очерки по теории синтаксиса / И.П. Распопов. – Воронеж: Воронежский университет, 1973. – 220 с.

302. Расул Гамзатов – поэт и гражданин: сборник статей / составитель и ответственный редактор К.И. Абуков. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1976. – 271 с.

303. Расул Гамзатов и современный литературный процесс: сорник материалов к 70-летию поэта / Дагест. науч. центр Рос. акад. наук, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы; [составитель А. М. Абдурахманов]. – Махачкала: ИЯЛИ, 1995. – 151 с.

304. Расул Гамзатов. Народный поэт Дагестана: [сайт]. – URL: https://www.rasulgamzatov.ru/?ysclid=mhbwt7dzvg191172068 [дата обращения: 24.10.2024].

305. Розанов, В.В. О писателях и писательстве / В.В. Розанов. – Москва: Республика, 1995. – 734 с.

306. Розенталь, Д.Э. Секреты стилистики. Правила хорошей речи / Д.Э. Розенталь, И. Б. Голуб. – Москва: Айрис: Рольф, 1996. – 199 с.

307. Розина, Р.И. Человек и личность в языке / Р.И. Розина // Логический анализ языка. Культурные концепты / научный редактор Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1991. – С. 52-56.

308. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / ответственный редактор Б.А. Серебренников. – Москва: Наука, 1988. – 212 с.

309. Ружицкий, И.В. Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / Ружицкий Игорь Васильевич. – Москва, 2015. – 647 с.

310. Савенкова, Л.Б. Способы гиперболизации в русских паремиях / Л.Б. Савенкова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического образования: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, Адлер, 6-12 сентября 2003 г. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2003. – С. 119-122.

311. Салимова, Л.М. Вопросы лингвоперсонологии в современных исследованиях / Л.М. Салимова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2012. – № 7. – С. 20-31.

312. Салимова, Л.М. Элитарная языковая личность и ее отношение к интертекстуальности: на материале «бесед о русской культуре» Ю.М. Лотмана / Л.М. Салимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – Ч. 1, № 7 (25). – С. 173-177.

313. Саломатина, М.С. О понятии коммуникативной личности / М.С. Саломатина // Проблемы преподавания литературы, русского и иностранных языков в современной школе (Гуманитаризация образовательного процесса): материалы второй областной учительской конференции, 22 марта 2003 года. – Воронеж: ВЭПИ, 2003. – С. 104-105.

314. Самедов, Д.С. Арц «серебро» как символ женской красоты во фразеологических единицах даргинского языка / Д.С. Самедов // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2010. – Вып. 4. – С. 170-173.

315. Самедов, Д.С. Концепт «Родина» в русских и аварских паремиологических единицах / Д.С. Самедов, А.Н. Магомедова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2012. – Вып. 6. – С. 30-36.

316. Самедов, Д.С. Концепт «Мужчина» в русских переводах поэтических произведений Расула Гамзатова / Д.С. Самедов, Х.А. Хирамагомедова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2012. – Вып. 6. – С. 168-171.

317. Самедов, Д.С. Глагольная метафора в поэзии А. Дементьева: лингвистический анализ / Д.С. Самедов, Н.Э. Гаджиахмедов, Л.В. Олифиренко // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2016. – Вып. 3. – С. 121-125.

318. Самедов, Д.С. Субстантивная метафора в аварских колыбельных песнях / Д.С. Самедов // Вопросы кавказского языкознания: материалы Международной конференции. – Махачкала, 2013. – С. 136-138.

319. Седов, К.Ф. О природе художественного текста / К.Ф. Седов // АРТ. Альманах исследований по искусству. – Саратов: СГПИ, 1993. – С. 5-15.

320. Седов, К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: специальности: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01, 10.02.19 / Седов Константин Федорович. – Саратов, 1999. – 436 с.

321. Седов, К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. – Москва: Лабиринт, 2004. – 317 с.

322. Седов, К.Ф. Теоретическая модель психолингвоперсонологии / К. Ф. Седов // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 12-23.

323. Седых, А.П. Этнокультурные характеристики языковой личности: на материале французской языковой личности: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / Седых Аркадий Петрович. – Саратов, 2005. – 44 с.

324. Силантьева, М.С. Элитарная языковая личность в профессиональном дискурсе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / Силантьева Марина Сергеевна. – Пермь, 2012. – 22 с.

325. Синельникова, Л.Н. Языковая личность vs дискурсивная личность: отношения дополнительности или новая категоризация / Л. Н. Синельникова // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сборник научных трудов / под редакцией А.Г. Пастухова. – Орел: Орловский гос. ин-т культуры, 2011. – С. 37-44.

326. Синтаксис современного русского языка: учебник для филологических специальностей университетов СНГ / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, В.П. Казаков, Д.В. Руднев. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2008. – 347 с.

327. Сиротинина, О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на её становление / О.Б. Сиротинина // Термин и слово: межвузовский сборник, посвященный 80-летию профессора Б. Н. Головина. – Нижний Новгород: ННГУ, 1997. – С. 7-12.

328. Сиротинина, О.Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» / О.Б. Сиротинина // Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. – Москва: Наследие, 1998. – С. 348-353.

329. Сиротинина, О.Б. Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи / О.Б. Сиротинина // Stylistika-IV. Opole, 1995.

330. Сиротинина, О.Б. Элитарная речевая культура / О.Б. Сиротинина // Хорошая речь / под редакцией М.А. Кормилициной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2001. – С. 228-225.

331. Склярова, О.С. Лингвокогнитивный и лингвокультурный аспекты репрезентации элитарной языковой личности писателя в художественном дискурсе: диссертация на соискание ученой степени кандидата

филологических наук: 10.02.19 / Склярова Олеся Сергеевна. – Майкоп, 2021. – 164 с.

332. Смирнова, Г.В. Понятие концепта в лингвокультурологии / Г.В. Смирнова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – Вып. 24 (603). – С. 87-93.

333. Соколова, Л.А. Вопросительно-отрицательные конструкции с частицей «не» в русском языке (к подбору материала для экспериментально-фонетического исследования) / Л.А. Соколова // Интонация и фонология: сборник научных трудов / ответственный редактор В.И. Петрянкина. – Москва: УДН, 1980. – 88 с.

334. Сокуров, М.Г. Творчество А. Кешокова / М.Г. Сокуров // Очерки истории кабардинской литературы. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – С. 208-228.

335. Сокуров, М.Г. Лирика Алима Кешокова / М.Г. Сокуров. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 224 с.

336. Сорокин, Ю.А. Национально-культурная специфика художественного текста / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина. – Москва: Наука, 1989. – 87 с.

337. Ступина, Е.С. Вопрос о синонимической общности антонимов в составе некоторых конструкций / Е.С. Ступина // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2016. – Вып. 1. – С. 80-85.

338. Сулаева, Ж.А. Концепты как элемент картины мира / Ж.А. Сулаева // Актуальные проблемы гуманитарных наук: сборник научных трудов. – Махачкала, 2010. – Вып.7. – С. 189-194.

339. Султанов, К.Д. Расул Гамзатов: очерк творчества / К.Д. Султанов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1973. – 222 с.

340. Султанова, Л.Ю. Особенности отражения категории времени в русской и кумыкской лингвокультурах / Л.Ю. Султанова // Семантика языковых единиц разных уровней: материалы региональной конференции. – Махачкала, 2008. – С. 130-133.

341. Султанова, Л.Ю. Концепт «время» в кумыкской и русской языковых картинах мира: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02, 10.02.01 / Султанова Людмила Юрьевна. – Махачкала, 2009. – 23 с.

342. Супрун, А.Е. Повтор в лексической структуре текста / А.Е. Супрун // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность: к 60-летию члена-корреспондента РАН Ю.Н. Караулова. – Москва: МГУ, 1995. – С. 133-141.

343. Сусов, И.П. Семиотика и лингвистическая прагматика / И.П. Сусов // Язык, личность и дискурс: межвузовский сборник научных трудов. – Тверь: ТГУ, 1990. – С. 125-133.

344. Тарасенко, Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций: на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / Тарасенко Татьяна Петровна. – Краснодар, 2007. – 26 с.

345. Тарланов, З.К. Поэтика слова: сборник статей / З. К. Тарланов. – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 128 с.

346. Тарланов, З.К. Этнический язык и этническое видение мира / З.К. Тарланов // Тарланов З.К. Избранные работы по языкознанию и филологии. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. – С. 628-637.

347. Телия, В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте / ответственный редактор В.Н. Телия. – Москва: Наука, 1988. – С. 26-52.

348. Терехова, Н.В. Образ женщины в аварской языковой картине мира / Н. В. Терехова // Контенсивная типология естественных языков: материалы II Международной научно-практической конференции языковедов, Махачкала, 14-15 мая 2009 г. – Махачкала: ДГУ 2009.

349. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – 2-е изд., испр. – Москва: Индрик, 1995. – 512 с.

350. Торогельдиева, З.Н. Поэзия Инны Кашежевой: проблемы традиций, жанров, поэтики: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Торогельдиева Зухра Нурматовна. – Нальчик, 2008. – 23 с.

351. Трипольская, Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты / Т.А. Трипольская. – Новосибирск: НГПУ, 1999. – 170 с.

352. Троценко, И.А. Гипербола как средство выражения некоторых эмоциональных состояний: на материале повестей М. Булгакова «Собачье сердце» и «Роковые яйца» / И.А. Троценко // История языкознания и литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону – Адлер, 6-12 сентября 2003 г. – Ростов-на-Дону; Адлер, 2003.

353. Трубецкой, Н.С. История, Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – Москва: Прогресс: Универс, 1995. – 797 с.

354. Тхорик, В.И. Языковая личность: лингвокульторологический аспект: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / Тхорик Владимир Ильич. – Краснодар, 2000. – 43 с.

355. Тхорик, В.И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян. – Москва: ГИС, 2006. – 260 с.

356. Урысон, Е.А. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» / Е.А. Урысон // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 3-17.

357. Ушакова, Ю.Ю. Субстантивная метафора и сравнение (к вопросу об обратимости тропов) / Ю.Ю. Ушакова // История языкознания и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, Адлер, 6-12 сентября 2003 г. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2003. – Вып. 3: Семантика. Грамматика. Стиль. Текст. – С. 155-157.

358. Фельде, О.В. Концептосфера писателя: на материале заглавий художественных и публицистических текстов В.П. Астафьева / О. В. Фельде // Астафьевские чтения, 19-21 мая 2005 г. – Пермь: Курсив, 2005. – Вып. 3. – С. 173-176.

359. Хавжокова, Л.Б. Поэзия Хабаса Бештокова: основные мотивы, жанровая система, поэтика: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Хавжокова Людмила Борисовна. – Нальчик, 2011. – 23 с.

360. Хагба, Л. «Счастье» и «радость» в концептосфере абхазского и абазинского языков / Л. Хагба // Кавказский лингвистический сборник. – Москва, 2005. – Вып. 16.

361. Хаджимурадова, Х.А. Аспекты изучения языка философской литературы в русистике / Х.А. Хаджимурадова // Актуальные проблемы языка и литературы: сборник статей. – Махачкала, 2000. – Вып. 5.

362. Хаджимурадова, Х.А. Лингвистическая организация текста философских произведений В.С. Соловьева: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Хаджимурадова Хабибат Ахмедовна. – Махачкала, 2003. – 23 с.

363. Хайбулаев, С.М. Аварская народная лирика / С.М. Хайбулаев. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1973. – 111 с.

364. Хайбуллаев, С.М. Наследие и открытия / С.М. Хайбуллаев. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1983. – 190 с.

365. Хайбуллаев, С.М. Поэзия высокого накала / С.М. Хайбуллаев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. – 152 с.

366. Халидова, М.Р. Устное народное творчество аварцев: монография / М. Р. Халидова. – Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, 2004. – 335 с.

367. Халиков, М.М. Основы стилистики аварского языка: монография / М. М. Халиков. – Махачкала: ДГУ, 1997. – 140 с.

368. Халиков, М.М. Семантико-стилистический статус высказываний с двойным отрицанием в аварском языке / М.М. Халиков // Семантика языковых единиц разных уровней. – Махачкала: ДГУ, 1997. – Вып. 2.

369. Халиков, М.М. Проблемы общей и аварской стилистики: монография / М.М. Халиков. – Самара: Инсома-пресс, 2018. – 338 с.

370. Халилов, Х.М. Региональная общность и национальное своеобразие лирики Дагестана и Северного Кавказа / Х.М. Халилов // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии: материалы конференции, посвященной 80-летию Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, Махачкала, 7-8 октября, 2004 г. – Махачкала, 2008. – С. 363-369.

371. Халунов, А.Н. Ориентализмы в аварском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.09 / Халунов Абакар Насибович. – Махачкала, 1998. – 25 с.

372. Хамзина, Г.К. Повтор номинативов как компонент коннотативной организации текста / Г.К. Хамзина // Языковые уровни и их взаимодействие: сборник статей. – Казань: Казан. ун-т, 1990. – С. 44-52.

373. Хангереев, М.Д. Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц аваро-андийских языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.09 / Хангереев Магомедбек Давудгаджиевич. – Махачкала, 1993. – 18 с.

374. Хангереев, М.-Б. Д.-Г. О так называемых сложных глаголах в аварском литературном языке / М.-Б. Д.-Г. Хангереев // Современные проблемы кавказского языкознания. – 2008. – Вып. 8.

375. Хангишиев, Д. М. Заметки о языке Йырчи Казака / Д. М. Хангишиев // Йырчи Казак – классик дагестанской литературы: сборник статей / составители: С. М. Хайбуллаев, Г.Б. Мусаханова. – Махачкала, 1982.

376. Харченкова, Л.И. Облик человека в зеркале русского и испанского языков / Л.И. Харченкова, Ю.А. Шишков // Логический анализ языка. Образ

человека в культуре и языке / ответственные редакторы: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва: Индрик, 1999. – С. 312-319.

377. Харчиева, М.Р. КФЕ с компонентом зоонимом, характеризующие человека в андийском, аварском и немецком языках / М.Р. Харчиева // Языковые и культурные контакты различных народов: сборник статей Международной научной конференции. – Пенза, 2011. – С. 175-180.

378. Харчиева, М.Р. Фразеологические единицы антропоцентрической направленности с соматизмом ракI «сердце» / М.Р. Харчиева // Кавказские языки. Генетико-типологические общности и ареальные связи: материалы Международной научной конференции, 17-18 июня 2010 г. – Махачкала, 2011. – С. 217-219.

379. Хахалова, С.А. Категория метафоричности: формы, средства выражения, функции: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.19, 10.02.04 / Хахалова Светлана Алексеевна. – Москва, 1997. – 32 с.

380. Хачемизова, М.Н. Художественный мир Тембота Керашева в контексте развития адыгских литератур: проблемы исторической поэтики: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.02 / Хачемизова Мира Нуховна. – Майкоп, 2005. – 50 с.

381. Хачмафова, З.Р. Женская языковая личность в художественном тексте (на материале русского и немецкого языков): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.02 / Хачмафова Зайнета Руслановна. – Майкоп, 2011. – 45 с.

382. Хизриева, П.Р. Лирическая проза и лиризм дагестанской прозы: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук 10.01.02 / Хизриева Патимат Рамазановна. – Махачкала, 2005. – 22 с.

383. Химик, В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. – Ленинград: ЛГУ, 1990. – 180 с.

384. Хуако, Ф.Н. Художественное осмысление процессов жизни северокавказского общества в контексте духовно-нравственных и интеллектуально-философских исканий личности в лирической повести: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.02 / Хуако Фатимет Нальбиевна. – Майкоп, 2005. – 50 с.

385. Художественный текст и языковая личность: материалы научной конференции, Томск, 29-30 октября 2003 г. / под редакцией Н. С. Болотновой. – Томск: ТГПУ, 2003. – 274 с.

386. Хунагова, Б.Д. Фольклорные традиции и художественные особенности горской эпической поэмы (Р. Гамзатов, К. Кулиев): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Хунагова Белла Давлетуковна. – Майкоп, 2004. – 22 с.

387. Хутова, Э.Р. К вопросу об эмоциональных концептах / Э.Р. Хутова // Проблемы развития языков и литератур народов Северного Кавказа: материалы Региональной научной конференции, Нальчик / Кабардино-Балкарский государственный университет. – Нальчик, 2004. – С. 86-88.

388. Хутова, Э.Р. Лексикографический анализ концепта «любовь» (на материал английского, русского и кабардино-черкесского языков) / Э.Р. Хутова // Сборник научных трудов молодых ученых. – Нальчик, 2005. – С. 28-31.

389. Хутова, Э.Р. Бинарная оппозиция «любовь/ненависть» в разносистемных языках: лингвокультурный аспект (на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / Хутова Эльмира Руслановна. – Нальчик, 2008. – 22 с.

390. Цуциева, М.Г. Лингвоперсонология как исследовательское направление в современной лингвистике / М.Г. Цуциева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 11-2. – С. 84-86.

391. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / В.Н. Телия, Т.А. Графова, А.М. Шахнарович [и др.]. – Москва: Наука, 1991. – 214 с.

392. Черемисина, М.И. Сравнительные конструкции русского языка / М.И. Черемисина. – 2-е изд., стер. – Москва: КомКнига, 2006. – 272 с.

393. Черкасова, Е.Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов / Е.Т. Черкасова // Вопросы языкознания. – 1968. – № 2. – С. 28-38.

394. Черкасова, Л.П. Цветопись в прозе Ю. Нагибина / Л.П. Черкасова, Е.П. Карпенко // Русская речь. – 1985. – № 4. – С. 65-68.

395. Черкесова, П.С. Философская и любовная лирика Расула Гамзатова: особенности мировосприятия лирического героя: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Черкесова Патимат Сайпилавовна. – Махачкала, 2006. – 21 с.

396. Чернейко, Л.О. Как рождается смысл: смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования: учебное пособие для студентов /Л.О. Чернейко. – Москва: Гнозис, 2017. – 206 с.

397. Чернышев, В.И. Язык и стиль стихотворений А.В. Кольцова / В.И. Чернышев // Русская речь. – 1967. – № 5. – С. 12-28.

398. Чернявская, Е.А. Оценка и оценочность в языке художественной речи: на материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А.С. Пушкина: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Чернявская Елена Анатольевна. – Брянск, 2001. – 270 с.

399. Чурилина, Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте / Л. Н. Чурилина. – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 240 с.

400. Шаззо, Ш.Е. Художественное своеобразие адыгской поэзии: эволюция, поэтика, стилевые искания / Ш.Е. Шаззо. – Майкоп: Качество, 2003. – 380 с.

401. Шапошникова, И.В. Языковая личность / И.В. Шапошникова // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966-2021):

коллективная монография / под редакцией И.А. Стернина, Н. В. Уфимцевой, Е.Ю. Мягковой. – Москва: ФГБУН Институт языкознания РАН, 2021. – С. 178-195.

402. Шарданова, М. А. Специфика категории красоты в адыгской языковой картине мира / М. А. Шарданова // Сборник научных трудов молодых ученых. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2005. – С. 25-28.

403. Шарданова, М.А. Эстетическая бинарная оппозиция «прекрасное/безобразное» в разносистемных языках: на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / Шарданова Мадина Аниуаровна. – Нальчик, 2006. – 21 с.

404. Шахманова, Б.Г. Концепт «совесть» в паремиологическом и фразеологическом фондах языка как источник изучения менталитета народа (на материале русского и кумыкского языков) / Б.Г. Шахманова // Вопросы филологии. – 2006. – № 5. – С. 43-47.

405. Шахманова, Б.Г. Языковая картина мира как отражение менталитета народа / Б.Г. Шахманова // Проблемы общего и дагестанского языкознания. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2007. – Вып. 5. – С. 313-317.

406. Шахова, М.Х. Категория модальности и ее выражение в аварском литературном языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.09 / Шахова Марьям Хиличевна. – Махачкала, 1998. – 22 с.

407. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1987. – 190 с.

408. Шаховский, В.И. Текст как способ экспликации эмоциональности языкового сознания / В.И. Шаховский // Языковое сознание. Содержание и функционирование: тезисы докладов XIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 01-03 июня 2000 г. – Москва: Сов. писатель, 2000. – С. 274-275.

409. Шелестюк, Е.В. О лингвистическом исследовании символа / Е.В. Шелестюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 125-143.

410. Шестак, Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: монография / Л. А. Шестак. – Волгоград: Перемена, 2003. – 311 с.

411. Ширина, Л.С. К характеристике понятий «личность», «языковая личность» и «языковой портрет» / Л.С. Ширина // Речевая деятельность: межвузовский сборник научных трудов / редактор Н.А. Сенина. – Таганрог, 2002. – С. 274-280.

412. Широкова, Н.А. Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения / Н.А. Широкова. – Казань: Казан. ун-т, 1966. – 185 с.

413. Шугушева, Дж.Х. Фразеологизмы кабардино-черкесского языка как этнокультурный феномен в художественном тексте: на материале произведений А.П. Кешокова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02 / Шугушева Джулета Хабасовна. – Нальчик, 2018. – 26 с.

414. Юдина, Ю.И. Модели образов сравнений в языке русской художественной литературы конца XX – начала XXI вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Юдина Юлия Игоревна. – Волгоград, 2012. – 21 с.

415. Юсупова, Ч.С. Поэмы в творчестве Расула Гамзатова 60-70 годов / Ч. С. Юсупова // Мастерство Расула Гамзатова: сборник статей / составитель С. М. Хайбуллаев. – Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1986.

416. Юсупова, Ч.С. Три десятилетия аварской поэзии: 1955-1990 / Ч. С. Юсупова. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1998. – 232 с.

417. Юсупова, Ч.С. Аварский романтизм: конец XIX – начало XX веков / Ч.С. Юсупова. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2000. – 317 с.

418. Юсупова, Ч.С. Парадигма комического в поэзии Р. Гамзатова конца XX века / Ч.С. Юсупова // Горизонты современного гуманитарного знания: сборник статей. – Москва: Наука: Собрание, 2008. – С. 248-267.

419. Язык – культура – этнос / С.А. Арутюнов, А.Р. Багдасаров, В.Н. Белоусов [и др.]. – Москва: Наука, 1994. – 234 с.

420. Язык и национальное самосознание: вопросы теории и методологии: научное издание / научные редакторы: З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 313 с.

421. Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: сборник научных трудов / ответственный редактор В. И. Карасик. – Волгоград, 1997. – 143 с.

422. Языковая личность: текст, словарь, образ мира: к 70-летию члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова: сборник статей. – Москва: РУДН, 2006. – С. 515-518.

423. Яковенко, Е.Н. Глагольная лексика в языковом пространстве художественного текста: на материале романа Е. Замятина «Мы» / Е.Н. Яковенко // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону – Адлер, 6-12 сентября 2003 г. – Ростов-на-Дону, 2003.

424. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени, и восприятия / Е.С. Яковлева. – Москва: Гнозис, 1994. – 343 с.

425. Ярбилова, Д.М. Языковые средства создания художественной образности в современной аварской женской поэзии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 5.9.5 / Ярбилова Диана Магомедовна. – Махачкала, 2023. – 26 с.

426. Яхъяева, В.М. Женские образы в малой прозе В. Набокова / В.М. Яхъяева // Изучение фольклора, литературы и языков народов Дагестана. Проблемы жанра в филологии Дагестана. – Махачкала, 2006. – Вып. 2.

Словари, справочники, энциклопедии

427. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. – Москва: Респ., 1996. – 333 с.

428. Богуславский, В.М. Словарь оценок внешности человека / В.М. Богуславский. – Москва: Космополис, 1994. – 336 с.

429. Квятковский, А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. – Москва: Сов. энциклопедия, 1966. – 375 с.

430. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В.Н. Ярцева. – Москва: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.

431. Литературный энциклопедический словарь / подготовили Е. И. Бонч-Бруевич [и др.]; под общей редакцией В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – Москва: Современная энциклопедия, 1987. – 750 с.

432. Магомедханов, М.М. Аварско-русский фразеологический словарь: 3000 единиц / М.М. Магомедханов. – Махачкала, 1993. – 406 с.

433. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: около 57000 слов / С.И. Ожегов; под редакцией Н.Ю. Шведовой. – 14-е изд., стер. – Москва: Рус. яз., 1983. – 816 с.

434. Русский язык: энциклопедия / главный редактор, [авт. предисл.] Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997. – 703 с.

435. Словарь литературоведческих терминов / редакторы-составители: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – Москва: Просвещение, 1974. – 509 с.

436. Словарь языка Алима Кешокова / научный редактор Б. Ч. Бижоев. – Нальчик: Фрегат, 2022. – 1134 с.

Материал языкового исследования

437. Гамзатов, Р.Г. Последняя цена: поэмы и стихи / Р.Г. Гамзатов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1975. – 384 с. [на авар. яз.].

438. Гамзатов, Р.Г. Избранное: в 2 томах / Р.Г. Гамзатов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1983. – 448 с. [на авар. яз.]

439. Гамзатов, Р.Г. Четки лет: лирика / Р.Г. Гамзатов. – Москва: Художественная литература, 1986. – 399 с.

440. Гамзатов, Р.Г. Собрание сочинений. Т. 1-8 / Р.Г. Гамзатов. – Махачкала, 1987. [на авар. яз.].

441. Гамзатов, Р.Г. О бурных днях Кавказа / Р.Г. Гамзатов. – Москва: Современник, 1989. – 414 с.

442. Гамзатов, Р.Г. Собрание сочинений. Т. 1-10 / Р.Г. Гамзатов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1991-2005. [на авар. яз.].

443. Магомедханов, М.М. Словарь устойчивых словосочетаний языка поэзии Расула Гамзатова / М. М. Магомедханов. – Махачкала: Лотос, 2013. – 448 с.

444. Неизвестный Р. Гамзатов / автор-составитель Ш. Дибиров. – Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2009. – 350 с.

Список условных сокращений:

1. Ав. – аварский язык
2. Букв. – буквальный перевод
3. Глаг. - глагол
4. Даг яз. – дагестанские языки
5. Деепр. – деепричастие
6. Знач. – значение (слова)
7. Избр. – избранные произведения
8. Инд.-авт. – индивидуально-авторский
9. Комп. – компаратив
10. Лит.пер. – литературный перевод
11. Нареч. - наречие
12. Перен. – переносное значение слова
13. Прил. – прилагательное
14. Прич. – причастие
15. Прям. – прямое значение слова
16. Рус. – русский язык
17. Смысл. – смысловой
18. Собр. соч. – собрание сочинений
19. Сравн. – сравнение
20. Субст. – субстатив
21. Уст. – устаревшее слово
22. Фольк. – фольклорный
23. ЯКМ – языковая картина мира